ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

СБОРНИКЪ

СЛУЧАЙНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

по

Генеалогіи и геральдикѣ, топографіи, исторіи, археологіи, словесности и искусству.

П. Н. Петрова.

за 1873 и 1874 годы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина. У Обух. м., д. № 93.
1875.

ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

СБОРНИКЪ
СЛУЧАЙНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

по

Генеалогiи и геральдикѣ, топографiи, исторiи, археологiи, словесности и искусству.

П. Н. Петрова.

за 1873 и 1874 годы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя А. М. Котомина. У Обух. м., д. № 93.
1875.

Извлечено изъ журнала «Всемірная Иллюстрація».

Типографія А. М. Котомина, у Обуховскаго моста д. № 93.

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ

въ

СБОРНИКѢ

«ДЛЯ НЕМНОГИХЪ».

за 1873 и 1874 годы.

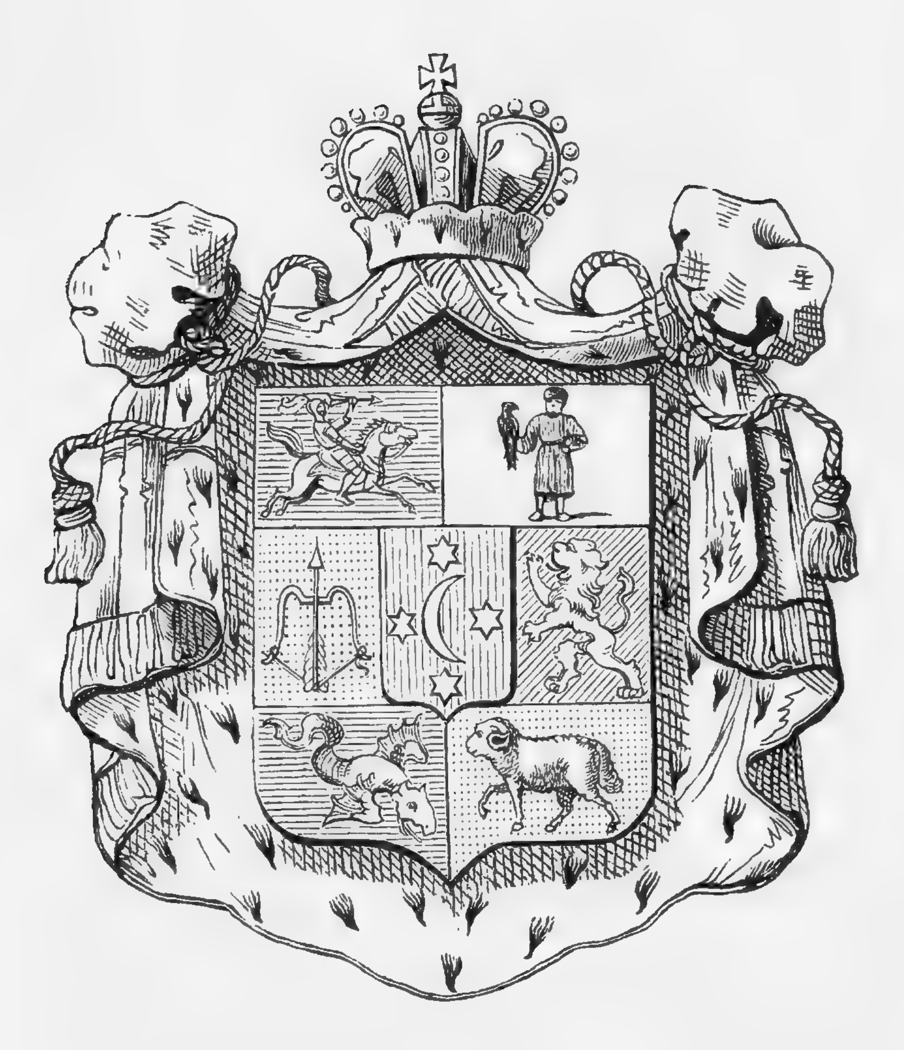
Генеалогія и геральдика.

Словесность.

Искусства.

Топографія, археологія и исторія.

ГЕНЕАЛОГІЯ и ГЕРАЛЬДИКА.

Урусовы.

КНЯЖЕСКІЙ РОДЪ.

Родъ свой ведутъ Урусовы отъ Нурадина мурзы, праправнука старшаго сына военачальника Тамерланова Едигея Мангита—основателя Ногайской орды. У сына его Нурадина старшій сынъ былъ Оказъ-мурза, отецъ трехъ сыновей: Мусы, Ямгурчея и Арслана мурзъ. У Муса-мурзы по родословію показываютъ восемь сыновей, изъ кото-

*

рыхъ отъ третьяго вели родъ князья Кутумовы (теперь несуществующіе; пятый (Юсуфъ мурза) сдѣлался родоначальникомъ русскихъ князей *Юсуповыхъ*, седьмой—прародитель угасшаго рода князей *Шейдяковыхъ*, у младшаго же изъ сыновей этого лица, мурзы Измаила, былъ единственный сынъ мурза Урусъ, по разряднымъ книгамъ Урусланъ Магметъ Айдаровичъ, князь ногайскій, переселившійся въ Россію и получившій г. Касимовъ во владѣніе съ титуломъ царя. Отъ него пошли ногайскіе князья, на службѣ московскому государству—*Урусовы*.

У прародителя ихъ вѣтви—Уруса мурзы, показываются по родословнымъ шесть сыновей,—мурзы: Канъ, Акъ-Арсланъ, Сатый, Байтерекъ (отъ котораго шла угасшая вѣтвь князей Байтерековыхъ), Касимъ и Кобешъ. *Урусовыми* считались собственно дѣти трехъ первыхъ сыновей Уруса-мурзы, а именно: четверо дѣтей перваго, восьмеро второго и пятеро третьяго. Дѣти Кана мурзы: Курмышъ, Яндалъ, Бій и Арсланъ мурза. Курмышъ, въ 1626 году находился на царской службѣ въ Астрахани, съ 2,925 человѣками своей орды; остался магометаниномъ и потомство его намъ неизвѣстно. Слѣдующій по немъ братъ — Яндалъ мурза, принялъ православіе съ именемъ Бориса, женился въ Москвѣ на княжнѣ Татьянѣ Петровнѣ Ахамашуковой-Черкасской и умеръ 14-го февраля 1620 г., не оставивъ потомства; вдова его постриглась въ монахини съ именемъ Таисы и умерла уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (24-го марта 1646 г.). Третій братъ, Бій-мурза, въ христіанствѣ князь Петръ Канмурзичъ, былъ стольникомъ царя Михаила Ѳеодоровича и находился въ поѣздѣ на второй свадьбѣ его (1626 г.); о четвертомъ же братѣ ихъ Арсланѣ-мурзѣ мы ничего сказать не можемъ.

Изъ восьми сыновей второго сына Уруса мурзы, Акъ-Арслана приняли въ Москвѣ православіе три брата: Уракъ (Петръ Арслановичъ), убившій Тушинскаго вора, Зарбекъ (Александръ Арслановичъ) и—четвертый по порядку—Янсохъ-мурза (Иванъ Арслановичъ). О судьбѣ пяти остальныхъ братьевъ (Сафукъ, Сулемъ, Бирючъ, Ботырго, Адиль-Шахъ), въ перечисленіи собственно князей Урусовыхъ, мы не имѣемъ надобности распространяться,

обязываясь объяснить это подъ фамиліями, отъ нихъ происшедшими. Мы только должны еще включить въ рамки своего обозрѣнія старшаго изъ сыновей Саты-мурзы — мурзу Касима, во святомъ крещеніи князя Андрея Сатыча, писавшагося Урусовымъ и сдѣлавшагося единственнымъ продолжателемъ въ Россіи *) княжеской фамиліи. Этотъ князь Андрей Сатычъ Урусовъ при Михаилѣ былъ воеводою Нижегородскимъ 1636 — 1638 года, до того вписанъ въ московскіе дворяне (1627 г.) и умеръ въ Москвѣ 1647 г.

Онъ былъ отцомъ князя Семена Андреевича Урусова, героя литовской кампаніи 1655 года, когда онъ принудилъ въ Брестѣ сдаться Сапегу. Онъ умеръ въ 1657 г., оставивъ четырехъ сыновей, получившихъ боярство. Первый изъ нихъ, Петръ Семеновичъ (женатый на Степанидѣ Даниловнѣ Строгановой), не оставилъ потомства (умеръ 1686), также, какъ второй, бояринъ Юрій Семеновичъ, умерш. 1681 г. Четвертый—бояринъ (1681 г.), князь Ѳедоръ Семеновичъ, воевода Новгородскій (1684 г.), потомъ начальникъ пушкарскаго приказа (1692 г.), оставилъ одну дочь, княжну Марью Ѳедоровну (1733 г.), замужемъ за княземъ Борисомъ Ивановичемъ Куракинымъ — посломъ Петра I въ Голландіи.

Продолжателемъ рода Урусовыхъ былъ только третій братъ—князь Никита Семеновичъ, бояринъ (1679 г.), оставившій, отъ брака съ княжною Евфиміей Григорьевной Щербатовой, пять сыновей — стольниковъ: Ивана., Алексѣя, Ѳедора, Якова и Семена Никитичей. Первый и третій не оставили потомства; четвертый имѣлъ сына и внука, дальше котораго родъ не продолжался; тогда какъ потомство второго (Алексѣя Никитича) и пятаго (Семена Никитича) теперь существуетъ.

У стольника Петра I, князя Алексѣя Никитича Урусова, были три сына: генералъ-поручики, князь Григорій Алексѣевичъ (ум. 1743 г.) и Василій Алексѣевичъ (ум. 1742

*) Потому что отъ Петра Арслановича былъ одинъ только сынъ, князь Василій Петровичъ Урусовъ, комнатный стольникъ царя Ѳеодора Алексѣевича женатый на княжнѣ Степанидѣ Ивановнѣ Репниной и не оставившій потомства.

г., женатый на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Долгоруковой), да капитанъ флота,—обучавшійся вмѣстѣ съ старшими братьями въ Голландіи,—князь Иванъ Алексѣевичъ, отъ брака съ княжною Анною Андреевной Голицыной оставившій двухъ дочерей, вышедшихъ: одна за князя Щербатова, а другая за Зиновьева. Старшіе братья оставили обильное мужское потомство. У Григорья Алексѣевича было два сына и двѣ дочери (замужемъ за князьями Щербатовымъ и Гагаринымъ), у Василья же Алексѣевича было пять сыновей.

Старшій изъ нихъ, ст. сов. Сергѣй Васильевичъ, ум. 1787 г., оставилъ дочь и сына Никиту Сергѣевича, потомство старшаго изъ сыновей котораго—Дмитрія, доходитъ до нашихъ дней. У него осталось два сына, имѣющіе, въ свою очередь, дѣтей мужского пола. Второй сынъ Никиты Сергѣевича, сенаторъ, кн. Семенъ Никитичъ Урусовъ имѣлъ только дочь, вышедшую, за генерала С. Е. Батурина.

Третій братъ князя Сергѣя Васильевича, генералъ-маіоръ, кн. Александръ Васильевичъ, отъ брака съ Анной Андреевной (по первому мужу Муравьевой, урожд. Волковой), имѣлъ дочь княжну Софью Александровну (1779—1801), бывшую за гофмаршаломъ барономъ А. С. Строгоновымъ. Пятый братъ двухъ предыдущихъ — кн. Михаилъ Васильевичъ, женатый на Алябьевой, былъ отецъ князя Александра Михайловича Урусова, государственнаго контролера, оберъ камергера, члена государственнаго совѣта, II кл. (род. 1766 г. и ум. 1853 г.). Отъ брака съ Екатериной Павловной Татищевой (род. 1768 г.) было у него восемь сыновей и три дочери. Старшій изъ нихъ, князь Михаилъ Александровичъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ нижегородскимъ губернаторомъ, нынѣ сенаторъ, почотный опекунъ московскаго воспитательнаго дома, упр. москов. дѣтск. больниц.; женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ, урожд. Энгельгардтъ. Второй братъ его, кн. Александръ Александровичъ, ум. 1828 г., также какъ четвертый, кн. Николай Александровичъ (ум. 1843 г., женатый на Анастасіи Николаевнѣ, урожд. Бороздиной) и пятый—кн. Андрей Александровичъ (ум. 1839 г.). Третій братъ, князь Павелъ Александровичъ, генералъ-отъ-ин-

фантеріи (1869 г.), имѣетъ въ супружествѣ Александру Сергѣевну Уварову; шестой—кн. Петръ Александровичъ. камергеръ, женатъ на Екатеринѣ Николаевнѣ Сипягиной, Сестры ихъ были: княжна Марья Александровна (ум. 1853 г.) въ первомъ бракѣ за графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, во второмъ — за княземъ Александромъ Михайловичемъ Горчаковымъ, нынѣ канцлеромъ; княжна Софья Александровна за княземъ Леопол. Людвиг. Радзивилъ и княжна Наталья Александровна за графомъ Ипполитомъ Павловичемъ Кутайсовымъ.

Самый младшій изъ сыновей аннинскаго генералъ-поручика (князя Василья Александровича)—князь Петръ Васильевичъ Урусовъ (род. 12-го апрѣля 1755 года, ум. 20-го іюля 1803 г.) отъ брака съ Александрой Сергѣевной Салтыковой (1745—1799 г.) имѣлъ сына, генералъ-маіора кн. Александра Петровича и двухъ дочерей, изъ которыхъ первая, княжна Вѣра Петровна (1765—1833), была за княземъ Яков. Матв. Грузинскимъ, а вторая—Прасковья Петровна (1767—1841), супруга тайн. сов. Дмитрія Ивановича Киселева, была матерью недавно умершаго дипломата и администратора графа П. Д. Киселева.

Въ заключеніе обратимся къ оставленному нами роду младшаго сына боярина Никиты Семеновича—кн. Семена Никитича Урусова, женатаго на старшей дочери петровскаго фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева—графинѣ Софьѣ Борисовнѣ (1671—1694 г.). У нихъ было два сына: Василій и Михайло Семеновичи. Послѣдній остался безъ потомства. У князя же Василья Семеновича было три сына: Сергѣй Васильевичъ (1721—1755 г.), женатый на княжнѣ Иринѣ Даниловнѣ Друцкой-Соколинской; Николай и Юрій Васильевичи. У старшаго изъ братьевъ былъ сынъ, не оставившій потомства, и двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, княжна Варвара Сергѣевна была супругою перваго русскаго министра финансовъ графа Васильева. У младшаго же изъ ея дядей (князя Юрія Васильевича) было шесть сыновей, князья: Николай, Василій, Дмитрій, Иванъ, Александръ и Сергѣй Юрьевичи. Послѣдній (родивш. 1773 и ум. 1840 г.), былъ управляющій коммерч. банкомъ, тайн. сов., женатый на Ку-

овниковой. А старшій, генералъ-маіоръ Николай Юрьевичъ (ум. 1821 г.), отъ брака съ Ириной Никитишной урожд. Хитровой (ум. 1854 г.) оставилъ двухъ сыновей и дочь—княжну Настасью Николаевну, за генер. Сергіемъ Ив. Мальцовымъ. Старшій братъ ея, князь Сергій Николаевичъ Урусовъ (род. 1816 г.), членъ госуд. сов., статсъ-секретарь, сенаторъ, главноуправ. II отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи,—женатъ на княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Трубецкой.

Гербъ рода князей Урусовыхъ (VI часть герб. отдѣл. 1 № 1-й), представляетъ щитъ, раздѣленный двумя горизонтальными линіями и перпендикуляромъ на шесть частей; съ щиткомъ, еще, въ срединѣ. Въ щиткѣ этомъ, имѣющемъ красное поле, изображонъ серпъ луны золотой, окружонный такими же четырьмя звѣздами. Въ отдѣлахъ гербоваго щита изображены: въ первомъ — всадникъ на бѣломъ конѣ, въ лазуревомъ полѣ, со стрѣлою въ лѣвой рукѣ; во второмъ—въ серебряномъ полѣ татаринъ, держащій на правой рукѣ кречета; въ третьемъ—въ золотомъ полѣ лукъ съ летящею вверхъ стрѣлою; въ четвертомъ — въ зеленомъ полѣ золотой левъ, пронзенный въ челюсти двумя стрѣлами; въ пятомъ—въ лазуревомъ полѣ драконъ и въ шестомъ—въ золотомъ полѣ агнецъ.

Гербовой щитъ помѣщонъ на развернутой княжеской мантіи и увѣнчанъ княжескою короною.

Опалёвы, Аполловы.

РУССКІЙ ДВОРЯНСКІЙ ДОМЪ.

Время происхожденія этого рода дворянъ московскаго государства опредѣлить точно нѣтъ возможности, но въ XVI вѣкѣ Опалевы значатся уже въ числѣ служилаго дворянства, испомѣщоннаго въ бывшей новгородской области, въ Водской пятинѣ. По столбовскому договору, помѣстья Александра и Григорья *Чеботаря*—Опалевыхъ, отошли къ Швеціи, а они сами, не желая потерять земель и вотчинъ своихъ, приняли шведское подданство. Сыновей Опалева—старшаго изъ братьевъ, мы видимъ въ шведской службѣ, записанными въ дворянскомъ шведскомъ матрикулѣ. Дворянство и гербъ получили они отъ Карла

X. Густава. Дѣтей старшаго изъ Опалевыхъ мы находимъ по матрикулу (см. гербовникъ шведской Цедеркрона, изд. 1754 г. № 912) троихъ: Ивана, Петра и Василія, въ службѣ уже, въ 1680 году—когда (10 августа) послѣдовало по указу короля Карла XI включеніе ихъ въ дворянскую книгу шведскаго дворянства.

Иванъ Аполловъ (Опалевъ) былъ тогда подполковникомъ и съ 14 апрѣля 1689 г. по 1 мая 1703 г. состоялъ комендантомъ въ Ніэнѣ. При немъ царь Петръ, обложивъ невское укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ превосходными силами, на седьмой день осады, послѣ 9-ти часоваго бомбардированія, принудилъ гарнизонъ къ сдачѣ, дозволивъ удалиться ему, по очищеніи крѣпости (8 мая) въ Нарву, гдѣ комендантъ отданъ былъ подъ судъ, и въ слѣдующемъ году, по взятіи Нарвы, взятъ русскими въ плѣнъ и въ 1706 году умеръ въ отечествѣ своихъ предковъ, оставивъ въ живыхъ вдову, урожденную фонъ-деръ Паленъ.

Петръ Александровичъ Аполловъ (Опалевъ) въ 1680 году былъ въ чинѣ капитана, женатъ былъ на сестрѣ жены старшаго брата Барбарѣ фонъ-деръ-Паленъ, и умеръ ранѣе 1700 года, кажется не оставивъ потомства, какъ и старшій братъ.

Оно продолжалось отъ третьяго брата ихъ Василія Александрова Аполлова—Опалева, въ 1680 году ротмистра и въ 1701 г. 14 октября возведеннаго въ коменданты крѣпости Копорья, по сдачѣ которой попалъ въ плѣнъ и, кажется, принялъ не только подданство, но и службу русскую. Онъ былъ женатъ два раза: первая супруга его неизвѣстна, а вторая была урожденная Бифанке.

У младшаго брата Александра Опалева—Григорья *Чеботаря* былъ сынъ Василій, начавшій писаться не по фамиліи, а по прозванію отца *Чеботаревымъ* (Zebetriow). Его король Густавъ II Адольфъ возвелъ въ дворянство 13 сентября 1631 г. и отъ него пошли шведскіе дворяне Чеботаревы,—Цебетріовы. Между тѣмъ братъ его родной Лаврентій продолжалъ носить родовую фамилію Опалевыхъ, и, кажется, отъ него собственно продолжался рус-

скій родъ Опалевыхъ, о которомъ мы знаемъ очень немногое. Сынъ Лаврентія, Петръ, служившій до 1722 г., имѣлъ 5 сыновей: Якова, Панкратія, Ананія, Григорья и Константина, который не имѣлъ уже чина предковъ, владѣлъ деревнею въ Гдовскомъ уѣздѣ и домами въ г. Порховѣ. Первые три брата служили въ Ингерманландскихъ драгунахъ, а Григорій въ Астраханскомъ полку. Константинъ же Лаврентьевичъ гдѣ служилъ?—неизвѣстно (до увольненія въ отставку за болѣзнію указомъ Герольдіи 6 февраля 1752 года).

Потомства отъ Якова и Панкратія Петровичей—не было. Ананія Петровичъ Опалевъ имѣлъ сына Ивана, подполковника Смоленскаго гарнизона. У Григорья Петровича были сыновья: Василій—подпоручикъ и Филиппъ капитанъ, отличившійся въ турецкую войну при Екатеринѣ II. Былъ онъ не женатъ.

Константинъ же Петровичъ имѣлъ въ бракѣ сына Ѳедора и дочерей: Марфу за Прокофьемъ Каурчинымъ, Прасковью—за Яковлевымъ, и Ольгу, за Яковомъ Андреевичемъ Нартовымъ, вторымъ сыномъ токаря Петра Великаго, Андрея Константиновича Нартова, получившимъ отцовское помѣстье и слывшимъ за богатаго помѣщика въ Псковской губерніи. Тамъ же жилъ и Константинъ Петровичъ, отъ котораго псковское имѣніе перешло къ единственному сыну Ѳедору; а къ любимой старшей дочери Марфѣ,—полученное Василіемъ Григорьевичемъ въ царствованіе Петра I Усадище (Канолъ), въ гдовскомъ уѣздѣ (близъ озера Самро). Ѳедоръ Константиновичъ, казначей Псковской, женатый на Малышевой, умеръ не старымъ, почти одновременно съ женою, оставивъ двоихъ дѣтей: Ивана 5 лѣтъ и Ѳедора 3 лѣтъ,—на попеченіи сестры своей Ольги Константиновны Нартовой, которая, опредѣливъ племянниковъ въ морской корпусъ, такъ распорядилась имѣніемъ ихъ, что они, возмужавъ, нашли свое состояніе въ разстройствѣ. Старшій изъ этихъ сиротъ, вмѣстѣ воспитывавшихся и вмѣстѣ служившихъ потомъ въ 25 егерскомъ полку—умеръ въ походѣ на Кавказъ, на дорогѣ (1824 г.), а второй Ѳедоръ Ѳедоровичъ, съ чиномъ подпоручика выйдя въ отставку,

въ 1831 году женился на Өедосьѣ Васильевнѣ Дубовикъ и въ ея деревнѣ кончилъ мирно вѣкъ свой (1854 г.), оставивъ двухъ сыновей: Петра и Александра Өедоровичей, единственныхъ представителей рода Опалевыхъ, изъ котораго происходилъ послѣднiй комендантъ Нiэншанца— города на Невѣ, уступившаго свое мѣсто нашей сѣверной столицѣ.

Помѣщаемый нами гербъ рода Опалевыхъ въ русскомъ гербовникѣ не находится, а сохраняется въ фамилiи, отъ временъ шведскаго подданства.

Гербовый щитъ представляетъ въ червленномъ полѣ руку въ латахъ съ опущеннымъ мечомъ; мечъ повторенъ и въ нашлемникѣ, между двумя распущенными крыльями.

Скавронскiе.

РУССКIЙ ГРАФСКIЙ РОДЪ.

Курляндскiй крестьянинъ, латышскаго происхожденiя Карлъ Самуиловичъ Скавронскiй, старшiй братъ Императрицы Екатерины I, найденный, послѣ долгихъ поисковъ, привезенъ былъ въ Петербургъ со всѣмъ своимъ семействомъ, да братомъ роднымъ Ѳедоромъ. Ихъ представили Государынѣ, но при жизни Петра I содержали въ

тайнѣ; хотя и въ столицѣ. Вступивъ на престолъ, Екатерина I приблизила къ себѣ своихъ ближайшихъ родственниковъ и, указомъ 5 января 1727 г., возвела братьевъ своихъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Младшій, Ѳедоръ Самойловичъ, былъ безбраченъ, а старшій—Карлъ Самойловичъ, имѣлъ трехъ дочерей и двухъ сыновей. Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, старшій изъ нихъ (родился 1716 г. и умеръ 1776 г. 28 іюля) въ послѣдствіи генералъ-аншефъ, оберъ-гофмейстеръ двора, воспитанъ въ Петербургѣ, въ гимназіи, при академіи наукъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ Карловичемъ *); потомъ, при Аннѣ, служилъ въ арміи. По возвращеніи ко двору Елизаветою, сдѣлали его камергеромъ и женили на баронессѣ Марьѣ Николаевнѣ Строгоновой (ум. 1805 г.). Графъ Мартынъ Карловичь Скавронскій отъ брака съ нею имѣлъ одного только сына Павла Мартыновича (род. 1757 и ум. 1794 г.), воспитаннаго заграницею и бывшаго потомъ посланникомъ при неаполитанскомъ дворѣ. Женатъ онъ былъ на родной племянницѣ князя Потемкина, Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардъ (род. 1761 г. и ум. 1820 г.), но дѣтей неимѣлъ, такъ что со смертью его родъ Скавронскихъ прекратился.

Дочери графа Карла Самуйловича Скавронскаго, всѣ были замужемъ. Старшую изъ нихъ, графиню Софью Карловну, еще при жизни своей Екатерина I выдала за польскаго графа Сапѣгу, сына фельдмаршала. По всей вѣроятности—возведеніе въ графское достоинство Скавронскихъ, при чемъ въ дипломѣ названы они происходящими *отъ знатнѣйшей фамиліи*,—сдѣлано было въ видахъ уровнять невѣсту (въ глазахъ родни жениха, тщеславившейся своимъ знаменитымъ родомъ) настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы партія неказалась Сапѣгамъ непропорціональною ихъ значенію. Для того даны въ приданое за невѣстою и значительныя вотчины.

Вторая сестра графини Софьи Карловны, Екатерина

---

*) Родившимся 2 января 1718 г. и умершимъ отъ слѣдствій раны, полученной въ бою при Вильманстрандѣ—30 ноября 1742 г., безбрачнымъ.

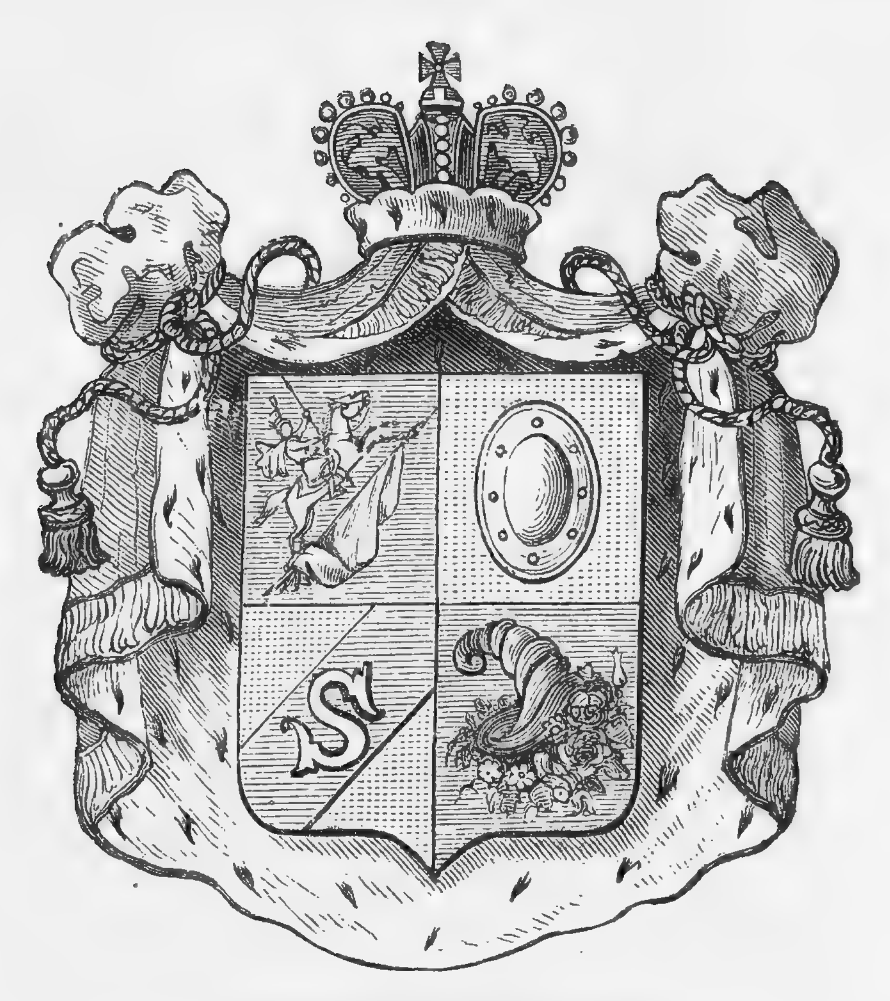
Карловна Скавронская, выдана за вдовца уже, генерала, барона Николая Андреевича Корфа (род. 1710 г., ум. 1766 г.), во время семилѣтней войны бывшаго русскимъ губернаторомъ части Пруссiи, занятой нашими войсками. Екатерина Карловна дѣтей ему не оставила.

А младшая дочь гр. Карла Самойловича—графиня Анна Карловна, (род. 7 дек. 1723 г. и ум. 31 дек. 1775 г.) выдана была Елизаветою за любимца ея, камергера Михаила Ларiоновича Воронцова, впослѣдствiи канцлера и графа, имѣвшаго отъ брака съ нею одну дочь графиню Анну Михайловну, выданную за графа Александра Сергѣевича Строгонова и тоже неоставившую потомства.

Гербъ прекратившагося рода графовъ Скавронскихъ, данный имъ императоромъ Петромъ II, 9 мая 1729 г. (гербовникъ ч. V, I отд. № 8), представляетъ щитъ раздѣленный двумя перпендикулярами на четыре части, въ пересеченiи которыхъ помѣщенъ особый щитокъ, изображающiй въ золотомъ полѣ стоящаго жаворонка, съ распростертыми крыльями. Въ главныхъ дѣленiяхъ гербоваго щита изображены эмблемы: въ первой и четвертой частяхъ въ червленномъ полѣ, по четыре серпа луны, одинъ подъ другимъ, рогами вверхъ. Во второй же и третьей частяхъ, въ серебряномъ полѣ, по три красныя розы, треугольникомъ (въ верху по двѣ, одинъ въ низу). Щитъ увѣнчанъ графской короною съ тремя шлемами.

Въ нашлемникахъ повторены главныя эмблемы: слѣва серпъ луны, рогами вверхъ, справа кресная роза; а въ срединѣ, подъ графскою короною—жаворонокъ. Щитодержцы—орлы.

Намѣтъ слѣва красный съ золотомъ: справа—серебряный съ краснымъ.

Князья Цицiановы (Цици-швили).

Фамилiя Цицiановыхъ, а по грузински Цици-швили, ведетъ начало свое отъ главнокомандующаго грузинскихъ войскъ, племянника супруги царя Вахтанга IV (1459—1462), княжны Сити-Хатунъ Панескетели (1761 г.). Звали его Цици, а родъ его—Цици-швили (сыновья Цици)—изъ котораго многiе занимали высокiе саны въ царствѣ грузинскомъ и прославились побѣдами надъ врагами отечества. По законамъ царя Вахтанга, старшiй въ родѣ изъ этой фамилiи былъ княземъ первой степени, прочiе же представители фамилiи имѣли вторую степень, изъ трехъ, на ко-

торые раздѣлялись вообще князья (Таваде). Изъ грузинскихъ актовъ видно, что царь Ростомъ и царица Марія дали въ 1635 году грамоту *перемирную* четверымъ Цици-швили: 1) Квая (оберъ гофмаршалу двора), да братьямъ его, 2) Кайхосро, 3) Ростому и 4) Іессею,—въ томъ что они мирятся послѣ раздора за имѣніе брата ихъ Зазы, слѣдовавшее его сыну Іессею же, умершему, и за смертію его подлежащее раздѣлу.

По родословной, бывшей въ рукахъ у насъ, князь Папуна (Павелъ) Цици-швили *Сердарь Саклисъ-уцухесъ* (главнокомандующій) царя шахъ Наваза, получилъ отъ него грамоту на владѣніе (имѣн.) Хатлисъ-Телети. Папуна былъ отцомъ князей: *Зазы* и *Заала* (Пааты), родоначальниковъ вѣтвей *верхнихъ* и *нижнихъ* Цици-швили. У Зазы былъ сынъ Надаръ отъ котораго произошли верхніе Цици-швили. Сынъ Надара сердарь, Александръ былъ владѣтель Тріалетскаго моуравства, по грамотѣ царя Теймураза (1750 г.), но родъ его и дальнѣйшее потомство оставаясь на родинѣ, намъ не извѣстны. Мы имѣемъ болѣе полныя свѣденія о нижнихъ Цици-швили, переселившихся въ Россію. Однако впрочемъ, по недостаточности свѣденій своихъ, рѣшить теперь не можемъ къ которой изъ двухъ вѣтвей, принадлежатъ, упоминаемые въ грузинской исторіи, два прославившіеся дѣятеля:

Сехни Цици-швили, что великодушно пожертвовалъ собою при нашествіи на Грузію Мирвейса, отдавшись ему въ заложники и потомъ лишившись жизни по приказу вѣроломнаго шаха. И Багратъ Цици-швили, что̀ по удаленіи Вахтанга VI въ Россію, былъ назначенъ турками однимъ изъ трехъ собирателей дани съ Карталиніи. Дочь Надара Цици-швили была супруга имеретинскаго царя Арчила (XVII вѣка). А князь Кириллъ Цици-швили былъ архіепископъ, потребованный шахомъ Надаромъ въ Кандагаръ, 1737 г.

Князь же Паата Цици-швили, принадлежащій къ нижней вѣтви въ свитѣ карталинскаго и кахетинскаго царя Вахтанга выѣхалъ въ Россію (1725 г.), здѣсь остался, принялъ русское подданство и русское прозваніе Ціціановъ—соотвѣтственное его грузинской фамиліи.

Внукъ Пааты—Димитрій Павловичъ (сынъ Папупы Пааатовича) Цицiановъ имѣлъ въ супружествѣ княжну Елизавету Михайловну Давыдову и былъ отцомъ пяти сыновей: Петра, Павла, Михайла, Ивана и Дмитрія,—составившихъ себѣ карьеру въ русской службѣ. Старшій изъ нихъ, Петръ Дмитріевичъ былъ ст. сов. второй,—князь Павелъ Дмитріевичъ (род. 1754 г.), полный генералъ, астраханскій военный губернаторъ, и составилъ себѣ славу героя подвигами на Кавказѣ, гдѣ передъ г. Баку онъ измѣннически убитъ (8 февр. 1806 г.). Братъ его, кн. Михаилъ (1765—1841) былъ сенаторъ; князь Иванъ Дмитріевичъ былъ статскій же совѣтникъ, а князь Дмитрій Дмитріевичъ, полковникъ гвардіи. У князя Ивана Дмитріевича были два сына Дмитрій и Павелъ (род. 1800 г.) да дочери: Екатерина, Елизавета и Марія. Князья Дмитрій и Павелъ Ивановичи Цицiановы нераздѣльно владѣли 448 душами крестьянъ, въ губерніяхъ Московской, Тульской, Тверской и Костромской.

Кромѣ Дмитрія, были у Папупы Пaатовича, еще сынъ кн. Георгій, оставившій дочь Варвару Егоровну, имѣвшую въ Москвѣ, 1793 году, каменный домъ; да—дочь Елизавету Павловну за княземъ Николаемъ Борисовичемъ Давыдовымъ.

Князья Егоръ и Павелъ Цицiановы, какъ и отецъ ихъ независимо служебныхъ занятій, извѣстны въ литературѣ временъ Елизаветы и Екатерины II, какъ авторы и переводчики съ французскаго языка.

Братъ родной Папуны Пaатовича кн *Заза* (Захарія), получившій грамоту отъ царя Бакара (20 фев. 1724 г.), отецъ пятерыхъ сыновей: Кайхосру, (жена котораго Анна Ханумъ, овдовѣвъ вышла за царя Теймураза), Амилагбара, Уз-баши Парсадана, Теймураза (Ивана получившаго грамоту 1 іюля 1745 г.), и Давида, извѣстнаго по царской грамотѣ Теймураза и Анны Ханумъ (1747 года). У Кайхосру былъ сынъ Заза, отецъ Давида и Ивана Захаровичей. Давидъ (род. 1785 г.), женатый на княжнѣ Софьѣ Бецiевнѣ Палавандовой, былъ только портупей-прапорщикъ. Есть ли отъ него потомство намъ неизвѣстно. Братъ же его Иванъ Захаровичъ (род. 1770 г.) женатый на Маре-

Соломоновнѣ Тарханъ-Моуровoвай, имѣлъ сыновей Зазу (Захарія) и Дмитрія. Князь Теймуразъ Захаровичъ Циціановъ, имѣлъ трехъ сыновей: Давида, женатаго на царевнѣ Марьѣ Ираклiевнѣ—Александра и Парсадана (род. 1797 г.).

У Давида Теймуразовича было четыре сына. Изъ нихъ, кн. Евстафій, тифлисскій моуравъ 1798 г., дѣйствительный статскій совѣтникъ русской службы былъ отцемъ князя Давида Евстафьевича еще жившаго 1849 г., которому данъ гербъ княжескаго рода Циціановыхъ въ Росс. Имперіи.

Кромѣ Евстафія, изъ сыновей Давида оставили потомство еще сыновья Николай и Иванъ. У перваго изъ нихъ, извѣстны сыновья: Александръ, Григорій, Ираклій и Георгій. У Ивана же Давидовича сыновья Леонъ и Михаилъ. (Дѣло арх. д-та герольд. о княжескихъ грузинскихъ родахъ 1848 г. № 23.

Потомство же Александра Теймуразовича намъ совсѣмъ неизвѣстно, да вообще и свѣденій о немъ самомъ мы неимѣемъ. О Парсаданѣ же Теймурозовичѣ намъ извѣстно, что въ 1830 году онъ неслужилъ, живя въ имѣніи Борчалинской дистанціи, Тифлисскаго и Горійскаго уѣзда. (Дѣло о княжеск. грузинск. родахъ въ арх. д-тѣ герольдіи, 1839 г. № 12).

Князь Георгій Отаровичъ Циціановъ (род. 1729 и ум. послѣ 1802 г.) былъ сердаремъ подъ правленіемъ зятя своего послѣдняго царя грузинскаго Георгія, и, по смерти царя съ малолѣтнимъ царевичемъ своимъ внукомъ (Михаиломъ) прибывъ въ Петербургъ, получилъ пенсію по 1,500 р. въ годъ, затѣмъ отправившись на родину. Дочь его, вторая супруга царя Георгія, царица Марія Георгіевна (род. 26 октября 1769 г., ум. 1850 г. 31 марта) была мать шести сыновей и двухъ дочерей. Отецъ же Георгія XIII, царь Ираклій, грамотою 3 января 1795 г. далъ права наслѣдственнаго моуравства сыновьямъ Пааты Цици-швили Гогію и Койхосро, прямымъ потокамъ Баграта Цици-швили на основаніи грамоты царя Вахтанга. Въ 1846 году, въ числѣ приводившихъ къ присягѣ грузинъ, подписались князья Циціановы: Кайхосро, Георгій, Михаилъ, Евстафій Іосифовичъ, Эдія, Николай, Иванъ, Ди-

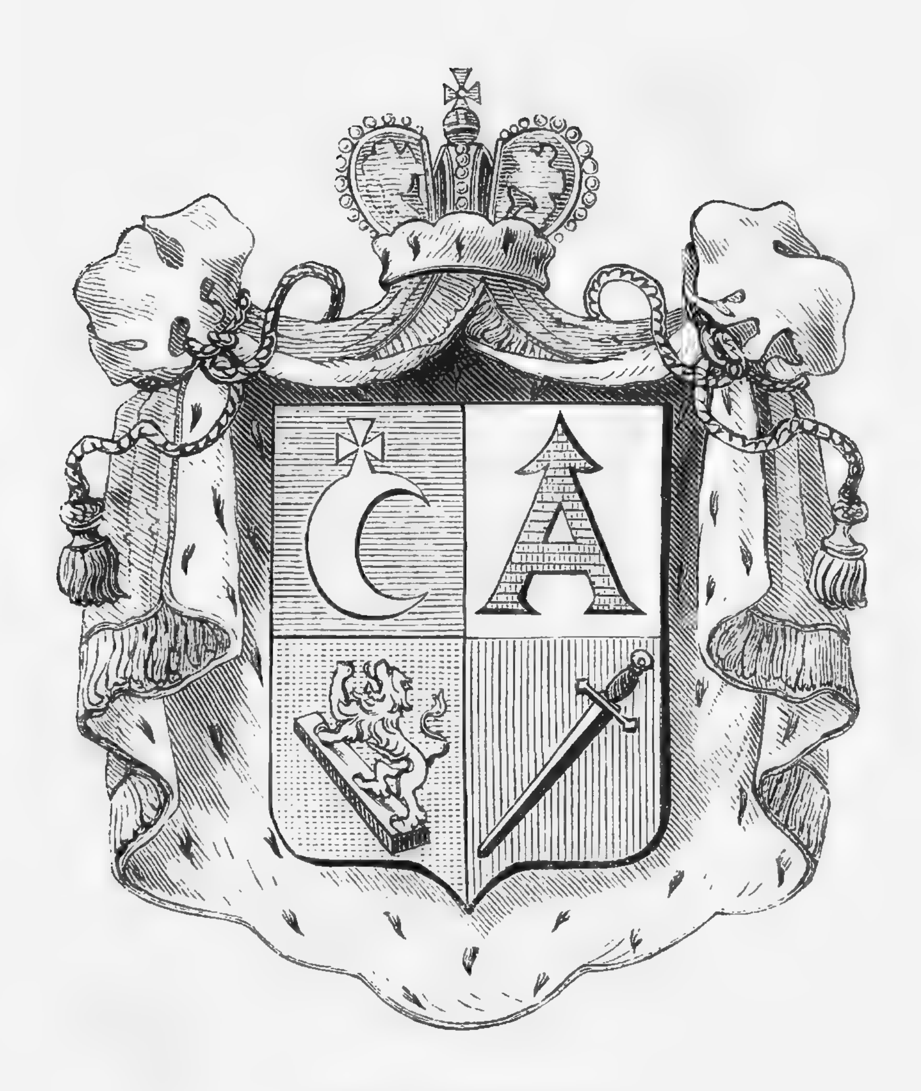
митрій, Иванъ сынъ протоіерея и протоіерей Іосифъ Циціановъ. Отчество ихъ не обозначено.

Впрочемъ князья Циціановы въ ближайшія десятилѣтія не занимали на службѣ правительства мѣстъ настолько значительныхъ, чтобы имѣть возможность излагать ихъ особые подвиги, не выходя изъ рамки предположенной нами задачи. Такъ напримѣръ, кн. Паата Георгіевичъ въ 50-хъ годахъ былъ депутатомъ дворянъ Горійскаго уѣзда, а Іосифъ Ив. служилъ въ канц. попечителя закавк. учебн. округа.

Потому, за неполноту нашихъ указаній о разсматриваемой фамиліи, просимъ извиненія, сознаваясь, что подъ руками родословныхъ князей Циціановыхъ мы не имѣли кромѣ одной вѣтви и получить точныхъ извѣстій о другихъ, здѣсь, не могли.

Гербъ князей Циціановыхъ (V часть Гербовника, отд. I, № 7) представляетъ щитъ, разсѣченный на 4 части, изъ коихъ, въ первой, въ лазуревомъ полѣ, діагонально — отъ праваго верхняго къ лѣвому нижнему углу,—изображено свернутое красное знамя и подъ нимъ, скачущій вправо, на бѣломъ конѣ, воинъ въ латахъ съ поднятымъ копьемъ. Во второй части гербоваго щита, въ золотомъ полѣ щитъ. Въ третьей части, въ золотомъ же полѣ, помѣщена діагонально,—въ томъ же направленіи, какъ знамя,—лазуревая полоса, посрединѣ которой латинская литера S. Въ четвертой же части, въ лазуревомъ полѣ, изображенъ золотой *рогъ изобилія*, опущенный внизъ отверстіемъ, изъ котораго сыплятся цвѣты.

Гербовый щитъ помѣщенъ на развернутой княжеской мантіи и увѣнчанъ княжескою короною Россійской имперіи.

Князья Бабичевы.

Этотъ древнiй родъ потомковъ Рюрика, изъ вѣтви смоленской, составляетъ одно изъ колѣнъ Друцкихъ князей, изъ которыхъ (въ XVIII колѣнѣ отъ Рюрика и въ XII отъ Мономаха) князь Иванъ Семеновичъ, прозванiемъ *Баба*, былъ родоначальникомъ Бабичевыхъ.

Родоначальникъ ихъ оказывается храбрымъ воеводою, присланнымъ отъ Витовта Литовскаго со вспомогательною дружиною къ зятю его В. К. Московскому Василью Дмитріевичу и въ Москвѣ оставшимся. Онъ служилъ и сыну Василья Дмитріевича, Василью Васильевичу Темному, разбивъ ворога его Шемяку. При Темномъ младшій изъ сыновей Бабы, Семенъ Ивановичъ, убитъ (1455 г.) на Окѣ, подъ Перевидскомъ, не оставивъ потомства, которое продолжалось отъ трехъ старшихъ его братьевъ: Θедора Ивановича Соколинскаго, да отъ Константина и Василья Ивановичей Бабичей. У старшаго изъ братьевъ было четыре сына: Семенъ Θедоровичъ *Соколинской*, Θедоръ Θедоровичъ, Василій Θедоровичъ *Щербатой*, да Иванъ *Озерецкой*, отъѣхавшій въ Польшу и сдѣлавшійся тамъ родоначальникомъ князей Друцкихъ-Озерецкихъ. Сестра же ихъ, княжна Аграфена Θедоровна Бабичева, была за в. кн. рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ. У втораго изъ сыновей Бабы—Константина Ивановича, была одна дочь княжна Анна Константиновна, выданная за князя Дмитрія Θедоровича Воротынскаго, воеводу Ивана III. Изъ пяти сыновей третьяго сына Бабы — Василія, замѣчательны, какъ воеводы, два старшихъ: князь Семенъ Васильевичъ, убитый (вмѣстѣ съ дядею к. Семеномъ Ив. 1455 г.) подъ Перевидскомъ, и князь Юрій Васильевичъ, при Иванѣ III бывшій намѣстникомъ во Псковѣ 1496 г. Четвертый братъ ихъ кн. Дмитрій Ивановичъ съ отличіемъ служилъ въ новгородскихъ походахъ 1492 и 1495 г.

Изъ шести внуковъ старшаго сына Бабы—пятый, кн. Василій Семеновичъ, получивъ отъ Ивана III помѣстья въ новгородскихъ пятинахъ, былъ родоначальникомъ новгородской вѣтви, скоро прекратившейся и обогатившей своими вотчинами родъ Юрія Васильевича, и теперь существующій. Братъ Василія, кн. Андрей Семеновичъ, при Грозномъ былъ воеводою въ Полоцкѣ, а до того описывалъ Звѣнигородъ съ уѣздомъ (1555 г.) Въ послѣдній разъ имя его упоминается въ подписяхъ подъ грамотою объ отказѣ польскимъ посламъ въ перемиріи (1566 г.).

У Юрія Васильевича было два сына, изъ которыхъ кн. Дмитрій (прозв. *Колышка*) имѣлъ тоже двухъ сыно-

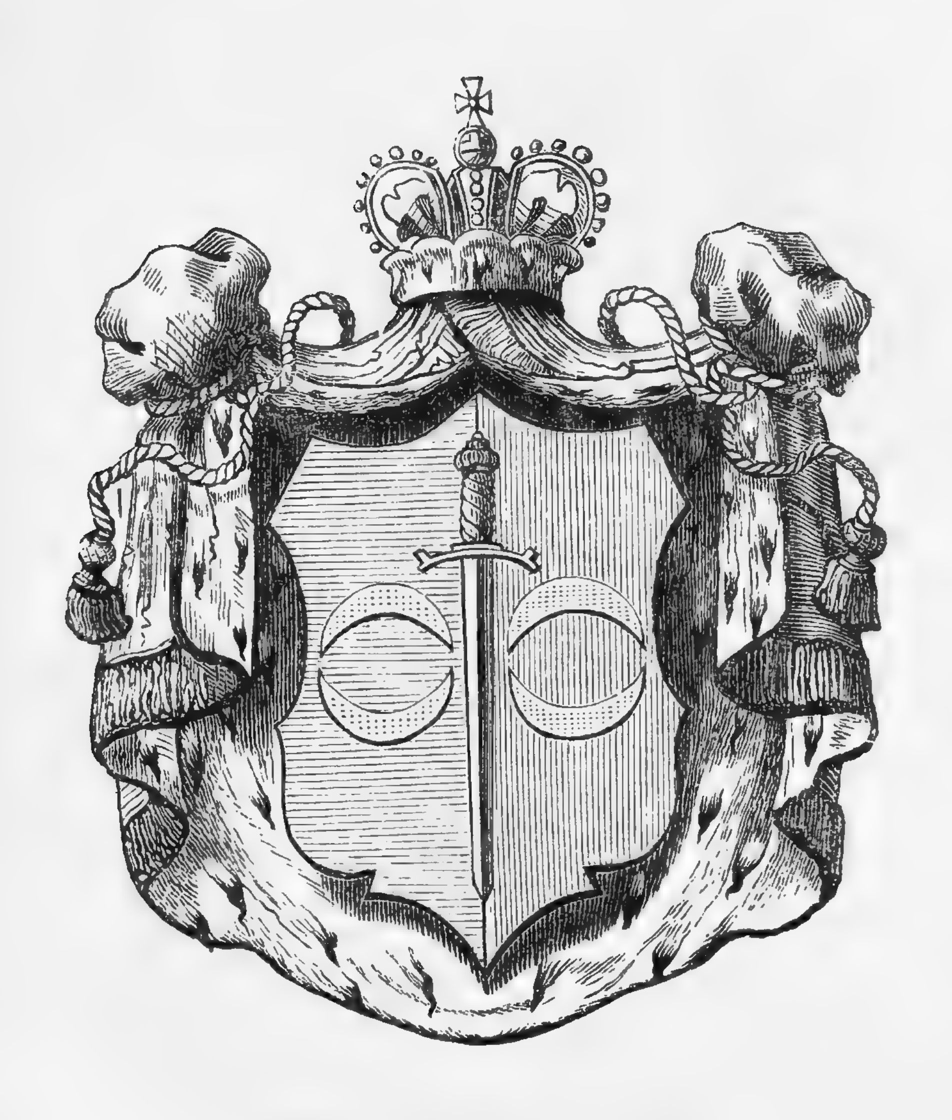
вей: Бориса Васильевича, значащагося по списку московскихъ дворянъ (1636—1668) и Ивана Дмитріевича. У послѣдняго былъ одинъ сынъ кн. Левъ Ивановичъ, оставившій четырехъ сыновей, дворянъ по московскому списку царствованія Алексѣя Михайловича. Изъ нихъ Григорій Львовичъ (второй сынъ) былъ царскимъ стольникомъ при Петрѣ I, а сыновья его, Михаилъ и Яковъ Григорьевичи—стряпчими (1692 г.). Колѣно ихъ пресѣклось со смертію сына перваго изъ нихъ—Степана Михайловича. И у старшаго сына Льва Ивановича — Андрея Львовича, дворянина московскаго, — былъ всего одинъ сынъ Василій, оставившій двухъ сыновей (Василья и Ивана), изъ которыхъ у второго были два же сына: Иванъ и Григорій (1802 г.) Ивановичи. У старшаго изъ нихъ было опять два сына Петръ и Иванъ Ивановичи; а у второго 4: Дмитрій, Иванъ, Петръ и Александръ Григорьевичи.

Князь Петръ Ивановичъ былъ секундъ-маіоръ, а братъ его Николай Ивановичъ (род. 1760 и ум. 1823 г.) маіоръ, женатый на Аннѣ Андреевнѣ Кикиной, сестрѣ извѣстнаго статсъ-секретаря Александра I и Николая I. Сестры ихъ, княжны Екатерина и Марія Ивановны Бабичевы въ 1823 году были еще дѣвицами.

Князь Дмитрій Григорьевичъ Бабичевъ, прокуроръ въ Симбирскѣ, кол. асс., былъ авторъ комедіи (въ 5 дѣйств.) «Училище дружества» Спб. 1776 г. съ 1789 года вступилъ въ члены Вольн. Экономич. Общ. и помѣщалъ статьи въ его изд. Отъ брата этого лица, потомство въ лицѣ трехъ сыновей существовало въ настоящемъ вѣкѣ. Младшій изъ этихъ трехъ братьевъ (Иванъ Ивановичъ 2-й) умеръ въ чинѣ подполковника 20 апр. 1815 г.

Гербъ рода князей Бабичевыхъ помѣщенъ въ 5 части Гербовника (№ 5). Онъ представляетъ щитъ, раздѣленный на четыре части, изъ которыхъ, въ первой, въ лазуревомъ полѣ золотой крестъ и подъ нимъ серебряный полумѣсяцъ, рогами обращенный влѣво. Во второй части гербоваго щита въ серебряномъ полѣ латинская буква А, имѣющая сверху острый конецъ стрѣлы. Въ третьей части, въ золотомъ полѣ, на щитѣ, положенномъ діагонально, про-

тянувшійся черный левъ. Въ четвертой же части, въ червленномъ полѣ положена діагонально, остріемъ къ нижнему правому углу, серебряная шпага. Щитъ покрываютъ княжескія мантія и корона.

Князья Друцкіе-Соколинскіе.

Говоря о князьяхъ Бабичевыхъ, мы указали уже на единство происхожденія ихъ съ князьями Друцкими, отъ князя Александра Всеволодовича Бельзскаго и Владимірскаго на Волыни († 1254 г.), сына князя Всеволода Гавріила Мстиславича Галицкаго († 1195 г.), праправнука Владиміра Мономаха. Вѣтвь князей Друцкихъ, получив-

шая прозваніе Соколинскихъ, по удѣлу своему Сокольнѣ (*съ Сокольны-Соколинскіе*), происходитъ отъ старшаго колѣномъ двоюроднаго брата князя Ивана Семеновича Бабы—родоначальника Бабичевыхъ—Дмитрія Васильевича Друцкаго (въ 10-мъ колѣнѣ отъ Мономаха).

Гербъ князей Друцкихъ всѣхъ вѣтвей, въ томъ числѣ и Соколинскихъ, представляетъ щитъ, разсѣченный перпендикуляромъ на двѣ половины, лазуревую и красную. Въ срединѣ щита серебряный мечь, съ переломленнымъ эфесомъ, остріемъ внизъ. Съ каждой же стороны меча, по два золотыхъ полумѣсяца, обращенныхъ рогами, одинъ къ другому, горизонтально. Щитъ увѣнчанъ княжескою короною и помѣщенъ на развернутой княжеской мантіи.

Съ внука, названнаго нами родоначальника,—Дмитрія Юрьевича, начинается колѣнная родословная роспись Друцкихъ-Соколинскихъ, поданная княземъ Петромъ Никитичемъ Трубецкимъ, мачиха котораго (по первому браку Хераскова) была княжна Друцкая-Соколинская. Нельзя не видѣть, впрочемъ, въ этой родословной крайней сбивчивости и путаницы въ обозначеніи колѣнъ. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, что въ 1508 году князья Друцкіе: Василій, Богданъ и Андрей Дмитріевичи, съ племянникомъ Дмитріемъ, сыномъ брата ихъ Юрія, приняли русское подданство. Между тѣмъ, въ родословной, дяди показаны дѣтьми племянника; такъ какъ другого Дмитрія Юрьевича въ роду не было и одинъ изъ дядей этого лица извѣстенъ по службамъ своимъ воеводою по Костромѣ и Плесу (1537 г.)—князь Андрей Дмитріевичъ, оставившій потомство, въ лицѣ трехъ сыновей, служившихъ при Грозномъ, воеводами.

Сынъ старшаго изъ нихъ—кн. Дмитрій Даниловичъ, строилъ, въ бытность на воеводствѣ, новую крѣпость въ Невелѣ 1585 г., но, дальше, не видно продолженія потомства. Оно прекращается на четвертомъ колѣнѣ и отъ старшаго изъ переселившихся въ Россію князей Друцкихъ-Соколинскихъ—кн. Василія Дмитріевича, сынъ котораго, Александръ Васильевичъ, при Грозномъ былъ намѣстникомъ въ Гороховцѣ (1543 г.), оставивъ двухъ сыновей.

Сынъ младшаго изъ нихъ, князь Өедоръ Семеновичъ, уже служилъ головою въ Сторожевомъ полку въ 1577 г. и жилъ еще въ началѣ XVII вѣка.

Дальнѣйшія свѣденія наши, тоже, впрочемъ, не меньше сбивчивыя, касаются собственно польской вѣтви фамиліи князей Друцкихъ-Соколинскихъ, переселившейся въ Москву послѣ взятія Смоленска. Въ генеалогическомъ сочиненіи Corona polsca *), сказанія о родѣ Друцкихъ князей съ Сокольны,—игравшемъ въ Литвѣ видную роль,—тоже очень сбивчивы и безсвязны.

Довольно уже того, что здѣсь ихъ ведутъ отъ сына Владиміра святаго, Судислава, будто бы владѣвшаго между прочимъ Друцкомъ и имѣвшаго сына Василія, величавшагося прямо Друцкимъ же княземъ. Тогда какъ мы не только неслыхивали о потомствѣ отъ Судислава, но въ лѣтописи въ первый разъ и самый Друцкъ встрѣчаемъ въ княженіе Владиміра Мономаха. Далѣе *корунопольска*, сообщивъ, что «*Соколинскій* князь герба Друцкихъ въ княжествѣ Литовскомъ»,—прямо указываетъ на князя *Григорья*, который «подъ Уллою (1568 г.) много храбрости показалъ». А сынъ его, Юрій, староста Усвятскій и Езерецкій, подкоморій Витебскій, полковникъ, «бился съ (воеводою Грознаго) княземъ Серебрянымъ (1567 г.), выставивъ на свой счетъ 200 человѣкъ вооруженныхъ». Его патріотизмъ выхваляетъ Варшевицкій, въ книгѣ «Паралель» **).

Въ 1577 году защищалъ, князь Юрій, Динабургъ отъ русскихъ и ими взятъ въ плѣнъ.

По возвращеніи же былъ онъ посломъ къ Сигизмунду, шведскому королевичу, отъ польскихъ чиновъ, съ предложеніемъ короны. Дочь князя Юрія *Анна-Богдана* вторымъ бракомъ соединилась со старшиною Дрогичинскимъ, кн. Сапѣгою, принеся ему въ приданое свое Друцкое княжество; въ первомъ же бракѣ была она за княземъ Лукомскимъ. Какъ случилось, что дочь передавала право на княжество, когда существовалъ у князя Юрія сынъ

---

*) Нѣсецкаго, изд. 1740 (Т. IV стр. 155).
**) Стр. 145.

кн. Иванъ, – мы рѣшить не беремся, но знаемъ, что этотъ князь Иванъ Юрьевичъ имѣлъ еще потомство, въ лицѣ тоже сына, князя Михаила, каштеляна Витебскаго, воеводу Полоцкаго (благодаря обдѣленію отца, крѣпко обѣднявшаго).

Между тѣмъ князь Михаилъ былъ человѣкъ, всѣми любимый за безпристрастіе и блистательныя административныя способности. Онъ (1607 г.) строилъ между прочимъ крѣпость, на границахъ Литвы и Витебск. воевод. и оставилъ шесть сыновей: Христофа, Филона, Михаила, Александра, Стефана и Богдана, да дочь Христину, вышедшую замужъ за Януша Кишку, напольнаго гетмана Литвы, воеводу Полоцкаго. Она умерла 1640 г. и погребеніе ея было поводомъ изданія панегирика, подъ заглавіемъ «тѣни траурныя послѣ ясныхъ лучей». Изъ братьевъ Христины Кишки, Филонъ былъ староста Тробскій, а Христофоръ, послѣдовательно, каштелянъ Полоцкій и Мстиславскій, ранѣе же (1609 г.) староста Езерицкій, избранный въ депутаты въ комиссію для пересмотра Литовскаго статута. Въ 1616 году Христофоръ Друцкій-Соколинскій обнесъ валомъ замокъ Езерицы, въ 1621 г. опять былъ депутатомъ на сеймѣ и ѣздилъ посломъ въ Римъ и Вѣну. Затѣмъ производилъ онъ слѣдствіе объ убійствѣ Іосафата Кунцевича. Женатъ же былъ на дочери воеводы Война, родной сестрѣ жены воеводы Волынскаго Гаштольда.

О прочихъ сыновьяхъ князя Михаила Ивановича мы не знаемъ и *коруна польска*, въ замѣнъ свѣденій о нихъ, начинаетъ повѣствовать о князѣ Павлѣ Соколинскомъ, опять неуказывая, откуда онъ взялся.

Во всякомъ случаѣ, это лицо одного времени съ героемъ Уллы княземъ Григорьемъ, и его сыномъ, потому что уже оказывается гонцомъ въ Москву, въ 1555 году. Въ 1569 же году князь Павелъ былъ, въ званіи подкоморія Витебскаго, наряженъ сеймомъ въ комиссію о пересмотрѣ Литовскаго статута.. Далѣе упоминается какой то Вацлавъ (но сынъ ли Павла, не сказано), назначенный на Варшавскій сеймъ (1587 г.) земскимъ посломъ отъ воеводства Полоцкаго. Затѣмъ въ текстѣ *коруны* говорится еще объ основателѣ новой вѣтви Друцкихъ-Со-

колинскихъ, гораздо ранняго времени, именно о князѣ *Андреѣ*, о времени жизни котораго даетъ опредѣлительный отвѣтъ обстоятельство, что за нимъ была дочь *Коширскаго князя* Василиса; Коширскій же князь Андрей Михайловичъ былъ въ Кіевѣ воеводою въ 1541 году. (Акты для истор. западной Руси Т. II. стр. 379). Слѣдовательно и бракъ этотъ имѣлъ мѣсто около половины XVI вѣка. Да и расчетъ времени могъ дать срокъ къ тому близкій, потому уже, что сынъ Андрея Друцкаго Соколинскаго и Василисы Андреевны, величаемой княжною Коширской, еще дѣйствовалъ въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка (если вѣрить тому же тексту коруны). Князь Долгоруковъ въ родословіи Друцкихъ Соколинскихъ отважно называетъ Юріемъ мужа княжны Василисы Каширской, называя и ее *Юрьевною* заключая о русскомъ ея происхожденіи.

Но, мы непозволяемъ себѣ настолько смѣлыхъ выводовъ, зная, что наша Кашира княжествомъ не только въ XVI вѣкѣ, но и раньше не бывала, какъ и самостоятельнымъ владѣніемъ. Это намъ, впрочемъ, и ненужно, такъ какъ основываться на текстѣ *коруны польской*, на столько страдающемъ неполнотою и отрывочностью хронологіи, было бы крайне затруднительно, во всякомъ случаѣ; хотя бы и въ простомъ аналогическомъ сопоставленіи фактовъ.

Для насъ остается поэтому только фактъ генеалогическій, что у того князя *Андрея* Друцкаго-Соколинскаго, который женатъ былъ на Василисѣ, величаемой княжною Коширской, отъ ней было два сына: Богданъ и Симонъ. Богданъ имѣлъ тоже двухъ сыновей: Константина и Януша и изъ нихъ первый оставилъ дочь, вышедшую за Бальцера Раевскаго, земскаго судью Троцкаго. Симонъ же имѣлъ сына Ивана, напольнаго писаря Мстиславскаго и референдарія, старосту Мстиславскаго и Даніовскаго, оставившаго сына Михаила. Кн. Иванъ имѣлъ еще сестру Элеонору, бывшую за Одровонжемъ Хлѣвицкимъ, Николаемъ, каштеляномъ Милогоскимъ.

Кн. Иванъ Семеновичъ Друцкій-Соколинскій былъ старостою Оршанскимъ и коммиссаромъ (1611 г.) для переговоровъ съ русскими боярами; въ 1613 г. назначенъ управляющимъ Смоленскою провинціею; въ 1616 и 1625 г.г.

былъ маршаломъ сеймовъ, каштеляномъ Полоцкимъ. Далѣе въ *корунѣ польской* показанъ сынъ Ивана Семеновича—Михаилъ. А вѣтви отъ Андрея опять нѣтъ, и приведено извѣстіе еще объ одной вѣтви новой, той же фамиліи. Какой-то Н. Друцкій-Соколинскій, подвоевода Полоцкій, умершій ранѣе 1640 г., оставилъ (отъ брака съ Маріею Обринской) трехъ дочерей и 4-хъ сыновей. Дочери эти были: Елена, монахиня въ Полоцкѣ; Анна, супруга земскаго писаря Ивана Подберезскаго, потомъ подкоморія Оршанскаго и NN, бывшая за Оршанскимъ скарбникомъ Ламскимъ. Сыновья же приведенной четы, неизвѣстныхъ Друцкихъ-Соколинскихъ, были: 1) *Иванъ-Казиміръ*, каноникъ виленскій, умер. въ молодыхъ лѣтахъ, 2) *Николай*, монахъ ордена св. Василія, 3) *Юрій* и 4) *Ярославъ*, о которыхъ ничего не сказано, 5) Н. Новогрудскій, каштелянъ староста Тромбскій, женатый на Терезѣ Николаевнѣ Сапѣга, овдовѣвшей послѣ Тышкевича, сына воеводы Берестейскаго, 6) *Иванъ-Антонъ*, каштелянъ Мстиславскій, староста Тромбскій, умерш. безъ потомства и 7) *Іеронимъ*, Оршанскій писарь земскій, жившій еще 1646 г. и оставившій сына Михаила.

Михаилъ Іеронимовичъ Друцкій-Соколинскій, былъ писаремъ Оршанскимъ же и маршаломъ, въ 1667 и 1674 г.г. Наряженный отъ сейма для выдачи войску жалованья, онъ, 1683 былъ коммиссаромъ при заключеніи вѣчнаго мира съ Россіею и, состоя депутатомъ при королѣ, умеръ 1690 г. Онъ былъ женатъ три раза: 1-я жена его была Голынская, 2-я вдова Воловича, гетмана Литовскаго, воеводы Витебскаго и 3-я Елена Альбертовна Цѣхановская, дочь обознаго Литовскаго. О Михаилѣ Іеронимовичѣ Друцкомъ-Соколинскомъ сохранились извѣстія, что онъ былъ краснорѣчивъ и имѣлъ удивительную память. Сынъ его Карлъ, во многомъ напоминавшій отца, былъ староста Выметицкій, женатый въ первомъ бракѣ на жмудянкѣ, а во-второмъ на Варварѣ Ракуса,—по гербовнику Папроцкаго. Всѣхъ этихъ лицъ русскія родословія не показываютъ, начиная родъ съ какого-то князя Ярослава, отца князей: Юрія, женатаго на Аннѣ, да Казиміра-Самуила, съ женою Христиною. У князя Юрія три сына: Дми-

трій, Василій и Яковъ, оставившіе каждый по сыну. У Дмитрія былъ Иванъ, отецъ бездѣтнаго Михаила; у Василія—Самуилъ, а у Якова—Андрей. Потомство же Казиміра-Самуила и Христины продолжалъ сынъ ихъ Флоріанъ, отецъ четырехъ сыновей: Казиміра, Іосифа, Ципріяна и Леона. У перваго изъ нихъ показаны только дочери Текла и Анна, а прочіе безъ потомства.

Князь Самуилъ, сынъ Василія, по всей вѣроятности, то самое лицо, которое оказалось родоначальникомъ русской вѣтви Друцкихъ-Соколинскихъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ. О немъ упоминается въ чудесахъ Ченстоховской иконы (1627 г.). Онъ, въ качествѣ Смоленскаго подвоеводы и подкоморія, назначенъ (1638 г.) коммисаромъ для размежеванія воеводства смоленскаго съ черниговскимъ. Сынъ его ротмистръ, Самуилъ же въ католицизмѣ, переселясь въ Москву, принялъ православіе съ именемъ *Петра*. Отъ брака его съ Екатериною, изъ чьего рода невидно, имѣлъ онъ сыновей Михаила (въ родословіи одной вѣтви называютъ его Андреемъ -- если это не особое лицо) и Ивана Петровичей, служившихъ стольниками при царѣ Алексѣѣ; кажется, по смерти бездѣтнаго брата, Михаилъ получилъ помѣстье по грамотѣ 1668 г. Эти лица уже записаны въ боярскихъ книгахъ, гдѣ у Ивана показаны сыновья Давидъ и Константинъ. Въ родословіи же той вѣтви, которая вела тяжбу за имѣніе въ XVIII вѣкѣ, и донынѣ имѣетъ представителей, Андрей, показанный вмѣсто Михаила сыномъ Самойловымъ, имѣлъ сына Василія, умершаго бездѣтнымъ, да дочерей: Марфу за Сервирогомъ, Ирину за Зозуличемъ и Ефросинью за Ильею Потемкинымъ. Такія указанія опять не миѳы и отрицать ихъ нельзя, не смотря на разность фактовъ. Точно также нельзя ошибкою считать и Михаила Петровича Друцкаго-Соколинскаго, полковника русской службы, имѣвшаго полковниками же и сыновей Михаила и Дмитрія Михайловичей. У перваго былъ, одноименный отцу, сынъ ротмистръ, отецъ четырехъ сыновей: Якова, Антона, Михаила и Александра; второй изъ нихъ живъ еще былъ, въ 1799 году, при подачѣ родословія княземъ Петромъ Яковлевичемъ Друцкимъ-Соколинскимъ.

Наконецъ, встрѣчается еще варіантъ родословія Друцкихъ-Соколовскихъ, по документамъ, представленнымъ княземъ Николаемъ Ильичемъ Ромейко-Гурко въ дѣлѣ о гербѣ (Архив. Д-та герольдіи гербов. д. № 604), помѣщенномъ на стр. 4, V части Гербовника.

По родословному древу, здѣсь приведенному, родоначальникомъ показанъ Юрій, въ православіи Афанасій, получившій въ Москвѣ въ 1635 г. дворянство и помѣстья. У него показаны сыновья только Дмитрій, да Яковъ, женатый на Софьѣ и убитый на службѣ въ низовыхъ городахъ. У этого Якова Афанасьевича, показаны сыновья: Самуилъ (вмѣсто сына Васильева) и Андрей воевода, отъ двухъ женъ (Ефросиньи Гавриловны Висилицкой и Прасковьи Ивановны Лесли), оставившій пять сыновей: Степана, продолжателя рода своего, Илью, принявшаго родовую фамилію жены Ромейко-Гурко, да (не оставившихъ потомства) Ивана (ст. сов-ка), Василія (полковника) и Григорія.

Кн. Степанъ Андреевичъ Друцкій-Соколинскій, полковникъ, отъ брака съ Марьей Богдановной Вансаровой имѣлъ сыновей: Константина, секундъ-маіора (женатаго на Настасьѣ Колечинской); Александра, гвардіи капитанъ-поручика (женатаго на Вѣрѣ Полибиной); Юрія, умершаго безъ потомства и Богдана (женатаго на Александрѣ Лыкошиной).

У Константина Степановича (род. 1741 г.) сыновья были Андрей (род. 1769 г.) и Никита (род. 1778 г.), да двѣ дочери. У Александра были дѣти: *Петръ* (род. 1785 г.) *просившій герба и родословія*, Григорій, Иванъ, Марья, Елизавета, Екатерина, Александра и Наталья. У Богдана Степановича показаны (1799 г.) сынъ князь Григорій (род. 1792 г.) и дочь княжна Марья (род. 1794 г.) Всѣ ли указанныя нами вѣтви теперь продолжаются, мы не могли собрать свѣденій.

Вѣтвь Друцкихъ-Соколинскихъ-Ромейко-Гурко, въ эпоху исходатайствованія герба, представляла только два поколѣнія: отца — князя Илью Андреевича, служившаго ротмистромъ и женатаго на Аннѣ Ромейко, да, отъ ней, двухъ сыновей: Петра и Николая Ильичей.

Философовы.

РУССКІЙ ДВОРЯНСКІЙ ДОМЪ.

Родоначальникомъ Философовыхъ (по степенной книгѣ) называется какой-то, не то грекъ, не то славянинъ, Маркъ Христофоровъ Философъ «мужъ честенъ», переселившійся въ Россію «изъ Македоніи», при какомъ-то великомъ князѣ Владимірѣ. Не придавая особеннаго значенія указанію этому и не считая себя въ правѣ безусловно вѣрить легендарному сказанію, вошедшему даже въ качествѣ несомнительнаго факта въ Гербовникъ (Ч. V, № 15), тѣмъ не менѣе мы должны считать Философовыхъ однимъ изъ древнѣйшихъ родовъ русскихъ дворянъ. Если вѣрить родословію ихъ (а не вѣрить ему или отрицать его мы не имѣемъ поводовъ, допуская показанія

другихъ фамилій), то въ началѣ XVIII вѣка жили потомки родоначальника въ *22-мъ колѣнѣ*. А это обстоятельство заставляетъ невольно относить происхожденіе рода Философовыхъ къ вѣку XII, по-крайней мѣрѣ, если не раньше. Представители рода ихъ при Иванѣ Грозномъ уже составляли 21-е колѣно отъ Марка и, позволимъ себѣ прибавить: колѣна у нихъ не перепутаны и безымянныхъ не оказывается.

Разрядныя справки указываютъ Философовыхъ испомѣщенными въ Смоленскѣ, въ 1598 году. Въ XVI вѣкѣ, 3 внука Андрея Устиновича Философова, (19-го колѣна), пали за отечество героями: Афанасій Лукьяновичъ, на бою при Молодяхъ сложилъ голову подъ саблею крымца; братъ его Ѳедоръ Лукьяновичъ—подъ Кесью, и (внучатный братъ же ихъ) Ѳедоръ Никитичъ отъ крымцевъ, въ бою съ ними кн. Воротынскаго.

У Афанасія Лукьяновича былъ сынъ *Ѳеодосій* Афанасьевичъ, въ 1597 г. еще значащійся въ *новикахъ* (т. е. только что зачисленный въ службу). Въ 1613 году жена его Марья съ двумя дочерьми находилась въ польскомъ плѣну и, кажется, возвращена, по требованію земской думы, управлявшей государствомъ. Ѳедосѣя же Афанасьевича въ 1629 г. мы находимъ зачисленнымъ въ дворяне, по московскому списку.

У Ѳедора Никитича изъ пяти сыновей трое опять пали героями: *Замятня-Максимъ* (3-й сынъ) убитъ подъ Москвою (1611 г.), Иванъ (4-й сынъ) † подъ Нарвою и (5-й) *Андрей*—† подъ Смоленскомъ; а сынъ послѣдняго, *Макаръ*, палъ подъ Калязинымъ монастыремъ.

Три сына старшаго брата предъидущихъ—Ивана Ѳедоровича,—смоленскаго помѣщика, обладателя 450 окладныхъ четьи, —были воеводами при царѣ Михаилѣ. Алексѣй Ивановичъ, дворянинъ московскій (1629 г.), стрѣлецкій голова, выборный на земскомъ соборѣ (1642 г.) писецъ г. Владиміра; братъ Иванъ Ивановичъ, † на воеводствѣ въ Ливнахъ (1647 г.), а Ѳедоръ Ивановичъ, кинешемскій помѣщикъ, защитникъ Москвы при нашествіи Владислава, потомъ осадный воевода въ Тулѣ (1631 г.), и потомъ на Лукахъ-Великихъ. Сынъ его, Матвѣй Ѳедо-

ровичъ, стольникъ и воевода Рязанскій, при царяхъ Петрѣ и Иванѣ, межевалъ (1691 г.) окологородный станъ рязанскаго уѣзда. Самымъ виднымъ лицомъ изъ фамиліи Философовыхъ въ XVII вѣкѣ, былъ, впрочемъ, внукъ Алексѣя Ивановича, *Василій Ивановичъ*, начавшій службу еще при Михаилѣ, царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ возведенный (іюля 1676 г.) въ стольники, а въ слѣдующемъ году (1 іюля 1677 г.) въ *московскіе ловчіе* — начальники царской охоты. Стольникомъ въ это царствованіе былъ еще Никифоръ Алексѣевичъ, внукъ Максима-Замятни; при единодержавіи же Петра I Аггей Ануфріевичъ, двоюродный внукъ предъидущаго. Съ XVII вѣкомъ о Философовыхъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Смоленской, Костромской, Вологодской и Владимірской — свѣденія испомѣщенныхъ прекращаются.

Между тѣмъ въ XVIII вѣкѣ изъ этой фамиліи мы имѣемъ трехъ заслуженныхъ генераловъ: генералъ-лейтенанта Михаила Матвѣевича, александровскаго кавалера (1747 г.) † 1748 г., сына его, дожившаго до дней Александра I, Михаила Михаиловича, полнаго генерала, да генералъ-маіора Павла Андреевича (1769—1821 г.), героя шведской войны при Екатеринѣ II, бившагося съ конфедератами, участвовавшаго во взятіи Вильны и въ Суворовскомъ походѣ въ Италію. При Александрѣ I, онъ отличился въ финляндскую войну и тяжело раненъ при Островно.

Михаилъ Михайловичъ (род. 1732 г. и ум. 27 сент. 1811 г.) при Елисаветѣ былъ уже полковникомъ, получивъ этотъ чинъ за отличіе въ бою при Франкфуртѣ на Одерѣ (1 авг. 1759 г.). При Петрѣ III онъ былъ уже бригадиръ и Екатериной II произведенный въ генералъ-маіоры (1762 г.), сдѣланъ начальникомъ шляхетнаго кадетскаго корпуса и затѣмъ посланъ уполномоченнымъ министромъ въ Данію (1764 — 1774). Со смертію своего друга Александра Ильича Бибикова, М. М. Философовъ удалился отъ дѣлъ и вновь принятъ на службу. Павломъ I произведенный въ полные генералы, онъ назначенъ смоленскимъ военнымъ губернаторомъ, а при Александрѣ I членомъ госуд. совѣта. Въ уединеніи занимаясь науками, М. М. Философовъ переводилъ съ французскаго. «Ин-

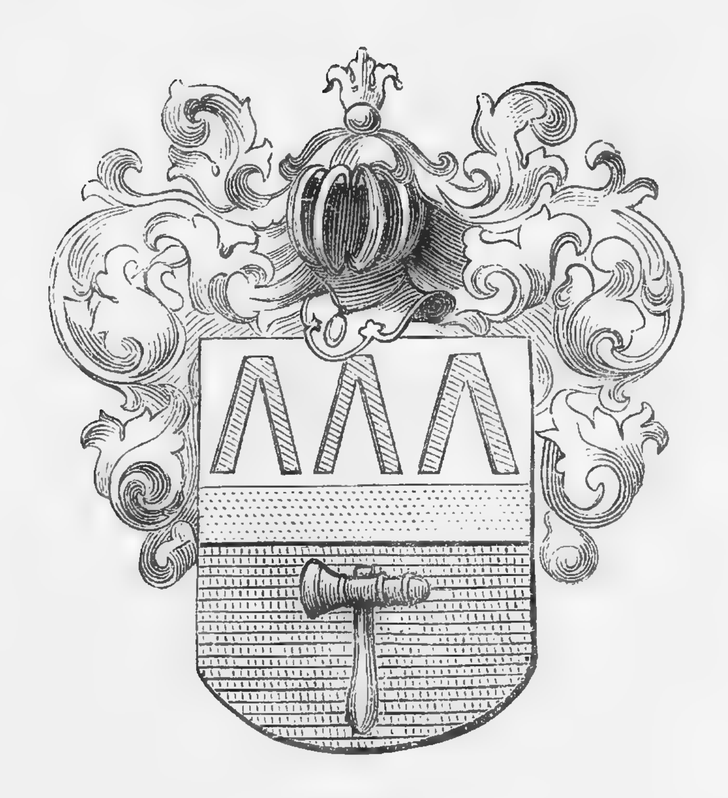
струкція или воинское наставленіе Фридриха короля прусскаго его генералитету»; въ его переводѣ издана при Петрѣ III. «Пустынникъ» Виконта д'Арленкура (изд. въ Орлѣ 1824 г.), да сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ (изд. въ Москвѣ, 1819 г.), его или другаго лица одноименнаго, намъ узнать не удалось.

Родной братъ Михаила Михайловича, Дмитрій Мих., имѣлъ сына Николая, колл. асс., псковскаго помѣщика, въ 1801 г. (9 янв.) просившаго о выдачѣ копіи съ родословія и герба. У него показанъ сынъ Дмитрій, имѣвшій дѣтей: Александра, Николая и Владиміра, теперь тайнаго совѣтника 1865 г.), начальника главнаго военно-суднаго управленія и главнаго военнаго прокурора.

Мы не знаемъ, къ которой вѣтви принадлежитъ воспитатель (съ 1838 г.) Великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, генералъ отъ артиллеріи (1859 г.) *Алексѣй Илларіоновичъ* Ф—въ (род. 1801 г.), отличившійся въ персидской, турецкой и польской компаніяхъ. Въ 1830 году онъ участвовалъ во взятіи Алжира, находясь во французской арміи и получилъ за отличіе орденъ Почетнаго Легіона.

Дѣти Алексѣя Илларіоновича, *Дмитрій Алексѣевичъ*, полковникъ Л. Гв. коннаго п., адъютантъ В. К. Михаила Николаевича; *Алексѣй Ал.* камеръ-юнкеръ, *Николай Ал.* художникъ-любитель, почетный общникъ И. А. Х. *Александра* и *Ольга* Алексѣевны—фрейлины.

Гербъ Философовыхъ (Гербовникъ Ч. V № 15) представляетъ: въ лазуревомъ полѣ двѣ шестиугольныя золотыя звѣзды, изъ коихъ одна вверху, а другая внизу, и посрединѣ ихъ серебряный полумѣсяцъ рогами вверхъ. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ, съ короною. Наметъ лазуревый, подложенъ серебромъ.

Демидовы.

РУССКІЙ ДВОРЯНСКІЙ ДОМЪ.

Происхожденіемъ своимъ Демидовы одолжены трудолюбивому молотобойцу Демиду Григорьеву Антуфѣеву, уроженцу села Павшина (Алексинск. уѣзда), для работъ кузнечныхъ пришедшему въ Тулу. Тамъ въ 1656 году родился у него сынъ Никита, двадцати лѣтъ женившійся на Авдотьѣ, дочери *самопальника*, т. е. ружейнаго мастера Ѳедота (фамиліи неизвѣстной) и отъ ней имѣвшій трехъ сыновей: Іакинѳа (род. 1678, † 1745 г.), Григорія и Никиту († 1750 г), основателя Ижевскаго завода на р. Окѣ въ Рязанск. губ.

У втораго сына Никиты Григорья были 3 сына: извѣстный ученый естествоиспытатель, Павелъ Григорьевичъ, Д. С. С., учредитель Ярославскаго лицея (род. 1748, † 1821 г.);

Петръ Григорьевичъ Тайн. Сов., оберъ-директоръ коммерческаго училища и Александръ Григорьевичъ, оставившій 2-хъ сыновей: Григорья и Петра Александровичей. Григорій, гофмейстеръ, женатый на княгинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной, получилъ право присоединить къ своей фамиліи прозваніе Лопухина, за прекращеніемъ этой фамиліи. У него дѣти: Петръ, Павелъ и Александръ Григорьевичи. Братъ Александра Григорьевича Петръ Александровичъ, колл. сов., въ 1796 г. построилъ Нижне-Дугенскій заводъ, въ Калужской губерніи.

Потомство младшаго сына Никиты Демидовича—Никиты Никитича, владѣло заводами въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, въ лицѣ сыновей его, Ивана и Евдокима. Родъ ихъ пресѣкся на внукѣ Ивана Евдокимовича, Николаѣ Ивановичѣ, главномъ директорѣ кадетскихъ корпусовъ, лѣ генераотъ инфантеріи, ум. 1834 г., 60 л. отъ роду, холостымъ.

Никита Демидовичъ Демидовъ (Антуфѣевъ), пожалованный въ дворяне 2 сент. 1720 года, сдѣлался извѣстенъ Петру со временъ перваго азовскаго похода, когда онъ, вмѣсто починки, сдѣлалъ царю пистолетъ лучше иностраннаго образца. Петръ, во все вникавшій, далъ трудолюбивому ремесленнику возможность развить свое дѣло, отдавъ ему заказъ 300 алебардъ, по образцу (1696 г.), Деньгами, за нихъ полученными, Демидовъ выстроилъ на устьѣ Тулицы желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами. По возвращеніи царя изъ-заграницы (1698 г.) Демидовъ представилъ ему ружья, сдѣланныя на новомъ заводѣ, и царь велѣлъ дать ему въ Малиновской засѣкѣ (въ 12 верстахъ отъ Тулы), нѣсколько десятинъ земли для добычи чугунной руды и сженія угля. Въ 1696 году на Уралѣ, по рѣкѣ Нейвѣ, открыта желѣзная руда. Царь велѣлъ испытать ея доброкачественность Демидову и когда онъ нашелъ ее отличною, царь велѣлъ построить Невьянскій заводъ, на которомъ обязался Демидовъ приготовлять оружіе. Восхищенный его работою, царь грамотою 4 марта 1702 г. отдалъ Демидову Невьянскіе заводы, куда Никита отправилъ сына Акинфа. Этотъ же дѣятельный помощникъ отца, какъ извѣстно, при жизни его (ум. 17 но-

ября 1725 г.) завелъ заводы въ Сибири: 2-й Невьянскій, Шуралинскій, Вынговскій, Верхне- и Нижне-Тагильскіе и Шайтанскій. Оставшись же послѣ отца хозяиномъ, устроилъ заводы: Черноисточинскій, Уткинскій, Суксунскій и Ревдинскій на Уралѣ; да Колыванскій и Барнаульскій мѣдные заводы въ Алтайскихъ горахъ (1729—43 г.); людьми его найдено серебро на р. Кораблихѣ (1736 г.), открытъ змѣиногорскій рудникъ (1742 г.) Сверхъ того онъ ввелъ обработку *азбеста*, *малахита* и *магнитныхъ камней*. Заслуги русской промышленности дѣятельнаго Акинфа Демидова, передъ смертію (5 авг. 1745 г.) открывшаго и золото, награждены возведеніемъ его въ дворянство грамотою Екатерины I (24 марта 1726 г.). Елизавета наградила его чиномъ Д. С. С—ка.

Акинфій Никитичъ отъ брака съ дочерью тульскаго купца Коробова, Авдотьей Тарасовной († 1728 г.), имѣлъ дѣтей: Прокопія и Григорія Акинфіевичей, (1715—1760 г.), а отъ второй жены, Евфиміи Ивановны Пальцевой, († 1771 г.), сына Никиту (род. 1730 г.), да дочь Евфимію, отданную за Артюкова. Женитьба отца произвела раздоръ съ нимъ старшихъ сыновей. Прокопій (род. 1710 г. † 1786 г.) съ мачихою началъ тяжбу и процессъ раздѣла ихъ конченъ казною съ Высоч. разрѣшенія. Сдѣлавшись капиталистомъ, Прокопій зажилъ въ Москвѣ, гдѣ прославился широкими благотвореніями и остроумными выходками, нелишенными странности. Сооруженіе Воспитательнаго дома въ Москвѣ вѣчный памятникъ услуги его отечеству. Онъ умеръ имѣя чинъ Д. С. С. и оставивъ трехъ сыновей. Родъ старшаго изъ нихъ, Льва и младшаго Аммоса, теперь продолжаются.

Третій сынъ Акинфія, Никита Акинфіевичъ (род. 1730 и ум. 1789 г.) путешествовалъ по Европѣ и издалъ описаніе своихъ странствій, произведенный Екатериною II, при вступленіи на престолъ, въ статскіе совѣтники. У него былъ единственный сынъ Николай Никитичъ, тайный сов., любитель исскуствъ, умершій во Флоренціи въ 1828 г. У него было два сына: Анатолій Николаевичъ, князь Санъ-Донато, (род. 1812 † 1870 г. 6 мая), путешественникъ въ Южную Россію, камеръ-юнкеръ, основа-

тель Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся, женатый ($^9/_{21}$ Окт. 1841 г.) на принцессѣ Матильдѣ, (Летиціи Вильгельминѣ) дочери Іеронима Бонапарте, родившейся $^{15}/_{27}$ мая 1820 г. и живущей въ Англіи.

Старшій братъ его Павелъ Николаевичъ (р. 1798 г.), бывшій Курскимъ губернаторомъ, женатый на Аврорѣ Карл. Шернваль и умершій въ Майнцѣ (1840 г.), оставилъ сына Павла (род 9 окт. 1839 г.), 2 іюня 1872 г. получившаго высочайшее разр. именоваться княземъ Санъ-Донато.

Гербъ рода Демидовыхъ (Гербовникъ часть 2 № 36), представляетъ въ щитѣ, раздѣленномъ горизонтально золотою полосою, въ верхней части, въ серебряномъ полѣ три зеленыя *лозы рудоискательныя*, въ нижней же части въ черномъ полѣ серебряный молотъ. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ. Наметъ серебряный съ зеленою подложкою.

Зотовы.

ГРАФСКІЙ ДОМЪ.

Дворянскій родъ Зотовыхъ существовалъ еще въ XVI вѣкѣ. Какой-то Зотовъ (имя его намъ неизвѣстно), былъ однимъ изъ чиновниковъ двора царевича Дмитрія Ивановича въ Угличѣ и пострадалъ за дачу показаній, несогласныхъ съ видами правителя, на слѣдствіи объ убійствѣ

15 мая 1591 г. Помѣстья и вотчины, у него при этомъ описанныя, возвращены царемъ Михаиломъ, внуку страдальца, Василью Яковлевичу Зотову, сынъ котораго, Моисей Васильевичъ, былъ отцомъ учителя грамотѣ Петра Великаго. Извѣстно, что въ мартѣ 1677 года, царь Өеодоръ предложилъ царицѣ Натальѣ начать ученье младшаго брата Петра, а найдти учителя вызвался любимецъ царя, Соковнинъ. Представленный имъ царицѣ учитель, былъ дьякъ челобитнаго приказа, Никита Моисѣевичъ Зотовъ, съ этого времени сдѣлавшійся близкимъ человѣкомъ въ семействѣ вдовы царя Алексѣя Михайловича. Въ то время, когда началось ученіе царя Петра Алексѣевича, Зотову было 32 года отъ роду. Онъ былъ человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ и съ добрымъ сердцемъ, такъ что выбранный съ цѣлью способствовать враждебнымъ инсинуаціямъ противъ мачихи царя Өедора и ея потомства (со стороны любимцевъ царствовавшаго государя),—Зотовъ не оправдалъ надеждъ избирателей, былъ два раза удаляемъ отъ своего царственнаго воспитанника, но остался при немъ и сохранилъ въ его мнѣніи хорошую репутацію. Съ воцареніемъ его, Зотовъ занялъ видное мѣсто въ совѣтѣ государя и въ его интимномъ кружкѣ, изъ любви къ царственному воспитаннику принимая на себя и предсѣдательство на пирахъ съ ролью *князя-папы*. Въ способностяхъ стараго учителя Петръ никогда не сомнѣвался, и поручалъ ему веденіе дѣлъ по своей домашней, ближней канцеляріи. Въ санѣ думнаго дьяка былъ уже Зотовъ въ правленіе Софьи посланъ въ Крымъ, на посольство; при самодержавіи же Петра, называясь *ближнимъ совѣтникомъ*, Никита Моисѣевичъ Зотовъ имѣлъ титулъ Генерала-Президента Тайной Канцеляріи, и на радостяхъ взятія Выборга, пожалованъ графомъ (8-го іюля 1710 г.).

Первый графъ Зотовъ Никита Моисѣевичъ женатъ былъ два раза; отъ первой супруги имѣлъ онъ трехъ сыновей: Василія, Конона и Ивана Никитичей. Отъ второй же—Анны Еремѣевны, рожденной Пашковой, дѣтей неимѣлъ, и она, овдовѣвъ, вышла за преемника (по папству) своего мужа, боярина Петра Ивановича Бутурлина.

Василій Никитичъ Зотовъ,—единственный изъ сыновей Н. М. Зотова, оставившій потомство—былъ Ревельскій комендантъ, а потомъ генералъ-ревизоръ Сената (первая форма обязанностей генералъ-прокурора). Отъ первой жены имѣлъ онъ сына Никиту Васильевича, женатаго на Аннѣ Логиновнѣ Щербачевой и оставившаго сына Ивана Никитича, да, дочерей: Елизавету (за княземъ Яковомъ Васильевичемъ Хилковымъ) и Екатерину (за кн. Алексѣемъ Васильевичемъ Хованскимъ). Иванъ Никитичъ Зотовъ, полковникъ, отъ перваго брака (съ Екатериной Степановной Лопухиной, род. 1735 г. и умершей 9 декабря 1780 г.) имѣлъ сына Александра Ивановича и дочь Анну Ивановну (за княземъ Михаиломъ Николаевичемъ Голицынымъ); отъ втораго же брака (съ Маргаритой Францовной, ум. 1820 г.),—сына, Николая Ивановича Д. С. С., женатаго на княжнѣ Еленѣ Алексѣевнѣ Куракиной. Высочайшимъ указомъ 21 іюня 1803 г., Николаю Ивановичу Зотову возвращено графское достоинство, пожалованное предку его. Между тѣмъ графъ Николай Ивановичъ имѣлъ одно женское потомство, въ лицѣ дочерей: графини Натальи (за кн. Павломъ Алексѣевичемъ Голицынымъ) и Елизаветы Николаевны (за кн. Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ). Поэтому новымъ приказомъ отъ 12 іюля 1804 года, графское достоинство передано брату Николая Ивановича — Александру Ивановичу Зотову. Графъ же Александръ Ивановичъ Зотовъ,—отъ брака съ Екатериною Петровной Загряжской—имѣлъ сына, графа Ивана Александровича, женатаго на графинѣ Марьѣ Петровнѣ Апраксиной. У нихъ было два сына, благодаря которымъ родъ учителя Петра Великаго продолжился до нашихъ дней.

Гербъ русскихъ графовъ Зотовыхъ (Гербовникъ Ч. VIII. № 3) представляетъ въ щитѣ, имѣющемъ лазуревое поле — переломленный на двое серебряный полумѣсяцъ, рогами вверхъ; надъ нимъ—(въ пересѣченіи частей полумѣсяца) штандартъ съ изображеніемъ государственнаго герба и корабля въ морѣ. Штандартъ этотъ помѣщенъ развернутымъ надъ головою одноглаваго золотаго орла, въ коронѣ, съ распростертыми крыльями, держа-

щаго въ правой ногѣ поднятый серебряный мечь, а въ лѣвой—лавровую вѣтвь. На груди орла изображено пламенное сердце, крестообразно пронзенное двумя серебряными стрѣлами. Въ нижней части сердца, горизонтальная серебряная полоса означаетъ рѣку, а надъ нею (въ срединѣ сердца), серебряная же пластинка, въ ширину (камень), снабжена изображеніемъ семи глазъ. Щитъ увѣнчанъ графскою короною, надъ которою три шлема, по обычаю. Въ крайнихъ нашлемникахъ, сверхъ короны по три страусовыхъ пера, а въ среднемъ, надъ короною, возникающій до половины россійскій государственный гербъ.

Наметъ справа червленный съ золотомъ; слѣва лазуревый съ серебромъ. Щитодержцы львы, изъ которыхъ стоящій справа держитъ въ правой лапѣ поднятый обнаженный мечь, а стоящій слѣва—лавровую вѣтвь. Внизу, подъ гербовымъ щитомъ, девизъ на лентѣ «Вѣрность и терпѣніе».

Зотовы.

ДВОРЯНСКІЕ РОДЫ.

Кромѣ графскаго рода Зотовыхъ—отъ наставника Петра I,—въ Россійской имперіи есть нѣсколько дворянскихъ родовъ этой же фамиліи, получившихъ начало въ XVIII столѣтіи и записанныхъ во 2-ю и 3-ю книги дворянскихъ родословій, разныхъ губерній. Мы помѣщаемъ одинъ изъ гербовъ дворянъ Зотовыхъ — происходящихъ отъ лейбъ-компанца Елизаветы — Ефима Зотова, возведеннаго въ дворянское достоинство вмѣстѣ съ товарищами (по указу 31 дек. 1741 г.). Какъ во всѣ гербы лейбъ-компанцевъ, вошла и въ гербъ этой фамиліи Зотовыхъ лейбъ-компанская шапка съ гранатами. На оффиціальномъ языкѣ гербовника (ч. I, № 92) гербъ этотъ описанъ такъ: гербовый

щитъ раздѣленъ перпендикуляромъ на двое. Въ правой половинѣ, въ черномъ полѣ, золотое стропило съ тремя на немъ горящими гранатами, и вокругъ стропила 3 серебряныя звѣзды; (въ рисункѣ высочайше кауфирмованнаго герба для лейбъ-компанцевъ, здѣсь прямо названо изображеніе въ правой половинѣ щита—лейбъ-компанскою шапкою, какъ она и есть на самомъ дѣлѣ). Въ лѣвой половинѣ щита, на шахматномъ полѣ, изъ зеленыхъ и красныхъ клѣтокъ—поставленъ золотой подсолнечникъ, цвѣтомъ вверхъ.

Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ, сверхъ котораго поставлена лейбъ-компанская шапка съ красными и бѣлыми страусовыми перьями, а съ боковъ поднятыя вверхъ (по одному съ каждой стороны) развернутыя орлиныя черныя крылья, изъ которыхъ на каждомъ три серебряныя звѣзды. Наметъ справа красный, съ подложкою золомъ; съ лѣва—черный, подложенъ серебромъ.

Другой гербъ, особой фамиліи дворянъ Зотовыхъ, данъ новгородскому вице-губернатору, статскому совѣтнику Петру Архиповичу Зотову, съ братомъ Гавріиломъ,—во время дачи герба,—тоже стат. совѣт.—и ихъ потомству. Гербъ Высочайше утвержденъ 9 іюня 1833 года (и долженъ войти въ XI часть гербовника, въ печать неизданную).

Гербовый щитъ разсѣченъ опущеннымъ перпендикуляромъ на три части, изъ которыхъ въ первой (въ головѣ щита), въ лазуревомъ полѣ помѣщены три золотыя звѣзды о шести лучахъ. Во второй (въ лѣвой) половинѣ нижней части щита,—стоящій на травѣ золотой улей, и надъ нимъ, двѣ летящія, золотыя же пчелы, въ серебряномъ полѣ. А въ третьей части (правой нижней половинѣ) щита въ красномъ полѣ двѣ перекрещенныя шпаги, остріями вверхъ.

Гербовый щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною, а въ нашлемникѣ помѣщены три бѣлыхъ страусовыхъ пера.

Наметъ лазуревый, съ подкладкою: справа серебромъ; съ лѣва золотомъ. (Дѣло арх. д-та герольдіи—*дипломное*, 1828 г. № 20).

Испроситель этого герба своему роду и роду брата, былъ, какъ мы выше замѣтили, статскій совѣтникъ Петръ Архиповичъ Зотовъ (род. 1772), по происхожденію солдатскій сынъ и самъ начавшій службу солдатомъ (25 іюля 1789 г.). Замѣчательныя способности его, хотя и не получившія правильнаго развитія путемъ образованія, замѣчены были скоро непосредственнымъ начальствомъ и меньше, чѣмъ черезъ 8 лѣтъ, онъ уже сдѣланъ аудиторомъ въ своемъ полку (26 мая 1797 г.), 15-го же апрѣля 1799 г. произведенъ въ тит. совѣт.; съ воцареніемъ Александра I переведенъ въ генералъ-аудиторіатъ; въ концѣ года уволенный, впрочемъ, «къ статскимъ дѣламъ». Съ 25 февраля 1801 г. онъ является полиціймейстеромъ въ г. Саратовѣ и въ теченіе всего трехлѣтняго пребыванія въ должности наводитъ ужасъ на недобрыхъ людей, промышлявшихъ похищеніемъ чужой собственности. Изловленіе 468 человѣкъ бродягъ и зажигателей, да три шайки разбойниковъ волжскихъ, были трофеями дѣятельности полиціймейстера Зотова въ Саратовѣ; прославивъ его имя и способности. Промѣнявъ должность блюстителя порядка на совѣтничество въ казенной палатѣ, П. А. Зотовъ на этомъ посту также принесъ большую пользу службѣ; особенно же блистательно проявилъ себя, когда, по обстоятельствамъ, оставался одинъ управлять строительною экспедиціей и успѣлъ, при развитіи заразы (1806 г.) въ Царицынѣ, въ скорѣйшее время принять мѣры къ остановленію ея. Въ должности совѣтника Саратовскаго губернскаго правленія, Зотовъ въ 1803 г. отличился спасеніемъ казны и артиллерійскихъ орудій во время бури, при посадѣ Дубовкѣ. Открытіемъ на сотни тысячь недоимки, потомъ онъ сдѣлался извѣстенъ министру финансовъ и, въ чинѣ 6 класса, назначенъ Астраханскимъ вице-губернаторомъ (1819—1822 гг.). За тѣмъ при сенаторѣ Барановѣ состоялъ при ревизіи Новгородской губерніи; нѣсколько времени былъ чиновникомъ особыхъ порученій министра финансовъ Канкрина (1827—9 г.) и, наконецъ, назначенъ новгородскимъ вице-губернаторомъ. Онъ женатъ былъ и имѣлъ дѣтей, также, какъ и младшій братъ — Гавріилъ

начало службы котораго было еще грустнѣе.

нѣе и, казалось, безвыходнѣе. Изъ рядовыхъ Саратовскаго гарнизона, онъ, впрочемъ, всего въ пять лѣтъ, вышелъ въ тит. совѣт. и, попавъ въ Симферопольскую Коммиссаріатскую коммисію, въ ней дослужился до члена общаго присутствія. 31 декабря 1833 г. получилъ чинъ 5 класса, а въ 1844 г. былъ уже оберъ-провіантмейстеромъ 2 пѣхотнаго корпуса.

По С.-Петербургской губерніи, въ родословную книгу русскаго дворянства, записаны еще двѣ фамиліи Зотовыхъ, да одна по Таврической. По Таврической губерніи внесенъ въ 1836 г. (во 2-ю часть родосл. кн.) — капитанъ, Николай Константиновичъ (едва-ли не внукъ Екатерининскаго камерфурьера) Зотовъ (род. 1789 г. и служившій съ 1810 по 1820 г.), помѣщикъ въ Судакской долинѣ, родомъ дворянинъ. У него внесены въ родословіе сынъ Левъ и двѣ дочери. (Дѣло арх. д. геральд. 1851 г. № 17).

По С.-Петербургской губерніи, въ 1841 г. вопервыхъ внесенъ въ 3-ю часть родосл. книги двор. родъ бывшаго смотрителя типографіи д-та Внѣшней Торговли, тит. сов. и Владимірскаго кавалера, Ивана Николаевича Зотова, — сына наборщика типографіи И. А. Н. У него внесено въ родословіе два сына (Николай, род. 1825 г. и Иванъ, род. 1827 г.), да двѣ дочери (Дѣло Арх. д-та Геральд. 1841 г. № 60, по С.-Петербургской губерніи).

А въ 1849 году, во 2-ю часть родосл. книги С.-Петербургской губерніи внесенъ родъ стат. совѣт. Рафаила Михайловича Зотова, извѣстнаго литератора, романиста, автора нѣсколькихъ сочиненій, оставившаго еще автобіографическія записки и романъ, гдѣ разсказаны обстоятельства жизни его роднаго дѣда, происходившаго изъ знатной крымской фамиліи и попавшаго въ Россію при первомъ завоеваніи Таврическаго полуострова. Рафаилъ Михайловичъ былъ уже сыномъ русскаго дворянина и началъ службу еще не достигнувъ совершеннолѣтія (1810 г.). Въ отечественную войну Зотовъ бился въ ополченіи, а воротясь на родину, опредѣлился въ театральное вѣдомство (1814 г.) и тамъ въ теченіе 22-хъ лѣтъ службы принесъ много пользы сценѣ, знавъ ея требованія и относясь къ дѣлу съ любовью. Потомъ служилъ при губер-

каторахъ—новгородскомъ и московскомъ, въ министерствѣ финансовъ (по д-ту разн. подат. и сборовъ) и въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія (член. общ. присут. въ д-тѣ ревизіи отчетовъ). Умеръ въ чинѣ дѣйст. стат. сов. въ 1870 году. Отъ брака (18 авг. 1816 г.) съ дочерью надв. сов. Марьей Ивановной Пикулиной, Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ имѣлъ двухъ сыновей и 4 дочерей (Фелисату, Анну, Александру и Прасковью Михаиловну). Старшій изъ сыновей—Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ (род. 22 іюня 1821 г.)—литераторъ, редакторъ «Пантеона» и другихъ изданій. Онъ воспитывался въ Александровскомъ лицеѣ(выпущенъ въ 1841 г.) и служилъ по Военному министерству и министерству Финансовъ. Отъ брака съ дочерью кол. асс. Жежиленко имѣетъ двухъ сыновей и дочь Любовь Владиміровну умершую въ 1873 г.

Братъ его младшій — Петръ Рафаиловичъ, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ и служилъ по флоту (съ 1844 г.). По преданіямъ, сохраняющимся въ приведенной нами фамиліи, прозваніе свое получила она по волѣ Екатерины II, по крестному отцу прадѣда (настоящихъ представителей рода)—Зотову, Захару Константиновичу, извѣстному особеннымъ усердіемъ къ службѣ великой монархини. Екатерина II возвела его изъ своихъ камердинеровъ въ камеръ-фурьеры (10 марта 1795 г.), что доставило ему чинъ 5 класса и его потомству — дворянское достоинство.

Захаръ Константиновичъ Зотовъ, отъ брака съ Варварой Ивановной, имѣлъ трехъ сыновей (Константина, Александра и Николая Захаровичей) и четырехъ дочерей (Екатерину, Елизавету, Елену и Надежду Захаровну). Изъ нихъ (насколько удалось намъ собрать свѣдѣнія изъ документовъ Архива д-та Герольдіи) — Александръ Захаровичъ отъ брака (соверш. 4 февр. 1816 г.) съ дочерью стат. сов. Софьей Александровной Михайловой, имѣлъ трехъ только дочерей: Надежду (род. 1820 г.), Софью (1821 г.) и Любовь (1823 г.), внесенныхъ въ родосл. дворян. книгу по С.-Петербургской губерніи. Потомство другихъ братьевъ (кромѣ развѣ старшаго—если не отъ него происходитъ таврическая вѣтвь), мы отыскать не могли;

такъ что не можемъ указать: къ этой ли фамиліи принадлежитъ (или нѣтъ?) генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба, Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ.

Гербы приведенныхъ нами родовъ Зотовыхъ, намъ тоже неизвѣстны.

Нарышкины

(дворянскій родъ).

Происхожденіе этаго рода, или, лучше сказать, явленіе его въ Россію, относится къ XV вѣку: по крайней мѣрѣ такъ указываетъ родословіе, составленное на основаніи разрядныхъ документовъ.

Между тѣмъ, въ послѣдніе годы стали расказывать легенду о происхожденіи фамиліи Нарышкиныхъ изъ Чехіи.

При этомъ выдавали прозваніе цѣлаго племени *Норисковъ* (по нѣмецки Norisken), за фамильное имя рода. Въ доказательство же приводили прямо гербъ Нарышкиныхъ, въ одной изъ частей котораго (въ нижней) въ красномъ полѣ видна золотая рѣшетка — находящаяся и въ гербѣ города Эгера въ Чехіи.

По нашему мнѣнію, на столько отвлеченное сходство ничего недоказываетъ. Въ гербъ Нарышкиныхъ, составлявшійся не ими, а учеными или недоучеными герольдами, безъ всякаго разсужденія: идетъ или нѣтъ, то или другое къ исторіи фамиліи, для которой сочинялся гербовый рисунокъ, — могла войти и рѣшетка, какъ украшеніе или замѣщеніе пустаго поля. Наконецъ, какой нибудь нѣмецкій умникъ могъ и посовѣтовать кому — либо изъ Нарышкиныхъ, при выборѣ рисунка для герба, принять имъ составленный, увѣряя, что это изображеніе всего лучше и ближе представляетъ какія либо особенности ихъ генеалогіи. Мы думаемъ, что по любой части кудрявосочиняемыхъ въ XVIII вѣкѣ гербовъ нашихъ дворянъ, графовъ и князей, — была бы только охота пускаться въ химерическіе выводы о близости фамиліи къ знаменитымъ или незнаменитымъ родамъ, по замѣченному сходству набраныхъ какъ зря, эмблемъ — открывается обширное поле для догадокъ, неисчерпываемое силами и рвеніемъ одного изыскателя. Насколько подобныя изысканія отойдутъ отъ водотолченія, и что они выяснятъ или откроютъ, — произведя сумбуръ въ головѣ съ любовью отдавшагося этому невинному занятію трудолюбца — это другое дѣло. Отрицая, поэтому, всякое учено-историческое значеніе легенды производства Нарышкиныхъ отъ *норисковъ*, мы говоримъ о ней здѣсь, ради большаго распространенія уже подобной нелѣпости; пожалуй при другихъ обстоятельствахъ не заслуживавшей бы и упоминанія. Тѣмъ болѣе что родословіе ясно и положительно указываетъ прародителя фамиліи. Это былъ — татаринъ крымскій, Мурза Курбатъ, выѣхавшій въ Москву на службу къ Ивану III (1465). Сына его русскіе величали *Нарышъ* (Нарышко уменьшительное.) Этотъ Нарышъ, по родословію, былъ у в. к. Ивана Васил. окольничимъ, имѣлъ въ службѣ сына Ѳедора

Забѣлу и внука Исака, бывшаго конечно уже при Василіи на Рязани намѣстникомъ. Такъ какъ, при Иванѣ III существовалъ удѣлъ еще князя рязанскаго, зятя гоусдаря, который, любя сестру и по смерти мужа ея, далъ племянникамъ своимъ владѣть отцовскимъ достояніемъ. Такія же отношенія в. князя къ князьямъ рязанскимъ, до Василія, исключаютъ идею о нахожденіи въ Переяславлѣ Рязанскомъ Московскаго намѣстника. Другое дѣло дача изъ Переяславскихъ волостей великаго князя, какой либо на кормленіе, — какъ въ родословной сдѣлана ссылка на грамоту 1468 г., при имени Исака Өедоровича. У этаго лица былъ сынъ Григорій и три внука: Семенъ, Өедоръ и Якимъ Григорьевичи. Старшій сынъ перваго изъ нихъ — Иванъ Семеновичь (1528) получилъ жалованную грамоту, а въ 1544 г. записанъ въ подворную тысячную книгу и убитъ въ казанскомъ походѣ (1552). Братъ его Дмитрій Семеновичь былъ осаднымъ головою въ Рыльскѣ (1576). Сыновья втораго дяди ихъ, ничемъ особенно себя незаявили, хотя сомнѣваться въ ихъ существованіи нѣтъ резона, за службою сыновей. Изъ нихъ третій сынъ перваго былъ при Василіѣ Ивановичѣ воеводою въ Великихъ Лукахъ. Единственный же сынъ втораго (Григорій Васильевичь) былъ воеводою въ Свіяжскѣ, при Грозномъ (1558). А третій (Тимоѳей Өедоровичь) самъ подписался какъ малоярославецъ подъ документомъ 1565 г. Сынъ же его отъ царя Өедора (1587 г.) получилъ грамоту на рязанскія вотчины. Сынъ великолуцкаго воеводы — Борисъ Ивановичь — былъ головою въ большомъ полку въ 1576 г., въ нѣмецкомъ ливонскомъ походѣ и убитъ; а братъ его (Иванъ Ивановичь) палъ подъ Краснымъ. Сыновья Борисовы, Полуэктъ и Поликарпъ, получили за Московскую осаду отъ Шуйскаго грамоту на вотчины, а братья ихъ двоюродные (сыновья Ивана Ивановича): Петръ Ивановичь палъ подъ Алексинымъ, а Поліевктъ (Полуехтъ) значился жильцомъ въ тарусской десятнѣ 1622 года, въ 1627 г. имѣлъ 414 четвертей въ полѣ и убитъ подъ Смоленскомъ. Онъ-то и есть родоначальникъ вѣтви фамиліи Нарышкиныхъ, прославившейся въ нашей исторіи свойствомъ съ царствующимъ

домомъ и дошедшей до нашего времени. Старшій (послѣ Поліевкта) братъ, былъ Филимонъ Ивановичь—бояринъ, имѣвшій четырехъ сыновей, изъ которыхъ два старшихъ пали, защищая царя (1-й и 2-й убиты стрѣльцами), а два младшихъ Матвѣй и Григорій Филимоновичи, были боярами при Петрѣ I. Роды ихъ и болѣе младшихъ линій (отъ младшихъ братьевъ Поліевкта Ивановича: Ѳомы и Ивана Ивановичей) тоже продолжаются. Тогда какъ, родъ Бориса прекратился на бездѣтномъ внукѣ его, Васильѣ Поликарповичѣ, вятскомъ воеводѣ, дожившемъ до дней царя Ѳедора Алексѣевича.

Изъ существующихъ вѣтвей, старшая—самая знаменитая, должна прекратиться за бездѣтствомъ обоихъ ея представителей, какъ мы укажемъ. Прослѣдимъ же ее въ порядкѣ времени, съ сына Поліевкта Ивановича — Кирилла Поліевктовича это лицо прихоть судьбы возвела изъ бѣдныхъ тарусскихъ жильцовъ—въ бояре сдѣлавъ дочь его царицею и матерью величайшаго изъ нашихъ государей; закончившаго московскій порядокъ, для новой роли Россійской Имперіи, величайшей въ мірѣ.

Кириллъ Поліевктовичъ родился въ 1623 году, и въ первые тридцать шесть лѣтъ жизни довольствовался годовымъ окладомъ въ 38 рублей деньгами, да 850 четей помѣстья. Изъ ротмистровъ рейтарскаго строя (попавъ въ нихъ изъ стряпчихъ) въ полку Артемона Сергѣевича Матвѣева,—благодаря его благосклонности и уже примѣтному возвышенію въ глазахъ кроткаго Царя Алексѣя,—сдѣланъ головой въ стрѣлецкомъ полку (полковникомъ, 1666 г.), а потомъ стольникомъ. Вотъ и всѣ отличія, заслуженныя при лестной протекціи друга и покровителя А. С. Матвѣева,—выслуженныя отцомъ будущей царицы до того памятнаго вечера, когда Государь остановилъ выборъ подруги сердца на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной старшей дочери своего стольника, родившейся 22 августа 1651, отъ брака К. П. Нарышкина съ Анной Леонтьевной Леонтьевой († 2 іюня 1706 г., переживъ дочь и мужа). Какъ только отпразднованъ бракъ царя, его тесть сдѣланъ думнымъ дворяниномъ (7 февраля 1671), а въ день рожденія Великаго Петра—возведенъ въ окольничіе,—вмѣстѣ съ

А. С. Матвѣевымъ; въ слѣдующемъ же году, произведенъ въ бояре, назначенъ дворецкимъ царицы и первымъ судьею въ приказѣ большаго дворца. Переживъ ужасъ мятежа стрѣлецкаго при воцареніи внука, К. П. Нарышкинъ, съ достиженіемъ Петромъ I самостоятельнаго правленія, получилъ весь приличный почетъ и умеръ въ 1693 г., 78 лѣтъ отъ роду, въ богатствѣ и почестяхъ. Онъ пережилъ 15 годами своего роднаго брата и сверстника по службѣ— Ѳедора Поліевктовича, женатаго на родной племянницѣ жены незабвеннаго благодѣтеля А. С. Матвѣева, Евдокіи Петровнѣ Гамильтонъ (дочери Петра Григорьевича); боярыню Матвѣеву звали Евдокія Григорьевна. Ѳедоръ Поліевктовичъ былъ раненъ подъ Конотопомъ; въ день рожденія Петра I пожалованъ въ думные дворяне и, посланный воеводою въ Архангельскъ (1674), умеръ тамъ 15 декабря 1676 года. Родъ его прекратился на внучкѣ, во времена Анны.

Кромѣ царицы Натальи Кириловны (1651—1694 г.), судьба которой такъ извѣстна, что распространяться въ статьѣ о фамиліи, нѣтъ надобности,—у Кирилла Поліевктовича было пять сыновей: 1) Иванъ (р. 1658 и убитый стрѣльцами 15 мая 1682 г.)—бояринъ и Оружничій, женатый на княгинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Лыковой, которая, вдовѣя, была мамою царевича Алексѣя Петровича. 2) Афанасій Кириловичь, убитъ былъ съ братомъ, стрѣльцами, по наущенью царевны Софьи Алексіевны. 3) Левъ Кириловичь (1664—1705 г.) бояринъ, членъ совѣта на который возложилъ Петръ I управленіе царствомъ, оставивъ Россію для перваго путешествія въ Европу, больше чѣмъ на полтора года. За тѣмъ управлялъ Л. К. Посольскимъ приказомъ (1698—1702 г.); передъ смертью, за допущенные безпорядки лишившись расположенія царя Петра I—больше всѣхъ его любившаго. Вторую супругу его, дочь боярина Петра Петр. Салтыкова, Анну Петровну, Петръ I потомъ выдалъ за вдовца, своего фельдмаршала, Бориса Петровича Шереметева. 4) Мартемьянъ Кирилычь, былъ (1665—1697 г.) тоже бояринъ, женатый на дочери послѣдняго царевича касимовскаго, Василья Араслановича, Евдокіи Васильевнѣ († 1691 г.);

послѣднiй же, 5) дядя царя Петра I, Өедоръ Кириловичъ (р. 1666 † 1691 г.) очень молодымъ,—въ санѣ крайчаго. И его вдову выдалъ царь-племянникъ за любимаго своего фельдмаршала, кн. Аникиту Ив. Репнина (она была урожденная кн—на Голицына, Прасковья Дмитрiевна. Наконецъ, младшая сестра царицы Натальи Кириловны—Евдокiя Кириловна (р. 1667 † 9 авг. 1689 г.) дѣвицею, отъ чахотки; не вынесши ужаса убiйства братьевъ стрѣльцами. Потомство осталось только отъ любимаго дяди Петра I—Льва Кириловича, въ лицѣ двухъ его сыновей: Александра Львовича (род. 26 апр. 1694 г. и † 25 апр. 1745 г.) и Ивана Львовича (род. 1 янв. 1700 г., умерш 11 iюля 1734 г.), оставившаго, впрочемъ, только дочь—Екатерину Ивановну, выданную Елизаветою за Гетмана Малороссiи гр. Кирила Гр. Разумовскаго и умершую 40 лѣтъ (род. 11 мая 1731, † 22 iюня 1771 г.). Опять стало быть потомство отъ одного старшаго брата. Изъ пяти сестеръ ихъ: (2 я) Прасковья умерла въ дѣвицахъ, а прочiя были замужемъ: Агрипина Л—на за кабинетъ Министромъ и канцлеромъ кн А. М. Черкасскимъ; Александра Л. за Арт. П. Волынскимъ, несчастнымъ Кабинетъ-Министромъ Анны, казненнымъ 27 iюня 1740 года. Четвертая сестра ихъ, Марья Львовна, была за ген. м кн. Ө. И. Голицынымъ, а (5-я) Анна Львовна (р. 1704 г., † 1776) за княземъ Ал. Юр. Трубецкимъ.

У старшаго брата ихъ, Александра Львовича, были два сына и три дочери: 1) Александръ Александровичъ (р. 22 iюля 1726 г., † 21 мая 1795) гофмаршалъ Петра III, оберъ-шенкъ Екатерины II, сенаторъ,—женатъ на прiятельницѣ нашей «Сѣверной Минервы»—Аннѣ Никитишнѣ Румянцевой (род. 1730 † 1820 г.) двоюродной сестрѣ героя задунайскаго,бывшей гофмейстериною Екатерины II. Дѣтей у нихъ не было.

Сестры А. и Л. Александровичей выданы были: Наталья за генер. поруч. С. Н. Сенявина, Марья за М. М. Измаилова и Агрипина за Н. И. Неплюева (2-я супр. его). Левъ Александровичъ Н—нъ (род. 26 февр. 1755 и † 9 ноября 1799 г.) былъ придворный кавалеръ, камергеръ и шталмейстеръ двора В. К. Петра Өедоро-

вича и оберъ шталмейстеръ Екатерины II — величайшій шутникъ своего времени, женатый на племянницѣ гр. Разумовскихъ (дочери сестры ихъ Анны Григорьевны) — Маринѣ Осиповнѣ Закревской. Домъ этой четы (теперь Мятлева, у Исаакія) былъ извѣстенъ сборищемъ лучшихъ и остроумнѣйшихъ людей своего времени. Державинъ описалъ его въ одѣ «на рожденіе Гремиславы». Отъ брака ихъ родились: 1) Александръ Львовичь (1760 † 26 янв. 1826) оберъ - гофмаршалъ Павла I, оберъ-камергеръ Александра I и канцлеръ орденовъ, женатый на дочери адмирала М. А. Сенявиной, любимой фрейлинѣ Екатерины II. 2) Дмитрій Львовичь (род. 30 мая 1764 † 6 апр. 1838 г.), гофмейстеръ и оберъ-егермейстеръ Александра I, женатый на княгинѣ Маріи Антоновнѣ Святополкъ - Четвертинской (род. 1779. † 1854 г.), игравшей первостепенную роль при дворѣ въ первой четверти настоящаго вѣка. Сестры же ихъ: Наталья Львовна за гр. И. А. Сологубомъ, Екатерина Л—на за гр. Ю. А. Головкинымъ, Марья Львовна за княз. Ф. К. Любомірскимъ и Елизавета Львовна (1769—1795) умерла въ дѣвиц. У втораго изъ братьевъ, Димитрія Львовича, былъ одинъ только сынъ, теперь гофмейстеръ—Эммануилъ Дмитріевичь (род. 1815 г.) неимѣвшій дѣтей отъ брака съ Екатериною Николаевной Новосильцовой (1817—1869), дочерью извѣст. д. т. с. Н. И. Новосильцова. Сестра Эм. Дм.—Марина Дмитріевна, за гр. Н. Д. Гурьевымъ; прочія умерли во младенчествѣ.

У старшаго сына Александра Александровича—Александра Львовича, было два сына: Левъ Александровичь генералъ-лейтенантъ († 1845 г.), женатый на графинѣ О. С. Потоцкой († 1861 г.) и Кириллъ Александровичь (род. 1786 † 1838 г.), оберъ гофмаршалъ двора Никол. I, членъ государ. совѣта и оберъ-гофмейстеръ, женатый на княжнѣ М. Я. Лобановой-Ростовской († 1854), да двѣ дочери: дѣвица, Марья Александровна и Елена Александровна (1785—1855 г.), супруга кн. Аркадія Александровича Суворова - Рымникскаго и князя В. С. Голицына. У Льва Александровича была одна дочь Софья Павловна, за граф. Петр. Павлов. Шуваловымъ. У Кирилла же Алек-

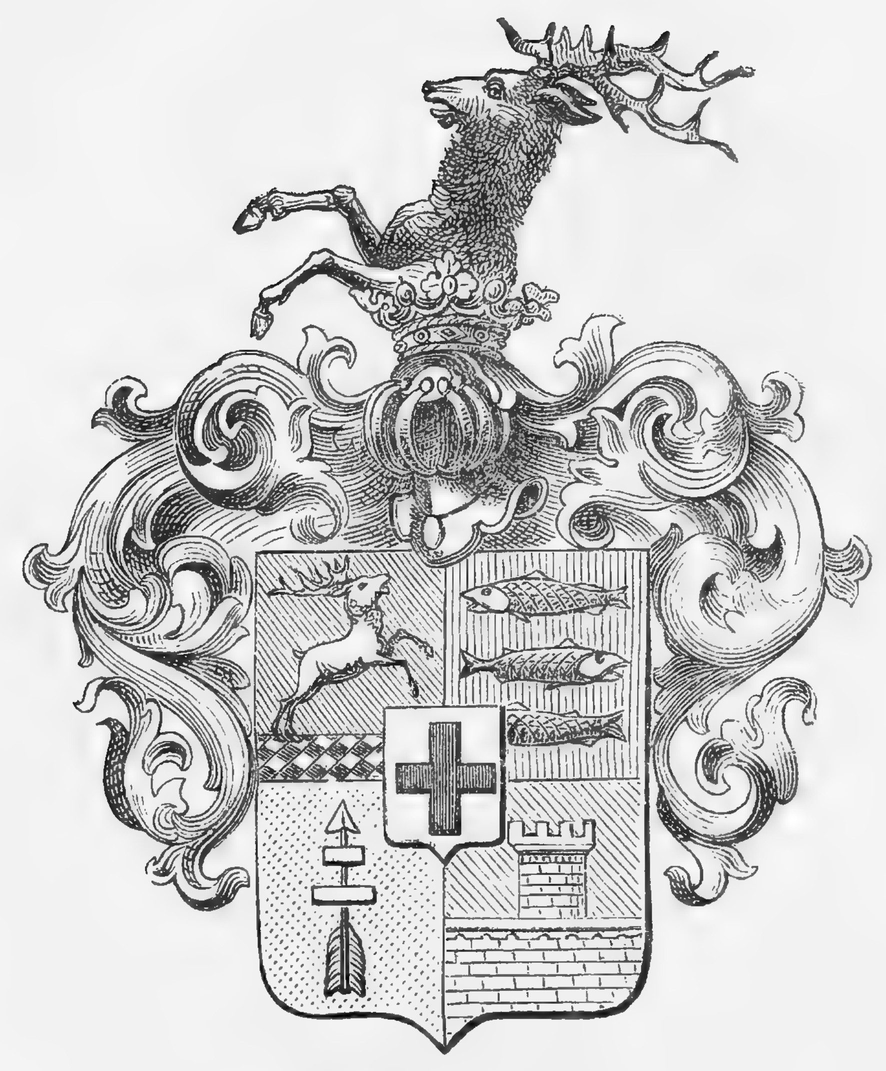
сандровича два сына и дочь Александра Кириловна (1817—1855) въ замужествѣ за графами Ив. Ил. Воронцовымъ-Дашковымъ и Депуальи. Изъ сыновей же: Сергѣй Кириловичь (1819—1854) бездѣтенъ, а Левъ Кириловичь (1809—1855), женатый на кн. Марьѣ Васильевнѣ Долгоруковой, имѣлъ двухъ сыновей: Кирилла Львовича (1859 † 186 ?) и Василья Львовича (род. 1841 г.) камеръ-юнкера, подарившаго недавно обществу поощр. художниковъ великолѣпный археологическій музей предметовъ художественной техники средн. вѣка и новѣйшихъ временъ. Эммануилъ Дмитріевичь тоже не щадитъ своихъ достатковъ на полезныя приношенія родинѣ: имъ основана учительская семинарія *Екатерининская*.

Изъ младшихъ линій заслуживаютъ упоминанія: сынъ боярина Григорья Филимоновича, Семенъ Григорьевичь, учившійся въ Берлинѣ (1698), потомъ посланникъ и генералъ-адъютантъ Петра I, замѣшанный въ дѣло царевича Алексѣя, Екатериною I сдѣланный оберъ-гофмейстеромъ царевны Анны Петровны, при Аннѣ же полный генералъ, управлявшій Малороссіею, † 1747. Онъ неоставилъ потомства отъ брака съ Анною Ив. Паниной. Одна сестра его была за княз. Ив. Юр. Трубецкимъ (фельдмаршаломъ) отцомъ Бецкаго; другая—за П. М. Толстымъ, а третья за сыномъ фельдмаршала, гр. Мих. Борисов. Шереметевымъ.

Изъ рода Ѳомы Ивановича, внукъ его, Кириллъ Алексѣевичъ, былъ ближній стольникъ и крайчій Петра I; въ вел. сѣверную войну первый комендантъ Нарвы и Дерпта, потомъ московскій губернаторъ. Отъ брака съ княжною Мышецкою имѣлъ онъ двухъ сыновей и 5 дочерей, (изъ которыхъ старшая—Татьяна, супруга генералъ-адмирала кн. М. М. Голицына, а 3-я, Софья—барона С. гр. Строганова; второй сынъ—Петръ, камергеръ, а старшій—Семенъ Кирилычь (1710—1775 г.), посланникъ въ Англіи (1741 г.), гофмаршалъ в. к. Петра Ѳедоровича, генер. аншефъ и оберъ-егермейстеръ,—первый щеголь своего времени. Женатъ былъ на Марьѣ Павл. Балкъ-Полевой (1730—1793). У нихъ были сынъ и дочь, умершіе во младенчествѣ.

До нашего времени продолжается непрерывно и самая младшая вѣтвь фамиліи Нарышкиныхъ отъ Ивана Ивановича (мл. брата Поліевкта Ив.).

Гербъ знаменитаго рода дворянъ Нарышкиныхъ (Гербовникъ Т. I. № 60) представляетъ щитъ, раздѣленный горизонтально на двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ лазуревомъ полѣ, видѣнъ до половины черный одноглавый орелъ, а въ нижней части, въ красномъ полѣ, золотая рѣшетка. Щитъ увѣнчанъ дворянскою короною; на шлемѣ сверхъ нея три страусовыхъ пера. Щитодержцы — львы; наметъ голубой и красный, съ подложкою золотомъ.

Ланскіе (Лонскіе).

ГРАФЫ И ДВОРЯНЕ.

По порядку колѣнъ, потомство отъ сыновей правнука родоначальника фамиліи этой въ Россіи,—сюда переселившагося изъ Польши,—*младшая* собственно *вѣтвь* (въ лицѣ Сергія Степановича Ланскаго, министра внутреннихъ дѣлъ) получила графское достоинство. Поэтому, къ статьѣ

о фамиліи вообще, прилагаемъ мы собственно дворянскій гербъ; хотя говорить будемъ какъ о дворянскихъ, такъ и о графской вѣтви Ланскихъ.

Гербъ фамиліи дворянъ Ланскихъ (гербовникъ ч. IV. Отд. I, № 64) представляетъ щитъ, раздѣленный на четыре части, съ малымъ щиткомъ въ пересѣченіи двухъ перпендикуляровъ ихъ дѣленія. Въ среднемъ щиткѣ, въ лазуревомъ полѣ, золотой равноконечный крестъ. Въ четырехъ же частяхъ самаго щита, помѣщены слѣдующія изображенія: въ первой (лѣвой верхней) въ зеленомъ полѣ бѣлая лань, стоящая задними ногами на шахматной доскѣ, составленной изъ квадратовъ золотыхъ и серебряныхъ, въ перемежку. Во второй (правой верхней) части, въ червленномъ полѣ лежатъ три серебряныхъ рыбы, одна надъ другою: крайнія головою влѣво, средняя—вправо; въ третьей части, въ золотомъ полѣ стрѣла, пущенная вверхъ, съ двумя брусками поперегъ. Въ послѣдней же части (правой нижней) въ зеленомъ полѣ изображена каменная стѣна, и башня съ зубцами. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною, изъ которой возникаетъ лань. Наметъ красный и зеленый, съ подложкою золотомъ.

Мы сказали уже, что предокъ русской фамиліи Ланскихъ (Францъ Лонскій) выѣхалъ изъ Польши во всякомъ случаѣ не раньше начала XVI вѣка, потому что правнукъ его Петръ Дмитріевичъ, въ первый годъ царствованія Ѳедора Ивановича, получилъ жалованную грамоту на вотчину. У этого Петра Дмитріевича были три сына, сдѣлавшіеся родоначальниками особыхъ вѣтвей, изъ которыхъ младшая и заявила въ лицѣ представителей своихъ большія заслуги государству. Вѣтвь эта въ концѣ XVII в. имѣла помѣстья въ Тульскомъ уѣздѣ и только одно лицо изъ всей фамиліи (внукъ младшаго сына Петра Дмитріевича)—Родіонъ Данилычъ былъ воеводою (въ Старицѣ, 1688 г.). Двоюродный племянникъ этого воеводы—Дмитрій Артемьевичъ, былъ кирасирскимъ поручикомъ при Елизаветѣ. На немъ, по обстоятельствамъ, мы и остановимся. Дмитрій Артемьевичъ съ молоду былъ, кажется, неукротимаго характера; по крайней мѣрѣ, въ 1748 г. разжалованъ за самоуправство (соединенное съ истяза-

ніями женщинъ, родственницъ его противника по процессу, войсковаго товарища Степанова). Строгое взысканіе не испортило, впрочемъ, карьеры храбреца: въ семилѣтнюю войну онъ воротилъ чины съ лихвою и въ 1772 году принятъ изъ отставныхъ въ коменданты Полоцкіе, въ чинѣ бригадира. Храбрецъ этотъ имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Дальнѣйшую блистательную судьбу фамиліи, подготовилъ возвышеніемъ своимъ старшій сынъ Дмитрія Арт.—*Александръ Дмитріевичъ* Ланской (род. 8 марта 1758 г. и † 25 іюня 1784 г. въ чинѣ генералъ-поручика и въ званіи генералъ-адъютанта). Съ праздника Пасхи 1780 г. начался его случай, безъ сомнѣнія, имѣвшій вліяніе на служебную карьеру его семи двоюродныхъ братьевъ (сыновей втораго изъ дядей его—Сергія Артемьевича). Кузены эти: Николай, Петръ, Василій, Павелъ, Степанъ, Сергій и Дмитрій Сергѣевичи—достигли извѣстныхъ почестей; трое изъ нихъ умерли сенаторами, одинъ былъ членомъ государственнаго совѣта и одинъ—гофмаршаломъ.

Родныя сестры генералъ-адъютанта, безвременно оставившаго свѣтъ и почести, получили въ наслѣдство милліонное состояніе и вышли замужъ: 1-я Анна Дмитріевна, за Рогозинскаго; 2-я Елизавета Д-на за д. т. с. И. И. Кушелева (ей достался домъ и картинная галерея брата); 3-я Евдокія Д-на за ген.-поруч. И. Л. Чернышева (она была впослѣдствіи мать князя А. И. Чернышева, героя отечественной войны и военнаго министра при Николаѣ I); 4-я же — слѣдовавшая непосредственно за Ал. Дм-чемъ, Варвара Дмитріевна (род. 1759, † 1817) была за ст. сов. М. М. Мацневымъ. Другой братъ ихъ родной, Яковъ Дмитріевичъ, кончилъ тоже рано служебную и жизненную карьеру свою, въ чинѣ полковника, отъ двухъ женъ (Ан В. Грушецкой и кн-ны Пр. Никол. Долгоруковой) оставивъ сына, убитаго въ молодыхъ лѣтахъ на дуэли (Дмитрія Яковлевича) и двухъ дочерей, бывшихъ: за генераломъ Кайсаровымъ (Варвару) и (Елизавету) за графомъ К. П. Сухтеленомъ.

Разскажемъ заслуги и потомство ихъ кузеновъ. Старшихъ двухъ и предпослѣдняго приходится опустить, пря-

мо переходя къ третьему—*Василью* Сергѣевичу. Онъ родился въ 1753 году и 11 янв. 1767 г. вступилъ въ службу въ преображенскій полкъ, въ которомъ въ 1777 г. произведенъ только въ прапорщики. За то 1 янв. 1781 г. (слѣдующаго по возвышеніи Ал. Д-ча Л-го) сдѣланъ подполковникомъ въ лейбъ-греналерскій полкъ, а 3 апр. 1783 г. генераль-кригс-комисаромъ. Къ концу турецкой войны онъ былъ бригадиромъ; къ концу польской (гдѣ отличился при Холмѣ и Липнѣ) генералъ-маіоръ, и въ слѣдующемъ году — Саратовскій губернаторъ (1795). Во все царствованіе Павла I, онъ оставался на своемъ посту, переименованный въ гражданскій чинъ; при Александрѣ I же въ чинѣ тайн. сов-ка переведенъ въ Гродно (1803 г.), гдѣ оставался до сенаторства (1809 г.). Въ отечественную войну завѣдывалъ главнымъ интендантскимъ управленіемъ и, произведенный въ д. т. сов—ки; въ 1813 году назначенъ генералъ-губернаторомъ герцогства Варшавскаго, въ 1815 г. (15 іюня) переименованный въ намѣстника Царства Польскаго. Съ этого поста вызванный въ члены государственнаго совѣта (февр. 28, 1816 г.) онъ получилъ должность предсѣдателя коммисіи прошеній (4 ноября) и съ 29 августа 1823 г. по 19 апрѣля 1828 г., былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, состоя (съ 22 февр. 1824) предсѣдателемъ коммисіи по сооруженію Исакіевскаго собора. В. С. Ланской умеръ въ 1831 году; отъ брака съ Варварой Матвѣевной Пашковой, оставивъ одного сына Николая Васильевича, (ст. сов.), двухъ дочерей дѣвицъ, — фрейлинами (Софью Васильевну и Варвару Васильевну), да — двухъ замужемъ: за д. с. с. кн. Ал. Бор. Голицынымъ (Анну Васильевну) и за камергеромъ А. Н. Шахматовымъ (Людмилу Васильевну). Слѣдующій за нимъ братъ Павелъ Сергѣевичъ (род. 1758) былъ сенаторъ, женатый на Александрѣ Михайловнѣ Ханыковой и оставившій сыновей: Алексѣя и Михаила Павловичей. Пятый изъ кузеновъ Александра Дмитріевича Л-го—Степанъ Сергѣевичъ († 1844) былъ гофмаршалъ и отъ брака съ Марьею Васильевною Шатиловой, имѣлъ сына — Сергѣя Степановича (возведеннаго въ графское достоинство 23 апр. 1861). Послѣ дяди, Василья Сергѣевича, графъ

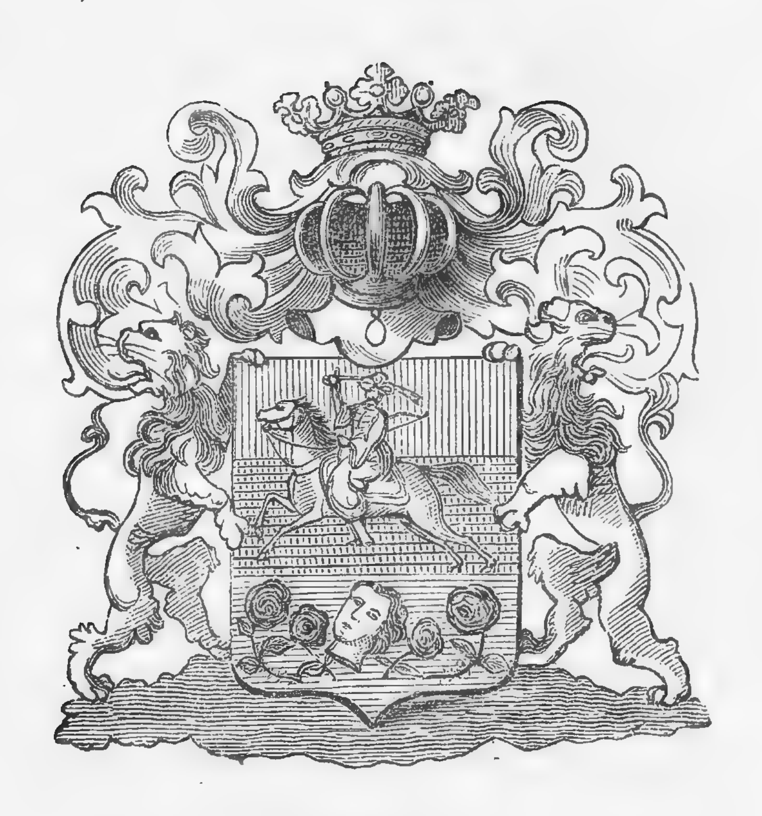
Сергій Степановичъ, самый знаменитый изъ своей фамиліи въ настоящемъ вѣкѣ. Онъ родился 23 декабря 1787 г. и въ 1800 г. началъ службу юнкеромъ, а скоро потомъ переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ 1808 г., уже камеръ-юнкеръ, С. С. Л-ской отправленъ въ Финляндію къ графу Буксгевдену для особыхъ порученій по дипломатической части; а при заключеніи мира назначенъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ, въ сенатъ. Въ 1817 г. сдѣланъ директоромъ коммисіи погашенія долговъ и по 1823 г. управлялъ ею (до отставкн). Потомъ служилъ (2 трехлѣтія) судьею московскаго совѣстнаго суда и назначенный (1830) губернаторомъ сперва въ Кострому, а потомъ во Владиміръ (1833), съ этого поста назначенъ сенаторомъ (31 дек. 1834). Съ 1839 г онъ былъ почетн. опекуномъ спб. опекунскаго совѣта; въ 1850 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта. А съ 1855 г. былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ ту именно пору, когда министерство призвано было къ усиленной дѣятельности, по случаю разработки многихъ вопросовъ государственной важности, изъ которыхъ первымъ было освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Труды С. С. Ланскаго признательный монархъ наградилъ возведеніемъ его въ графское достоинство съ нисходящимъ потомствомъ. Новый графъ скончался 26 янв. 1862 (оставивъ отъ брака съ княжною Варварой Иван. Одоевскою † 1844 г.) семеро дѣтей, а именно: 1) Настасью Сергѣевну (род. 1813), бывшую за барономъ П. С. Вревскимъ; 2) полковника гр. Степана Сергѣевича (род. 1814); 3) графиню Варвару Сергѣевну, фрейлину; 4) графа Александра С. (род. 1822, † 1866); 5) графиню Прасковью Сергѣевну (1826); 6) графиню Марью Сергѣевну, за ген. отъ кавалеріи Ст. Вас. Перфильевымъ и графа Михаила Сергѣевича (род. 1832). Сестры гр. С. С. Ланскаго: Павла Ст.—на—дѣвица, Ольга Ст. была за сенат. кн. Вл. Ѳ. Одоевскимъ и умерла 1872 г., а Зинаида Степановна, за д. с. с. Врасскимъ.

Послѣ Степана Сергѣевича, слѣдующій братъ былъ Сергѣй Сергѣевичъ (род. 7 сент. 1761, † 29 апр. 1814), сенаторъ, женатый на Луизѣ Констансѣ Вилламовой (род.

1764 и † 1843, 8 окт.). Это была извѣстная писательница для дѣтей, на французскомъ языкѣ. Она была воспитательница великой княжны Александры Павловны и отъ императора Павла I получила, при вступленіи въ бракъ воспитанницы ея—1500 душъ. Ихъ единственный сынъ Павелъ Сергѣевичъ, генер.-лейтенантъ, † 1853 г.

Наконецъ, Дмитрій Сергѣевичъ, самый младшій изъ кузеновъ любимца, былъ также сенаторъ, † 19 іюля 1834 г. Отъ брака съ княжной Варварой Александровною Одоевской, дѣтей у нихъ не было.

Родъ продолжается кажется и отъ старицкаго воеводы Родіона Даниловича. У него было два сына и младшій изъ нихъ оставилъ шесть сыновей.

Спиридовы.

(дворянскій домъ).

Дворянскій родъ Спиридовыхъ уже существовалъ въ XVI вѣкѣ, можетъ быть и ранѣе, но происхожденіе его немогъ опредѣлить и самъ изслѣдователь о своемъ родѣ,— М. Гр. Спиридовъ, составитель обширнѣйшаго сборника извѣстій «о службѣ дворянъ русскихъ», изъ разрядныхъ списковъ и другихъ всякаго рода документовъ,—живя въ Москвѣ и управляя Вотчиннымъ Департаментомъ.

Первымъ изъ дворянъ съ фамиліею Спиридова документы называютъ—*Ивана*, (отчество неизвѣстно) посланнаго изъ Порхова въ Холмъ, прибавочнымъ воеводою въ большой полкъ (1580 г.). У этаго Ивана былъ сынъ *Алексѣй*,—значащійся царедворцемъ; а у него сынъ былъ

Степанъ—съ прозваніемъ, *Уланъ*. Степанъ—Уланъ Спиридовъ, городовой Клинскій дворянинъ: въ 1618—19 г. находился въ осадѣ въ Москвѣ, при нашествіи Владислава; въ 1623 г. за службу получилъ въ вотчину сельцо Ерасимово съ деревнями и пустошами; потомъ значился по 1-ой статьѣ; въ 1631 году получилъ 25 р. прибавки къ окладу; въ 1634 же году былъ подъ Смоленскомъ и умеръ 1653 года. У Степана (Улана) Алексѣевича были два сына: *Анисимъ* (бездѣтный) и *Алексѣй* Алексѣевичь, служившій въ рейтарскомъ строю съ 1653 г., женившійся (1657) на вдовѣ Еленѣ Алексѣевнѣ Кривцовой и отъ нея имѣвшій четырехъ сыновей: Силу, Никона, Митрофана и Андрея. Алексѣй Алексѣевичь, изъ поручиковъ рейтар. строя (1658 г.), записанъ въ Московскіе дворяне (1670 г.) и, получивъ за службы въ польскую войну, при заключеніи мира, прибавку въ 20 р.—умеръ 1682 г., по всей вѣроятности еще не престарѣлымъ. Старшій сынъ его, *Сила* Алексѣевичь (род. около 1659 г.), въ 1674 г. былъ записанъ въ жильцы и женился на Степанидѣ Сурминой, въ 1683 г. сдѣланъ стряпчимъ, а въ 1687 году получилъ чинъ поручика, съ которымъ и отставленъ въ 1700 году. У него былъ одинъ сынъ *Василій* Силычь, въ 1712 г. женившійся на Марьѣ Петровнѣ Толстой и съ нею прижившій троихъ дѣтей: *Василья* — Ростовскаго воеводу при Елизаветѣ, Ѳедора, Ивана, да Пелагею, бывшую за мужемъ за Александромъ Протопоповымъ. Болѣе о потомствѣ Силы Алексѣевича и всей старшей вѣтви Спиридовыхъ, ничего неизвѣстно.

Слѣдующій послѣ Силы братъ былъ—*Никонъ Алексѣевичь* (род. около 1680), значившійся еще въ жильцахъ 1682 г., въ 1692 г.—стряпчій; черезъ 2 года стольникъ и съ 20 сентября 1694 г. по 1697 г. воевода Димитровскій, описывавшій свой уѣздъ. Въ 1699 г. онъ былъ воеводою въ Кадомѣ и въ 1712 г. умеръ, оставивъ отъ брака (1690 г.) съ Дарьей Ивановной Пашковой, единственнаго сына Ивана, служившаго во флотѣ поручикомъ и умерш. въ 1738 году не старымъ.

Третій, слѣдующій за Никономъ братъ, былъ *Митрофанъ* Алексѣевичь, прапорщикъ рейтарскаго строя (1687—

1700), оставившій трехъ сыновей, изъ которыхъ о Васильѣ и Өедорѣ ничего неизвѣстно, а младшій *Иванъ Митрофанычъ* былъ капитанъ-командоромъ выпущенъ изъ флотской службы (1762 г).

Четвертый, младшій братъ предъидущихъ—*Андрей Алексѣевичъ* (род. около 1680 г.), оказывается продолжателемъ фамиліи до нашихъ дней и его потомство, собственно, прославило родъ Спиридовыхъ, сдѣлавъ его историческимъ.

Андрей Алексѣевичъ Спиридовъ самъ дослужился до чина маіора и въ послѣднее время жизни занималъ должность коменданта въ Выборгѣ; при Петрѣ I дѣйствуя съ честью въ Финляндіи. Онъ женатъ былъ на Аннѣ Васильевнѣ N N, подарившей ему трехъ сыновей: Василья Андреевича, утонувшаго въ чинѣ лейтенанта въ 1720 году, *Григорья Андреевича* — адмирала, и *Алексѣя Андреевича* (род. 1714 г. и умер. 1782), дослужившагося до чина пѣхотнаго генерала поручика; въ 7-ми лѣтнюю войну бывшаго генералъ-кригс-комиссаромъ, но отъ брака съ Дарьей Григорьевной, неоставившаго потомства.

Григорій Андреевичъ Спиридовъ, обезсмертившій себя походомъ флота въ Средиземное море и въ Архипелагъ въ 1-ю турецкую войну, при Екатеринѣ II, да дѣятельнымъ почином ъ чесменскаго боя (24 іюня 1770 г.), родился въ 1713 г. и съ 14-ти лѣтъ началъ морскую службу. При Аннѣ произведенный въ мичмана (5 дек. 1732 г.), будущій герой Чесмы и Пароса, взятъ адмираломъ Бредалемъ въ адъютанты (31 окт. 1757 г.) и въ турецкую войну совершилъ три компаніи въ Черномъ морѣ. При Елизаветѣ ему поручили развозить строевой лѣсъ изъ Казани къ портамъ Петербургскому и Архангельскому, въ чинѣ капитана 2 и 1 ранга. Въ послѣдній годъ жизни Елизаветы (1761), находясь съ эскадрою при Кольбергѣ, Г. А. Спиридовъ произвелъ высадку дессанта въ количествѣ 2000 челов.; причемъ находились съ нимъ оба малолѣтніе его сына (Андрей и Алексѣй Григ.). Это славное дѣло заставило Екатерину II смотрѣть на Спиридова, какъ на самаго способнаго изъ начальниковъ морской силы нашей,

для выполненія плана перенесенія борьбы на воды Архипелага, при посылкѣ экспедиціи гр. Ал. Гр. Орлова.

Спиридовъ, на походѣ еще потерявъ старшаго сына (Андрея, † на остр. Миноркѣ въ январѣ 1770 г.), выполнилъ блистательно принятое на себя порученіе. Дойдя до береговъ Мореи, онъ высадилъ войско передъ крѣпостью Коронъ—что было сигналомъ возстанія грековъ въ Мореѣ. Затѣмъ, овладѣвъ Паросомъ, Спиридовъ завелъ тамъ центральную станцію своей эскадры и—адмиралтейство. Несмотря на интриги Эльфинстона, Спиридовъ одержалъ верхъ надъ турецкими силами при Наполи-ди-Романія и остр. Хіосѣ. Послѣднее пораженіе заставило Капудана-Пашу удалиться въ Смирнскій заливъ и тамъ-то, въ бухтѣ Чесме, произошелъ грозный разгромъ турецкаго флота, начатый боемъ корабля Евстаѳій авангарда нашего, предводимаго Спиридовымъ, съ кораблемъ Капудана-паши. Взрывъ этихъ двухъ сцѣпившихся кораблей, къ счастію совершился тогда уже, когда Спиридовъ съ Ѳедор. Гр. Орловымъ успѣли уѣхать на шлюпкѣ прочь. Безстрашіе Спиридова оцѣнено было Екатериною II и при полученіи извѣстія о его славномъ подвигѣ—государыня, наградивъ героя орденомъ св. Андрея Первозваннаго, тогда же подарила ему село Нагорье, (Переяслав. у. Владимірской губ.) съ 1348 душами муж. п. (и 1455 д. женск. п.). Такъ что изъ людей недостаточныхъ, достойный адмиралъ разомъ получилъ средства для безбѣднаго существованія. Послѣ Чесменской побѣды Спиридовъ блокировалъ Дарданеллы (1770—72), отъѣзжая потомъ въ Италію для поправленія здоровья. Окончательное же разстройство его заставило героя съ окончаніемъ экспедиціи просить увольненія отъ службы (1774 г.). Императрица оставила при немъ адмиральскій окладъ по смерть, послѣдовавшую 8 апрѣля 1790 г. въ Москвѣ. Григорій Андреевичь Спиридовъ, отъ брака съ Анной Матвѣевной, имѣлъ дочь (Александру Григорьевну, бывшую за генер. Цимерманомъ) и четыре сына: Андрея (род. 1750 г. и † 1770 г.), Матвѣя, Алексѣя и Григорія Григорьевичей.

Матвѣй Григорьевичь (род. 20 ноября 1751, ум. 1829 г.) былъ Д. Т. С., сенаторъ. Началъ службу пажемъ (12-ти

лѣтъ), потомъ служилъ въ Семеновскомъ полку, по 1778 г., когда съ назначеніемъ въ камеръ-юнкеры посаженъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 5 д. Сената. Съ 1784 и по 1789 г. управлялъ Вотчинною коллегіей и въ 1793 г. сдѣланъ сенаторомъ. При Павлѣ и Александрѣ I (1800—1802 г.) ревизовалъ онъ губерніи: Казанскую, Вятскую, Оренбургскую и Саратовскую, а 12 декабря 1809 г. по Высоч. повел. уволенъ отъ службы. Женившійся (1775 г.) на дочери исторіографа князя Щербатова, княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ (род. 1757 г. и ум. 1827 г.), Матв. Григ. Спиридовъ занимался, какъ и тесть его, съ любовью историческими изслѣдованіями. Онъ составилъ самый обширный изъ сборниковъ о службѣ русскихъ дворянъ (15 том. рукописныхъ въ листъ, хранящихся въ И. П. Б). Напечатана изъ нихъ въ двухъ частяхъ 1810 г. только 6-я доля всего собранія; и то 3-я часть сгорѣла въ Московскомъ пожарѣ 1812 г., уже напечатанная). Мы пользуемся этимъ драгоцѣннымъ сборникомъ для нашихъ изслѣдованій о фамиліяхъ, между которыми извѣстія о Спиридовыхъ, конечно, уже полныя (по 1822 г.). Трудъ М. Гр. Спиридова дѣлаетъ имя его незабвеннымъ въ области русской исторической науки и эти заслуги даютъ право: портретъ, переданный потомками въ И. П. Б., сдѣлать общеизвѣстнымъ достояніемъ; какимъ оказывается сборникъ этого лица.

Матвѣй Григорьевичь Спиридовъ, оставилъ шесть сыновей и дочь (Софью Матвѣевну). Сыновья его: 1) *Григорій Матвѣевичь* (род. 1777 г.) оставилъ службу въ чинѣ поручика, и женясь на Марьѣ Васильевнѣ, отъ ней имѣлъ сына Григорія (род. 1815 г.). 2) *Алексѣй М.*, статскій совѣтникъ, при Александрѣ I служилъ въ Московскомъ почтамтѣ и потомъ имѣлъ секретное порученіе въ Бухарестѣ (1817 г.). 3) *Иванъ Матвѣевичь* (род. 1787, † 1819 г.) полковникъ, имѣвшій сына Николая и дочь Наталью (отъ брака съ Софьею Дмитріевной Олсуфьевой). 4) *Александръ Матвѣевичь* (род. 20 апр. 1788 г.) при Николаѣ I былъ начальникомъ Юрбургской таможни, д. с. с. Отъ брака съ Настасьею Николаевной Гавриловой, имѣлъ 5 сыновей и двухъ дочерей: Николая, Михаила, Григорія, Петра,

Анну, Наталью и Алексѣя. (Дѣло о Спиридовыхъ по Москов. губ.). 5) *Андрей Матвѣевичъ*, колл. асс., служилъ за оберъ-прокурор. столомъ въ 8 д-тѣ Сената и 6) *Михаилъ М.* (род. 1797 г.) декабристъ, членъ общества соединенныхъ славянъ.

Третій сынъ Чесменскаго героя былъ морякъ и адмиралъ; какъ и отецъ его. Это былъ *Алексѣй Григорьевичъ* Спиридовъ (род. 1753 и ум. 18 марта 1828 г.) Онъ раздѣлялъ опасности и славу родителя съ 8-ми лѣтняго возраста, и, какъ адъютантъ Орлова-Чесменскаго, посланъ съ донесеніемъ о боѣ 24 іюня 1770 г. Въ 1788—90 г. участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ и операціяхъ нашего флота противъ шведскаго; въ 1791 г. состоялъ помощникомъ гр. И. Гр. Чернышева по управленію адмиралтейскою коллегіею; съ 1792 по 1811 находился главнымъ командиромъ надъ портомъ въ Ревелѣ; въ 1811—13 г. находился въ Архангельскѣ въ должности военнаго генералъ-губернатора и оттуда перепросившись въ командиры Ревельскаго порта, въ этой должности и скончался, оставивъ сына, *Алексѣя Алексѣевича*, камеръ-юнкера, и дочерей: *Екатерину Алексѣевну*, за графомъ Николаемъ Степановичемъ Толстымъ (дядею настоящаго Минист. Народн. Просв.), *Марію* (род. 1800 г.) и *Софью Алексѣевну* (род. 1802 г.).

Четвертый же и послѣдній сынъ Чесменскаго героя, былъ *Григорій Григорьевичъ* Спиридовъ (род. 1758 г. и ум. 4 мая 1822 г.), другъ графа Ѳедора Васильевича Растопчина, изъ пажей (какъ и Матв. Григ.) служившій въ Семенов. полку, въ чинѣ капитана участвовавшій въ шведской войнѣ при Екатеринѣ II и бригадиромъ вышедшій въ отставку. При Павлѣ былъ онъ об.-полиціймейстеромъ въ Москвѣ (1798—1800 г.); въ 1805 г. и 1812 г. служилъ въ Переяславскомъ ополченіи. По прогнаніи же французовъ изъ Москвы, былъ въ древней столицѣ комендантомъ и потомъ московскимъ гражданскимъ губернаторомъ. По выходѣ изъ службы Растопчина и онъ вышелъ въ отставку.

Въ дополненіе ко всему нами приведенному о фамиліи Спиридовыхъ, можемъ сказать еще, что *Николай Александровичъ* (сынъ Александра Матвѣевича) теперь пол-

ковникъ; а о другихъ представителяхъ фамилiи мы не-имѣемъ свѣденiй.

Гербъ Спиридовыхъ (Гербовникъ ч. 2. Отд. I. № 101.) представляетъ щитъ, раздѣленный горизонтально на три поля: красное, черное и голубое, изъ коихъ на первыхъ двухъ изображенъ ѣздокъ, скачущiй на бѣломъ конѣ въ голубой одеждѣ, съ поднятою вверхъ саблею, съ золотымъ лукомъ и колчаномъ за плечами. Ниже ѣздока (на черномъ полѣ) переломленная на двое сабля (серебряная). Въ нижнемъ же (голубомъ полѣ), между четырехъ вѣтокъ розъ (съ листьями и цвѣтами) отрубленная человѣческая голова.

Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ и короною. Наметъ лазуреваго и червленнаго цвѣта съ подложкою серебромъ.

Щитъ гербовый держитъ два стоящiе на заднихъ лапахъ льва.

Васильчиковы.

(Дворяне).

По родословію, родъ русскихъ дворянъ Васильчиковыхъ происходитъ отъ *Индрика*, выѣхавшаго изъ нѣмецкой земли въ Черниговъ въ 1353 году. Индрисъ самъ въ Черниговѣ принялъ православіе, названный Леонтіемъ, а сыновья его *Литвиносъ* - Константиномъ, и *Занатменъ* — Өедоромъ. Устаршаго изъ нихъ, Константина, былъ сынъ Харитонъ Константиновичъ, а у Харитона сынъ Андрей, прозваніемъ *Толстой*, переселившійся изъ Чернигова въ Москву, на службу великаго князя Василья Васильевича (Темнаго). У Андрея Харитоновича былъ сынъ Карпъ и внуки: 1) Өедоръ Карповичъ большій *Толстой*, отъ котораго произошелъ родъ *Толстыхъ* — дворянъ и гра-

фовъ; 2) Өедоръ Карповичь меньшой—*Өедецъ*—родоначальникъ *Өедцовыхъ* и 3) Юрій Карповичь, у котораго единственный сынъ Василій, прозваніемъ *Дурной*, имѣлъ сына Өедора Васильевича—родоначальника *Дурновыхъ*, происшедшихъ отъ старшаго изъ сыновей его *Микулы* Өедоровича. Отъ втораго же брата его—*Данила*—произошли *Даниловы*, а третій Василій (уменьшительное *Васильчикъ*) сдѣлался родоначальникомъ *Васильчиковыхъ*.

Родомъ ихъ и займемся мы теперь.

У Василья Өедоровича Васильчика, по родословію, было три сына: Осипъ и Иванъ Васильевичи, въ числѣ дворянъ значащіеся уже на службѣ въ свадебномъ поѣздѣ княжны Өедосьи Ивановны (дочери царя Ивана III), при выходѣ ея за князя Василья Дан. Холмскаго (13 февр. 1500 г.). Третій же братъ ихъ, *Кинбаръ*—Кипріянъ, былъ въ службѣ еще при Грозномъ. Онъ въ походѣ 1540 г. къ Ревелю значился 47 становщикомъ Государева полка На свадьбѣ Холмскаго въ поѣздѣ участвовалъ (1500 г.) и старшій сынъ Осипа Ивановича—Өедоръ Осиповичь Васильчиковъ, о которомъ мы болѣе ничего незнаемъ, какъ и о второмъ братѣ его—Гавріилѣ Ивановичѣ, какъ и первый извѣстномъ по сыновьямъ своимъ. Неупомянутые же въ родословной книгѣ кн. П. В Долгорукова, младшіе ихъ братья, съ дядею Кинбаромъ, служили при Грозномъ, а именно: Михаилъ Ивановичь Васильчиковъ былъ въ Казанскомъ походѣ 1544 г. завоеводчикомъ (адъютантомъ воеводы), а въ Полоцкомъ походѣ 1551 г. 3-мъ воеводою 19 полка *правой руки*. Братъ же его Петръ Ивановичь служилъ эсауломъ въ обоихъ этихъ походахъ, тогда какъ племянникъ,—Михаиловъ сынъ Василій,—былъ *головою* (т. е. полковникомъ стрѣлецкимъ). Въ послѣднемъ же изъ этихъ походовъ (Полоцкомъ) въ числѣ боярскихъ дѣтей 3 статьи значится Шестакъ (Степанъ, по мнѣнію князя П. В. Долгорукова) Өедоровичь, да сынъ его старшаго брата, бывшаго потомъ бояриномъ (*Григорій Андреевичь*), со вторымъ братомъ (Ильею). Между тѣмъ, какъ неупомянутый у князя Долгорукова (какъ и отецъ ихъ Василій Михайловичь): Никита Васильевичь былъ тогда 4-мъ воеводою 8 полка лѣвой руки (лѣваго фланга).

Братья же его (тоже пропущенные въ родосл. книгѣ кн. Долгорукова): Савва Васильевичь и Кодратъ Васильевичь, были *становщиками:* первый въ Казанскомъ (1844 г.), а послѣдній въ Полоцкомъ походѣ (1551 г.)

Мы считаемъ долгомъ указать на эти пропуски, поставивъ себѣ за правило выставлять заслуги лицъ виднѣе и прежде всего, а родовыя условія только по необходимости, для связи и уясненія.

Обратимся вновь къ представителямъ фамиліи упоминаемымъ въ родословной. У Гавріила Осиповича Васильчикова были еще два сына: Семенъ и Борисъ Гавриловичи, изъ которыхъ послѣдній (служба неизвѣстна), отъ брака съ княжною Анной Петровной Засѣкиной, оставилъ 4 сыновей (двое изъ нихъ—Михаилъ и Афанасій—неупомянуты въ родословіи, но извѣстны по службѣ). Изъ нихъ: Михаилъ былъ посыланъ (1572 г.) за гонцомъ татарскимъ въ Можайскъ, отъ государя. Назарій Борисовичь посыланъ на встрѣчу польскимъ посламъ (1571 г.) и находился при сооруженіи въ Новѣ-городѣ крѣпостной стѣны 1584—5 г. 4-мъ головою. Строили стрѣльцы.

Афанасій же Борисовичь былъ посланъ царемъ Борисомъ увѣрить князя Острожскаго и кіевлянъ: что, называвшій себя въ Польшѣ Димитріемъ царевичемъ—обманщикъ Отрепьевъ. Но это порученіе кончилось гибелью, кажется, посла: Афанасій былъ заключенъ Острожскимъ, принявшимъ сторону самозванца и неизвѣстно, что съ нимъ сдѣлалось потомъ: воротился онъ или нѣтъ, живымъ на Русь? Младшій братъ ихъ, Григорій Борисовичь, былъ осаднымъ головою въ Балахнѣ (1583 г.), въ 1587 г. ѣздилъ *вторымъ* навстрѣчу польскому послу, оставшись при немъ приставомъ. Въ томъ же году посланъ за границу съ Императорскими нѣмецкими послами. Съ 1588 по 1590 г. провелъ въ посольствѣ у персидскаго шаха; въ 1599 же г., состоя судьею на земскомъ дворѣ, уже бояриномъ, намѣстникомъ Болховскимъ, онъ ѣздилъ 2-мъ проводить граничную черту въ Лапландіи, по рубежу нашему съ Швеціею, совокупно со шведскими уполномоченными (1598 г.). Мы не знаемъ, изъ какого рода были обѣ жены его, и какъ ихъ отчество, а только имена

одни: 1-я Аграфена, 2-я Өедора. Отъ которой изъ нихъ имѣлъ онъ дочь *Анну* царицу, супругу Грознаго, да сына Лукьяна?—неизвѣстно. Сестра ихъ, Марья Борисовна, въ монахиняхъ называлась Александрою. Отъ братьевъ этихъ, однако, родъ только и продолжается.

Наоборотъ, заслуженнымъ лицомъ, но не продолжателемъ рода Васильчиковыхъ, оказывается окольничій Григорій Андреевичь (сынъ Андрея Өедоровича). Онъ служилъ—болѣе 40 лѣтъ: въ 1551 году, какъ мы уже замѣтили, состоя въ числѣ дѣтей боярскихъ, онъ еще упоминается *объѣздчикомъ* въ Китаѣ городѣ, въ Москвѣ, въ 1591 году. На комъ женатъ былъ онъ, неизвѣстно, но мы знаемъ его единственнаго сына Никиту и дочь *Анисью*, за княземъ Андреемъ Романовичемъ Гагаринымъ. Никита Григорьевичь оставилъ потомство въ числѣ двухъ сыновей, изъ которыхъ первый—Тимофей Никитичь, былъ стряпчимъ, записанный въ дворяне Московскіе въ 1627 г. И оба они были бездѣтны.

Лукьянъ Григорьевичь, оказывающійся продолжателемъ донынѣ фамиліи своей, былъ тоже въ это время (1627 г.) дворяниномъ Московскимъ, и жилъ еще въ 1648 году. А въ 1646—7 г строилъ валъ въ Бѣлгородѣ. Изъ трехъ сыновей его: стольниковъ Михаила (1636 г.) и Саввы Лукьяновичей, да стряпчаго Семена Лукьяновича (служившаго въ полкахъ по 1669 годъ) — потомство продолжается отъ послѣдняго, именно отъ старшаго изъ двухъ сыновей его (стольниковъ Григорія и Василія Семеновичей. Отъ Григорія, какъ и братъ Василій имѣвшаго въ Петербургѣ камен. домъ, строенный (1723 г), на Васильевскомъ острову, въ XII л.; (Василій же Семенов. въ XI л. дерев. д. 1725 г.) Жили они, впрочемъ, больше въ Москвѣ. Григорій Семеновичь оставилъ трехъ сыновей: Семена, Николая и Алексѣя Григорьевичей: да трехъ дочерей замужнихъ: Елену за Власьевымъ, Ирину за Бѣжинымъ и Анастасію Гр за Алмазовымъ.

Старшій изъ сыновей Григорья Семеновича, Семенъ Григорьевичь, въ 1737 г. опредѣленный военною коллегіею къ управленію дѣлами по наслѣдству Кантеміра, оставилъ тоже трехъ сыновей и 4 дочери: Наталью

Сем — ну за генералъ поручикомъ Семеномъ Петровичемъ Озеровымъ; Александру и Анну — дѣвицъ, да Елену Семеновну († 6 сент. 1820 г.) за Никол. Ив. Сабуровымъ. Старшій изъ братьевъ ихъ, ст. сов. Иванъ Семеновичь, отъ брака съ княжною Прозоровской (дочерью кн. Петра Владиміровича) оставилъ трехъ же сыновей (Димитрія, Николая и Александра), да четырехъ дочерей (Марью, Александру за Терентьевымъ — по дѣлу Герольдіи, — или за Евреиновымъ, по родословной книгѣ кн. П. В. Долгорукова), Елизавету и Екатерину. Въ лицѣ старшихъ двухъ сыновей его, родъ продолжается.

Второй сынъ Гр. С-ча Семенъ Григорьевичь, дѣйствительный камергеръ и кавалеръ св. Александра Невскаго, пользовался фаворомъ при дворѣ (съ сентября 1772 г. по 1774 годъ), а потомъ уѣхалъ въ Москву и провелъ тридцать лѣтъ въ пышномъ домѣ своемъ, на Воздвиженкѣ, холостякомъ, оставивъ въ раздѣлъ братьямъ по смерти своей (1803 г.) громадное состояніе.

Слѣдующій по немъ братъ, былъ *Василій* Семеновичь, камергеръ же (ум. 31 дек. 1808 г.), отъ брака съ графинею Анной Кириловной Разумовской, оставившій 4-хъ сыновей: *Александра*, *Алексѣя* (р. 1778 г. и ум. 18 апр. 1854 г.), д. т. сов, женатаго на Александрѣ Ивановнѣ Архаровой; *Кирилла*, полк. † 1 авг. 1827 г. и *Савву* Вас. Сестры ихъ были: Екатерина Васильевна за д. т. с. кн. Никол. Ив. Вяземскимъ и Марья Васильевна, вышедшая — за канцлера кн. Викт. Павл. Кочубея (1799 г. † 1854 г.)

Александръ Васильевичь не оставилъ потомства. У Алексѣя Васильевича три сына: Василій, Петръ и Александръ Алексѣевичь (авторъ монографіи о родѣ Разумовскихъ, женатый на Олсуфьевой). Сестры ихъ: Анна Алексѣевна за гр. Павломъ Трофимов. Барановымъ, а Екатерина Ал. за кн. Вл. Александр. Черкаскимъ.

Родъ младшихъ сыновей стольника Григорья Семеновича тоже продолжается отъ младшаго. У старшаго Николая Григорьевича, былъ сынъ Михаилъ Николаевичь, бригадиръ, отъ брака съ Анною Ѳадѣевной Тютчевой оставившій сыновей: Александра и Николая Михайловича (д. с. с., женатаго на Софьѣ Дмитр Васильчико-

вой, дочери об. егермейстера, своей троюродной сестрѣ).— Потомства ихъ мы незнаемъ. Сестра же ихъ Екатерина Михайловна была за Ив. Ив. Давыдовымъ. Родъ младшаго (сына Григорья Семеновича) Алексѣя Григорьевича, получилъ особенную знаменитость въ фамиліи.

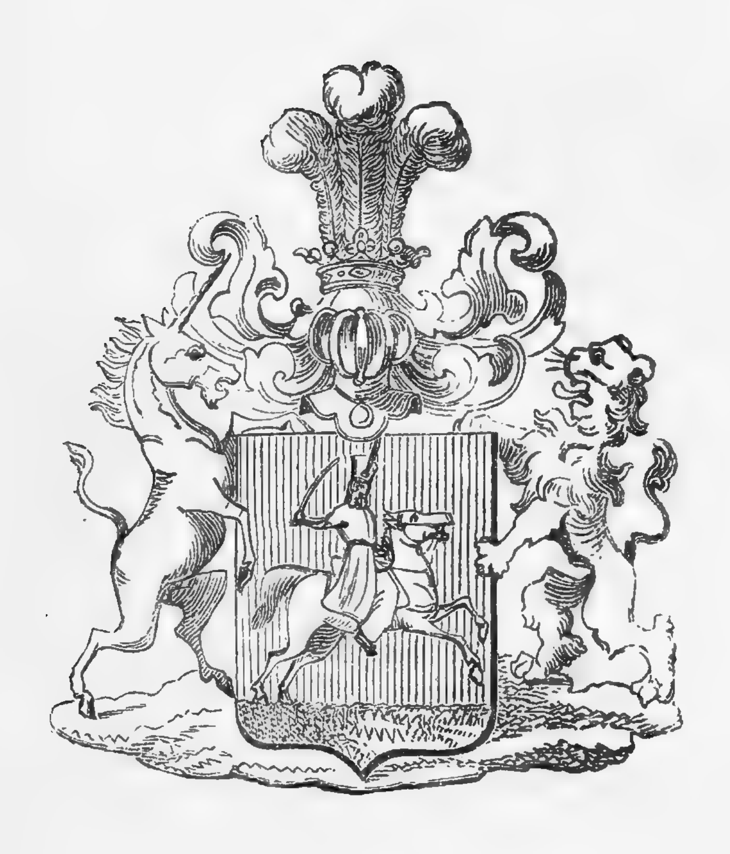
Алексѣй Григорьевичь имѣлъ двухъ сыновей: генералъ-лейтенанта Григорья Алексѣевича † 1838 г. безъ потомства, да—*Василья Алексѣевича*, бригадира, женатаго на Екатеринѣ Алексѣевнѣ *Овцыной* († 1832 г.) Отъ брака ихъ родились: 1) *Иларіонъ Васильевичь*, впослѣдствіи полный генералъ, предсѣдатель Государственнаго совѣта, князь, (о потомствѣ его и о немъ мы будемъ говорить въ особой статьѣ, при гербѣ *князей Васильчиковыхъ*). 2) Дмитрій Васильевичь, былъ оберъ-егермейстеръ, членъ Государственнаго совѣта, кавалеръ всѣхъ Россійскихъ орденовъ, отъ брака съ графинею Аделаидой Петровной Апраксиной († 1851 г) имѣвшій трехъ дочерей: Софью за Н. М. Васильчиковымъ, Елизавету за Протасовымъ и Татьяну, за граф. А. С. Строгоновымъ. 3) Алексѣй Васильевичь былъ Новгородскимъ губернаторомъ, и 4) Николай Мих. ум. 58 лѣтъ въ чинѣ генералъ-маіора 1839 г. Онъ имѣлъ въ супружествѣ Елизавету Максимовну Ганъ.

Сестры ихъ: Елизавета (по родословію Екатерина, по родословной кн. кн. П. В. Долгорукова) дѣвица,—и Татьяна Васильевна (1781—1841 г.) была за Московскимъ градоначальникомъ, княземъ Дм. Владимір. Голицынымъ.

У Николая Мих. и Ел. Максимовны, были: сынъ Николай Николаевичь, умершій 1843 г. и дочь Екатерина Николаевна за Дм. Ник. Ермоловымъ.

Гербъ дворянъ Васильчиковыхъ (гербовникъ ч. V. № 23) представляетъ въ лазуревомъ полѣ золотую саблю и серебряную стрѣлу, положенныя крестообразно, остріями къ верхнему правому углу и діагонально продѣтыя въ кольцо золотого ключа, надъ которымъ съ лѣвой стороны представлено серебряное крыло.

Надъ гербомъ дворянскій шлемъ и корона. Наметъ на щитѣ лазуревый, подложенъ золотомъ.

Болтины.

Происхожденіе рода этихъ дворянъ относится къ XIV вѣку. Стрыйковской приписываетъ Ольгерду пораженіе въ Подоліи, близъ *Синихъ водъ*, монгольскихъ князей *Кутлубака*, Качибей Кирея и Димейтера, въ 1331 году. Въ первомъ изъ этихъ именъ явственно слышится Кутлу-буга, тоже татаринъ, неизвѣстно при которомъ изъ московскихъ государей (при Калитѣ или Симеонѣ?) переселившійся въ Москву и принявшій православіе съ именемъ Георгія. Во всякомъ случаѣ, принимая (по родословію) 6 поколѣній отъ родоначальника до дѣятелей временъ Грознаго, приходишь къ убѣжденію, что *Георгій-Кутлубуга* выѣхалъ въ Москву въ первой же половинѣ XIV вѣка?

Съ принятіемъ православія, поселясь на постоянное жительство въ Москвѣ, Георгій Кутлу-буга женился на русской и прижилъ съ нею сына Михаила, извѣстнаго подъ прозваніемъ *Болтъ*. Сынъ этаго лица, Матвѣй, первый сталъ писаться *Болтинымъ* и отъ него пошла дворянская фамилія, о которой мы теперь говоримъ. У Матвѣя Михайловича Болтина было три сына: два Ивана (*большой* и *меньшой*, да средній Семенъ, владѣвшій въ Холмогорахъ половиною Двины. Семенъ Матвѣевичь еще въ 1490 г. былъ I воеводою, собраннаго войска въ Костромѣ на Двину и Устюгъ. Родъ прекратился въ XVI в., на бездѣтныхъ правнукахъ (Леонтіѣ и Александрѣ Ивановичахъ, дѣтяхъ младшаго изъ трехъ внуковъ, Семена Матвѣевича—*Ивана Степановича*). Другіе два брата этаго лица, Андрей и Владиміръ Степановичи, неоставили тоже потомства. Такъ что существуетъ оно только отъ родоначальниковъ одного имени—*Ивановъ* Матвѣевичей.

Родъ старшаго Ивана Матвѣевича Болтина, по всей вѣроятности при Василіѣ Темномъ получившаго *соколиный путь въ кормленіе*, продолжался въ лицѣ двухъ сыновей его: Григорія и Михаила. У Григорья Ивановича—слуги Ивана III, посланнаго имъ къ Хану Ахмату въ 1473 году,—было четыре сына: Андрей, Ѳедоръ, Дмитрій и Никита Григорьевичи. Послѣдніе два умерли безъ потомства, оставленнаго только двумя старшими братьями, въ родъ которыхъ перешли и вотчины потомковъ Семена Матвѣевича. У старшаго изъ сыновей Григорья Ивановича—Андрея, были дѣти: Михаилъ—воевода Грознаго въ Тетюшахъ (1576—8 г.) и въ Лаишевѣ (1579 г.).—продолжатель рода,—да *Никифоръ*, извѣстный по ручательству за князя Василья Серебрянаго передъ Грознымъ, на сумму 200 рублей (1565 г.). Тогда какъ два же сына были и у втораго брата, Ѳедора Григорьевича: Яковъ, да Охматъ Ѳедоровичи, изъ которыхъ второй, въ числѣ помѣщиковъ великолуцкихъ приложилъ руку къ соборному постановленію (1566 г.) объ отказѣ польскому королю въ мирѣ за принятіе Лифляндіи въ подданство Польши.

Яковъ и Охматъ Ѳедоровичи не оставили потомства; какъ мы замѣтили, продолжаемаго только по старшей

вѣтви, отъ Михаила Андреевича, отца пяти сыновей: Ѳедора, Василья, Козьмы и Ивановъ двухъ (послѣднiй назывался просто *Пятымъ*, вмѣсто имени).

У старшаго изъ нихъ Ѳелора Михайловича былъ одинъ только сынъ *Баимъ Ѳедоровичь*—лицо приближенное къ царю Михаилу Ѳедоровичу Романову, котораго вѣрный слуга, впрочемъ, пережилъ, послуживъ еще семь-восемь лѣтъ и его сыну.

Баимъ Ѳедоровичь началъ службу еще въ междоцарствiе (родившись въ концѣ XVI вѣка); находясь въ отрядѣ кн Дм. Т. Трубецкаго (1614) онъ посыланъ къ государю изъ Бронницъ, съ просьбою о разрѣшенiи: отступить. Въ 1625 г. былъ на 1-й свадьбѣ царя Михаила; въ томъ же году посланъ въ Терки и пробылъ тамъ до 1628 г., а воротившись въ Москву, и состоя еще въ должности дьяка (сперва Нижегородской четьи, потомъ посольскаго приказа), участвовалъ почти всегда во встрѣчахъ и прiемахъ пословъ, удостоиваясь видѣть царскiе очи въ праздники и приглашаясь за царскiй столъ, по столовой избѣ. Въ 1633 году, сдѣланъ онъ за отличiе стольникомъ и съ отрядомъ у Симонова монастыря защищалъ столицу, осажденную Владиславомъ. Посланный за тѣмъ воеводою къ Новгородъ-Сѣверску, Б. Ѳ. Болтинъ взялъ этотъ важный стратегическiй пунктъ и прислалъ въ Москву пана Куницкаго съ 200 челов. плѣнной шляхты. За эту службу награжденъ воевола собольею шубою на золотой парнѣ, кубкомъ, да придачею къ окладу помѣстному и денежному. Въ 1634 г. посланный на съѣздъ съ польскими послами въ качествѣ головы стольниковъ и стряпчихъ, онъ въ слѣдующемъ году посланъ 4 мъ дворяниномъ при послѣ въ Литву. Въ 1637 г. вторымъ послали его на съѣздъ для проведенiя граничной черты съ Польшею, а 23 мая 1638 г. находился онъ на прiемѣ Крымскаго посла головою 9-й сотни городовыхъ дворянъ и въ 1641 г. сдѣланъ Ясельничимъ. Въ 1647 г. посыланъ въ Путивль на съѣздъ съ польскими послами и въ томъ же году посыланъ въ Данiю посломъ, съ титуломъ намѣстника Серпуховскаго; въ 1649 г. былъ опять у польскихъ пословъ; въ 1652 г. посланъ на воеводство въ Тобольскъ и, воротясь

оттуда (1654 г.), состоялъ при государѣ, въ польскомъ походѣ, 10-мъ головою у ставленья становъ царскихъ. Онъ умеръ, вѣроятно, скоро затѣмъ, бездѣтный. Слѣдующій по немъ братъ — Иванъ Ѳедоровичь, имѣлъ двухъ сыновей бездѣтныхъ: Степана и Самсона. Бездѣтными оказываются и младшіе братья Баима, Самсонъ да Аверкій Ѳедоровичи; а родъ продолжается только отъ *средняго*, третьяго брата, *Ивана* Ѳедоровича. Аверкій Ѳедоровичь тоже лицо замѣчательное. Онъ былъ воеводою въ 1644 г. на Саратовѣ и тамъ побитіемъ буйныхъ татаръ успокоилъ южное заволжье, за что получилъ прибавку къ окладу. А затѣмъ заявлялъ себя усердною службою на воеводствахъ: въ Старомъ Быховѣ, Томскѣ (авг. 1652—авг. 1656 г.) и Корсуни (1658 г.). Средній же братъ,—*Иванисъ Ѳедоровичь*, служака временъ Михаила (1620 г.),—отецъ семи сыновей: Ивана, Петра, Емельяна, Гаврилы, Данилы, Іосифа и Бориса—оказывается родоначальникомъ двухъ вѣтвей: Нижегородской — отъ старшаго сына *Ивана* и *Псковской*, отъ младшаго—*Бориса* Ивановича.

У Ивана Ивановича были два сына: Михаилъ и Иванъ Ивановичи. *Михаилъ Ив.* въ 1661 г. привезъ къ государю разбитаго и плѣненнаго кн. Хованскимъ польскаго полковника Лисовскаго и жилъ еще въ 1703 г., значась 251 стольникомъ. Младшій братъ его въ 1668 г былъ стряпчимъ и получилъ въ вотчину $^1/_5$ помѣстья въ Арзамасскомъ уѣздѣ (Залѣснаго стана, за Собакинскими воротами, въ с. Яновѣ, 106 четв. да жеребей с. Новокрещенова, а въ 1687 г. въ Тежскомъ стану 3 жеребья с. Лукьянова, Вонючка тожъ, 200 четв.). Имѣніе Ивана Ивановича перешло въ родъ старшаго брата его Михаила, у котораго былъ сынъ Степанъ, отецъ Александра и Сергѣя Степановичей. Первый изъ нихъ былъ вице-губернаторомъ въ Рязани, при Екатеринѣ II, и умеръ при Павлѣ I въ чинѣ ст сов., оставивъ двухъ сыновей: кол. сов. (1798 г.) Петра и полковника Николая Александровичей. Начатое отцомъ дѣло о родословіи по Нижегородской дворянской опекѣ и о гербѣ фамиліи, оба указанные лица довели до конца, получивъ желаемое. У Петра Александровича

былъ сынъ Аполлонъ, въ 1844 г. (въ чинѣ 6 кл.) служившій въ М. В. Д.

У младшаго же брата Александра Степановича, (ст. сов.) Сергѣя Степановича—былъ сынъ Димитрій, переводчикъ съ нѣм. (Геснера «первобытный мореплаватель») и съ французскаго, (исповѣди Жанъ-Жака-Руссо), жившій въ Москвѣ (въ 1793 г., имѣя чинъ кол. асс.). Вотъ извѣстные намъ представители старшей линіи рода Болтиныхъ.

Потомство отъ Бориса Ивановича, составляющее младшую вѣтвь той же старшей линіи, продолжалось въ лицѣ сыновей Бориса: Степана, Алексѣя (Баима) и Никиты. У Степана былъ сынъ Никита, а у Никиты Борисовича, сынъ *Иванъ Никитичь*, генералъ маіоръ, прокуроръ военной коллегіи, историческій критикъ и изслѣдователь, уважаемый Екатериною II и принадлежащій къ самымъ талантливымъ представителямъ науки русской въ ея славное царствованіе. Этотъ, замѣчательный по своему времени, критическій, вѣрный и смѣлый умъ, получилъ воспитаніе домашнее, а слѣдовательно далеко недостаточное, родясь въ Казани (1 янв. 1735 г.) и уже 45 лѣтъ, въ чинѣ подполковника выйдя въ отставку, посвятилъ себя наукѣ, предпринявъ путешествіе по Россіи и за тѣмъ удѣляя любимому предмету досуги, между служебными занятіями по должности прокурора. Непрерывалъ онъ ихъ состоя и правителемъ канцеляріи князя Потемкина, питавшаго къ нему уваженіе и дружбу. Обширныя знанія свои И. Н. Болтинъ проявилъ особенно въ разборѣ исторіи Россіи Леклерка (1788 г.), подъ именемъ *примѣчаній* напечатанномъ на счетъ кабинета (въ 2 т. 4). Разбивая Ле Клерка, коснулся Болтинъ и труда кн. Шербатова, вслѣдствіе чего началась между ними ученая полемика, въ которой историкъ долженъ былъ уступить критику. Сама Екатерина II поручила Болтину составить примѣчанія на сочиненное ею самою «историческое представленіе изъ жизни Рюрика» (напеч. 1792 съ нѣмецк. перев.). Въ томъ же (1792) г. 6 октября и умеръ Болтинъ, оставивъ много сочиненій въ рукописяхъ, пріобрѣтенныхъ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ. Такъ напр., Болтинъ

составилъ толковый славяно-рос. словарь на букву А., перевелъ энциклопедію до б. К., и участвовалъ въ объясненіи текста найденной Мусинъ-Пушкинымъ «Русской правды».

Мы знаемъ двоюроднаго племянника знаменитаго историческаго нашего критика—секундъ-маіора, Александра Никитича Болтина, но дальнѣйшихъ представителей этой вѣтви точно не знаемъ.

Между тѣмъ продолжались до настоящаго вѣка 3 вѣтви отъ—внука Михаила Андреевича (воеводы въ Тетюшахъ и Лаишевѣ, при Грозномъ)—Семена Ивановича, отца Богдана, Ѳедора, Якова и Ивана Семеновичей. Трое изъ нихъ (кромѣ Богдана) оставили потомство въ лицѣ сыновей (младшаго Ивана, да двухъ еще, впрочемъ, умершихъ бездѣтными) и внуковъ: *Василья Ивановича*, автора «разсужденія о происхожденіи купеческаго состоянія въ Россіи» 1827 г., да *Александра Ивановича* (отъ Ивана Яковлевича, младшаго брата отца предъидущаго—Ивана Ѳедоровича) бригадира, жившаго въ Москвѣ (1793 г.).

Продолжалась до настоящаго вѣка (долѣе мы незнаемъ) и младшая вѣтвь старшаго поколѣнія (отъ *Большаго* Ивана Матвѣевича) и сына его *Михаила* Ивановича. У него было два сына въ свою очередь: Михаилъ и Иванъ. У перваго изъ нихъ (Михайлы Михайловича) тоже были два сына: Захарія и Иванъ Михайловичи. Отъ Ивана этаго знаемъ мы еще 5 поколѣній (сына Димитрія, внука Ивана, правнука Андрея, да праправнука Матвѣя Андреевича съ сыномъ Степаномъ. Захаръ Михайловичь въ 1578 г. посыланъ былъ гонцомъ въ Литву и по посольскимъ дѣламъ въ разъѣздахъ упоминается въ 1582—1584 и 1590 годахъ. У него былъ сынъ Петръ, внукъ Иванъ Петровичь, ростовскій дворянинъ, 1634 г. подъ Смоленскомъ, правнукъ Иванъ Ивановичь и праправнуки: Лука и Аверкій Ивановичи (1-й стряпчій 1671—1676 г.), (2-й стольникъ 1686 г.).

Остается разсказать исторію младшей вѣтви, въ числѣ представителей своихъ имѣвшей тоже людей замѣчательныхъ.

Младшая вѣтвь Болтиныхъ пошла отъ *Ивана* меньшаго Матвѣевича. сынъ котораго Иванъ Ивановичь прозывался *Хрущь* и жилъ при Иванѣ III. Онъ былъ отецъ трехъ сыновей: Михаила (бездѣтнаго), Исая, прозваніемъ *Угримъ* и Василія Ивановича, посланнаго съ нѣмецкими рудознатцами на р. Печору (26 марта 1491 г.) отыскивать серебряную и мѣдную руды. Поиски ихъ были не безуспѣшны и, воротясь въ Москву къ осени (въ октябрѣ), Болтинъ донесъ, что въ августѣ мѣсяцѣ (8 числа) «они нашли руду серебряную и мѣдную въ великаго князя вотчинѣ, на р. Цимлѣ, не доходя Космы р. за полднища, а отъ Печеры рѣки за семь днищь». Такъ. что имя Василія Ивановича Болтина тѣсно связано съ историческимъ развитіемъ у насъ горнаго дѣла. У Исая—Угрима былъ одинъ только сынъ *Будай*, герой ливонской войны при Грозномъ, соратникъ князя Василья Серебрянаго, бывшій съ нимъ подъ Нарвою и Ригою (1559 - 60 г.), и при взятіи Алыста. Подъ Полоцкомъ храбрый Будай туры ставилъ отъ Двины и на приступъ шелъ вмѣстѣ съ княземъ Серебрянымъ. Раньше воинскихъ подвиговъ Будай былъ Ямскимъ дьякомъ во Псковѣ и въ 1551 г. переведенъ на жительство въ Московскій уѣздъ вмѣстѣ съ племянникомъ Иваномъ Михайловичемъ Болтинымъ. Будай не оставилъ погомства, продолжавшагося отъ Василья Ивановича. У него было пять сыновей: Никифоръ — порука по кн. Серебряномъ 1565 г., Афанасій, воевода въ Шведскомъ походѣ 1592 г. (съ Казанцами и дѣтьми боярскими), Петръ и Яковъ, да Степанъ (извѣстный по подписи подъ рѣшеніемъ земскаго собора объ отказѣ польскому королю въ перемиріи, за принятіе Ливоніи въ свое владѣніе). У Афанасья Васильевича, сынъ Яковъ получилъ помѣстье на Вяткѣ. У Петра Васильевича былъ сынъ Корнилій *Жданъ*, воевода въ Шведскомъ походѣ 1592 г., еще значащійся служащимъ, въ числѣ нижегородскихъ дворянъ въ 1627—9 г. и оставившій сына Семена. У Якова Васильевича былъ тоже сынъ Семенъ, отецъ Якова и Григорья Семеновичей. У Якова Семеновича былъ сынъ Иванъ Як., стряпчій въ 1692 г. и стольникъ въ 1694 году. У Григорья же Семеновича было 3 сына: Никита Григ. дворянинъ

Москов. 1676 г., Яковъ Григорьевичь стряпчій 1692 г. и Василій Григорьевичь, дворянинъ Московскій 1677 г., у котораго былъ сынъ Іуда Васильевичь, стряпчій уже 1683 г. Тогда какъ у Никиты Григорьевича — четыре сына: Сила, Алексѣй — стряпчіе въ 1692 г., да малолѣтніе Петръ и Илья Никитичи.

Въ осьмнадцатомъ вѣкѣ по родословію, поданному въ дворянскую опеку, младшая вѣтвь фамиліи далѣе указанныхъ нами представителей – не продолжается.

Гербъ рода Болтиныхъ, напечатанный въ Гербовникѣ (ч. IV № 50), по свидѣтельству подавателя родословія, будто бы издревле былъ въ фамиліи. Противъ представленнаго рисунка въ гербовникѣ сдѣлали одно измѣненіе: на рисункѣ левъ и единорогъ помѣщены въ нашлемникѣ, сверхъ намета, чего недопускаетъ наука гербоведенія По этому фигуры эти сдѣлали щитодержцами герба. Гербъ же самый: въ красномъ полѣ ѣздокъ въ татарскомъ одѣяніи, на бѣломъ конѣ, обращенный въ лѣвую сторону и держащій серебряный мечь, подъятый вверхъ — остался безъ измѣненія. Также и наметъ красный съ подложкою золотомъ.

Фонъ-Визины (Дворяне).

Въ родословной своей Фонъ-Висинъ, Андрей Афанасьевичь, стольникъ царя Ивана Алексѣевича, показалъ происхожденіе своего рода отъ *Меченосцевъ*, между тѣмъ, нѣмецкіе генеалогическіе сборники не указываютъ ни малѣйшаго слѣда фамиліи *Визе*, *Визинъ* и *Висинъ*, такъ что Фонъ-Висины или Фонъ-Визины всецѣло принадлежатъ русскому дворянству.

Представитель фамиліи въ концѣ XVII вѣка называлъ родоначальникомъ своимъ Бернда-Вольдемара Фонъ-Виссина, взятаго въ Ливоніи въ плѣнъ Московскими войсками при Іоаннѣ Грозномъ, но въ которомъ году и гдѣ именно, неизвѣстно. *Бренда Вольдемара* русскіе называли *Петромъ Владиміровичемъ*, также какъ сыновей его, посвоему же: Денисомъ, Борисомъ и Юрьемъ. Между тѣмъ,

въ грамотахъ царя Михаила Өедоровича, старшій изъ сыновей Фонъ Висина названъ не Денисъ Петровичь, а Денисъ Берндтовичь, что указываетъ, покрайней мѣрѣ, на подлинное имя отца его, оказавшагося вѣрнымъ слугою новаго отечества, взыскавшаго его (при Шуйскомъ) милостями. Вѣроятно, милости эти и вѣрность падшему правительству, были причиною убійства Лжедимитріемъ Берндта и младшихъ сыновей его - Бориса и Юрія, безъ потомства.

Денисъ Берндтовичь (упоминается на службахъ до 1628 года), остался одинъ продолжателемъ рода и въ тяжолую годину Московской осады показалъ себя благодушнымъ и мужественнымъ защитникомъ Московскаго царя. Заслуги его замѣчены Михаиломъ Өедоровичемъ, въ грамотѣ своей о подвигахъ Дениса—названнаго нѣмецкимъ ротмистромъ (30 іюля 7127 г.) — выразившагося, что онъ «стоялъ крѣпко и мужественно, на бояхъ и на приступахъ бился нещадя головы своей и ни на какія прелести не склонился, и вѣрность намъ и всему Московскому государству показалъ, и будучи въ осадѣ, во всемъ оскуденіе и нужду терпѣлъ». За эту стойкость и вѣрность дана ему по грамотѣ въ вотчину, обычная $^1/_5$ съ помѣстной земли, съ 1850 четвертей, въ Галицкомъ уѣздѣ Туркова стана, деревни: Васукова, Курьяново, Останино, Полина, да пустоши Скордежева, Корнекова и Меринцова. Сверхъ того, дана прибавка къ окладу 15 рублей, какъ бывшему въ дѣлѣ во все время осады.

У этаго храбраго ротмистра было четыре сына: Борисъ, Денисъ, Владиміръ убитый подъ Ригою и Юрій. У Дениса Денисовича былъ сынъ, Иванъ, бездѣтный тоже, какъ дяди: Владиміръ и Борисъ Денисовичи. Онъ и всѣ родичи сохраняли лютеранское исповѣданіе до Юрія (2-й) Денисовича, въ 1653 году апрѣль 8 принявшаго православіе съ именемъ Афонасія. Переходъ въ православіе храбраго служаки Фонъ-Висина, былъ источникомъ царскихъ щедротъ, на него излившихся: его возвели въ стольники; дали 167 рублей денегъ на покупку дома или вотчины; кубокъ серебряный вѣсомъ въ 3 фунта; помѣстье въ Ярославскомъ уѣздѣ 44 двора, съ отдачею изъ вотчины бра-

та и дядей 66 дворовъ (всего т. е. 100 дворовъ, въ Ярославск. у. Братья и племянникъ Юрья-Афанасія, оставаясь въ своей вѣрѣ, вмѣсто помѣстнаго оклада, получали одинъ денежный по 600 р. въ годъ, за начальствованіе отрядами. И Афанасій Денисовичь былъ стольникъ и воевода, отличившійся при Полоцкѣ и подъ Смоленскомъ. Бывалъ онъ разборщикомъ дворянъ по статьямъ кормленія, за службу, и составилъ переписную книгу г. Холмогоръ съ уѣздомъ, въ 15 станахъ и 32-хъ волостяхъ (1678 г.).

Въ 1697 году существовали только Афанасій Денисовичь, сынъ его Андрей Афанасьевичь Фонъ-Визинъ— служившій за отца съ 1680 года въ Крымскомъ походѣ (1689 г. поручикъ, съ 1692 году произведенный въ стольники),—да братья его Ѳедоръ и Иванъ. Андрея же престарѣлаго, замѣнялъ въ 1697 году, на службѣ, сынъ Василій, о которомъ мы, послѣ того, ничего не знаемъ. Младшій же сынъ Андрея Афанасьевича, дослужившійся до статскаго совѣтника и бывшій членомъ ревизіонной коммиссіи въ Москвѣ—*Иванъ Андреевичь*, первый начавшій писаться *Фонъ Визинымъ* (а не *Висинымъ*, какъ предки),— извѣстностью своей особенно одолженъ геніальному сыну своему—*Денису Ивановичу* Фонъ-Визину—автору первыхъ оригинальныхъ русскихъ комедій «Бригадиръ» и «Недоросль».

Отецъ нашего великаго сатирика-драматурга, былъ женатъ на двухъ женахъ, изъ которыхъ вторая, Екатерина Васильевна, урожденная Дмитріева-Мамонова — родная тетка извѣстнаго любимца Екатерины II (гр. Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова) была матерью какъ Дениса Ивановича, такъ и всего потомства Фонъ-Визиныхъ (т. е. 8 душъ: 4-хъ сыновей и 4-хъ дочерей). Старшій сынъ Ивана Андреевича и Екатерины Васильевны—безсмертный *Денисъ*, родился 3 апр. 1743 г. и по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, служилъ по коллегіи иностранныхъ дѣлъ при графѣ Панинѣ, секретаремъ. Геніальный писатель не отличался, какъ извѣстно, крѣпостью здоровья и скончался не достигши пятидесяти лѣтъ (1 декабря 1792 г.), уже въ сорокъ лѣтъ испытавъ параличъ, заставившій его искать облегченія

недуга въ путешествіяхъ по Европѣ и лѣченіи на югѣ. Женитьба на богатой вдовѣ Хлоповой (Екатеринѣ Ивановнѣ Роговиковой, род. 1753 г.) давала Денису Ивановичу возможность дѣлать затраты на вояжи, во время которыхъ посылалъ онъ къ роднымъ остроумные мастерскіе очерки видѣннаго, въ формѣ писемъ. Губительный недугъ впрочемъ не поддавался врачеванію, и поэтъ, какъ мы уже говорили, безвременно кончилъ вѣкъ и, безъ потомства, оставивъ по себѣ незатѣмняемую ничѣмъ славу перваго комическаго автора на Руси.

Продолжателемъ рода Фонъ-Визиныхъ былъ слѣдующій за поэтомъ братъ, Д. Т. С. и сенаторъ, Павелъ Ивановичь, директоръ Московскаго университета (р. 1746. † 1803). Отъ первой жены Марьи Петровны, рожденной Лопухиной, имѣлъ онъ сына Д. С. С. Сергія Павловича—предводителя дворянства Клинскаго уѣзда, умершаго 1860 г. и отъ брака съ Варварой Александровной Давыдовой имѣвшаго сына — Ивана Сергѣевича Д. С. С., представителя всего рода Фонъ-Визиныхъ и собственно старшей линіи его. Иванъ Сергѣевичь—получившій наслѣдство послѣ прекратившагося рода Мамоновыхъ, женатъ на Варварѣ Ивановнѣ Погониной, отъ которой имѣетъ потомство. Сестра Ивана Сергѣевича – Наталья Сергѣевна, была за Дмитріемъ Семеновичемъ Ржевскимъ и послѣ него, во 2-мъ бракѣ.

Родная сестра отца ихъ—дочь Павла Ивановича Фонъ-Визина, отъ 2-го брака его съ Марьей Васильевной Толстой (р. 1757 г. † 1798 г.)—Елизавета Павловна Фонъ-Визина, была за генераломъ отъ инф. Евгеніемъ Александровичемъ Головинымъ.

Младшая вѣтвь продолжалась отъ третьяго брата Дениса Ивановича, подполковника Александра Ивановича (р. 1749); у котораго было два сына: Михаилъ Александровичь, генералъ-маіоръ, женатый на Натальѣ Дмитріевнѣ Апухтиной—декабристъ † 1854 г.;—да Иванъ Александровичь, полковникъ (въ 1822 году). Есть ли отъ нихъ и отъ послѣдняго брата поэта – *Петра Ивановича* Фонъ-Визина – потомство, мы не знаемъ.

Изъ четырехъ же сестеръ автора «Недоросля», только старшая Федосья Ивановна (р. 1744 г.) была за мужемъ за Аргомаковымъ) три же младшія сестры, Мареа (р. 1747 г.), Анна (р. 1748 г.) и Екатерина (р. 1756 г.)—Ивановны жили до смерти въ Московскомъ отцовскомъ домѣ, въ приходѣ Успенія въ Печатникахъ (въ Печатниковскомъ переулкѣ).

Гербъ Фонъ-Визиныхъ—по свидѣтельству Павла Ивановича Фонъ-Визина, ходатайствовавшаго объ утвержденіи его, а родъ въ дворянствѣ потомственномъ, со внесеніемъ въ VI книгу родосл.) — изстари употреблялся на печати фамильной его предковъ. Герольдія иллюминовала только изображенія.

Высоч. утвержденный гербъ, такимъ образомъ представляетъ въ зеленомъ полѣ щита три (двѣ вверху, одна внизу — треугольникомъ отъ верхнихъ угловъ къ срединѣ нижней части поля) золотыя улитки. Въ нашлемникѣ, сверхъ дворянской короны, эмблема фамиліи—золотая улитка, (въ описаніи герба названная «змѣемъ, свернувшимся въ клубокъ»—повторена между развернутыми зелеными крыльями (герб. ч. III, стр. 41). Наметъ зеленый съ краснымъ, подложенъ золотомъ.

Безобразовы (Дворяне).

Родословіе этой фамиліи,—имѣющей уже *шестнадцать* поколѣній представителей и разсѣянной по губерніямъ: Московской, Смоленской. Тверской, Костромской, Владимірской, Рязанской, Симбирской, Пензенской, Казанской и Орловской,—представляетъ чрезвычайную запутанность и такія трудности, которыя непревозмогаются упорнымъ трудомъ и усиліями преданнаго дѣлу и знающаго предметъ изслѣдователя. Неговоря уже о двухсотной слишкомъ массѣ мужскихъ именъ, расположить которыя, самъ по себѣ трудъ не малый,—старинныя русскія прозванія, замѣнявшія для современниковъ христіанское имя лица, данное при крещеніи или, даже, двойственность христіанскихъ именъ, принадлежащихъ одному лицу, усложня-

ютъ до безвыходности неблагодарную работу разбирателя родовъ и вѣтвей. Лучшимъ доказательствомъ трудности уясненія — для самихъ даже членовъ фамиліи, — принадлежности къ подлежащей вѣтви, служитъ случай съ Иваномъ Андреевичемъ Безобразовымъ, родъ котораго, — по заслугамъ личнымъ уже его, — внесенъ во 2-ю часть родословной книги, по Костромской губерніи. Хотя принадлежность этого лица къ средней вѣтви рода (отъ 2 сына Юрія Васильевича — Василія) неподлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Указанная нами для примѣра, вѣтвь, дѣйствительно заключаетъ больше всего запутанностей, неполнотъ и недомолвокъ. Это собственно *брянская вѣтвь*, отъ которой сперва выдѣлились смоленскіе рейтары, въ свою очередь сдѣлавшіеся помѣщиками и въ другихъ губерніяхъ (внѣ Смоленской), какъ-то: въ *Костромской* и *Казанской*.

Кромѣ трудности разбора брянской вѣтви и самая основная роспись родовъ, — поданная въ разрядъ въ 1687 г. и послужившая основою для оффиціальныхъ родословныхъ, выдаваемыхъ герольдіею — должна была сдѣлаться, и сдѣлалась на самомъ дѣлѣ, источникомъ препирательствъ и ошибокъ, вслѣдствіе пропусковъ Важнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ считать умолчаніе о старшей вѣтви рода и явный перерывъ на пятьдесятъ лѣтъ неменѣе, если, согласно съ нею, поставить сыномъ родоначальника — *Христофора Михаила, изъ прусъ* — отца Юрьева, Василія. Не говоря уже о томъ, что въ одно время, при Иванѣ III, (въ послѣдніе годы правленія этого государя) вмѣстѣ съ Юрьемъ Васильевичемъ (даже раньше его по годамъ) является дьякъ государевъ скрепы котораго существуютъ на документахъ 1480 годовъ Олешь (Алексѣй Ивановичь). — Въ документахъ же находится имя Ивана Александровича Безобразова, отца названнаго дьяка. То есть, другими словами, очевидность представляетъ намъ во 2 половинѣ XV вѣка двухъ лицъ, несомнѣнно жившихъ ранѣе мнимаго сына родоначальника, переѣхавшаго въ Москву при Василіѣ Дмитріевичѣ, уже умершемъ въ 1425 году. Имѣя въ наличности, послѣ имени Михаила (Христофора), — лица, въ началѣ XV вѣка уже переселив-

шагося съ созданною репутаціею «мужа честна», только внука его, въ слѣдующемъ вѣкѣ дѣятеля (или даже въ концѣ того же вѣка, но черезъ 80 лѣтъ промежутка), конечно, изслѣдователь невольно остановится *надъ недочетомъ* тутъ, *по меньшей мѣрѣ, одного поколѣнія?* Находя же въ документахъ имя Ивана Александровича—на самомъ дѣлѣ отца лица, раньше выступающаго на служебномъ поприщѣ, чѣмъ сынъ Василія Юрій,— изслѣдователь уже не можетъ непринять, по этому, названнаго представителя, за старшаго брата Василія. И, слѣдовательно, розыскатель долженъ, по логикѣ фактовъ: признать отцомъ Василья того же Александра, становящагося, черезъ это, какъ разъ подъ родоначальникомъ. Сверхъ того, изслѣдователь, изъ двухъ отысканныхъ дѣтей Александра Михайловича (Христофоровича), невольно отдаетъ старшинство Ивану, сынъ котораго на два десятилѣтія опережаетъ Юрія Васильевича. А отсюда вытекаетъ опять прямое заключеніе, что и вѣтвь, идущая отъ Ивана Александровича,—*старшая вѣтвь* въ фамиліи. Существованія ея нетолько неотвергали, но даже признавали, — подаватели родословія въ разрядъ, въ 1687 г., говоря, что родъ Якова и Григорья Ивановыхъ дѣтей Безобразовыхъ — имъ *свой*. Между тѣмъ подаватели родословія были изъ потомства Юрія Васильевича, и свои поколѣнные списки начинаютъ послѣ имени родоначальника - Василіемъ. Родъ же свой, Яковъ и Григорій Ивановичи, вели прямо отъ Александра. Поэтому, только соединя въ одно общее поколѣнныя росписи потомковъ Ивана Александровича, да пяти сыновей Юрія Васильевича, — всякая рознь исчезаетъ и открывается святая истина.

Замѣтимъ при этомъ, также, далеко нелишнее обстоятельство, покрайней мѣрѣ для людей, отвергающихъ всѣ имена, не попавшія въ родословія.

Во время подачи въ разрядъ поколѣнныхъ росписей, въ родѣ Безобразовыхъ, между представителями фамиліи и жившими въ Москвѣ, существовала до того рѣзкая замкнутость и обособленность, что, вписавъ въ столбецъ, каждый свою вѣтвь, они совсѣмъ исключили цѣлый рядъ потомковъ послѣдняго сына Юрія Васильевича — Ивана,

показавъ у него вмѣсто трехъ, только двухъ сыновей, родъ которыхъ прекратился. На самомъ же дѣлѣ, по протесту пропущенныхъ ихъ же родичей, ими потомъ и признанныхъ,—у Ивана Юрьевича оказывалось три сына, и потомки самаго младшаго изъ нихъ существовали, продолжая плодиться. Только, ихъ во время подачи въ разрядъ столбцевъ, удерживали болѣзнь и дѣла, въ деревняхъ своихъ. Поэтому, выдаватели офиціальныхъ родословій членамъ фамиліи, ходатайствовавшимъ о гербѣ (помѣщенномъ во II части гербовника № 13), тоже пропустили родъ третьяго сына Ивана Юрьевича. Хотя списокъ съ протеста, хранящагося въ разрядѣ, заключается, вмѣстѣ съ другими документами, въ этомъ самомъ гербовомъ дѣлѣ. Тутъ же находится и отзывъ родныхъ: о принадлежности этихъ лицъ къ ихъ роду. Если же, въ родословіе чиновники не внесли этихъ *наличныхъ* представителей и Юрьевыхъ потомковъ, что въ томъ удивительнаго, когда не находимъ мы и *первой* старшей вѣтви фамиліи на родословномъ древѣ, неполнота котораго ни кого не занимала? Представители рода ходатайствовали по частямъ о внесеніи въ родословіе, той или другой вѣтви, къ которой они принадлежали; заботясь о томъ больше всего, чтобы попасть въ VI часть родословной книги. Конечно, послѣ долгихъ хлопотъ успѣвали они кое-какъ припомнить предковъ, жившихъ въ XVII вѣкѣ, и достигали вожделѣнной цѣли стремленій.

Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ въ своей родословной книгѣ (ч. IV, стр. 277, 278), какъ извѣстно, ограничился, за отсутствіемъ полнаго родословія Безобразовыхъ, только указаніемъ нѣкоторыхъ именъ историческихъ дѣятелей XVI и XVII вѣковъ изъ ихъ фамиліи,—безъ связи и взаимнаго ихъ соотношенія, по вѣтвямъ; — сознавая же, что всего этого—мало, онъ помѣстилъ еще извѣстіе о четырехъ предпослѣднихъ поколѣніяхъ *Калужской вѣтви* — потомства третьяго сына Юрія Васильевича—Матвѣя—а именно одинъ родъ (съ дѣдомъ и отцомъ) нынѣ уже умершаго сенатора т. т. с. Александра Михайловича Безобразова. Мы, идя по слѣдамъ нашего единственнаго отечественнаго генеалога и работая по дѣлам

архива д-та герольдіи, успѣли добиться до открытія почти всѣхъ вѣтвей фамиліи; разумѣется, въ томъ объемѣ, который даетъ возможность получить документы. Но, дойдя и до цѣлостнаго представленія всей фамиліи, теперь покуда, до провѣрки своихъ положеній сообщеніями отъ представителей рода Безобразовыхъ, нерѣшаемся утверждать, что все нами сдѣланное положительно точно. Оно должно быть вѣрно, но точность и полнота, особенно при перечисленіи лицъ, близкихъ къ намъ по времени, можетъ быть достигнута только при соучастіи самихъ г-дъ Безобразовыхъ, если ихъ интересуютъ извѣстія о своей фамиліи.

Только съ такими оговорками, приступаемъ мы къ обзору доступныхъ намъ свѣденій о четырехъ вѣковой слишкомъ исторіи потомства «мужа честна изъ Прусъ, Христофора, рекомаго Безобразъ, иже пріиде въ Москву къ великому князю Василію Дмитріевичу»;—и въ Москвѣ принявъ православіе съ именемъ Михаила, сталъ главою рода дворянъ русскихъ.

У родоначальника, по родословію (въ гербовомъ дѣлѣ арх. д-та герольдіи, герб. ч. VI № 13), показанъ сынъ Василій, а у Василія—Юрій; между тѣмъ,—какъ мы выше замѣтили изъ сказки Якова и Григорья Ивановичей, поданной одновременно въ разрядъ (1687) съ колѣнными росписями потомковъ Юрія Васильевича,—оказывается Александръ дѣдомъ Алексѣя Ивановича, дьяка Ивана III (1480 годовъ), что несомнѣнно подтверждаетъ предположеніе о несостоятельности постановки Василія сыномъ Христофора.

Если Алексѣй Ивановичъ — дьякъ Ивана, дѣйствующій въ 1480 годахъ, т. е. раньше Юрія сына Васильева, внукъ Александра, то отецъ Юрія никакъ уже не можетъ считаться сыномъ родоначальника, когда имѣется въ виду представитель болѣе отдаленнаго колѣна. Оспорить этого нѣтъ возможности. По тому подлинное значеніе въ родѣ,—Александра, какъ лица, непосредственно слѣдующаго за родоначальникомъ, считаемъ мы вопросомъ рѣшеннымъ и должны поэтому считать самого Василья сыномъ Александровымъ; а Юрья—двоюроднымъ братомъ Алексѣя Ива-

новича. Дѣтямъ же Юрья сынъ Алексѣя Ивановича—Андрей, приходится двоюроднымъ братомъ. Отъ Андрея Алексѣевича пошло, по нашему крайнему разумѣнію, главное колѣно; *второе* же колѣно отъ Юрія, раздѣлилось на *пять вѣтвей*, отъ каждаго изъ сыновей его: *первая* отъ старшаго сына *Ѳедора Юрьевича*, *вторая* отъ *Василья*, третья отъ *Матвѣя*, *четвертая* отъ *Якова* и пятая отъ *Ивана Юрьевича*.

Главное, *первое колѣно*, рода Безобразовыхъ отъ Александра (Христофоровича) Михайловича, теперь представляетъ *четырнадцать поколѣній*, изъ которыхъ вышли замѣчательные дѣятели.

Прежде, чѣмъ займемся мы ими, считаемъ долгомъ замѣтить еще одно имя, находимое въ документахъ: третьяго, по всей вѣроятности, сына Александра - Черницы. Является онъ дѣятелемъ одновременно почти съ сыномъ Юрія А именно, въ 1495 году, онъ находился при лицѣ Ивана III Васильевича «при постели государевой» въ новгородскомъ походѣ. Можно, конечно, признать это лицо, или за Василія (Юрьева отца), или за Ивана (отца Алексѣя дьяка), но настолько позднее упоминаніе (послѣ выступленія на историческую сыновей)—допуская извѣстную зрѣлость возраста въ *постельничемъ*, какъ мы увидимъ далѣе,—и къ тому еще простое нахожденіе «при постели», что даетъ смыслъ иной уже, не въ смыслѣ постельничаго, а служащаго лица низшей степени): заставляетъ скорѣе видѣть въ Черницѣ Александровичѣ Безобразовѣ особое лицо. Всего проще видѣть въ немъ младшаго брата, обоихъ, названныхъ родоначальниковъ колѣнъ. Таково, покрайней мѣрѣ, наше убѣжденіе, основанное на примѣрахъ службъ чиновныхъ лицъ Московскаго государства.

Обратимся къ старшему роду отъ Ивана Александровича. Документы представляютъ намъ еще второго сына его (младшаго брата Алексѣя (?) *Любима*, извѣстнаго по сыну *Авдѣю Любимовичу*, бывшему въ походѣ войскъ на Ревель (1540 г.) осьмымъ полковымъ судьею. Вѣроятно, племянникъ этого лица (внукъ Алексѣя Ивановича) былъ участникъ того же похода *Калина Михайловичъ* 54 й за-

воеводчикъ (т. е. адъютантъ воеводы) обыкновенно молодой человѣкъ, недавно служащій, хотя и не первый годъ. Отца этого лица, мы позволяемъ себѣ считать старшимъ братомъ Андрея Алексѣевича, отца трехъ сыновей: Дмитрія и Ивана Андреевичей, дѣтей боярскихъ 2-й статьи, да Алексѣя Андреевича — сына боярскаго 3-й статьи,—получившихъ помѣстья по списку 2 октября 1550 г. въ Московскомъ уѣздѣ.

Они, слѣдовательно, уже служили не первый годъ. А о младшемъ изъ нихъ (Алексѣѣ), знаемъ мы, что въ 1568 г. былъ онъ въ плѣну у крымцевъ. У средняго изъ братьевъ былъ сынъ Гавріилъ (показанный въ родословіи), да непоказанный Меркурій Ивановичь, въ 1594 году второй голова въ Копорьѣ, а въ 1595 году во Псковѣ. Въ 1598 году былъ онъ третьимъ *головою у снаряда* (т. е. начальникомъ третьяго отдѣленія артилерійскаго парка) въ Серпуховскомъ походѣ царскомъ, по крымскимъ вѣстямъ. Съ 1599 по 1601 годъ находился онъ вторымъ стрѣлецкимъ головою въ Курскѣ; а въ 1602 году, живя въ Москвѣ, участвовалъ въ ночныхъ объѣздахъ по Бѣлому (тогда еще деревянному) городу, отъ Покровки до Барашей и по Яузу. Позднѣе этой даты, о немъ мы ничего неимѣемъ. Стряпчій (*съ платьемъ* царя Михаила Ѳедоровича (1627 г.), Василій Меркурьевичь былъ сынъ этаго лица. Матвѣя же Павловича, дворянина посольства въ Польшу (1587 г.), считаемъ мы внукомъ Дмитрія Андреевича, двоюроднымъ братомъ Гаврилы Ивановича, отца Романа Гавриловича. Романъ этотъ былъ, въ свою очередь, отцомъ трехъ сыновей (Ивана, Андрея и Алексѣя), изъ которыхъ старшій -- Иванъ Романовичь *Ажечка* (или *Осѣчка*, какъ у Спиридова), былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ смутнаго времени и царствованія Михаила Ѳедоровича.

Ажечка (Осѣчка) этотъ,—родоначальникъ Владимірской вѣтви,—въ 1605 году былъ уже 2-мъ головою въ Осколѣ, въ январѣ 1611 г. посланъ изъ Москвы боярскою думою къ посламъ нашимъ подъ Смоленскъ. Въ 1615—17-го годахъ былъ воеводою въ Угличѣ, съ 1618—1622 г. въ Ярославлѣ, съ 18 іюля 1623—29 мая 1625 г. въ Сургутѣ, а съ 1627 года по смерть свою (1629 г.) въ Шацкѣ, воеводою.

Передъ воеводствомъ въ Ярославлѣ былъ онъ приставомъ у Касимовскаго царя, а воротясь изъ Сургута, находился на 2-й свадьбѣ царя Михаила Ѳедоровича: 25-мъ шелъ за санями царицы.

Братъ Ивана Романовича—*Алексѣй*, не настолько прославился на служебномъ поприщѣ. Разрядныя книги указываютъ только одно порученіе, имъ исполненное, а именно: въ 1616 г. посылали его набирать войско въ Шацкъ, для казанскаго похода на Луговую Черемису.

Старшій изъ трехъ сыновей Ивана Романовича—Яковъ Ивановичъ, извѣстенъ какъ жертвователь хлѣба на продовольствіе войска подъ Смоленскомъ (1632—3 г.); а въ 1667—8 г. вторымъ былъ воеводою въ Астрахани. Онъ былъ уже стольникомъ въ годъ смерти отца и упоминается до 1687 г. Второй братъ его — Григорій Ивановичъ, былъ стряпчимъ въ 1636 г., а третій братъ Михайло Ивановичъ, стольникъ патріарха Филарета въ 1627 г. У каждаго изъ нихъ были дѣти.

У Якова Ивановича былъ сынъ Калина Яковлевичъ стряпчій (1666 г.), съ отцомъ посланный въ Астрахань, онъ и въ 1677 г. стольникъ; — да Никифоръ Яковлевичъ; оба бездѣтные. Григорій Ивановичъ, служившій въ 1689 году нижегородскимъ воеводою, оставилъ 2-хъ сыновей: Родіона Григ. стольника (1682 г.) царскаго, да Ивана Григ—ча, стольника царицы Прасковьи Ѳедоровны (1686 г.). Оба они дожили до преобразованій Петра I. Второй изъ братьевъ имѣлъ двухъ сыновей, кажется,— кромѣ упоминаемаго въ родословіи Григорья, еще Ѳедора Ивановича, стольника же, жившаго еще въ 1703 г. У Григорья Ивановича былъ сынъ Алексѣй.

Сынъ адъютанта адмирала графа Головина, маіора,— Алексѣй Григорьевичъ Безобразовъ, помѣщикъ Владимірской, Рязанской, Нижегородской, Саратовской и Тульской губерній, лейбъ гвард. подпоручикъ, род. въ 1736 г. и ум. 1800 или 1803 г., былъ женатъ на Марьѣ Яковлевнѣ, и отъ нея имѣлъ пять сыновей и восемь дочерей (Екатерину, Елизавету, Варвару, Надежду, Аграфену и Авдотью, замужемъ, да Настасью и Анну дѣвицъ). Сыновья его были: Николай Алексѣевичъ генералъ маіоръ, Дмитрій

Ал. ст. сов., Сергѣй гв. подпоруч., Григорій тит. сов., а Иванъ и Петръ корнеты.

Дмитрій Алексѣевичь, женатый на Любови Ивановнѣ, имѣлъ сына Сергѣя Дмитріевича, теперь полнаго генерала (1861 г. 30 авг.); Николай Алексѣевичь—сына Алексѣя. У Григорья Алексѣевича, женатаго на княжнѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Долгоруковой, были сыновья Дмитрій (р. 1811 г.) и Алексѣй, и изъ нихъ у перваго, (служившаго чиновникомъ особыхъ порученій при тульскомъ губернаторѣ во время внесенія въ родословіе), сынъ Григорій (род. 1838 г.), да дочери Елизавета и Софья. У Сергѣя же Алексѣевича два сына, которымъ Высочайшимъ указомъ разрѣшено пользоваться всѣми дворянскими правами.

Таково, въ настоящее время, развѣтвленіе Владимірскаго, старшаго колѣна фамиліи Безобразовыхъ (дѣл. арх. д-та герольд. по Владимір. губ. 1847 г. № 41).

Старшая изъ нихъ, отъ Ѳеодора Юрьевича, представляетъ замѣчательныхъ дѣятелей, въ лицѣ правнуковъ родоначальника. У Ѳедора Юрьевича по родословію показывается всего одинъ сынъ Яковъ Ѳедоровичь, отецъ тоже одного Іосифа Яковлевича, оставившаго уже пять сыновей: Авраама—Кузьму, Харитона—Истому, Никиту, Луку, Моисея и Степана Осиповичей. Трое послѣднихъ пали въ бою во время нарвскаго похода (1590 г.) и погребены въ Псково-Печерскомъ монастырѣ. Двое старшихъ братьевъ были люди заслуженые. Второй, Харитонъ—Истома Осиповичь, умершій въ 1604 году, состоялъ уже при старшемъ сынѣ царя Ивана Васильевича, Грознаго—царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, въ 1577 г., когда государь, отправляясь въ Лифляндскій походъ, оставилъ наслѣдника своего въ Новѣгородѣ. Въ 1582 году онъ уже былъ постельничимъ царскимъ, оставшись въ этой же должности и при Ѳедорѣ Ивановичѣ, котораго сопровождалъ Истома въ Новгородскомъ походѣ, значась осьмымъ въ его свитѣ (23 ноября 1586 г.). Въ 1589 году онъ получилъ чинъ *постельничаго съ путемъ* и приглашаемъ былъ къ столу государеву. Въ 1590-мъ году назначенный намѣстникомъ «Московскія трети», Истома Осиповичь Безобразовъ сопровождалъ царей: Ѳедора въ

Нарвскомъ походѣ (1590 г.) и царя Бориса, въ Серпуховскомъ (1598 г.). Мы знаемъ имя жены Истомы Осиповича по вкладной грамотѣ въ Успенскій Тихвинскій монастырь, на поминъ души вкладчика и супруги его Екатерины (отчество и чья по рожденію, неизвѣстно); дѣтей у нихъ не было. Старшій изъ сыновей Іосифа Яковлевича, единственный продолжатель рода въ своей вѣтви, былъ *Кузьма — Авраамъ* Осиповичь, въ 1581 году числящійся уже *стряпчимъ съ ключемъ* (въ Шведск. походѣ царя Ивана Грознаго, изъ Новгорода). Въ 1594 году въ качествѣ втораго воеводы посланъ онъ былъ дѣлать засѣки, а въ 1596 году назначенъ вторымъ же воеводою къ сооруженію 4-й линіи засѣкъ. Въ первый годъ царствованія Бориса, въ Серпуховѣ находился Кузьма при государѣ и съ этого времени кажется не оставлялъ двора, удержавшись съ погибелью Борисова рода и при Лже-Димитріѣ, на свадьбѣ котораго Кузьма Безобразовъ 19-мъ состоялъ въ поѣздѣ и 4-мъ при охраненіи подклѣта брачнаго. Ловкость Кузьмы—Авраама Осиповича, оказывается впрочемъ не только на этомъ обстоятельствѣ, но еще болѣе на томъ, что онъ сохранилъ близость къ лицу государя и при губителѣ перваго самозванца—Шуйскомъ. Царь Василій Ивановичь, пожаловалъ Кузьму Осиповича въ постельничіе свои въ 1607 году, щедро надѣляя его вотчинами. Даже, незадолго до своего паденія, далъ ему грамоту объ обращеніи въ вотчину ржевскихъ помѣстьевъ, прикрѣпивъ ихъ полностію сыну любимца—Ильѣ Абрамовичу, въ томъ же году (1610 г.) похоронившему отца. Кузьма—Авраамъ Осиповичь, женившійся не рано, оставилъ, кромѣ старшаго сына Ильи, еще малолѣтнихъ или несовершенно-лѣтнихъ дѣтей: Никиту и Еремея—Василія, стольниковъ. Послѣднему, въ 1661 г. велѣно было принять въ хранительное попечительство жителей Нѣмецкой слободы, въ Москвѣ.

Илья Авраамовичь (Кузьмичь) былъ дворянинъ по Московскому списку, судья разбойнаго приказа (1661—2 г.), въ 1665 г упр. патріарш. разряд. и въ 1660 году 2-ой Астраханскій воевода, до того бывъ на Холмогорахъ (1648 и въ 1661 г.), значась въ живыхъ еще въ 1668 году. Вмѣстѣ съ

братомъ Васильемъ находился онъ на 2-ой свадьбѣ царя Михаила, а въ 1625 г. 6 іюля посыланъ былъ на Михайловъ, провѣрить по спискамъ явку дворянъ въ полки. Такъ какъ до государя дошло извѣстіе о слабомъ сборѣ ихъ на службу, что мѣшало воеводѣ выступить далѣе на соединеніе силъ, противъ крымцевъ. Младшій сынъ Кузьмы умеръ безбрачнымъ, а старшій оставилъ двухъ сыновей: Андрея, родившагося въ 1614 г, казненнаго 8 января 1690 г., да Өедора—обоихъ стольниковъ, царя Алексѣя Михайл. Андрей Ильичь, женатый на Агафьѣ Васильевнѣ, урожд. Семеновой, не имѣлъ дѣтей. Онъ служилъ съ 1642 г.: въ 1670—81 переписывалъ Суздальскій уѣздъ, а въ 1689 г., несмотря на его упрашиванье, назначенъ на Терки воеводою въ послѣдніе дни правленія Софьи Алексѣевны. Отправляясь въ дальній путь, суевѣрный старецъ обратился къ мнимымъ волшебникамъ, собирая этихъ шарлатановъ и заставляя ихъ ворожить на снисканіе милостей правительства, при молодомъ государѣ. Въ Нижнемъ Новгородѣ ему пришлось зазимовать, а въ это время въ Москвѣ изловленные шарлатаны показали на воеводу Безобразова: какъ онъ прибѣгалъ къ ихъ помощи. Оговореннаго воротили, допрашивали, пытали и, наконецъ, приговорили къ смертной казни, наказавъ людей его жестоко; мнимыхъ колдуновъ сожгли и жену несчастливца суевѣра послали въ монастырь, въ Тихвинъ. Братъ жертвы предразсудковъ своего времени, Өедоръ Ильичь Безобразовъ, кончилъ мирно, раньше этой исторіи, оставивъ сына Алексѣя, бывшаго стольникомъ, и отцомъ двухъ сыновей, Петра и Ивана Алексѣевичей. Но дальше ихъ, по свѣденіямъ д-та герольдіи, первая вѣтвь потомства Юрія не продолжается. Потому что, у Никиты Авраамовича, перваго сына Кузьмы Осиповича, убитаго на Ходынкѣ въ 1608 году, два сына было и старшій изъ нихъ потомства не оставилъ, а младшій имѣлъ бездѣтнаго сына, такъ что потомство отъ Ильи Авраамовича имѣло однимъ поколѣніемъ болѣе. Для округленія нашихъ свѣденій объ этой вѣтви, прибавимъ, что Никита Осиповичь, младшій братъ Кузьмы, въ 1600—2 г. былъ воеводою въ Путивлѣ, а въ 1626 г. значится ок-

ладчикомъ дворянъ въ Старицѣ. Вторая вѣтвь, самая запутанная и многочисленная, представляетъ большее число извѣстныхъ заслугами лицъ и доходитъ до нашего времени. Для изыскателя вѣтвь эта представляетъ и больше трудностей (для одной разгадки, часто, а не для точнаго уже уясненія?).

У Василія Юрьевича было три сына: Матвѣй, Никифоръ и Андрей Васильевичи. Матвѣй Васильевичь убитъ при Грозномъ въ Ливонскомъ походѣ, оставивъ только сына Петра Матвѣевича, отца Василія и Ивана, на сынѣ котораго, Васильѣ же Васильевичѣ, потомство прекратилось отъ Матвѣя.

Второй братъ его, *Никифоръ* Васильевичь, вѣроятно рано скончавшійся, извѣстенъ на службѣ въ 1576 г. Онъ былъ въ калужскомъ походѣ 1-мъ головою у государева знамени. У него было два сына: Тимофей Никифоровичь, подписавшійся подъ грамотою объ избраніи Бориса въ цари (1598 г.), въ 1630 - 3 годахъ воевода въ Уржумѣ, а въ 1638 г. на Ефремовѣ, гдѣ строилъ крѣпость (острогъ, городъ). Старшій братъ этаго лица, оставшійся безъ потомства, Григорій Никифоровичь, былъ еще жильцомъ въ 1577 г., но несмотря на новость службы взятъ для прислуги «при постелѣ государевой», и въ Лифляндскомъ походѣ показанъ 3-мъ *поддатнемъ* (помощникомъ) у рынды большаго государева саадака. У Тимофея Никифоровича былъ сынъ Василій, составитель переписныхъ книгъ: по Бѣлеву (1677 † 81 г.), Ельцу, (1671 80), Каширѣ (1691 г.), Лебедяни (1680 г.), Серпухову (1674 г.) и Москвѣ (1691 г.); и, въ свою очередь, отецъ двухъ сыновей, отъ старшаго изъ которыхъ Михаила пошла особая вѣтвь въ пять поколѣній, кончающаяся (по нашимъ свѣденіямъ изъ д. д-та герольдіи) на сыновьяхъ Сергія Егоровича (внука Михаилова), Павлѣ и Александрѣ Сергѣевичахъ.

Какъ ни темными и ни сбивчивыми оказываются въ XVII вѣкѣ переходы отъ предковъ къ потомкамъ, по вѣтви отъ младшаго сына Василья Юрьевича—Андрея, мы, однако же, всѣ развѣтвленія брянской вѣтви можемъ считать потомствомъ этаго лица, исключительно.

У этаго лица были два сына: Елисей наслѣдникъ дѣдова помѣстья въ Брянскѣ, да Василій. У Елисея, помѣщика трехъ уѣздовъ (Дорогобужскаго, Брянскаго и Рославскаго),—служившаго при Елизаветѣ (1744 г.) писаремъ Рославскаго драгунскаго шквадрона,—былъ одинъ только сынъ Афонасій подпоручикъ, женатый на Матренѣ Лаврентьевнѣ Игнатьевой (род. 1731 г. и жившей еще 1807 г., во время подачи родословія) Афонасій Елисѣевичь, былъ отцомъ четырехъ сыновей: Андрея, полковника и Петра маіора (род. 1753 г.) бездѣтныхъ; Василія Афонасьевича, кол. асс. (1804 г.) род. 1756 г.—отца двухъ сыновей и трехъ дочерей, да Лаврентія Афонасьевича (род. 1775 г.), генералъ маіора, пензенскаго помѣщика, отъ брака съ Аграфеною Александровной Анненковой (род. 1788 г.) имѣвшаго одну дочь Варвару Л—ну (род. 1804 г.).

Василій Афонасьевичь, женатый на дочери надв. сов. Натальѣ Өедоровнѣ Матюниной (род. 1772 г.) былъ предводитель дворянства Казанскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ (1791 г.) и оставилъ дѣтей: Павла Васильевича подполковника, (род. 1786 г.) и заслужившаго Анну 3 ст. при Фридландѣ, гдѣ своими 4 орудіями выбилъ онъ французовъ уже занявшихъ селеніе и этимъ далъ возможность концентрировать разрозненныя силы наши. Въ концѣ жизни онъ начальствовалъ артилеріею Казанск. гарнизона. У него, отъ брака съ Юліей Степановной Михайловской, въ родословіи (д. арх. д-та герольд. 1848 г. № 7, по Казанской губ.) показаны четыре сына: Николай (род. 1819 г.), Василій (1820 г.), Алексѣй (1823 г.) и Александръ (р. 1825 г. Кромѣ Павла, у Василья Афонасьевича были три младшія дочери (Евгенія р. 1791 г., Өеоктиста р. 1794 г. и Авдотья род. 1804 г.), да второй сынъ Порфирій (род. 7 ноября 1789 г. и ум. 14 марта 1834 г.). ст. сов. Уфимскій вице губернаторъ, отъ брака съ Елизаветою Алексѣевною N, оставившій четырехъ сыновей. Второй изъ нихъ Алексѣй Порфирьевичь (род. 30 марта 1828 г.) д. с. с. вице директоръ д-та государственнаго казначейства. Всѣ они внесены въ родосл. кн. (VI ч.) по Казан. г. Потомство младшаго сына Өедора Лазаре-

ника младшей вѣтви), продолжается по Костромской губерніи; отъ другаго же брата этаго лица—Ѳедора Филатовича,—*по Казанской*.

Казанская вѣтвь собственно отдѣленіе *Смоленской*, имѣя въ лицѣ Ѳедора Лазаревича общаго родоначальника, который, вступивъ въ третью роту Смоленскихъ рейтаръ, получилъ за женою (Акулиной Елизаровной Поярковой, дочерью тоже рейтара) прожиточное помѣстье и сдѣлался мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ Рославскаго уѣзда, присоединивъ къ приданому свой окладъ рейтарскій (5 дворовъ).

У этаго лица были два сына: Елисей, наслѣдникъ дѣдова помѣстья въ Брянскѣ, да Василій. У Елисея, помѣщика трехъ уѣздовъ (Дорогобужскаго, Брянскаго и Рославскаго),—служившаго при Елизаветѣ (1744 г.) писаремъ Рославскаго драгунскаго шквадрона,—былъ одинъ только сынъ Афонасій, подпоручикъ, женатый на Матренѣ Лаврентьевнѣ Игнатьевой (род. 1731 г. и жившей еще 1807 г., во время подачи родословія). Афонасій Елисѣевичъ, былъ отцомъ четырехъ сыновей: Андрея, полковника и Петра маіора (род. 1753 г.) бездѣтныхъ; Василія Афонасьевича, кол. асс. (1804 г.), род. 1756 г.—отца двухъ сыновей и трехъ дочерей, да Лаврентія Афонасьевича (род. 1775 г.), генералъ-маіора, пензенскаго помѣщика, отъ брака съ Аграфеною Александровной Анненковой (род. 1788 г.) имѣвшаго одну дочь Варвару Л—ну (род. 1804 г.).

Василій Афонасьевичъ, женатый на дочери надв. сов. Натальѣ Ѳедоровнѣ Матюниной (род. 1772 г.), былъ предводитель дворянства Казанскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ (1791 г.) и оставилъ дѣтей: Павла Васильевича подполковника, (род. 1786 г.), заслужившаго Анну 3 ст. при Фридландѣ, гдѣ своими 4 орудіями выбилъ онъ французовъ, уже занявшихъ селеніе и этимъ далъ возможность концентрировать разрозненныя силы наши. Въ концѣ жизни онъ начальствовалъ артилеріею Казанск. гарнизона. У него, отъ брака съ Юліей Степановной Михайловской, въ родословіи (д. арх. д-та герольд. 1848 г. № 7, по Казанской губ.) показаны четыре сына: Николай (род. 1819 г.), Василій (1820 г.), Алексѣй (1823 г.) и Александръ (р. 1825 г.). Кромѣ Павла, у Василья Афонасьеви-

ча были три младшія дочери (Евгенія р. 1791 г., Өеоктиста, р. 1794 г. и Авдотья, род. 1804 г.), да второй сынъ Порфирій (род. 7 ноября 1789 г. и ум. 14 марта 1834 г.), ст. сов., Уфимскій вице-губернаторъ, отъ брака съ Елизаветою Алексѣевною N, оставившій четырехъ сыновей. Второй изъ нихъ, Алексѣй Порфирьевичь (род. 30 марта 1828 г.), д. с. с., вице-директоръ д-та государственнаго казначейства. Всѣ они внесены въ родосл. кн. (VI ч.) по Казан. г.

Потомства же младшаго сына Өедора Лазаревича—Василія, значащагося по Смоленской губерніи, мы незнаемъ.

Третій сынъ Филата—Кузьма, былъ стольникъ, неоставившій потомства. Потомство же Филата Лазаревича по Костромской губерніи (д. арх. д-та герольд. № 26. 1848 г.) показано отъ Гаврила Филатовича, рейтара Смоленскаго, умерш. 1742 г. У него были два сына: Илья—бездѣтный, да Семенъ, отставной капралъ драгунскій, отецъ Дмитрія, капитана бездѣтн., да Павла Семеновича (род. 1741 г.), въ 26 лѣтъ оставившаго службу корнетомъ. Сынъ его Андрей Павловичь (род. 1770 г.), корнетъ же, неслужившій съ молодыхъ лѣтъ, оставилъ трехъ сыновей и шесть дочерей (Анисью, р. 1809 г. Александру, р. 1810 г., Авдотью, р. 1819 г. и Татьяну, р. 1811 г.). Сыновья его были: Николай (род. 1791 г.), женатый на Дарьѣ Андреевнѣ (род. 1804 г.); Иванъ Андреевичь, капитанъ (род. 1811 г.), женатый на Надеждѣ Алексѣевнѣ Жуковой и успѣвшій добиться до внесенія рода своего, только по личнымъ заслугамъ, во 2-ю часть родословной книги дворянства Костром. губ. У него сынъ Петръ (род. 1845 г.), да дочери Вѣра и Клеопатра. Младшій братъ его былъ поручикъ, род. 1814 г.

Болѣе о второй вѣтви фамиліи Безобразовыхъ отъ Юрія, мы не имѣемъ свѣденій.

Третья вѣтвь, отъ Матвѣя Юрьевича, заключаетъ самыхъ видныхъ представителей (по своей службѣ государственной и заслугамъ въ средѣ общественной дѣятельности). Они составляютъ *Калужскую* вѣтвь, въ которой особен-

ныхъ перерывовъ или недомолвокъ, меньше, чѣмъ въ прочихъ.

Если не самъ Матвѣй Юрьевичь, то всѣ три сына его, отличились своею службою въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка.

Владимiръ Матвѣевичъ въ 1558 г. былъ седьмымъ головой въ большомъ полку, въ зимнемъ Лифляндскомъ походѣ, а въ 1567 г. 2-мъ воеводою въ Орлѣ. Въ 1573 г. находился при особѣ государя въ Лифляндскомъ походѣ, изъ Новогорода, и въ 1576 г. получилъ жалованную грамоту, по которой позволено ему писаться съ *вичемъ*. Братъ же его *Ѳедоръ Матвѣевичъ* былъ первымъ головою при бояринѣ Яковлевѣ, въ передовомъ полку, въ походѣ противъ крымцевъ (съ 11 марта 1559 г.). Онъ неоставилъ потомства, только продолжавшагося отъ сыновей Владимiра: Семена и Елизара. *Семенъ Владимiровичъ*, стряпчiй съ ключемъ въ комнатѣ царя Ивана IV, при Ѳедорѣ (1587 г.) былъ вторымъ воеводою на проводахъ крымскихъ царевичей, въ Астрахань, а при Борисѣ (1598 г.) былъ на воеводствѣ въ Смоленскѣ и строилъ тамошнiя стѣны (по 1602 г.). Онъ оставилъ одного сына Ивана.

Елизаръ Владимiровичъ, въ 1577 г. сотникъ въ Лифлянд. государевомъ походѣ, присланъ изъ подъ Черствина въ станъ государевъ съ 2-мя вышедшими нѣмцами; а 1598 г. въ Серпуховъ посланъ для сбора судовъ перевозныхъ черезъ Оку. Въ 1607 г. посланъ изъ Мещовска съ отрядомъ для провѣдыванiя движенiя шаекъ польскихъ и казацкихъ; да велѣно ему вѣдать Брянскъ, для воспрепятствованiя тамъ укрѣпляться противникамъ царя Василья. Въ 1609 г. былъ соратникомъ князя Михаила Скопина и посыланъ былъ изъ Новагорода съ извѣстiемъ о приходѣ шведскаго вспомогательнаго войска, а потомъ, изъ Калязина и Александровой слободы, высылаемъ былъ съ отрядами, привозя вѣсти царю.

У благодушнаго и храбраго воеводы Елизара Владимiровича, былъ одинъ только сынъ *Иванъ Елизаровичъ*, прозванiемъ *кривошея*, отецъ Ивана Ивановича и дѣдъ Ивана же Ивановича (2-го) стольника, подававшаго родословную своей вѣтви въ разрядъ въ 1687 году. Стольникъ

былъ женатъ на двухъ женахъ: отъ первой, Мартюхиной, имѣлъ онъ стольника же Ивана—Александра Ивановича, умершаго безбрачнымъ, а отъ второй жены—Аграфены Петровны Пушкиной—дочь Евфросинью (замужемъ за Иваномъ Алексѣевичемъ Беркинымъ), да двухъ сыновей: Петра и Іосифа Ивановичей. *Петръ Ивановичь*, отъ брака съ Анною Ѳедоровной Беклемишевой, имѣлъ дочь Дарью Петровну (за Николаемъ Степановичемъ Телепневымъ) и сына *Павла Петровича*, кол. сов., предсѣдателя угол. пал. въ Калугѣ, отъ брака съ Александрой Ивановной Лесли оставившаго сына же Григорія, да дочерей Екатерину, Марѳу—Маргариту и Елену.

Іосифъ Ивановичь († 25 ноября 1780 г.) былъ д. с. с., отъ брака съ Маврой Дмитріевной Загряжской († 5 іюля 1784 г.) оставившій дочь Надежду, да двухъ сыновей: *Михаила и Александра*. Александръ былъ убитъ по ошибкѣ солдатомъ, имѣвшимъ злобу на полковаго командира и незнавшимъ, что предметъ его злобы уѣхалъ, сдавъ команду Безобразову, всѣми любимому. Смерть его послѣдовала въ молодыхъ лѣтахъ (1779 г.). *Михаилъ Іосифовичь* былъ въ чинѣ бригадира оберъ-кригс-коммиссаръ, и умеръ лѣтъ 35-ти отъ роду, отъ удара вслѣдствіе непріятнаго случая, послѣдовавшаго отъ его пылкости (1791 г.). Екатерина II очень сожалѣла о потерѣ честнаго и дѣльнаго чиновника. Онъ былъ женатъ на Марьѣ Александровнѣ Чириковой, отъ брака съ нею оставивъ трехъ сыновей: Александра, Григорья и Петра, да дочь Екатерину.

Петръ Михайловичь, полковникъ семеновскаго полка, умеръ бездѣтнымъ при Александрѣ. Жена его, Софья Ѳедоровна, урожд. Вадковская (во 2-мъ бракѣ за сенатор. Тимирявевымъ), жива и теперь. *Григорій Михайловичь* д. с. с. († 11 марта 1854 г.), былъ Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ и отъ брака съ Елизаветою Петровной Глазовой, оставилъ 3-хъ сыновей: Михаила, да Петра холостыхъ,—и Василія Григорьевича, женатаго на княжнѣ Ольгѣ Петровнѣ Горчаковой (умершей 15 сент. 1873 г.), имѣющаго 8 дочерей.

Александръ Михайловичъ, д. т с., сенаторъ, первоприсутствовавшій (съ 1837 г.) въ межевомъ д-тѣ; до сенаторства заявилъ себя какъ опытный, просвѣщенный и заботливый объ общей пользѣ администраторъ, управляя губерніями Тамбовской, Ярославской и С.-Петербургской. Образованіе получилъ онъ въ Москов. университетскомъ пансіонѣ и дома, подъ руководствомъ профессоровъ гл. педагогическаго института. Въ 1813 г., какъ очевидецъ и участникъ въ подвигахъ защитниковъ родины, онъ напечаталъ «краткое обозрѣніе знаменитаго похода россійскихъ войскъ противъ французовъ 1812 г.» (8°), да «краткое обозрѣніе подвиговъ россійскаго дворянства на полѣ брани и на поприщѣ гражданскомъ, съ присовокупленіемъ (статьи) «подвигъ русскому нынѣ предстоящій или чувства гражданина, искренно любящаго свое отечество». Александръ Михайловичъ (род 29 дек. 1783 г., † 19 апр. 1871 г.) женатъ былъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Орловой (дочери Ѳедора Григорьевича) (род. 9 сент. 1793 и ум. 1830 г. 10 окт.). Отъ брака съ нею имѣлъ А. М. Безобразовъ шесть сыновей и 5 дочерей. Дочери: Марья Александровна († 30 авг 1863 г.) была за д. с. с. Шелашниковымъ; Наталья Александровна (род. 26 дек. 1822 г.) за камеръ-юнкеромъ Солтыковымъ; Вѣра Александровна, фрейлина дѣвица (род. 18 іюля 1825 г.) и Варвара Александровна (род. 10 апр. 1829 † 27 іюля 1872 г.) была за полк. княземъ Козловскимъ.

Сыновья: *Александръ Александровичъ* очень молодымъ убитъ на Кавказѣ (17 авг. 1831 г.), *Михаилъ Александровичъ*, д. с. с., камергеръ (род. 29 авг. 1815 г.), отъ брака съ графинею Ольгою Григорьевной Ностицъ имѣетъ дѣтей: Александра (р. 1853 г.), служащ. въ кавалергардахъ, Владиміра (род. 1857 г.) и дочерей Анну и Ольгу Михайловну. М. А. Б—въ продолжаетъ трудиться надъ выясненіемъ вопросовъ, интересующихъ вообще наше общество и земство, какъ членъ московскаго и съ марта 1872 г. предводитель дворянства С.-Пб. уѣзда.

Николай Александровичъ д. с. с. (род. 17 окт. 1816 г. † 15 октября 1867 г.), бывшій предводитель дворянства С.-Пб. уѣзда, въ теченіе 12 лѣтъ, получилъ образо-

ваніе въ С.-Пб. университетѣ и удостоенъ званія магистра законовѣденія, за диссертацію «о началахъ внѣшняго государственнаго права» (1838 г). (95 стр. 8°). Просвѣщенный юристъ, онъ былъ горячій защитникъ интересовъ земства и дворянскаго сословія вообще (*).

Въ статьяхъ своихъ, стоя на почвѣ изданныхъ правительствомъ положеній, покойный дѣятель отстаивалъ главенство и руководительство дворянъ въ земскомъ дѣлѣ.

Николай Ал—дровичь, отъ брака съ Анной Ив., урожд. Сухозанетъ, оставилъ дочерей: Марію, да Екатерину Н—ну—за кн. Никол. Никол. Хованскимъ. Четвертый сынъ Александра Михайловича и Анны Өедоровны Безобразовыхъ, былъ *Өедоръ Александровичь*, род. въ селѣ Городнѣ, Зарайскаго округа, 26 апр. 1820 г. и ум. въ августѣ 1865 года, отъ брака съ Александрой Павловной Наумовой, оставивъ 4-хъ сыновей (Александра, Павла, Өедора и Николая). За нимъ слѣдовалъ *Алексѣй Александровичь*, штабсъ-капитанъ, род. въ Ярославлѣ 14 ноября 1825 г., † 1860 г.; отъ брака съ Флорентиной Эразмовной Златницкой, оставившій дочь Анну Алексѣевну, за полковникомъ Золотаревымъ. Наконецъ, Григорій Александровичь, р. 11 окт. 1830 г.—отстав. прапорщикъ.

Іосифъ Ивановичь, Марья Александровна и Александръ Михайловичь Безобразовы, ходатайствовали о гербѣ, пред-

---

*) Въ разное время, для выясненія наиболѣе выгодныхъ отношеній бывшихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и положенія земства, съ его неустановившимся кругозоромъ на цѣль и поводы стремленій и улучшеній,—Н. А. Безобразовъ написалъ брошюры: 1858 г. «Обсужденіе вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ (литографир. рукоп. 19 л. съ приложен.)« Объ усовершенствованіи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства» (Берлинъ. 8° 42 стр.) 1859 г. «Двѣ записки по вотчинному вопросу, съ предислов. и общ. заключеніемъ» (Берлинъ 32° 154 стр. съ табл.). 1860 «По вотчинному вопросу—мнѣніе и развязка» (Берлинъ. 32° 88 стр.). «Предложенія дворянству» (32° 111 стр). «О свободномъ трудѣ при помѣстномъ устройствѣ» С. Пб. 1863 г. (32° 32 стр). Да еще имъ напечатана шутка—пародія на излишество вводимыхъ безъ надобности въ дѣловой слогъ иностранныхъ словъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ,—«Письмо изъ страны далекой съ утръ-томбною сенсаціею». (С.-Пб. 1862 II и 8 стр. написанное въ «Монтъ Альбанѣ, 17 окт. 1859 г.). 1865 г.—«За твердость закона». Да еще «взглядъ на сельское управленіе» 1853 г. и «опытъ устава опекунскаго».

ставляя родословіе своей вѣтви отъ Христофора (съ опущеніемъ Александра и его потомства). По ходатайствамъ ихъ, начатымъ еще въ 1766 году, данъ гербъ (Ч. VI. № 13). Ходатайствуя о немъ, Безобразовы прописывали, что они издревле будто бы употребляли на печатяхъ свой гербъ, слѣдующій (герб. д.) «щитъ съ вершиною и дѣленіемъ поперегъ. Вершина—серебряное поле—съ чернымъ равноконечнымъ крестомъ, служитъ въ память святаго крещенія, воспріятаго родоначальникомъ Безобразовыхъ, Христофоромъ—Михаиломъ. Подъ вершиною, въ голубомъ полѣ, близъ дуба стоящій олень, подъ звѣздою, знаменуютъ мужественные сей фамиліи съ благополучнымъ успѣхомъ подвиги, путеводимые усердіемъ въ служеніи отечеству». Согласно просьбѣ ходатайствующихъ, присутствіе герольдіи и предложило гербъ существующій, отмѣны въ которомъ заключаются только, во введеніи щитоносцевъ—рыцаря съ копьемъ и орла одноглаваго,—да въ помѣщеніи (въ нашлемникѣ) возникающаго золотаго оленя, между распростертыми черными орлиными крыльями. Наметъ лазуревый съ золотомъ. (Герб. Ч. VI. № 13). Этотъ гербъ употребляетъ калужская вѣтвь и прочія, за исключеніемъ потомства Осѣчки (Ажечки), исходатайствовавшаго себѣ особый, нами здѣсь помѣщаемый, и заключающійся во 2-ой части гербовника (№ 83). Онъ существенно рознится только верхнею частію гербоваго щита, такъ какъ, здѣсь: въ лазуревомъ полѣ помѣщены по сторонамъ, летящей вертикально внизъ, стрѣлы—двѣ золотыя звѣзды. Въ нижней части щита, не олень, а лошадь выбѣгаетъ изъ лѣсу; въ серебряномъ полѣ. Наметъ не золотой, а серебряный, съ голубымъ же; но вмѣсто оленя поставленъ, въ нашлемникѣ, единорогъ. Нѣтъ также щитоносцевъ.

Прямо сказать, какіе именно роды фамиліи Безобразовыхъ исключительно пользуются этимъ гербомъ, мы теперь еще нерѣшаемся.

Описавъ гербы, докончимъ обзоръ послѣднихъ двухъ вѣтвей младшихъ потомковъ Юрія.

У четвертаго сына его, Якова Юрьевича, былъ сынъ Григорій Яковлевичъ, а у него сынъ *Василій Григорьевичъ*,

осадный голова въ Серпуховѣ, 1598 г. Сынъ этаго лица, Семенъ Васильевичъ, имѣлъ сына Ивана Семеновича, въ 1640 г. записаннаго въ московскіе дворяне и бывшаго отцомъ: Митрофана, Ивана, Өеодосія и Перфилія Ивановичей.

Митрофанъ Ивановичъ, стряпчій (1671 г.), оставилъ сыновей: Матвѣя и Семена, въ свою очередь имѣвшаго дѣтей Никиту и Александра. А Перфилій Ивановичъ, дворянинъ Московскій въ 1679 г., оставилъ трехъ сыновей: Данилу, Григорья и Өедора, оставившихъ потомство. У Данилы Перфильевича былъ сынъ Дмитрій и внукъ Александръ. У Григорья сынъ Борисъ, засѣдатель калужскаго совѣстнаго суда (1783 г.). А у Өедора Перфильевича – сынъ Иванъ, отецъ Сергѣя, Николая и Михаила Ивановичей. Дальше объ этой вѣтви свѣденій мы неимѣемъ.

Наконецъ, послѣдній сынъ Юрія — Иванъ, имѣлъ трехъ сыновей: Ивана, Якова и Климента. У Ивана были дѣти: *Захарія Ивановичъ,* въ 1594 г. 2-ой голова въ Гдовѣ, въ 1598 г., при походѣ Бориса въ Серпуховъ, ставилъ сторожей къ царской ставкѣ. Въ 1603—5 г. письменный голова въ Тарѣ и дотого—въ Вологдѣ. Братъ его, *Алексѣй Ивановичъ*, въ 1602 г. 2-ой воевода въ Тюмени; въ 1603 г. 1-й воевода на Волокѣ. Отъ Московскихъ правителей, старавшихся доброхотствовать полякамъ, онъ былъ отправленъ въ 1611 году къ Сигизмунду, подъ Смоленскъ, съ доношеніемъ о низведеніи Гермогена и королемъ посылаемъ уговаривать великихъ пословъ, чтобы они повліяли на сдачу Смоленска Шеинымъ. Отказъ въ этомъ, Филарета и Голицына, ускорилъ отсылку ихъ въ Польшу (13 апр. 1611 г.); тѣмъ не менѣе Алексѣй Ивановичъ Безобразовъ при Михаилѣ былъ воеводою въ Старицѣ (1617 г.). Сынъ Захаріи Ив., Аверкій, палъ подъ Калугою 1608 г. У Якова Ивановича былъ сынъ Яковъ же, отецъ бездѣтныхъ Никифора, Петра и Исая. Пятая вѣтвь, однако, продолжалась еще въ концѣ XVII вѣка отъ младшаго сына Ивана Юрьевича—Климента, родъ котораго, какъ мы выше говорили, пропущенъ въ родословіи, но обозначенъ въ сказкѣ,

находящейся въ гербовомъ дѣлѣ. Вотъ что говорится въ этой сказкѣ.

У Климента Ивановича сынъ Ѳедосѣй, отецъ Андрея, Игнатія и Григорія. У Игнатія дѣти Іосифъ и Иванъ *Голубокъ*, имѣвшій дѣтей: Ларона да Ѳедора. Сынъ послѣдняго изъ нихъ — *Тимофей Ѳедоровичъ*, вяземскій дворянинъ, посыланъ въ сент. 1611 г. къ Польскому королю, а въ 1634 г. павшій отъ ранъ подъ Смоленскомъ. Сынъ Ивана Голубка—Ларіонъ-Богданъ, убитъ на Ходынкѣ 1609 г. Братья Тимофея оставили потомство: *Артемій* (Афанасій) *Ѳедоровичъ* (дворянинъ Московскій 1667 г.) въ лицѣ трехъ сыновей (Ефима—Тихоміра, Ларіона—Воина, да Алексѣя—Александра), а *Наумъ Ѳедоровичъ* (дворянинъ Моск. 1668 г.) сына Игнатія—дальше которыхъ о послѣдней вѣтви Безобразовыхъ отъ Юрія, въ документахъ архива д-та герольдіи мы ничего не нашли.

Остается сказать, что существуютъ роды дворянъ Безобразовыхъ, не принадлежащихъ къ потомству Христофора Михаила.

Въ 1687 году потомки Христофора Безобраза уже жаловались на то, что чужаго рода люди, пишущіеся по городу Ржевѣ «Леонтьевы внучата и правнучата, съ дядьями ихъ, да съ дѣтьми, да съ племянниками,—прозваніемъ Безобразовы ложнымъ своимъ челобитьемъ вылгали и пожалованы въ стряпчіе, и по Московскому списку, и по жилецкому списку; а они не наши. По Ржевѣ, сродниковъ нашихъ никто неслуживали». Мы несмѣемъ утверждать, къ этому ли роду принадлежатъ Безобразовы, упоминаемые въ боярскихъ книгахъ, а именно: Михаилъ Степановичъ, стольникъ 1703 г., Кузьма Ѳедоровичъ, мядынскій дворянинъ 1631 г., Петръ Ѳеоктистовичъ и Михаилъ Софроновичъ, да Прохоръ Кузмичъ стольники, жившіе при Петрѣ I? Но, позволимъ себѣ здѣсь замѣтить только, что едвали не къ отвергаемому роду однофамильцевъ потомства Христофора Безобразова, принадлежитъ родъ академика И. А. Н. Владиміра Павловича Безобразова. Родъ его начинается отъ Леонтія, у котораго былъ сынъ Еремѣй, отецъ Ивана, Михея, да Еремея же. У Ивана Еремѣевича по родословію показанъ

сынъ Андрей, да внукъ Иванъ. У Михея Еремѣевича былъ сынъ Прокофій, получившій 27 августа 1680 г. грамоту на Ржевское имѣніе. Прокофій былъ отцомъ Александра и Өедора, изъ которыхъ послѣдній оставилъ потомство въ лицѣ сына Алексѣя, стольника царицы Прасковьи Өедоровны, отца Николая Алексѣевича, отъ брака съ Ульяною Зиловой оставившаго двухъ дочерей, да трехъ сыновей (Ивана, Павла и Александра Николаевичей).

Наконецъ, у Еремѣя Еремѣевича было два сына младшій Михаилъ, оставившій трехъ дочерей, да старшій, Александръ —отецъ Василія и Өедора. У Өедора былъ сынъ Иванъ; а у Василія Александровича, сынъ Николай. Сынъ этаго Николая Васильевича — *Павелъ Николаевичъ*, ст. сов., род. 1787 г., служившій сперва въ морскомъ вѣдомствѣ, а потомъ бывшій управляющимъ Московскою удѣльною конторою, въ бракѣ съ (дочерью Павла Марковича Полторацкаго) Елизаветою Марковною, былъ родителемъ уважаемаго нашего ученаго, составившаго себѣ почтенную репутацію по отдѣлу статистики и государственной экономіи. *Владиміръ Павловичъ Безобразовъ*, въ 1843 г., во время возбужденія ходатайства о гербѣ его отцомъ, показанъ 14-ти лѣтъ, воспитывавшимся въ Москов. дворянскомъ институтѣ. Кромѣ него, у родителей показаны сынъ Юрій (10 лѣтъ), да дочери: Софья (11 л.) и Елена ($2^1/_2$ лѣтъ отъ рожденія). (Герб. д. XI ч. герб. по Тверск. губ. 1845 г.). Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, тоже имѣетъ потомство въ лицѣ сына и двухъ дочерей.

Не можемъ за то указать, къ какой вѣтви древняго рода Безобразовыхъ принадлежитъ *Тарасъ Безобразовъ* (отчество неизвѣстно) 1629 г. владѣвшій помѣстьемъ въ Пехлецкомъ стану Ряжскаго уѣзда—родоначальникъ Рязанской вѣтви фамиліи, безъ сомнѣнія древней (см. дѣло арх. д-та герольдіи, по Рязанской губ. № 1, 1845 года).

Этотъ Тарасъ имѣлъ сыновей Ивана, —отца Аники, да Павла—отца Иванова. *Иванъ Павловичъ* имѣлъ двухъ, сыновей: Трофима, женатаго на вдовѣ Ксеніи Емельяновнѣ и оставившаго только дочь Афимью за однодвор-

цемъ Сидоромъ Лихачевымъ (1736 г.). Тогда какъ, другой сынъ *Ивана Павловича*, *Кириллъ*,— въ 1684 г. взявшій прожиточное помѣстье за Натальей Кондратьевной Папиной, имѣлъ отъ нея сына Никиту, женатаго на Аннѣ Дѣевнѣ, но недослужившагося до офицерства. Сынъ этаго лица, Петръ Никитичь (род. 1714 г.), былъ, при отставкѣ, подпоручикъ (1767 г.),—отецъ Ивана и Мирона Петровичей Безобразовыхъ, начавшихъ дѣло о древности своего рода. Миронъ Петровичь каптенармусъ (р. 1740 г.), оставилъ сыновей: Петра, Григорья (род. 1793 г.) маіора (внесеннаго въ 3-ю часть родословной дворянской книги по Рязанс. губ.), Дмитрія, Кондратія, Ивана, Григорья, Василья, Афонасія и дочь Елизавету.

У Григорья Мироновича, женатаго на Евпраксіи Ивановнѣ, владѣлицѣ с Назарьева, (Сапожковск. у.), дѣти Андрей (род. 1833 г.) и Николай (р. 1838 г.).

Есть еще родъ Безобразовыхъ, получившій дворянство по ордену Владиміра. Получилъ этимъ путемъ дворянскія права *Михаилъ Ивановичь Б—въ* (род. 1769 г.), бывшій прокуроръ Вятской межевой конторы, вовремя ходатайства о дворянствѣ (1833 г.) тит. сов. Сынъ его, *Василій Михайловичь Безобразовъ* (род. въ Уфѣ, 18 марта 1823 г.) кандидатъ философіи, д. с. с. инспекторъ округовъ С.-Пб. Воспит. Дома. Родъ ихъ внесенъ въ 3-ю часть родословной книги по Пензенской губ. (дѣло арх. д-та герольд. по Пензенск. 1845 г. № 47).

Протасовы.

(графы и дворяне).

Гербъ графовъ Протасовыхъ, помѣщенный въ 8-ой части гербовника (№ 5-й 1 Отд.), представляетъ въ щитѣ, имѣющемъ золотую вершину,—до половины возникающаго чернаго двухглаваго коронованнаго орла съ распростертыми крыльями. Нижняя, большая часть гербоваго щитар аздѣлена двумя перпендикулярами не по срединѣ, на 4 неровныя части щита. Изъ нихъ первый и второй отрѣзки меньшіе, чѣмъ соотвѣтственныя имъ части ниж-

няго дѣленія щита. Въ центрѣ пересѣченія перпендикуляровъ помѣщены двѣ скрещенныя шпаги остріями внизъ и въ разныя стороны. Надъ шпагами, по линіи перпендикуляра, рогами вверхъ золотая луна, половина которой приходится въ 1-мъ (серебряномъ) полѣ, а другая во 2-мъ (лазуревомъ). А имъ соотвѣтствуетъ въ нижней части щита, ниже шпаги, золотая 8-ми лучевая звѣзда (на перпендикулярѣ), а двѣ другихъ, такихъ же звѣзды, помѣщены при концахъ шпагъ: одна въ 3-мъ (лазуревомъ), а другая въ 4-мъ (серебряномъ) полѣ нижней части гербоваго щита.

Щитодержцы: слѣва одноглавый орелъ, справа (левъ, стоящій на заднихъ ногахъ) барсъ. Щитъ увѣнчанъ графскою короною, сверхъ которыхъ три шлема, по обычаю. Въ нашлемникахъ по сторонамъ надъ дворянскою короною по развернутому крылу, а по срединѣ — надъ графскою короною пять страусовыхъ перьевъ.

Наметъ лазуревый съ серебромъ.

Графское достоинство дано Александромъ I при коронованіи своемъ камеръ-фрейлинѣ Екатерины II, Аннѣ Степановнѣ Протасовой, потомству ея братьевъ и своего воспитателя. Дворянскій родъ Протасовыхъ уже существовалъ до XIV вѣка. Покрайней мѣрѣ Лука Протасьевичь былъ московской бояринъ, въ 1330 году ѣздившій посломъ въ Тверь. Правнукъ его, мценской воевода, Григорій Протасьевичь, въ 1423 году соединясь съ княземъ Одоевскимъ, разбилъ и прогналъ татарскаго князя Айдара, съ успѣхомъ дѣйствуя противъ татаръ и въ слѣдующемъ году; и хотя въ 1429 г. былъ, измѣною захваченный, увлеченъ въ орду, но самимъ Ханомъ отпущенъ, въ уваженіе его мужества. У этаго храбраго воеводы былъ сынъ Степанъ, внукъ Александръ и правнукъ Борисъ, отецъ Кипріяна и Захарія Борисовичей, тоже испомѣщенныхъ въ Мценскѣ. Послѣдній изъ нихъ, служилъ уже при Михаилѣ и за московскую осаду награжденъ вотчинами. Каждый изъ этихъ братьевъ оставилъ по сыну: Кипріянъ Кирилла, а Захарій—Давида, воронежскаго воеводу при царяхъ Алексѣ Мих. и Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. У Кирилла было два сына,

Яков. да Макаръ, а у Давида, только стольникъ Іуда, отецъ двухъ сыновей: Якова (д. с. с.), да Ивана, женатаго на А. А. Юшковой.

У Якова Кирилловича былъ одинъ сынъ, стольникъ Өедоръ Яковлевичь, родъ котораго и получилъ графское достоинство, тогда какъ потомство другаго брата его прекратилось, а родъ Іуды Давыдовича остался дворянскимъ. Братъ Якова Кирилловича, Макаръ, имѣлъ сына Леонтія и трехъ дочерей, за мужемъ за Шеншинымъ, Беклемишевымъ и Лутовиновымъ. Сынъ Леонтія, Григорій, оставилъ одного только, одноименнаго себѣ, сына, Григорія же (Григорьевича), тайнаго совѣтника и сенатора при Екатеринѣ II, взысканнаго милостями великой монархини при самомъ ея воцареніи.

Обратимся къ вѣтви, давшей впослѣдствіи графовъ. У Өедора Яковлевича былъ сынъ Степанъ Өедор (род. 15 мая 1703 г. и ум. 16 мая 1767 г.), сенаторъ, отъ перваго брака имѣвшій сына, сенатора же, Петра Степановича (род. 1 іюля 1730 г. и ум. 19 іюля 1794 г.), отъ брака съ Александрою Ивановной Протасовой (род 1750 г. и ум. 1782 г. — дочерью Ивана Юдича) оставившій 6 дочерей: Александру (1774—1842 г.) за княз. Ал—ѣемъ Андр. Голицынымъ, Екатерину, за графомъ Ө. В. Ростопчинымъ, граф. Варвару Петровну (умершую въ дѣвицахъ 1852 г.), гр. Вѣру П—вну, 1-ю жену князя Ил. Вас. Васильчикова и гр. Анну П—вну, за гр. Варөоломеемъ Вас. Толстымъ. Двѣ сестры Петра Степановича, отъ одной съ нимъ матери, были: Марья Степановна (р. 1738 г., ум. 1807 г.) и графиня Анна Степановна (р. 1745 г. и ум. 1826 г.), любимица Екатерины II, уважаемая Александромъ I. Отъ 2-ой жены (Анны Никитишны Орловой, двоюродной сестры князя и графа Орловыхъ), у Степана Өедоровича былъ сынъ, бригадиръ, Александръ Степановичь (род. 23 мая 1762 г. и ум. 24 дек. 1792 г.), да дочь, фрейлина Елизавета Степановна († 20 марта 1840 г.). Александръ Степановичь отъ брака съ Александрой Максимовной Лугининой (род. 1773 г. и ум. 1829 г.), имѣлъ сына графа Степана Александровича

(род. 1 марта 1793 г. и ум. 1809 г.) и дочь гр—ю Анну Александровну (ум. 3 дек. 1849 г.), супругу адмирала князя Александра Сергѣевича Меньшикова. Вмѣстѣ съ потомствомъ родныхъ братьевъ гр—ни Анны Степановны, графское достоинство получили жена и сынъ сенатора Протасова, Д. Т. С. Александра Яковлевича (р. 1742 г. и ум. 27 апр. 1799 г.)— воспитателя В. К. Александра и Константина Павлович. Сынъ Александра Яковлевича и графини Варвары Алексѣевны, урожденной Бахметевой (род. 1770 г. и ум. 1847 г.), былъ Николай Александровичь Протасовъ, генералъ отъ кавалеріи, оберъ прокуроръ Св. Синода при Николаѣ I, (род. 27 дек. 1798 г. и ум. 16 янв. 1855 г.), отъ брака съ кн. Натальей Дмитріевной Голицыной, неоставившій потомства. Со смертью его графское достоинство получилъ внучатный его племянникъ (по матери) Николай Алексѣевичь Бахметевъ, присоединившій къ своей фамиліи прозваніе *Протасовъ*. О немъ мы будемъ говорить особо.

Что касается дворянскихъ вѣтвей фамиліи Протасовыхъ, то онѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

У Якова Юдича было два сына: Иванъ Яковлевичь, ст. сов. (р. 1721 † 1798 г.), неоставившій потомства, да генералъ поручикъ, Яковъ Яковлевичь (род. 1713 г. ум. 1779 г.), отъ брака съ Евд. Андр. Хрущевой имѣвшій сына Александра Яковлевича (о которомъ мы говорили выше), да Петра Яковлев., подполковника арміи, имѣвшаго сына Якова Петровича.

У Ивана же Юдича отъ брака съ Юшковой было 4 сына и 6 дочерей (Александра за Протасовымъ, Настасья за Плещеевымъ, Елизавета за исторіографомъ Карамзинымъ, да три дѣвицы). Братья ихъ были: Василій и Андрей Ивановичи, тульскіе губ. предв. дворянства,— да Яковъ и Павелъ Ивановичи. Отъ Василья Ивановича остались 2 дочери (2-я за Тимирязевымъ). Отъ Якова Ивановича, женатаго на Гриневой, было 2 сына и пять дочерей (за Марковымъ и Дороховымъ, Семеновымъ, Тепловымъ, Зацѣпинымъ и Мацневымъ). Старшій братъ ихъ, Иванъ Яковлевичь, оставилъ 2-хъ дочерей (за Щербац-

кимъ и Тиличеевымъ). У Павла Ивановича былъ сынъ сенаторъ Александръ Павловичь (род. 1790 г. и ум. 1856 г. холостымъ). А у Андрея Ивановича, отъ брака съ сестрою поэта В. К. Жуковскаго (Екатериной Афонасьевной Буниной) были двѣ дочери: Марья Андреевна за Мойеромъ, и Александра Андреевна (Свѣтлана) за поэтомъ А. Ѳ. Воейковымъ.

О другихъ родахъ Протасовыхъ мы будемъ говорить особо.

Голиковы.

(дворяне и граждане русскіе).

Съ фамиліею *Голиковыхъ* въ нашей исторіи XVIII вѣка оказываются дѣятели, принесшіе пользу обществу личною службою дѣлу, которому обрекали они себя. Таковы Голиковы—купцы курскіе. Изъ нихъ одинъ—Иванъ Ларіоновичъ,—вступивъ въ компанію съ другимъ, настолько же предпріимчивымъ труженикомъ—Григ. Ив. Шелеховымъ, вліялъ на развитіе русскаго мореплаванія по Тихому океану, и воспользовавшись открытіями товарищемъ земель—на общія средства компаніи,—по смерти партнера сталъ во главѣ обширнѣйшаго акціонернаго общества, составивъ Сѣверо-Американскую компанію. Родственникъ же дальній Ивана Ларіоновича,—Иванъ

Ивановичь Голиковъ, посвятилъ большую часть жизни своей на собираніе извѣстій о Петрѣ Великомъ.

Онъ успѣлъ составить и напечатать колоссальный сборникъ извѣстій, анекдотовъ и документовъ, о нашемъ царѣ-преобразователѣ, подъ титуломъ «Дѣянія Петра Великаго».

Составитель «Дѣяній Петра В.» пожалованъ былъ въ чинъ надворнаго совѣтника — что въ концѣ XVIII вѣка уже несомнѣнно давало право на возведеніе въ дворянство. Но тщательнѣйшія розысканія наши ничего не открыли для уясненія вопроса: сдѣлался ли дворяниномъ Иванъ Ивановичь Голиковъ? Точно также, за ненахожденіемъ производства о возведеніи въ дворянство,— неможемъ мы ничего сказать по этому предмету и объ Иванѣ Ларіоновичѣ Голиковѣ, хотя онъ, вмѣстѣ съ Шелиховымъ, по указу 12 сентября 1788 года, кромѣ награжденія золотою медалью, получилъ и серебряную шпагу. Дѣло тутъ, конечно, не въ томъ, что оба лица эти, какъ заслуженные дѣятели, по наградамъ, имъ пожалованнымъ, не имѣли бы права быть дворянами? Пожалованіе шпаги давало возможность полученія чиновъ, а чинъ коллежскаго ассессора уже давалъ дворянство. Жена Шелехова—партнера Ивана Ларіоновича Голикова, даже выхлопотала дворянство себѣ и потомству, по смерти мужа, но Голиковы о томъ не ходатайствовали, кажется. Съ фамиліею же Голиковыхъ получило дворянство, постороннее для нихъ лицо,—однофамильца.

Это былъ сынъ секретаря костромской провинціи, Климентъ Гавриловичъ Голиковъ, просившій о возведеніи въ дворянство и дачѣ герба,—непосредственно за полученіемъ чина надворнаго совѣтника,—въ царствованіе Павла I. Въ дворянство возведенъ этотъ Голиковъ 21 января 1798 г. и получилъ помѣщаемый нами гербъ, находящійся во 2-й части гербовника подъ № 139.

Гербъ этотъ представляетъ, въ лазуревомъ полѣ, осьміугольную серебряную звѣзду, сверхъ которой горизонтально положенъ (скрывая подъ собою два ея угла) поясъ краснаго цвѣта. На поясѣ же этомъ изображены двѣ золотыя пчелы, летящія вправо. На щитѣ гербовомъ

дворянскій шлемъ съ короною. Въ нашлемникѣ три бѣлыхъ страусовыхъ пера.

Наметъ лазуревый съ подложкою серебромъ.

Климентъ Гавриловичь Голиковъ, обладатель герба этого, началъ службу 1 февраля 1780 г. въ Костромскомъ губернскомъ правленіи. Въ 1780 г. онъ сдѣланъ секретаремъ Ярославскаго и Вологодскаго генералъ-губернатора Кашкина, а въ 1796 году, въ чинѣ тит. сов-ка, переведенъ въ штатъ бывшаго Таврическаго и Вознесенскаго генералъ-губернатора князя Зубова, секретаремъ; 30-го же декабря того же года перешелъ секретаремъ въ Сенатъ, къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ. Слѣдующій чинъ и чинъ надворнаго совѣтника пожалованы ему всего въ продолженіи 4 мѣсяцевъ, а тамъ и—дворянство.

Можно сказать смѣло, что новый дворянинъ былъ дѣлецъ въ полномъ смыслѣ этого слова и способности его оцѣняемы были высоко. Съ воцареніемъ Александра I, онъ оказывается оберъ-прокуроромъ, и вскорѣ затѣмъ д. с. с-комъ. Онъ умеръ около 1815 года, далеко не старымъ, оставивъ жену Александру Алексѣевну, ур. Панову, лѣтъ 35-ти. Въ 1819 году она имѣла только 38 лѣтъ отъ роду и кромѣ 2-хъ замужнихъ дочерей: Маріи Климентовны (22 л.) и Екатерины Климентовны (21 г., за полковникомъ Дуровымъ), имѣла еще 4 дочерей (Прасковью 15-ти, Анну 14-ти, Александру 13-ти и Устинью 11-ти л.), да 4 сыновей. Старшій изъ сыновей, Гаврило, род. 20 мая 1807 г. За нимъ слѣдовали Николай, род. 1810 г., Климентъ; (р. 3 іюня 1812 г.) и Григорій (род. 6 дек. 1815).

Въ наслѣдство многочисленному потомству, трудолюбивый дѣлецъ (сынъ приказнаго) оставилъ только 3270 душъ, въ четырехъ губерніяхъ! За женою и на ея имя было всего 1508 душъ, а самыя большія населенныя имѣнія были у Голикова въ Тульской губерніи.

По Тульской губерніи значатся помѣщиками и сыновья бывшаго оберъ-прокурора; у котораго были еще два брата, получившіе дворянство: Матвѣй Гавриловичь Г-въ, надв. сов. (1802), секретарь тульской духовной консисторіи и Θедоръ Гавриловичь, сенатскій протоколистъ (1802 г.),

женатый на Дарьѣ Дмитріевнѣ. Братья оберъ-прокурора тоже дворяне Тульской губерніи.

Старшій изъ сыновей Голикова, получившаго гербъ,— Гаврило Клементьевичь, былъ полковникомъ; братъ его, Климентъ, поручикъ, а—Григорій губ. секретарь. Когда (въ 1842 г.) внесены Г-вы во II часть родословной дворянской книги, по Тульской губ., Григорій Климентьевичь внесъ въ родословіе свое сына Павла Григ., да дочерей Людмилу (род. 1838) и Софью (род. 1840).

Климентъ Климентовичь, женатый на дочери чиновника 7 кл., Елизаветѣ Павловнѣ Колзаковой (съ 20 янв. 1835 г.), въ 1843 году внесъ въ родословіе дѣтей: Якова (8 л.), Андрея (6 л.) и Климента же (5 л.).

У Өедора Гавриловича, въ 1805 г. родился сынъ Михаилъ Федор. Голиковъ, впослѣдствіи ротмистръ, женатый на дочери князя Григорья Николаевича Волконскаго, княжнѣ Аннѣ Григорьевнѣ (1827 г.). Отъ брака ихъ, дѣти: Елизавета (род. 5 янв. 1828 г), Николай (род. 20 апр. 1830 г.) и Дарья (род. 12 дек. 1831 г.), внесены въ 3 часть дворянской родословной книги по Тульской губерніи (Дѣла архива Деп. герольдіи, по Тульской губ. 1845 г. № 53 и 1848 № 7.).

Что касается рода Курскихъ гражданъ—Голиковыхъ— общихъ родныхъ автора «Дѣяній Петра I» и основателя Сѣверо-американской компаніи — мы, говоря о Голиковыхъ дворянахъ, все же, съ своей стороны, считаемъ долгомъ сообщить и о нихъ кое-какія извѣстія; впрочемъ, далеко не обстоятельныя и не полныя.

Иванъ Ларіоновичь Голиковъ, курскій купецъ, былъ зять купца Ивана Лоскутова,—умершаго недождавшись уплаты отъ казны, слѣдовавшихъ ему съ нея, 20,000 р. За этотъ долгъ зятя, выпросилъ себѣ И. Л. Г. право быть публичнымъ нотаріусомъ (Указъ Сенат. 2 іюня 1759 г.). Впослѣдствіи онъ былъ городскимъ головою въ Курскѣ и въ 1775 г. вызывался взять на откупъ отъ казны продажу вина въ Тобольскѣ, по той же цѣнѣ, по которой отдавали предшественнику его. Въ совѣтѣ министровъ Екатерины II, большинство голосовъ подано было за проектъ Мельгунова: устроить въ Сибири казенные винные заводы и

не отдавать на откупъ вина. Съ 1779 по 1783 г. винный откупъ въ обѣихъ столицахъ оставался за двоюродными братьями: Иваномъ Ларіоновичемъ и Михаиломъ Сергѣевичемъ Голиковыми, называвшимися коронными повѣренными. У нихъ же, прикащикомъ въ Петербургской гл. винной конторѣ былъ Иванъ Ивановичь Голиковъ — двоюродный братъ обоихъ предъидущихъ. Откупщики Голиковы выписали черезъ Ригу, вмѣсто С.П.Б га, значительное количество французской водки, а когда тамъ, въ таможнѣ, заарестовали ихъ корчемный товаръ, они старались его выручить, заявляя, будто бы онъ назначенъ былъ къ Выборгскому порту? Этаго, однако, изслѣдованіе не подтвердило.

Такое-же выгораживанье себя изъ бѣды, усилило только вину ихъ. Такъ что, судъ приговорилъ, кромѣ конфискаціи французской водки, наложить арестъ и на всѣ ихъ торговыя заведенія въ столицѣ. Тогда-то, Иванъ Ивановичь Голиковъ посаженъ былъ въ тюрьму и освобожденъ изъ нея по манифесту, въ день открытія памятника Петру I. Неожиданное освобожденіе въ память великаго государя, рѣшило вопросъ о цѣли дальнѣйшей жизни и дѣятельности будущаго автора «дѣяній»: онъ бросилъ торговлю и всего себя посвятилъ собиранію извѣстій о Петрѣ I. Екатерина II открыла усердному разъискивателю «Кабинетъ Петра Великаго»: собраніе документовъ, адресованныхъ на имя геніальнаго преобразователя, да писемъ и собственноручныхъ замѣтокъ его. Теперь кабинетъ Петра Великаго, заключающій въ двухъ отдѣленіяхъ около стапятидесяти фоліантовъ переплетенныхъ рукописей, въ листъ, помѣщенъ въ Государственномъ Архивѣ, при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Голиковъ занимался этими документами еще во время нахожденія ихъ въ Петропавловской крѣпости, въ Архивѣ старыхъ дѣлъ. Тамъ же далеко еще не всѣ найдены были книги документовъ Петра I. Съ пропусками было второе отдѣленіе, наиболѣе интересное и заключающее въ себѣ особенно богатый матеріалъ для характеристики трудовъ самого Петра I и его ближайшихъ сотрудниковъ. Этимъ, частію, можемъ объяснить мы себѣ необходимость для Голикова, многое,

неизвѣстное ему, неудачно объяснять догадками, когда, на самомъ дѣлѣ, существуютъ теперь въ книгахъ кабинета Петра I документы, прямо разрѣшающіе всякое недоумѣніе. Лѣнивымъ и отъ того небрежнымъ завѣдомо, мы непозволимъ себѣ считать собирателя «дѣяній». Недостаткомъ эрудиціи для безукоризненнаго выполненія подобной задачи, даже и не у насъ въ то время, Голиковъ, конечно, можетъ быть укоряемъ. Но въ этомъ обвиненіи заключается и полное оправданіе его отъ излишнихъ претензій, со стороны придирчивыхъ критиковъ, не принимающихъ во вниманіе положеніе трудившагося такъ безкорыстно.

Голиковъ свободенъ отъ упрека и за стараніе все излагать витіевато: онъ и хотѣлъ писать не другое что, какъ панегирикъ! А въ то время понимали именно такъ возвышенность слога, въ условіяхъ панегирика.

Какъ бы ни было, но послѣ приступленія къ труду черезъ восемь лѣтъ, явился въ печати сборникъ Голикова; а еще черезъ восемь лѣтъ выросъ онъ до 30 увѣсистыхъ томовъ, въ печати. Чинъ надворнаго совѣтника былъ предсмертною наградою собирателя, 66-ти лѣтъ отъ рожденія умершаго въ день воцаренія Александра I. Императоръ Николай I особенно уважалъ трудъ И. И. Голикова и второе изданіе «Дѣяній» имѣлъ у себя настольною книгою, какъ разсказывали люди, близко знавшіе привычки государя. Голиковъ дѣйствительно вполнѣ достоинъ нашего уваженія. На внучкѣ И. И. Голикова женатъ былъ В. Н. Каразинъ.

Иванъ Ларіоновичъ Голиковъ казусомъ по винной торговлѣ не былъ лишенъ отваги. Онъ въ это время вступилъ въ компанію въ Иркутскѣ, съ мореходомъ Шелиховымъ и купцомъ Мыльниковымъ, и пожалъ плоды ихъ общей предпріимчивости, по смерти партнера своего, какъ мы выше замѣтили, создавъ сѣверо-американскую кампанію (Учрежденіе ея послѣд. по указу 8 іюля 1799 г.). До окончательнаго осуществленія этого громаднаго дѣла, онъ не дожилъ, впрочемъ (ум. 1805 г.); не дожила и жена его, Наталья Васильевна. Права акціонеровъ-учредителей получили дѣти ихъ и Шелехова. Изъ семьи Голиковыхъ поименованы (при

учрежденіи) какъ пайщики, двѣ дочери Ивана Ларіоновича, да сынъ его Николай Ивановичь. Одна дочь была за воронежскимъ фабрикантомъ Горденинымъ, другая за княземъ Багратіономъ (Александра Ивановна).

Братъ ихъ оставался еще въ купечествѣ, въ 1817 году.

Дворянскій родъ Голиковыхъ еще долженъ продолжаться отъ бывшаго директора коммиссіи Исаакіевскаго Собора, д. с. с. Николая Яковлевича Голикова, умершаго въ 1864 г. 55 лѣтъ и начавшаго образованіе въ И. А. Худ., а потомъ служившаго по учрежденіямъ Императрицы Маріи, смотрителемъ С.-П.Б. Вдовьяго дома. Онъ былъ сынъ чиновника и оставилъ потомство.

Зиновьевы.

(дворянскій родъ).

Въ нашей исторіи, въ московскій періодъ, встрѣчаемъ мы двѣ, покрайней мѣрѣ, дворянскихъ фамиліи съ прозваніемъ Зиновьевыхъ. Одна древнѣйшая, иноземнаго происхожденія, имѣетъ гербъ (I часть гербовника отд I № 49): въ щитѣ, имѣющемъ красное поле, изображенъ золотой крестъ, и подъ нимъ половина перстня. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною, на поверхности которой видна птица, держащая во рту перстень. Наметъ на щитѣ красный, подложенъ золотомъ.

Фамилія Зиновьевыхъ, имѣющая этотъ гербъ, какъ оказывается, древняя, переселилась въ Москву при сынѣ Донскаго, изъ Литвы (1392 г.). По польскимъ же сказаніямъ, въ Литву выѣхалъ предокъ Зиновьевыхъ, уроженецъ Босніи, называвшій себя *деспотомъ*, т. е. владѣтелемъ, за то, что, будто бы, до того владѣлъ онъ Молдавіей, Зенонъ или Зеновій Браташевичь (1380 г.), съ сыновьями Зиновіемъ и Александромъ Зиновьевичами. Изъ нихъ Александръ Зиновьевичь, по смерти отца (1390 г.) переселился на службу въ Москву, а Зиновій, имѣвшій сына Юрія, остался въ Литвѣ, пользуясь имѣніемъ Сморгони, даннымъ вел. кн. Витовтомъ отцу его. Юрій Зиновьевичь или Зеновичь, какъ писался онъ въ Литвѣ, сдѣлался родоначальникомъ фамиліи *Деспотъ-Зеновичей* и былъ воеводою Смоленскимъ. А сынъ его Юрій Юрьевичь Зеновичь, былъ гетманомъ Литовскимъ, каштеляномъ полоцкимъ и старостою Дисненскимъ. Сынъ же этого лица, Юрій (III) Юрьевичь, былъ земскій судья Виленскій. Юрій Николаевичь Зеновичь, внукъ этого лица, получивъ отъ короля Сигизмунда (1529 г.) часть доходовъ г. Мстиславля въ 1559 г., посылаемъ былъ королемъ договариваться съ гросмейстеромъ ордена Меченосцевъ, о подчиненіи ихъ Польшѣ, и въ 1568 году имѣлъ порученіе докончить сооруженіе и вооруженіе замка въ Лепелѣ.

Роль переселившихся въ Россію Зиновьевыхъ была не на столько громка по совершоннымъ представителями рода ихъ государственнымъ службамъ и подвигамъ.

Александръ Зеноновичь или Зиновьевичь, переселившійся въ Москву, имѣлъ, по родословію, одного сына Измаила, у котораго былъ сынъ Ѳедоръ, отецъ Михаила, да Нефедья (по родословной книгѣ, изданной редакціею «Русской старины», показанныхъ не въ пятомъ, а уже въ VI колѣнѣ). У Михаила Ѳедоровича былъ сынъ Зиновій, внукъ Матвѣй и правнуки: Иванъ Жукъ, Ѳедоръ и Василій (бездѣтный).

Въ родословіи (въ кн. изд. Старины) пропущенъ братъ Матвѣя Зиновьевича, Семенъ Зиновьевичь Хиря, умершій въ плѣну у крымцевъ въ 1589 году. Дочь его Ѳекла

(Богдана) Семеновна, была за Васильемъ Ѳедоровичемъ Лелѣчинымъ, принеся ему въ приданое село Дубовичи, да деревню Мальясово, въ рязанскомъ уѣздѣ, на р. Тыльѣ. Эти вотчины проданы, въ 1554 году, за 500 рубл., меньшимъ сыномъ ея Михайломъ Васильевичемъ Лелѣчинымъ, боярину Ив. Вас. Шереметеву (см. собр. госуд. грам. т. I 453, 468 и 468).

У Ивана Матвѣевича Жука, по родословію показаны пять сыновей, службы которыхъ неизвѣстны. Изъ трехъ же сыновей Ѳедора, старшій былъ Афанасій, судья земскій въ Москвѣ, управлявшій земскимъ дворомъ въ столицѣ, а поэтому и завѣдывавшій раздачею городскихъ земель и мѣстъ въ междуцарствіе (1612 г.). Въ церемоніалѣ коронаціи ц. Михаила Ѳ., Зиновьеву поручено было беречь чертожное мѣсто. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Афанасій Ѳедоровичь Зиновьевъ посыланъ былъ противъ князя Михаила Ружинскаго (1587 г.), да на Сѣверской Донецъ съ полкомъ (1589 г.). У него были дѣти Левъ и Григорій Афанасьевичи, умершіе бездѣтными, также какъ и сынъ Алексѣя Ѳедоровича (младшаго брата Афанасія Ѳ.), Афанасій Алексѣевичь, дворянинъ Московскій, судья въ Московскомъ судномъ приказѣ (на 1638 год.). И у Матвѣя Ѳедоровича, третьяго брата Афанасія и Алексѣя, было 5 сыновей бездѣтныхъ: Василій, Ѳедоръ, Данило, Иванъ и Илья Матвѣевичи. Такъ что родъ продолжался только въ лицѣ потомства Жука.

Но если службу сыновей Ивана Семеновича Жука мы не знаемъ, зато хорошо извѣстны чины и служба внуковъ этого лица, покрайней мѣрѣ дѣтей трехъ младшихъ сыновей его (Петра, Ивана и Семена Ивановичей).

У Петра Ивановича было семь сыновей (въ Родословной книгѣ, изд. Русск. Старины, показаны три): 1) Григорій Петровичь; 2) Сте[illegible] Петровичь, дворянинъ Московскій (1627—40 г.); 3) [illegible]менъ-Силуянъ Петровичь, стольникъ Патріарха Фила[illegible] 4) Никита Петровичъ; 5) Василій Петровичь, дво[illegible] Московскій, воевода въ Царевококшайскѣ (1627—3[illegible] въ Санчурскѣ (1632 г); 6) Ѳедоръ Петровичь, п[illegible] голова въ Томскѣ (1635 г.), дворянинъ по М[illegible]му списку (1640 г.;

7) Иванъ Петровичь, воевода на Мезени (1627 г.) и въ Муромѣ (1648 г.), помѣщикъ подмосковный, дворянинъ Московскій 1636 г. (бездѣтный, также, какъ и Никита Петровичь).

У Ивана Ивановича, дяди предъидущихъ, были два сына, помѣщики Брянскаго уѣзда, дворяне московскіе: Андрей, стрѣлецкій голова въ Почепѣ (1631 г.) и Дмитрій, убитый 1661 года. Наконецъ у Семена Ивановича былъ одинъ только сынъ, Иванъ Семеновичь Зин-въ, дьякъ (1640—1676 г.).

У воеводы Царевококшайскаго и Царевосанчурскаго, Василья Петровича—были три сына: старшій стряпчимъ служилъ (Петръ Васильевичъ) и посыланъ былъ съ стрѣлецкими приказами въ Кіевъ (1661 г.), второй Иванъ Васильевичъ, дворянинъ Московскій (1658—77 г.) и Ѳедоръ Васильевичъ изъ стряпчихъ, стольникъ (1676 г). У Андрея Ивановича былъ не одинъ сынъ (какъ въ родословной книгѣ изд. Р. Стар.), а два: Галактіонъ и Никита Андреевичъ, дворянинъ Московскій 1681 г. У перваго изъ нихъ были 2 сына стряпчими (1685 г.), Дмитрій и Павелъ. А второй бездѣтенъ. У Дмитрія же Ивановича (убитаго 1661 г.) было два сына: Никита Дмитріевичъ, дворянинъ Московскій (ум. 1672 г.) и Афанасій Дмитріевичъ (въ родословной книгѣ пропущенный), стольникъ 1676 г. У Никиты были два сына стольника: Иванъ Никитичь (впослѣдствіи подполковникъ, женатый на княгинѣ Марѳѣ Степановнѣ Козловской), родоначальникъ главной изъ существующихъ вѣтвей фамиліи и—Степанъ Никитичъ. Сестра ихъ, Наталья Никитична, была бабушкою писателя А. П. Сумарокова (мать его отца).

У Степана Никитича, былъ сынъ Никита Степановичъ, сынъ котораго, Сергѣй Никитичъ Зиновьевъ, былъ при Екатеринѣ II Олонецкимъ вице-губернаторомъ (1784 г.), а при Павлѣ (съ 1796 г. по 5 сент. 1798 г.) Вятскимъ намѣстникомъ, въ чинѣ Д. С. С. Онъ былъ женатъ на Авдотьѣ Ивановнѣ, отъ которой родились дѣти: Николай Сергѣевичъ (10 іюня 1800 г.) и Александръ Сергѣевичъ (10 сент. 1802 г.). Сергѣй Никитичъ умеръ 1810 г.

(между 11 ноября 1810 и 21 апр. 1811 г.) см. дѣл. арх. Д-та Гер. кн. 127 и 130.

Наконецъ, у дьяка Ивана Семеновича Зиновьева было *четыре*, а не два сына (какъ показано въ родословной книгѣ изд. Русс. Старины): 1) Яковъ Ивановичъ, 2) стольникъ Елисей Ивановичъ, переписывавшій Тулу съ уѣздомъ въ 1677 году, 3) Петръ Ивановичъ, дворянинъ Московскій (1676 г.) и Степанъ Ивановичъ, отъ котораго пошла Пензенская вѣтвь фамиліи Зиновьевыхъ. Внучата воеводы Кокшайскаго (отъ всѣхъ трехъ сыновей его) были стольниками и изъ ихъ потомства заслуживаетъ упоминанія родъ младшаго Степана Петровича, записавшагося въ Петровы регулярные полки и переписывавшаго Дмитровъ съ уѣздомъ 1705 г. Старшій сынъ его, Степанъ Степановичъ, былъ впослѣдствіи генералъ-маіоръ и президентъ Магистрата. Онъ былъ отцомъ,—одноименнаго съ собою—генералъ-поручика, посланника при Испанскомъ дворѣ, женатаго на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Меньшиковой (род. 4 окт. 1748 г. и ум. 20 янв. 1781 г). Потомство было только отъ младшаго изъ двухъ братьевъ его. Младшій изъ сыновей Степана Петровича, былъ Андрей Степановичъ, асессоръ вотчинной коллегіи и бригадиръ. На комъ женатъ онъ былъ, намъ неизвѣстно, но извѣстно, что у него было три сына и двѣ дочери: 1) Екатерина Андреевна (р. 1751 г., ум. 1836 г.) была фрейлиною Екат. II и (съ 29 іюня 1771 г.) въ супружествѣ за генералъ-поручикомъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ; 2) Анна Андреевна, была за капитаномъ 1 ранга кн Тимоф. Иванов. Щербатовымъ († 1762 г). Братья ихъ, дѣти Андрея Степановича: Александръ Андреевичъ, Степанъ Андреев. бригадиръ (жена Анна Николаевна) и Петръ Андреев., лейтенантъ (отст. 1742), женатъ на Натальѣ Михайловнѣ. Отъ брака ихъ извѣстны 2 сына: Ѳедоръ и Матвѣй Петровичи. И отъ перваго изъ нихъ, тоже два сына: Александръ и Михаилъ Ѳедоровичи.

Займемся главною изъ существующихъ вѣтвей фамиліи Зиновьевыхъ.

У Ивана Никитича Зиновьева, подполковника, былъ

всего одинъ сынъ Николай Ивановичъ, генералъ поручикъ, въ послѣдніе лѣта жизни своей С.П.Б. оберъ-комендантъ (1764—1773). Женатъ онъ былъ на Евдокіи Наумовнѣ Синявиной (род. 1717 и ум. 1777) и оставилъ пять сыновей и дочь. Сестра же его, Гликерія Ивановна (род. 1710 г.), была жена генералъ-маіора Григорья Ивановича Орлова (мать князя и графовъ Орловыхъ). Между тѣмъ, князь Григорій Григорьевичъ Орловъ женился (1776 г). на дочери Николая Ивановича Зиновьева, Екатеринѣ Николаевнѣ (род. 19 декабря 1758 г. и умершей въ Лозанѣ 16 іюня 1781 г). Смерть любимой супруги повлекла, какъ извѣстно, тяжелыя страданія мужа, 13 апрѣля 1783 г. освободившагося отъ нихъ только смертью. Изъ пяти сыновей Николая Ивановича Зиновьева—Ивана Н., Александра Н. (камергера, женатаго на княгинѣ Евд. Александр. Долгоруковой), Андрея Н. (полковника, служившаго на эскадрѣ Эльфинстона въ Архипелагѣ, а потомъ въ Польшѣ), Петра Н. и Василія Н—ча,—замѣчателенъ болѣе послѣдній, тайный совѣтникъ, получившій образованіе въ Лейпцигѣ. Онъ родился 1754 г. и отъ трехъ супругъ (Елизаветы Михайловны Дубянской, † 17 іюня 1803 г., Устиньи Ѳедоровны Брейткопфъ и Екатерины Петровны Розановой) оставившій 8 сыновей и 10 дочерей. Дѣти его: 1) Иванъ Васильевичъ; 2) Николай Васильевичъ генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ (род. 8 сен. 1801), потерявшій супругу: Юлію Николаевну, урожд. Батюшкову; 3) Наталья Васильевна, за П. С. Щулепниковымъ; 4) Марья Васильевна, за А. Н. Левашевымъ; 5) Ульяна Васильевна († 10 іюня 1828 г.) была за А. Н. Новицкимъ; 6) Степанъ Васильевичъ, камеръ юнкеръ, женатый (1836 г.) на баронессѣ Жомини, (умеръ 1871 г., также, какъ и) 7) Петръ Васильевичъ, имѣвшій въ супружествѣ В. И. Ельчанинову. 8) Василій Васильевичъ, генералъ лейтенантъ (1870 г.), гофмаршалъ двора Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, женатъ былъ на Прасковьѣ Алексѣевнѣ Сверчковой (въ 1 бракѣ Гверрейро). 9) Павелъ Васильевичъ, им въ супружествѣ кж-ну Марью Петровну Трубецкую. Сестры ихъ: 10) Устинья Васильевна, за генер. А. П. Козловымъ, 11) Анна Вас., за Г. К. Лип-

гардтомъ, 12) Евдокія В., за Ал. Ант. Томичемъ, 13) Екатерина В., 14) Павла В., за Өедор. Ал. Желѣзновымъ, 15) Вѣра В., за Веймарномъ. 16) Дмитрій Васильевичъ (род. 1822) женатъ на С. А. Веймарнъ, 17) Андрей В. и 18) Софья Васильевна, за княземъ Александромъ Степановичемъ Урусовымъ. Отъ Степана, Павла и Дмитрія Васильевича есть потомство.

Пензенская вѣтвь Зиновьевыхъ началась, какъ мы указали уже, отъ Степана Ивановича, не показаннаго въ родословной книгѣ, изданной редакціею «Русской Старины». У этого родоначальника вѣтви, какъ доказываютъ документы, представленные при его родословной, былъ сынъ Матвѣй и внукъ Илья Матвѣевичъ, по сказкѣ (поданной 11 янв. 1692 г.), показавшій за собою недвижимую собственность: Арзамаскаго уѣзда въ деревняхъ Саблуковѣ и Сунбуловѣ. Въ 1703 году получилъ онъ послѣ дѣда, Степана Ивановича, въ Арзамаскомъ уѣздѣ, еще 5 деревень, да въ Балахнинскомъ уѣздѣ деревню Бабину. Въ 1718 году за нимъ справлено наслѣдство послѣ отца, а въ 1744 г самъ Илья Матвѣевичъ умеръ, раздѣливъ имѣніе дѣтямъ, изъ которыхъ Иванъ Ильичъ оказывается продолжателемъ Пензенской вѣтви. Сынъ Ивана Ильича, Михайло Ивановичъ, род. 1768 г., получилъ послѣ отца, по опредѣленію Военной коллегіи, имѣніе и отъ брака съ Екатериной Андреевной оставалъ сына Дмитрія Михайловича (род. 21 сен. 1809 г.), внесеннаго въ дворянскую родословную книгу по Пензенской губерніи (1824), — въ VI часть ея (какъ доказавшій тождество лицъ рода своего съ старою историческою фамиліею Зиновьевыхъ). Что касается до другихъ лицъ, указанныхъ въ родословной книгѣ, изданной редакціею «Русской Старины», (кромѣ Сергѣя Никитича), то мы съ своей стороны полагаемъ ихъ изъ другой фамиліи одного прозванія. Поэтому, считаемъ болѣе удобнѣйшимъ, по произведеніи полныхъ и точныхъ изысканій, поговорить о нихъ особо. Фамилія же ихъ можетъ быть та, къ которой принадлежитъ подъячій Ж. Зиновьевъ, въ 1594 году составлявшій дозорную книгу по Новугороду (съ Завалишинымъ).

СЛОВЕСНОСТЬ.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Пушкинъ, въ 1833 году, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, ѣздилъ изъ села Болдина (въ Нижегородской губерніи) въ Казань и по Оренбургской линіи, для осмотра мѣста дѣйствія сценъ Пугачевскаго возмущенія, которое уже представлялось поэту въ достаточной ясности. Воротился Пушкинъ изъ своихъ объѣздовъ опять въ Болдино и засѣлъ здѣсь за работу, на цѣлый мѣсяцъ слишкомъ. Въ это время написалъ онъ въ Болдинѣ нѣсколько произведеній, прежде обдуманныхъ. Такъ, напримѣръ, докончилъ «Мѣднаго всадника» (31 октября 1833 г.); привелъ въ порядокъ исторію Пугачевскаго бунта и написалъ къ ней предисловіе (2 ноября). 18-я пѣсня сербская, вмѣстѣ со сказкою «о рыбакѣ и рыбкѣ» открываютъ собою этотъ потокъ творчества. Первая изъ піесъ все же оказывается «сказка о рыбакѣ

и рыбкѣ», съ помѣтою 14 *октября* 1833 *года.* Не служитъ ли это самымъ яснымъ доказательствомъ, что Пушкинъ, много наслышавшійся на этотъ разъ народныхъ разсказовъ, такъ пораженъ былъ истинно художественною канвою народной аллегоріи, что въ воспріимчивой фантазіи его весь пересказъ разомъ вылился въ форму. Отъ того такая сила и цѣльность, въ этой піесѣ, далеко оставляютъ за собою предшествующія попытки поэта въ этомъ родѣ. Поэтъ находился что называется *въ ударѣ* и, возвращаясь еще изъ Болдина въ Петербургъ, писалъ съ дороги: «риѳмы и стихи не даютъ мнѣ покоя въ кибиткѣ, что же будетъ, когда очучусь дома и въ постелѣ!»

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ явилась на свѣтъ Божій изъ-подъ пера Пушкина сказка «о рыбакѣ и рыбкѣ», цѣликомъ взятая изъ устъ народа. Всѣ печатные пересказы этого народнаго дѣтища записаны около Урала, — слѣдовательно, какъ разъ около той мѣстности, которую, въ 1833 году, посѣтилъ Пушкинъ, удержавшій и въ поэмѣ своей всѣ особенности и порядокъ устной сказки, начиная, даже, съ самаго приступа. Въ устахъ народныхъ разскащиковъ сказка начинается обычной присказкой: «На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ — стояла ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ бѣдности великой; старикъ сѣть ставилъ, ходилъ на мо-

ре ловить рыбу, тѣмъ они съ женой и питались. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть въ море, тянуть началъ онъ, тянется тяжело, такъ тяжело, какъ доселева не бывало, еле-еле вытянулъ сѣть на берегъ. Глядитъ—въ пустой сѣти всего-на-все одна рыбка, одначе рыбка не простая, золотая. Тутъ рыбка взмолилась ему по человѣчьи: не бери меня, старикъ, отпусти плавать въ сине море, я те лучше пригожуся: все исполню, что ты ни пожелаешь». Старикъ, услыхавъ эти рѣчи, махнулъ рукой, да сказалъ: «пожалуй, тебя мнѣ не надо; ступай, гуляй себѣ въ своемъ морѣ».—Взялъ рыбку, да и бросилъ въ воду, а самъ пришолъ домой какъ правой. Старуха его и спрашиваетъ: што наловилъ?—Да попалась, вишь, всего мнѣ одна рыбка, и та рыбка не простая, золотая. Взмолилась мнѣ по человѣчьи: пусти меня старикъ въ сине море: я, молъ, тебѣ пригожуся вскорѣ, готова всяку угоду тебѣ сдѣлать. Выпустилъ я въ воду эту самую рыбку, даромъ.

Пушкинъ тоже начинаетъ:

«Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришолъ неводъ съ одною тиной;

Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришолъ неводъ съ травой морскою.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришолъ неводъ съ одною рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ;
«Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь».
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
— Богъ съ тобою, золотая рыбка,
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
— Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣной откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю,
Не посмѣлъ я взять съ нее выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.

И въ народномъ пересказѣ, и у Пушкина—старуха забранилась, привязывалась къ

обѣщанію рыбки — откупиться, и послала старика просить у рыбки: у Пушкина—корыта; въ народномъ пересказѣ—куска хлѣба.

Бѣдный рыболовъ, выкликнувъ рыбку, повѣдалъ ей о причинѣ своего невольнаго прихода, по настоянію старухи и—въ народной редакціи—получилъ отвѣтъ: «Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь!» У поэта, является у старухи просимое корыто и только возбуждаетъ въ ней попытку къ новому посольству мужа: *просить—избы*. Въ народной редакціи корыто является уже послѣ хлѣба, а просьба, чтобъ рыбка построила новую избу, — уже третье. Въ новой избѣ «дубовой, съ вырѣзными узорами», на старуху *находитъ блажь* (въ народномъ пересказѣ) быть воеводихой. Поэтъ эту претензію выражаетъ у себя обращеніемъ жадной бабы къ мужу, тоже не въ мягкой формѣ:

«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

— Хорошо, не тужи! ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано,—отвѣчала и на этотъ разъ привѣтливая чудодѣйка-рыбка, въ народномъ пересказѣ. Воротился старикъ, и, вмѣсто избы,—каменный домъ стоитъ,

въ три этажа выстроенъ; по двору бѣгаетъ челядь; въ приспѣшнѣ кухарка готовитъ. Старуха въ парчевомъ сарафанѣ сидитъ на высокомъ стулѣ, даетъ приказы. Здравствуй жена, молвилъ старикъ.—Ахъ ты, невѣжа деревенская, обзывать меня, воеводшу, своей поскудной бабой?—я тѣ покажу, што значитъ забываться! На конюшню ево, стараго, — дать ему плетей съ три десятка, да штобъ ево проняли больнѣе!... Челядь старухина бѣдняка потащила, да взбуду таку дала, што едва сподъ плетей и поднялся». Послѣ этого угощенія, старикъ назначенъ дворникомъ: строго наказано ему мести дворъ чисто, а за всяку прошибность — опять на конюшню. А ѣда—въ людской! Просто, житья бѣдняжкѣ нѣту-ти. «Эка вѣдьма,—про себя ворчитъ старикъ, далося житье,—она какъ свинья зарылась. Меня же и за мужа не считаетъ».

Поэтъ облегчилъ краски этого эпизода чорной и безъ того уже неблагодарности, удовольствовавшись посылкою старика на конюшенную службу, безъ битья. У Пушкина, далѣе, лаконическій переходъ, какъ и въ народномъ оригиналѣ

Вотъ недѣля другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ

выпрашивать новаго возвышенія. Старуха уже заявила, что хочетъ быть *вольною*

царицей. Старикъ, при этой неожиданной громадности требованія, у поэта, съ досадою высказываетъ бывшей подругѣ жизни:

Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство.

Пощочина отъ посыльщицы, впрочемъ, приводитъ его опять въ положеніе смиреннаго выполнятеля велѣній и, вздыхая, идетъ онъ къ морю: заявить рыбкѣ старухино желаніе властвовать. Благосклонное обѣщаніе: исполнить,—и у поэта, и въ народномъ сказаньѣ передается схоже. Только народная фантазія выразила не совсѣмъ поэтично особенности старухина царственнаго быта. «Воротился старикъ» — говорится въ сказкѣ, — «и вмѣсто прежняго дома высокій дворецъ стоитъ, подъ золотою крышей. Кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ. Позади большой садъ раскинулся; передъ самымъ дворцомъ—зеленый лугъ; на лугу войско собрано. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ енаралами, да съ боярами, назначила дѣлать всему войску смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка играетъ, солдаты «ура» кричатъ».

У поэта картина стариннаго царскаго быта, вмѣсто этого недалекаго очерка, поражаетъ эффектомъ и цѣльностью. Старикъ, по возвращеніи отъ рыбки—

Въ палатахъ видитъ свою старуху.
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ.
Въ кругъ ея стоитъ грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали,
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
Подѣломъ тебѣ старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!»

Какую могучую силу и оригинальность проявилъ нашъ незабвенный Пушкинъ въ этой картинѣ, пусть судятъ читатели, для которыхъ мы привели и самую канву народнаго творчества, по которой прогулялась фантазія поэта, сводя заключеніе оригинальнаго иносказанія.

Въ сказкѣ народной поднялась кутерьма, когда отданъ царицею приказъ: отыскать старика для посылки съ послѣднимъ

порученіемъ. При этомъ разсказчикъ народный не пожалѣлъ и обычныхъ выраженій, характеризующихъ гнѣвъ высшаго на подчиненнаго, въ родѣ старосты или дворецкаго на простого челядинца: «Слушай, старый чортъ — говоритъ старуха мужу въ сказкѣ, — ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи: не хочу быть царицей, а хочу быть морской владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались».

Поэтъ выразился еще точнѣе, прибавляя къ словамъ:

Чтобъ жить мнѣ въ океанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ».

Когда старикъ высказалъ эти слова своей благодѣтельницѣ,

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И запала въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—
Глядь: опять передъ нимъ землянка;
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

Не правда ли, достойное возмездіе за нелѣпость дикихъ желаній? Въ этомъ сказаніи своемъ народъ, какъ умѣлъ, выразилъ по

своему—и, правду сказать, высоко поэтически,—неразумность, на практикѣ, обращенія съ добромъ, доставшимся даромъ, ведущее къ потерѣ случайнаго счастья. Истинные труженики-пріобрѣтатели никогда не простираютъ своихъ требованій далеко, довольствуясь всѣмъ, что подаетъ имъ судьба, обыкновенно не щедро награждающая истинное достоинство.

Сказка о Бовѣ королевичѣ.

Это едвали не самый древній изъ рыцарскихъ (именно итальянскихъ) средневѣковыхъ романовъ, гдѣ забіячливость рыцарей и исканіе приключеній,—осмѣянное геніальнымъ Сервантесомъ въ его Донъ-Кихотѣ,—играетъ первую роль. До насъ дошла эта сказка въ формѣ едвали не первичнаго сложенія, страдающаго преувеличеніями и повтореніями; съ большею выработкою слога и болѣе интересныхъ приключеній, впрочемъ, воспроизводимыхъ и въ рыцарскихъ романахъ позднѣйшаго времени.

За основательнымъ выясненіямъ Як. Гримомъ древности сложенія этого разсказа—относимаго учеными къ концу XIII или началу XIV вѣка и вошедшаго въ извѣстный циклъ сказаній о Карлѣ Великомъ—

2

(Reali di Francia), намъ остается собственно рѣшить вопросъ о времени перенесенія этой сказки въ московскую Русь, вѣрнѣе всего итальянцами. Это ближе всего разъясняется именами дѣятелей, введенныхъ въ рамки разсказа, и въ самыхъ, передѣланныхъ на русскій ладъ, именахъ героевъ сказки, дѣйствительно нетрудно подмѣтить итальянское происхожденіе словъ, а отнюдь не заимствованіе съ другаго языка.

Первою причиною всѣхъ несчастій, служащихъ канвою сказки,—оказывается невольная выдача замужъ Милитрисы Кирбитовны за короля Гвидона (т. е. il duca Guidone d'Ancona), вмѣсто любимаго ею, какъ оказывается, Дадона (Duco de Maganza). Выданная отцомъ поневолѣ, Милитриса (въ итальянскомъ оригиналѣ, впрочемъ, Брандорія *), устраиваетъ гибель немилому мужу—проживъ уже съ нимъ сына Бову;—а сама отдается предмету первой своей страсти. Дадонъ, обладатель Милитрисы и ея владѣнія, видитъ себя принужденнымъ дѣйствовать противъ пасынка, увезеннаго его дядькою Симбальдою (Синибальдо). Ему удается взять въ плѣнъ сына Гвидонова, котораго мать заключила и, по требованію возлюбленнаго, пытается убить, но Бова, съ помощью *дѣвки чернавки*—нашего отечественнаго персонажа, въ сказку, ясно, встав-

*) Brandoria, figliuola del Ré Ottone di Bordeus, di Guascogna.

леннаго русскими разскащиками вмѣсто прислужницы (camerier.), спасается бѣгствомъ. Королевичъ попадаетъ на корабль и увозится въ Армянское царство, назвавшись *пономаревымъ сыномъ*. Это прозваніе, опять русская характерная вставка находчивыхъ пересказчиковъ, очевидно неимѣвшая мѣста на западѣ, гдѣ безбрачіе духовенства и клириковъ недавало возможности вывести на сцену сына церковника. Русская редакція заставляетъ также Бову королевича, заурядъ со своими богатырями и спать по нѣскольку сутокъ, послѣ каждаго подвига или простаго эпизода похожденій его. Такъ, по привозѣ въ Армянское царство, сдѣлавшись царскимъ прислужникомъ и удостоившись ласки царевой дочери, Бова ушолъ «на прежнее свое мѣсто *и спалъ трое сутокъ*». Спитъ богатырь опять, когда, хлопнувъ дверью, ударомъ этимъ выбилъ онъ кирпичъ изъ стѣны, поразившій его въ голову. Во время богатырскаго сна подошелъ подъ столицу армянскаго царя искатель руки его дочери, выказавшей благосклонность Бовѣ. Это — былъ «изъ града Датска король Маркобрунъ (Macabruno re di Poloma)». Пробужденный во время осады, богатырь, — въ сказкѣ представленный еще дитятею, — хочетъ перевѣдаться съ войскомъ Маркобруна и, не доставъ меча, побиваетъ его метлою. По требованію королевны Дружневны, родитель ея посылаетъ дворянъ за

расходившимся силачемъ-ребенкомъ и Бова — опять спитъ «девять дней и девять ночей». Въ это время подступаетъ новый противникъ армянскаго царя—искатель же руки Дружневны,—«царь Лукаперъ, у коего голова съ пивной котелъ». Въ самомъ этомъ, затѣйливо прибранномъ для созвучія, эпитетѣ, нельзя не видѣть народнаго нашего юмора и, по немъ, можно бы признать эпизодъ самый Лукапера вставкою русскаго измышленія, если бы это не оказывалось передѣлкою итальянскаго слова Lucca Ferri, какъ названъ второй претендентъ на руку дочери царя армянскаго, въ итальянской повѣсти о *Бовѣ Антонскомъ*. Этотъ Лука Ферри—Лукаперъ, одинъ разъ только и выведенъ, чтобы побить Маркобруна и быть побиту. Крупныя черты русскаго сказочнаго типа великана, у котораго при громадной головѣ «промежь глазъ пядень, а между плечь косая сажень» — опять указываютъ на удачное мѣстное наше принаровленіе. Бова только для борьбы съ этимъ чудовищемъ получаетъ отъ Дружневны коня богатырскаго и мечь кладенецъ. Конь же, чуя богатыря, самъ къ нему явился, пробивъ 12 дверей. Признаніе въ любви со стороны царевны, лобзаніе ея, предложеніе жениться на ней и допросъ Бовѣ, разрѣшающій всѣ сомнѣнія Дружневны на счетъ его истиннаго происхожденія, въ сказкѣ связаны съ возбужде-

ніемъ враждебныхъ отношеній къ богатырю царскаго дворецкаго. Враждебность его, высказавшуюся въ выговорѣ царевнѣ, зачѣмъ она опоясываетъ «холопа» мечемъ и «цѣлуетъ» его—мы можемъ считать эпизодомъ, введеннымъ на западѣ, гдѣ сложена сказка, а не у насъ. Нашею же прибавкою къ нему, позволяемъ себѣ считать слова, что «Бова тупымъ концомъ копья ударилъ того дворецкаго и тотъ упалъ на землю, какъ мертвый, и лежалъ три часа. Тѣмъ временемъ, Бова перескочилъ за стѣну запертой отъ врага столицы царя Зензевея Андроновича, и, съѣхавшись съ Лукаперомъ, разсѣкъ его на двое, а потомъ «шесть дней и шесть ночей безъ отдыха» побивалъ войско Лукаперово, такъ что немногіе спаслись: дать отцу его вѣсть о несчастномъ концѣ сына. Извѣстіе это заставляетъ отца Лукаперова, Салтана Салтановича, уѣхать на корабляхъ «въ задонское царство». И эту характерную черту относимъ мы къ русскому измышленію, также какъ слѣдующія: освобожденіе Зензевея и Маркобруна, да предложеніе армянскаго царя: за этотъ подвигъ отпустить *Бову на волю*. По крайней мѣрѣ сентенція армянскаго царя: «слыхалъ я отъ старыхъ людей, что если какой холопъ у господина своего выслужится, то надобно его наградить и отпустить на волю»—совсѣмъ въ характерѣ нашего быта и боярскаго взгля-

да на людей, какъ бы ни было доставшихся во владѣніе помѣщику. Какъ водится, редакція русская сказки о Бовѣ, опять прибѣгаетъ къ погруженію послѣ подвига въ сонъ богатыря на «девять дней и девять ночей». Освобожденные короли уѣхали на охоту, а злобствующій и побитый дворецкій, отдалъ приказъ убить самого Бову. Но, одинъ изъ исполнителей его велѣнія, остановилъ товарищей совѣтомъ съиграть роль короля, для отданія приказа Бовѣ: отправляться къ отцу убитаго имъ Лукапера, гдѣ, думалъ совѣтчикъ, силачъ навѣрно будетъ убитъ, изъ мести! Такъ и сдѣлано. Бова поѣхалъ, повстрѣчался съ старцемъ пилигримомъ и тотъ, давъ богатырю соннаго зелья въ водѣ, погрузилъ его въ сонъ, а самъ воспользовался конемъ и мечемъ богатырскими. Бова, проснувшись, безъ меча и коня продолжалъ путь по назначенію. Дошелъ до задонскаго царства и вручилъ грамоту, гдѣ говорилось, что онъ убійца Лукапера. Царь задонскій велитъ повѣсить безоружнаго богатыря, который побиваетъ ведшихъ его на казнь—за каждую руку по тридцати юношей – а самъ убѣгаетъ. Ловитъ его Салтанъ, хочетъ повѣсить опять, но за него вступается дочь царская Мельчигрія и упрашиваетъ отца отдать ей Бову. Она надѣется заставить богатыря «чтобы принялъ ея вѣру и взялъ бы ее за себя замужъ», грозя

казнью за отказъ. Бова отрекается, садится въ темницу и морится голодомъ. Царевна отступается отъ него и царь посылаетъ его убить въ подземной темницѣ, но когда убійцы, проломавъ верхъ, стали спускаться къ богатырю, онъ, найдя здѣсь мечь,—всѣхъ ихъ перебилъ и по трупамъ ихъ вышедъ на свободу, спасся, вторично на корабль. Царь потребовалъ его выдачи оттуда, но Бова перебилъ корабельщиковъ и съ помощью «ярыжекъ» доплылъ до царства Маркобруна, раздѣливъ все, что было въ кораблѣ, ярыжкамъ и перевезшимъ на берегъ рыболовамъ. Найдя на берегу, обобравшаго его пилигрима, Бова принялся было бить его, но помиловалъ, получивъ и коня, и мечъ обратно, да еще три зелья: одно бѣлое, которое дѣлаетъ человѣка молодымъ; другое черное, которое дѣлаетъ человѣка старымъ; третье усыпляющее. Съ этими дарами, заставивъ себѣ отдать какого-то старика черное свое платье и обратившись въ стараго человѣка (посредствомъ перваго зелья), Бова пришелъ на кухню Маркобруна и сталъ у поваровъ просить, «чтобы накормили его—ради Бовы королевича». Имя королевича король строго запретилъ произносить и за такую просьбу одинъ изъ поваровъ ударилъ переряженаго богатыря головнею. Бова же вырвалъ ее у ударившаго и убилъ его на повалъ. Дали знать дво-

рецкому, передъ которымъ королевичъ оправдался незнаніемъ запрета, получивъ дружескій совѣтъ идти на задній дворъ, гдѣ невѣста королевская одѣляетъ нищихъ. Бова растолкалъ не пускавшихъ его къ Дружневнѣ и передъ нею повторилъ просьбу «милостыни ради храбраго витязя Бовы королевича». Королевна уронила изъ рукъ милостыню, велѣла раздѣлиться самимъ нищимъ и, отведя его на крыльцо, спрашивала: Гдѣ ты слышалъ про витязя Бову королевича? — Сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ въ темницѣ— отвѣчалъ мнимый нищій,—и пошли съ нимъ, мы вмѣстѣ; да разошлись въ разныя стороны. А что бы ты велѣла съ нимъ сдѣлать, колибъ пришелъ онъ, королевичъ?—вдругъ задаетъ Дружневнѣ вопросъ, странный попрошайка. Я бы убѣжала къ нему!», да—въ слезы сама. Тутъ вышелъ Маркобрунъ. Видитъ, въ слезахъ невѣста и старикъ подлѣ.—Кто онъ такой?—Да вотъ, говоритъ, что батюшка и матушка умерли?! Я и плачу... Маркобрунъ принялся утѣшать: отца и мать не воротишь, а красоту сгубишь!—и ушелъ. Богатырскій конь въ это время сталъ ржать и рваться къ хозяину съ цѣпей. Король выразилъ опасеніе вреда, коли конь сорвется. Старикъ вызвался Дружневнѣ утишить его. Пошли къ конюшнѣ: конь сорвался, бросился къ страннику, охватилъ его передними ногами и сдѣлался вдругъ смирнымъ и ла-

сковымъ. «Какъ ты могъ его утѣшить», спросила королевна,—а онъ ей «а ты не можешь узнать, что передъ тобою стоитъ Бова королевичъ!» Не повѣрила Дружневна; тотъ молодъ былъ. Богатырь умылся и сдѣлался красавцемъ. «Возьми меня съ собою»! говоритъ Дружневна. «Хорошо, говоритъ Бова, но надо, чтобы Маркобрунъ подольше поспалъ; далъ ей сонное зелье и велѣлъ жениха поподчивать. Дружневна всыпала въ бокалъ, меду налила и подходитъ—выпьемъ, говоритъ, на радостяхъ нашего соединенія. Тотъ взялъ, выпилъ и заснулъ. Бова и отправился съ королевной, да на дорогѣ и расположились отдыхать. Проснулся Маркобрунъ, догадался, что старикомъ былъ Бова и послалъ въ погоню войско. Богатырь перебилъ это войско, пустивъ только двухъ трехъ—дать знать королю. Другая рать имѣла ту же участь; затѣмъ послалъ Маркобрунъ Полкана богатыря, въ борьбѣ съ которымъ промахнулся Бова и былъ сбитъ съ коня. Полканъ овладѣлъ имъ, но конь пустился носить непрошенаго сѣдока до тѣхъ поръ, пока примчалъ его къ шатру своего хозяина, чуть живаго. Истомленный Полканъ просилъ пощады и они побратались: Бова признанъ «большимъ братомъ»—оборотъ совершенно въ духѣ нашихъ національныхъ сказокъ. Тутъ пріѣхали названные братья къ городу *Костелу*, ворота котораго по прика-

зу короля Урила крѣпко были заперты. Полканъ перескочилъ черезъ стѣну и отворилъ ворота Бовѣ съ Дружневною, такъ что королю поневолѣ пришлось оказать гостепріимство богатырямъ. Узнавъ объ этомъ, поднялся войною мстительный Маркобрунъ на Урила, одержалъ надъ нимъ побѣду и плѣннаго заставилъ выдать: Полкана, Бову и Дружневну, отправивъ съ королемъ новое войско. Полкану удалось подслушать бесѣду Урила съ женою, гдѣ повѣдалъ онъ ей свое предательство. Бова спалъ. Полканъ побилъ часть войска Маркобрунова, затѣмъ разбудилъ богатыря и съ нимъ вдвоемъ покончили враждебную силу, а затѣмъ всѣ трое отправились на родину Дружневны, на пути разрѣшившейся двумя сыновьями. Бовѣ затѣмъ попались воеводы Додона царя, посланные взять его изъ армянскаго царства. Бовѣ захотѣлось побить это войско и онъ оставилъ Полкана охранять въ шатрѣ Дружневну, а самъ уѣхалъ. Безъ него въ борьбѣ со львомъ Полканъ нашелъ смерть себѣ, а Дружневна уѣхала «куда глаза глядятъ».

Она пріѣхала въ Задонское государство, «умылась чернымъ зельемъ и стала черна, какъ уголь» и, остановившись «у вдовы на подворьѣ», занялась прачешнымъ дѣломъ, «чтобы прокормить себя и дѣтей». Бова же, побивъ супротивниковъ, воротился къ шатру, но никого не нашелъ тамъ, кромѣ мерт-

выхъ Полкана со звѣремъ и рѣшилъ, что Дружневна сдѣлалась жертвою звѣринаго апетита. «Плача горько», поѣхалъ Бова въ Армянское царство, гдѣ онъ нашелъ слугу отца своего — Личарду, и съ нимъ достигъ до резиденціи своего дядьки Симбальды, у котораго выросъ сынъ Тервезъ, предоставленный отцомъ въ распоряженіе богатыря-королевича. Симбальда открылъ Бовѣ обстоятельства смерти короля Гвидона и возбудилъ въ немъ месть къ убійцамъ: матери и вотчиму. Осадивъ Дадона въ г. Антонѣ, Бова побилъ его войско и ранилъ самого его. А потомъ, когда узналъ, что врагъ еще живетъ, подъ видомъ врача явился къ нему и, отрубивъ голову, принесъ къ матушкѣ на блюдѣ. Послѣдовало объясненіе съ нею и укоры сына, приготовлявшагося было казнить ее, но, къ счастію, смерть отъ страха, сняла съ совѣсти Бовы расплату съ Милитрисою и онъ, увѣренный въ несуществованіи Дружневны, отправился искать руки Мельчигріи, нѣкогда отвергнутой за требованіе принятія ея вѣры. Во всѣхъ этихъ эпизодахъ нельзя не видѣть фантазіи западной, прямо бравшей съ натуры подобныя расправы и сюрпризы врагамъ, но они совсѣмъ не въ русскомъ духѣ и не въ нашемъ бытѣ, недоходившемъ въ злобѣ до такой утонченности измышленій.

Нечего сомнѣваться, чтобы исканіе Бовою руки Мельчигріи могло встрѣтить затрудненія? все идетъ по маслу; невѣста привезена и готовится свадьба. Слышитъ обо всемъ этомъ Дружневна и, вымывшись бѣлымъ зельемъ, посылаетъ выросшихъ сыновей въ палаты королевскія, къ Бовѣ королевичу. Онъ видитъ ихъ, спрашиваетъ; узнаетъ, что его дѣти и зоветъ Дружневну. Слѣдуютъ: сладость свиданія; отставка засватанной невѣсты; казнь похитителя армянскаго трона — бывшаго постельничаго, враждебника Бовы, разыгрывавшаго короля при посылкѣ богатыря къ султану и—сказкѣ конецъ.

Изъ всего приведеннаго видно, что сказка о Бовѣ только по частностямъ, включеннымъ нашими пересказчиками, — можетъ быть причислена къ нашему типу народныхъ, фантастическихъ сказаній, удержавъ чужую канву и планъ, не соотвѣтственный взгляду на жизнь нашихъ предковъ. Поэтому разработка и уясненіе подлиннаго происхожденія, времени сложенія и усвоенія ея русскими сказочниками, внесли бы много существенно важныхъ открытій въ область русской фабулистики.

Желательно, чтобы кто нибудь изъ ученыхъ нашихъ, посвятивъ себя изслѣдованію средневѣковой литературы запада, обратилъ вниманіе на Бову и подарилъ отече-

ственную науку специальнымъ трактатомъ объ этой сказкѣ. А то, въ общемъ обзорѣ отечественныхъ сказаній Пыпина, эпизодъ Бовы остается далеко неисчерпаннымъ и не уясненнымъ, сколько нужно, по самому плану сочиненія. Между тѣмъ, о Бовѣ и специальный ученый трудъ не можетъ быть не благодарнымъ, а время—потраченнымъ даромъ на такую задачу.

Садко богатый купецъ.

(НАРОДНАЯ ПѢСНЯ).

Эта побывальщина, въ формѣ пѣсни—памятникъ народнаго творчества сѣверныхъ поморянъ,—записана въ Олонецкой губерніи, въ четырехъ мѣстахъ (петрозаводскаго и пудожскаго уѣздовъ) неутомимымъ собирателемъ П. Н. Рыбниковымъ. Въ самой подробной изъ редакцій этой пѣсни у Рыбникова (въ 387 стиховъ), записанной въ пудожскомъ уѣздѣ, герой вокализованной эпопеи называется Садке́ (въ другихъ мѣстахъ Садко). Пьесу о Садко называемъ мы народною эпопеею по складу и тону содержанія; вѣдь и Иліаду Гомера распѣвали рапсоды, но это ей не мѣшаетъ быть возвышеннѣйшею эпопеею?

Садко переноситъ насъ въ эпоху процвѣтанія Новгорода и ставитъ лицомъ къ лицу съ его отважными купцами, готовыми на всѣ

ужасы и невзгоды. Исканіе приключеній было у купцовъ-воиновъ даже удалью. Встрѣчи они не боялись ни въ морѣ съ враждебными судами, ни въ лѣсу съ косматыми обитателями лиственныхъ и хвойныхъ чащъ: погибали въ буряхъ безтрепетно, если въ лѣсахъ не складывали буйныя головы.

Въ пѣсни о Садкѣ выставлены всѣ замашки торговца. Богатъ онъ, и хочетъ одинъ торговать: приказываетъ перекупить весь товаръ за себя въ Новгородѣ.

По одной изъ редакцій, — записанной въ деревнѣ Середкѣ, Кижской волости,—этотъ закупъ происходитъ по три дня и каждый день, вставая рано, отдаетъ Садко приказъ своей *храброй дружинѣ* «отважнымъ слугамъ приказчикамъ, не оставить товару ни на денежку»!—чтобы и въ погребахъ не оставалось. Сдѣлавъ эту закупку въ одни руки, дружина Садки

«Строила кораблики великіе;
На корабликахъ снасточки шелковые,
Кормы то писаны по звѣриному *)
А носъ то писанъ по змѣиному;
На корабликахъ товары драгоцѣнные».

И вдругъ, отправившись въ путь,

«Становилися кораблики середь моря,
День стоятъ, другой стоятъ и третій стоятъ».

---

*) Т. е. на коемъ каждаго судна вырѣзана и раскрашена голова какого либо звѣря, по имени котораго прозывали и самое судно.

Всѣ понимаютъ, что это не спроста: что кто-нибудь виноватъ передъ судьбою, что судьба караетъ. Печальные корабельщики *вольжана*—отъ вольга̀-влага,—*мореходы* бросаютъ жеребьи. Въ первой изъ редакцій пѣсни, сама судьба караетъ монополиста.

«Всѣ то кораблики вверхъ идутъ
А Садковъ-то корабль оставается»,

Надмѣнный монополистъ требуетъ

«Вырежемте жеребья изъ красна золота,
Изъ того изъ чистаго изъ серебра,
А кинемъ-ка жеребья поверхъ воды
Намъ кому итти во сине море:
Чей жеребей на дно пойдетъ,
Тому итти во сине море».

Жеребей выпалъ Садку, т. е. его жеребей на дно пошелъ. Пришлось и богачу послѣдовать за своимъ жеребьемъ.

«Тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Садился на дощечку—на дубовую:
Пошла тая дощечка во сине море».

Въ пѣсни третьей редакціи даютъ Садку гуселечки яровчаты и съ ними спускается онъ на дно, гдѣ царь морской споритъ со своею царицею, которая увѣряетъ, что

«Есть на Руси желѣзо булатнее
Дороже булатъ-желѣзо краснаго золота,—
Красное золото катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ».

Царь же морской говоритъ, что такая роль—желѣза, а не золота. Вдругъ въ са-

мый разгаръ спора очутился между четою спорящихъ «Садко купецъ, богатый гость, насупротивъ ихъ съ дощечкою бѣло-дубовою». Царь и предлагаетъ ему рѣшить споръ:

«Что-то у васъ на Руси дѣется,
Булатъ ли желѣзо дороже краснаго золота?».

Садко подтверждаетъ справедливость словъ царя, который, схвативъ саблю, отсѣкъ голову у царицы-спорщицы и предложилъ Садку отдать за него любимую дочь. У него было двѣ «дочери прекрасныя».

На эту милость Садко возражаетъ:

«Ай же ты, царь морской!
Взялъ бы я у тебя любую дочь,
А только надо мнѣ добраться на святую Русь».

Въ пѣсни, записанной П. Н. Рыбниковымъ въ деревнѣ Бураковой, Купецкой волости (Пудожскаго уѣзда)—царь морской приказываетъ старшей дочери доставить (достать) купца на Русь и она его выноситъ на землю, гдѣ, признательный за услугу, Садко

«Поклонился и распростился съ ней:
Ты прощай царевна морская:
Я тебѣ женихомъ не пришелъ,
А ты мнѣ въ невѣсты не пришла».

Въ третьей и четвертой—самой законченной редакціи пѣсни-побывальщины, главную роль въ исторіи Садки играютъ гусли. Вмѣсто спора у царя съ царицею, у нихъ идетъ «почестенъ пиръ» и тутъ-то кстати, увидя

гусли, водяной говоритъ новоприбывшему новгородцу:

«Поиграй, поиграй въ гуселечки яровчаты,
Потѣшь, потѣшь, мой почестенъ пиръ:
Выдаю я дочь свою любимую
Во тые во славно Окіянъ море».

Садко и началъ играть:

«Играетъ то Садко въ Новѣгородѣ,
А выигрышь ведетъ отъ Царяграда».

Отъ пляски и прискоковъ царя морскаго и его царицы, такъ всколебалось море, что

«Кораблики всѣ повыломало,
Людей-то всѣхъ повытопило».

Садко игралъ цѣлый день и утомленный заснулъ, но не спалось ему. Во снѣ привидѣлся ему «старчище» и запрещаетъ играть царю, потому что отъ плясокъ ево происходитъ гибель людямъ. За этимъ запрещеніемъ Садко отказывается болѣе играть и водяникъ поставилъ купца на его корабль и онъ воротился домой.

Въ подробнѣйшей редакціи побывальщины (записанной въ Сумозерскомъ погостѣ), Садко выводится гусельникомъ, который *по пирамъ играть ходилъ*. Вотъ, однажды, никуда не звали его три дня, ни на бесѣды, ни на пиры, и ему взгрустнулось.

Онъ, въ печали, пошелъ на Ильмень озеро и сѣлъ на горючь камень,

«И началъ играть въ гусельки яровчаты,
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася».

Садко всполошился и ушелъ къ себѣ.

При новыхъ неприглашеніяхъ, второй разъ ходилъ играть на озеро Садко и снова отъ игры его началось волненіе. Наконецъ, въ третій разъ, на игру гусельника показался царь морской.

«Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
Ай же ты, Садке Новгородскій!
Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои за утѣхи за великія,
За твою-то игру нѣжную:
Аль безсчетной золотой казной?
А нето ступай во Новгородъ
И ударь во великъ закладъ,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго,

И спорь, что въ Ильмень озерѣ
Есть рыба золоты перья.
А какъ ударишь во великъ закладъ,
И поди свяжи шелковой неводъ,
Пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
Дамъ три рыбины—золоты перья,
Тогда ты, Садке, счастливъ будешь».

Послѣ этого обѣщанія царя морскаго, Садку позвали на пиръ играть и угощать, а онъ похваляться сталъ *рыбой съ золотыми перьями.* Съ нимъ купцы пустились въ споръ и состоялся закладъ: Садко поставилъ свою голову, купцы — «лавки товара краснаго».

Поѣхали ловить—Садко, въ три тони, поймалъ три рыбы съ золотыми перьями и получилъ три лавки съ товаромъ. Вотъ разбогатѣлъ онъ, сталъ торговать.

«Сталъ получать барыши велики,
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ,
Устроилъ Садке все по небесному:
На небѣ солнце и въ палатахъ—солнце;
На небѣ звѣзды и въ палатахъ—звѣзды».

Вотъ дѣлаетъ онъ пиръ, угощаетъ *мужиковъ настоятелей новгородскихъ.* Тѣ вызываютъ его на похвальбу: что онъ одинъ скупитъ всѣ товары у нихъ. Ударили объ закладъ на 30,000 р.

И вотъ, вслѣдствіе этого заклада,—отъ котораго, впрочемъ, отступился Садко, уплативъ неустойку,—построилъ онъ 30 кораблей и повезъ ихъ за море, гдѣ послѣдовалъ небывалый случай.

«На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черны корабли на синемъ морѣ,
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ».

Тутъ Садко приказываетъ спустить на дно бочку съ серебромъ, говоря, что это значитъ: морской царь требуетъ дани! Спустили—все по прежнему. Еще разъ спустили бочку съ золотомъ, а все—пользы нѣтъ, тогда Садко говоритъ:

«Видно царь морской требуетъ
Живой головы во сине море.
Дѣлайте братцы, жеребья вольжаны,
Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ.
Всякъ свои имяна подписывайте
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдетъ
Таковому итти во сине море».

Его золотой жеребій—какъ ключъ ко дну! — Ну, говоритъ онъ, уже начиная понимать, что ему приходится лѣзть въ море, «вы сдѣлайте золотыя жеребья, я — вальжаный». Сдѣлали; и опять жеребій Садки не всплылъ. Тутъ онъ пишетъ завѣщаніе, беретъ гусли свои, велитъ спустить доску на воду, спускается на нее, а корабли

«Полетѣли какъ черные вороны.
Остался Садке на синемъ морѣ,
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красную
Вечернюю зорю, зорю утреннюю».

Разсмотрѣлъ Садко *палату* въ морѣ. Вошелъ. Сидитъ тамъ царь морской.

«Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова.
Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
Вѣкъ ты, Садке, по морю ѣзживалъ,
Мнѣ царю дани не плачивалъ,
А нонь весь пришолъ ко мнѣ во подарочкахъ
Скажутъ мастеръ играть въ гусельки яровчаты:

Поиграй же! Садко и сталъ играть».

Царь морской расплясался. Садко играетъ сутки, другіе и третьи—царь морской внизу пляшетъ, вверху моря—буря.

Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало много тонуть людей праведныхъ,
Какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому».

Садко чувствуетъ, что кто-то тронулъ его за правое плечо. Оглянулся. Старикъ *сѣдадатый* стоитъ передъ нимъ и говоритъ—*не играй больше*!—Не моя здѣсь воля ,отвѣчаетъ Садко.

«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай,
Скажи: у меня струночекъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гусельки яровчаты».

Скажетъ тебѣ царь морской: не хочешь ли жениться въ синемъ морѣ?—Не моя воля. А скажетъ царь:

«Выбирай себѣ дѣвицу красавицу,

Такъ два три триста дѣвицъ пропусти,

«Позади идетъ дѣвица красавица,
Красавица дѣвица чернавушка,
Бери тую чернаву за себя замужъ».

Но не ласкай ее въ первую ночь—не то останешься въ морѣ.

Садко поступилъ строго по наказанному старцемъ и—порвалъ струны. Расплясавшійся

царь спрашиваетъ: что не играешь?—выдернулись струны, а запасныхъ нѣтъ; и шпенечковъ—тоже. Недовольный расходившійся-было плясунъ дѣйствительно предлагаетъ Садку жениться. Все идетъ по сказанному, какъ по писанному. Является триста невѣстъ на выборъ. Садко пропускаетъ ихъ.

«И другое триста пропустилъ,
И третье триста пропустилъ.
Позади шла дѣвица чернавушка:
Бралъ тую чернавку за себя замужъ».

Царь морской устраиваетъ свадьбу. Послѣ пира ложится Садко спать и просыпается—*въ Новѣгородѣ*!

«О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣлѣютъ
Свои черные корабли по Волхову,
Поминаетъ жена Садко со дружиной, во синемъ морѣ
Не бывать Садку со синя моря!
А дружина поминаетъ одного Садка;
Остался Садке во синемъ морѣ!
А Садке стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружину со Волхова».

Встрѣтивъ ее, повелъ «въ палаты бѣлокаменны», къ женѣ, принявшей въ объятія богача. Онъ выгрузилъ товаръ, «состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому»—какъ наказывалъ старецъ-спаситель,—и

«Сталъ поживать Садке въ Новѣгородѣ».

Болѣе объективнаго описанія быта старинныхъ новогородцевъ въ правдивой, но

поэтической формѣ, съ неизмѣннымъ вводомъ страшно-чудеснаго, не оставила намъ отъ прошлаго народная фантазія въ пѣсняхъ нашихъ рапсодовъ.

Святогоръ богатырь.

(Сказка, былина и побывальщина).

Если былины и побывальщины объ Ильѣ Муромцѣ считать (по крайней мѣрѣ въ основныхъ изводахъ) древними,—до христіанскими измышленіями народной фантазіи чисто космическаго характера,—то нельзя не признавать одновременнымъ съ ними и сказанія о Святогорѣ. Здѣсьизъ подъ узоровъ богатырскихъ похожденій, или, лучше сказать, подъ формою богатырскаго сказанія, выступаетъ народно-поэтическая аллегорія, къ которой примѣшаны элементы обыденной жизни, за вѣдомо позднѣйшей. Всего ближе высказалась эта примѣсь въ очерченіи невѣрной жены богатыря. Самый характеръ подобнаго представленія женской плутоватой, избалованной и без-нравственной личности, возможенъ только при условіяхъ га-

ремной затворнической жизни, развивающей одни животныя побужденія. Очерченіе характеровъ жены и мужа, отъ этого выходитъ съ особеннымъ, умышленнымъ, контрастомъ, причемъ подчиненная роль женщины, должна оказаться и страдательною, какъ бы по винѣ своей непростительной слабости. Не такими чертами обрисованъ характеръ мужчины повелителя: онъ благороденъ, довѣрчивъ, сообщителенъ и способенъ къ дружбѣ, въ смыслѣ готовности на всякія жертвы для выраженія пріязни.

Послушаемъ прежде, какъ Онежская былина если не сама измѣнила, то иначе сложила подвиги Святогора, не приплетая его къ цѣпи разсказовъ о похожденіяхъ любимаго героя нашихъ былинъ—Ильи Муромца (какъ въ побывальщинѣ, записанной Рыбниковымъ въ Пудожскомъ уѣздѣ). Мы позволимъ себѣ, впрочемъ, замѣтить, что знаменитый богатырь-крестьянинъ въ эпизодѣ со Святогоромъ, кромѣ имени, не снабженъ ни однимъ качествомъ того характера, которымъ надѣляютъ его былины, сложенныя лично о немъ. Такъ что имя тутъ ничего не значитъ и насъ нисколько не удивляетъ даже варіантъ былины о Святогорѣ, допускаемый Щеголенкомъ въ записанныхъ Гильфердингомъ, Онежскихъ былинахъ (119), гдѣ имени Ильи Муромца вовсе не встрѣчается, а роль его исправляетъ Сампсонъ

Самойловичъ. Народной фантазіи, для выполненія приговора судьбы надъ Святогоромъ, требовался *силачъ.* Библейскій Сампсонъ какъ нельзя болѣе подходитъ подъ типъ классическаго Геркулеса; такъ что имя побѣдителя филистимлянъ само собою приходитъ на умъ, при востребованіи представителя чудовищной силы. Вотъ позднѣйшая редакція и замѣнила Сампсономъ Илью Муромца, вѣроятно случайно проставленнаго, ради приведенія на память слушателю прототипа силы. Еврейскій силачъ такимъ образомъ попалъ и въ служилые богатыри *свѣта князя Владиміра Краснаго Солнышка.* Отъ пріуроченія Сампсона къ Святогору — типу несомнѣнно глубокому и внушительному,— богатырь и характеръ его нисколько не потеряли; какъ и отъ припутанья его къ Садку богатому, за ставивъ Святогора жить у знаменитаго Новгородскаго гостя. Для чего, вы спросите? это другое дѣло. Былина Онежская, по волѣ, конечно, сказателя, говоритъ просто, безъ дальнихъ разсужденій, что «*жилъ* у Садка» купца богатаго «богатырь Святогоръ и явилась у Святогора сила великая». Почувствовавъ въ себѣ, какъ Сампсонъ библейскій, эту силу—Святогоръ заявилъ Садку, опять лаконически, невысказывая поводовъ: желаніе ѣхать въ Кіевъ на службу къ Великому князю Владиміру. Хозяинъ Садко пожалѣлъ при этомъ, что нѣтъ

у него «доспѣховъ богатырскихъ». Пожалѣвъ же о несостоятельности снаряженья богатыря, Садко, какъ опытный негоціантъ, мигомъ придумалъ помочь горю и далъ заказъ своимъ заморскимъ корреспондентамъ, *въ землѣ Сорочинской*—«чтобы выслали шляпу Сорочинскую», т. е. шлемъ богатырскій. Заказъ выполненъ, *шляпа сорочинская въ сорокъ пудъ* привезена, и богатырь, вступающій на новое поприще дѣятельности, сталъ сѣдлать коня, какъ описывается въ рыцарскихъ поэмахъ:

«Надѣвае на коня уздицу тесмяную,
Во уздици повода были шелковые,
И тѣхъ ли шелковъ, шелковъ разныихъ
Разныихъ шелковъ, да шемоханскіихъ.
Кладывае на коня Святогоръ богатырь
Кладывае на коня да изподнички,
На изподнички да онъ войлочки,
А на войлочки да онъ сѣделышко.
Што сѣделышко да черкаское;
И затягивае подпруги двѣнадцатеры
И завязывае святсточки семи шелковъ;
Онъ не для красы, для ради крѣпости.
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылечки во подпругахъ золоченные.
И во сапожкахъ Святогора богатыря
Шпорики то были булатъ-желѣзные.
Да садился Святогоръ то богатырь,
Да на своего коня богатырскаго,
Да со своими-то доспѣхами богатырскими,
Да со этою со палицей съ булатнею,
Да со этыимъ мечемъ, да вѣдью вострыимъ
Да со этыимъ со лукомъ со тугіимъ,
Во колчанѣ тамъ-то стрѣлочки каленые».

Таковы наружность и вооруженіе Святогора, выѣзжающаго со двора Садка, купца богатаго, на службу нуждавшимся «въ его помощи. Вотъ ѣдетъ богатырь въ походъ: Да въ путь дороженьку великую».

При выѣздѣ необошлось, конечно, безъ обращенія къ коню, съ просьбою *послужить вѣрою и правдою*! Конь отвѣтилъ, что готовъ служить; но только съ условіемъ дружескаго съ нимъ обращенія: съ тѣмъ, чтобъ богатырь неочень нажималъ ребра шпорами, не хлесталъ плеткою и не натягивалъ поводьевъ. Что нужно дѣлать: конь самъ зналъ лучше его.

Условія заявлены и приняты. Отъ нечего дѣлать, богатырю пришли въ голову упражненія съ палицею: подбрасыванье ее подъ облака, да подхватыванье въ руки.

Въ этихъ упражненіяхъ Святогоръ неосторожно расхвастался своею силою:

«Какъ бы было кольцо въ небѣ въ Божіемъ,
Да друго кольцо во сырой земли, во матушкѣ —
Поворотилъ я землю-то матушку
Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю.

За этою похвальбою, истинно сказочною, богатырь задремалъ отъ скуки, и во время его дремоты наѣхалъ на него другой богатырь, съ Кіевской заставы: Сампсонъ Самойловичь. Ударъ копьемъ въ спину разбудилъ Святогора и онъ принялъ этотъ ударъ

за укушенье спины русскою мухою. Оглянулся—расправилъ свою руку богатырскую» и, захвативъ забіяку Сампсона, посадилъ его въ колчанъ къ себѣ. Отъ этой прибавки тяжести благородный конь сталъ спотыкаться и жаловаться. Жалоба коня подѣйствовала. Святогоръ вынулъ изъ колчана богатыря съ конемъ и спросилъ его объ имени. Тотъ, разумѣется, отвѣчалъ, что онъ: богатырь изъ Кіева, Сампсонъ Самойловичь! Святогоръ назвалъ его меньшимъ братомъ своимъ и позволилъ ѣхать ему подлѣ себя. Сампсонъ при удобномъ случаѣ счелъ, однако, за благо поворотить вправо, подальше отъ названнаго брата, способнаго посадить его для шутки и съ конемъ въ колчанъ свой.

Исчезновеніе Сампсона, замѣтилъ простодушный Святогоръ только подъѣзжая къ скалѣ и не видя названнаго брата. Стоя подъ скалою, Святогоръ сообразилъ, что Сампсонъ, чего добраго, успѣлъ заскакать впередъ на скалу, да начнетъ въ него, со злости, метать каменья сверху, неравно намѣренъ и убить силача такимъ образомъ. Забіяки малодушные способны на все низкое, въ глазахъ людей посильнѣе ихъ! Представивъ себѣ возможность опасности, Святогоръ не сталъ дожидать Сампсона или града камней отъ него, сверху, и—поѣхалъ прочь отъ горы.

Отъѣхавъ отъ горы, Святогоръ встрѣтился съ двумя старцами. Идутъ старцы съ сумочками впереди. Хочетъ ихъ догнать Святогоръ, но какъ ни погоняетъ коня, не можетъ догнать. Наконецъ, остановились старцы, положили передъ собою сумочки и одинъ изъ нихъ предложилъ Святогору попробовать приподнять сумочку его, небольшую на видъ, съ земли.

«Да подписано на сумочкахъ
Да подписана вся земная тягота:
Ты попробуй Святогоръ, да богатырь
Своей силы ты великiя».

«И онъ захватилъ ту сумочку однимъ перстомъ»—такъ показалась богатырю незначительною ноша. Но поднять не могъ, хотя и не величка сумочка!

«Другой разъ захватилъ, да вѣдь одной рукой,
Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдь богатырь
Потребилъ онъ свою силу всю великую,
Не могъ приздвинуть онъ сумочки старцевой,
Онъ угрязнулъ во сыру землю по колѣночку».

Старцевъ—какъ не бывало! Богатырь подивился и поѣхалъ отъ этого мѣста, но недогадался, что это было наказанiе ему—за похвальбу неразумную, силою, для него, казалось, и великою. Продолжая путь, съѣхался онъ снова съ меньшимъ названымъ братомъ Сампсономъ и направился къ Кiеву.

На пути встрѣтилась имъ, стоящая у самой дороги, каменная гробница, обложенная желѣзными обручами. Обручи эти казались не подходящіе къ матеріалу, изъ котораго сдѣлана гробница, и обратили на себя вниманіе Святогора.

«Да проговорилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдь богатырь:
Ай же ты Самсонъ да вѣдь Самойловичъ!
Разруби-тко саблей вострою
Да вѣдь обручи желѣзныя!

Самсонъ послушался. Ударилъ мечомъ по обручамъ и—отвалились они. Открылъ онъ каменную крышку гробницы и предложилъ:

«Ай ты братъ большой Святогоръ да богатырь!
Да ты лягъ во эту гробницу то во каменну.
Опустился Святогоръ да богатырь
Да на этую на матерь на сыру землю,
Да прошли то его слезы-то горючія,
А прошли то оны изъ ясныхъ очей,
Енъ-и легъ то во гробницу вѣдь во каменну,
Да сложилъ онъ руки свои богатырскіи
На свои то онъ да на бѣлы груди,
На бѣлы груди да богатырскіи
Да тутъ принялъ себѣ Святогоръ да вѣдь богатырь
Принялъ себѣ тутъ онъ смерть великую.
Да тутъ Святогору да богатырю славу поемъ».

На этомъ и конецъ былинѣ.

Обратимся къ побывальщинѣ. Она пріурочиваетъ эпизодъ Святогора къ подвигамъ Ильи Муромца, будто бы издали увидѣв-

шаго въ полѣ громаднаго богатыря и при видѣ богатыря такого колосса, почувствовавшаго страхъ. Чувство страха заставило безтрепетнаго Илью залѣзть на дубъ; но великанъ подъѣхалъ, какъ на грѣхъ, подъ этотъ самый дубъ. Разбилъ шатеръ. Вынулъ изъ кармана жену-красавицу; она накрыла на столъ; поставила кушанье и питье—«ѣствы сахарныя и питья да медвяныя». Богатырь сѣлъ за столъ; наѣлся, напился и растянулся спать на коврѣ, въ шатрѣ своемъ. Жена вышла изъ шатра и усмотрѣла на дубѣ Илью, и приказала ему сойти. Если же не послушается, то грозила разбудить Святогора, который—убьетъ его. Илья послушался и, не смѣя перечить угрожательницѣ, исполнилъ и другое приказаніе: полюбезничалъ съ нею.

«Сдѣлалъ онъ дѣло повелѣнное»—говоритъ побывальщина, и по новому приказу: «поди со мною въ карманъ добрый молодецъ»—забрался въ карманъ Святогора, вмѣстѣ съ женою его. Проснулся наконецъ великанъ и поѣхалъ себѣ къ Святымъ горамъ. Конь спотыкаться сталъ и жаловаться, что тяжело ему везти теперь троихъ (двухъ богатырей, да жену богатырскую). Святогоръ запустилъ тогда въ карманъ руку, вытащилъ Илью и сталъ его спрашивать: какъ попалъ въ карманъ? Простодушный Илья разсказалъ все какъ было и раз-

гнѣванный Святогоръ раздернулъ невѣрную жену на четыре части, да раскинулъ ихъ по полю. Илья ему понравился и онъ призналъ его за брата.

Продолжая дальше вмѣстѣ путь, два богатыря наѣхали на гробницу, «выложенную краснымъ золотомъ. Легъ въ ту гробницу Святогоръ—какъ по немъ и устроена. —Покрой меня сверху досками, братъ названый!» крикнулъ Святогоръ Ильѣ. Тотъ исполнилъ. «Какъ покрылъ его досками, доски Божьимъ изволомъ приросли».—Открой меня, братъ названый!» кричитъ Святогоръ, но Илья—не можетъ. «Руби!»—Какъ ударитъ гдѣ Илья, тамъ на мѣстѣ удара является желѣзная полоса.—«Возьми саблю мою!» Илья поднять не можетъ. «Надо, братъ названый, тебѣ силы дать». Припалъ Илья къ гробницѣ и дунулъ Святогоръ духомъ богатырскимъ. Илья почувствовалъ прибавокъ силы, но отказался отъ вторичнаго вдыханія Святогора, отозвавшись — «Если еще припасть, то не понесетъ меня мать сыра-земля: силы у меня довольно!» Тогда признался Святогоръ, что если бы дохнулъ вторично, то Илья палъ бы мертвымъ. Такъ и остался въ гробницѣ великанъ умирать, здѣсь.

У Рыбникова (въ I части пѣсень) помѣщена былина о Святогорѣ какъ эпизодъ

первой поѣздки Ильи Муромца, по полученіи исцѣленія.

Первый предметъ по выѣздѣ въ поле Ильи Муромца, былъ шатеръ подъ дубомъ. Въ шатрѣ кроват богатырская «длиной десяти сажень, шириною шести сажень». Привязалъ Илья коня къ шатру; легъ на кроват и заснулъ. Да и проспалъ три дня. Можетъ быть и дольше бы спалъ, да конь разбудилъ:

«Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
Ай же ты Илья Муромецъ!
Спишь себѣ, прохлаждаешься,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
Ты спущай меня во чисто поле
А самъ полѣзай на сырой дубъ.
Высталъ Илья на рѣзвы ноги
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ на сырой дубъ.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облака ходячія;
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ».

Это представляетъ первая изъ изображенныхъ на нашемъ рисункѣ (на верху, съ лѣваго угла) сценъ. Ниже ея, съ той же стороны, видѣнъ спящій въ шатрѣ Святогоръ.

Жена богатыря Святогора, которую везъ онъ въ хрустальномъ ларцѣ, въ бывальщинѣ изображена слѣдующими характерными чертами:

«Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая,
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,
Съ платьица тѣло бѣлое.

Когда послѣ стола Святогоръ заснулъ

«Красавица жена его богатырская
Пошла гулять по чисту полю
И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
Говоритъ она таковы слова:
Ай же ты дороднiй добрый молодецъ
Сойди ко ко мнѣ со сыра дуба
Сойди, со мной любовь сотвори».

Довольная послушанiемъ Ильи, богатырша посадила Муромца въ карманъ къ мужу и разбудила Святогора. Онъ посадилъ жену въ хрустальный ларецъ; заперъ ключемъ золотымъ; самъ сѣлъ на коня и поѣхалъ къ Святымъ горамъ.

Затѣмъ уже слѣдуетъ рѣчь коня и все прочее, что мы выше привели. Впрочемъ, существуетъ варiантъ. Какъ узналъ Святогоръ невѣрность жены: она не могла войти больше въ хрустальный ларецъ.

Существуютъ въ собранныхъ былинахъ нѣсколько варiантовъ и о сумочкѣ, въ которой заключена *тяга земная*. Въ бывальщину при этомъ введенъ еще эпизодъ нахожденья жены своей Святогоромъ. Пробу силы—подъемомъ сумочки, предложилъ

Микула Селяниновичъ. Онъ же сказалъ Святогору, что судьбу свою узнаетъ отъ кузнеца Сѣверныхъ горъ, который «куетъ два тонкіихъ волоса». Подобный атрибутъ, какъ извѣстно, сѣверная миѳологія приписываетъ прорицателямъ судебъ. Волоса эти и есть жребіи брачныхъ.

«А мнѣ на комъ жениться?» спрашиваетъ у кузнеца любопытный Святогоръ. «Твоя невѣста въ царствѣ поморскомъ, въ престольномъ городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ».

Озадачилъ такой отвѣтъ Святогора и онъ отправился въ указанный городъ. Видитъ лачужку. Вошелъ въ нее,—никого нѣтъ, кромѣ больной;— «тѣло у ней, какъ еловая кора», прибавляетъ побывальщина. Вынулъ Святогоръ богатырь пятьсотъ рублей и положилъ на столъ. Взялъ свой острый мечь; билъ ее мечомъ по груди и уѣхалъ изъ царства поморскаго. Проснулась дѣвка, съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей. И стала она красавицей: какой на свѣтѣ не видано, не слыхано. На пятьсотъ рублей принялась красавица торговать, нажила «безъ счетну золоту казну, строила кораблики червленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на Святыхъ горахъ. Стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ

про ея красоту пошелъ по всему городу». Пришелъ Святогоръ посмотрѣть на красавицу. Полюбилась ему она. Онъ присватался и женился на ней, исполнивъ предсказаніе кузнеца.

За невѣрность жены, Святогоръ убилъ ее, а отправившись затѣмъ съ Ильею къ святымъ горамъ—наѣхалъ на гробницу.

«На томъ гробу подпись подписана
Кому суждено во гробу лежать
Тотъ въ него и ляжетъ.
Легъ Илья Муромецъ
Для него домовище и велико, и широко.
Ложился Святогоръ богатырь
Гробъ пришелся по немъ!»

Остальное мы уже говорили.

Изводы о Святогорѣ въ высшей степени оригинальны и носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды древности и сѣверный характеръ.

Эпизоды, введенные въ бывальщину, такъ ярко рисуютъ бытъ древнихъ новогородцевъ, промышленниковъ-путешественниковъ, проникавшихъ въ далекія страны. Слово о женитьбѣ Святогора живо переноситъ въ міръ этихъ подвижныхъ искателей приключеній. Послѣ Садка, или, лучше сказать, вмѣстѣ съ нимъ, да съ похожденіями Васьки Буслаева, этотъ Святогоръ, чадо новгородцевъ лучшаго времени разгара ихъ неутомимой предпріимчивости и игры свѣжей фантазіи.

Добрыня Никитичъ, русская народная сказка.

(Былина и побывальщина).

Есть у русскаго народа имена излюбленныя, къ которымъ приплетаются по произволу разсказчиковъ безчисленныя похожденія другихъ миѳическихъ героевъ. Именъ такихъ три: Илья Муромецъ, князь Владиміръ и Добрыня Никитичь. Похожденія Добрыни часто смѣшиваются съ похожденіями Ильи Муромца-*Громовника* и, въ варіантахъ былинъ, роль его—бой со змѣемъ Горыничемъ и драки съ богатырями и богатыршами, т. е. борьба молніи съ тучами—постоянно придается Добрынѣ по преимуществу. Это и—неудивительно: слово Добрыня, по производству отъ *добра* — можетъ быть синонимомъ благодѣтеля, какимъ и долженъ быть Богъ-*оплодотворитель*, выращатель посѣвовъ, разсѣяватель заразъ,

очищатель воздуха; какъ жизненная сила природы и источникъ движенія и всякихъ поправленій атмосферныхъ безпорядковъ. Стало быть, идея космическаго громовника арійскихъ народовъ, при продолженіи разработки въ пересказахъ русскихъ славянъ, —гдѣ существо эфирное получаетъ формы и отправленія живаго человѣка, только сверхъестественной силы,—такъ сказать получаетъ раздвоенность на Илью Муромца и Добрыню. Какъ тотъ, такъ и другой видъ одного типа, по обычаю русскаго народа, представляются обитателями людскихъ поселеній, имѣющими родителей, имена и отчество которыхъ въ былинахъ не разъ повторяются. Отца Ильи называютъ Иваномъ Тимофѣевичемъ, мать Добрыни — Офимьей Александровной. Раздвоеніе одного типа Громовника на два, намъ кажется, сдѣлалось заразграниченіемъ противоположныхъ началъ или кажущихся противорѣчій характера любимаго народомъ миѳическаго типа въ былинахъ. Илью Муромца пѣвцы былинъ съ теченіемъ времени отлили въ форму благодѣтеля общаго, чуждаго семейной жизни и даже не проявляющаго наклонности къ сладостямъ любви. Тогда какъ основное начало производительной силы, выражаемое у арійскихъ народовъ *Фаллусомъ*, съ христіанствомъ должно было отойти на далекое разстояніе. Представи-

телемъ животныхъ побужденій въ характерѣ любимаго миѳическаго типа при этомъ и выбрала народная фантазія Добрыню, нечуждавшагося ни общественной жизни, съ ея радостями, ни обольстительныхъ ласкъ очаровательницъ.

Муромецъ выступаетъ на подвиги переживъ періодъ безумства страсти—онъ сиднемъ сидитъ въ отцовской избѣ на печи тридцать лѣтъ; не зная и не видя свѣта и общества. Понятно, что, выступивъ затѣмъ на поприще добрыхъ дѣлъ съ пособіемъ небесной благодати, какъ каратель зла и беззаконія, защитникъ слабыхъ и немощныхъ, охрана безопасности отечества, Илья-Муромецъ созданъ для дѣла и стоитъ выше нѣжныхъ поползновеній. Въ одномъ эпизодѣ съ женою Святогора, Илья впадаетъ въ слабость; да и то изъ боязни наговора великану, но ни какъ не изъ собственныхъ побужденій утѣхи,—оставаясь всю жизнь добрякомъ философомъ; если хотите, проникнутымъ религіознымъ чувствомъ долга и заявляющимъ, что соединеніе съ особою другаго пола—не его удѣлъ. Добрыня—дитя русской фантазіи съ житейскимъ характеромъ, не задававшимся мыслью о духовныхъ совершенствахъ и земномъ удѣлѣ страданій очистительныхъ,—въ былинахъ выступаетъ съ юношества. Ему, слѣдовательно, вполнѣ прилично цѣнить красоту женскую и нахо-

дить сладость любви. Но по-волѣ и мысли перелагателей и развивателей эпизодовъ былинныхъ,—любовь у Добрыни невысокой пробы и довольствуется физическими побужденіями; нетребуя даже отъ предмета своей привязанности чистоты и цѣломудрія. Если понимаетъ Добрыня вѣрность,—то только въ смыслѣ сожитія непосредственнаго мужа съ женою и возстаетъ противъ отнятія жены у него княземъ Владиміромъ, введеннымъ, разумѣется, въ ошибку невольную—выдачею Настасьи за Алешу. И при этомъ гнѣвъ его разражается надъ виноватымъ Алешею,—наказавъ его чувствительно,—а никакъ уже не надъ женою, имъ не винимою въ согласіи на бракъ или соучастіи въ посягательствѣ нарушенія вѣрности. Такъ что, и въ этомъ состояніи гнѣвъ Добрыни, вполнѣ національный, русскій и разумно-человѣческій — представляетъ характеръ той эпохи, когда женщина считалась существомъ безправнымъ и не отвѣчающимъ за свои дѣйствія. Если не принято мѣръ къ огражденію ея отъ совращенія на слабость а съ ея стороны не было умышленнаго, обхода внѣшнихъ огражденій и препятствій къ выраженію ея свободной воли. Впрочемъ, былинный Добрыня удерживаетъ и качества космическія *Громовника*—разрывая на части коварную Маринку — какъ Муромецъ Королевичну. Везя же со-

хранно племянницу княжескую, освобожденную имъ отъ Змѣя Горынича, Добрыня представляется способнымъ пересилить натуральную пылкость и неразборчивость средствъ для достиженія успѣха; между тѣмъ, сластолюбивый характеръ придается ему постоянно и онъ рискуетъ подвергаться тяжелымъ испытаніямъ съ первыхъ же шаговъ своей богатырской дѣятельности.

Былины начинаютъ похожденія Добрыни Никитича съ прихода его къ матери — Афимьѣ Александровнѣ — съ жалобою на судьбу:

«Государыня моя матушка, —
Честна вдова Офимья Александровна»,

говоритъ богатырь юноша; уже сознающій свою силу, но назначенный въ экспедицію, для которой, по его мнѣнію, силы еще у него недостаточны.

Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила,
Несчастнаго и неталаннаго?
Спородила бы ты меня матушка,
Счасками въ стольно кіевскаго князя Влодиміра,
Силою бы спородила въ стараго казака Илью Муромца,
Смѣлостью въ смѣлаго Алешу въ Поповича!»

Вѣроятно, ссылкою на князя Владиміра сказатель этого варіанта былинъ о Добрынѣ, хотѣлъ выразить полную свободу дѣйствій для молодаго богатыря, который между тѣмъ, при настоящемъ служиломъ сво-

емъ положеніи не можетъ не принять труднаго порученія, не ожидая выйти изъ него съ честью. Такъ понимаетъ и мать героя жалобу сына, отклоняя его идею на недостатокъ крѣпости и силы. Она находитъ, что Добрыня имѣетъ силу далеко немалую, что у него будетъ ея—

«Супротивъ стараго казака Ильи Муромца
А смѣлости есть супротивъ Алеши Поповича»;

Наконецъ, напоминаетъ ему умъ и ловкость, да умѣнье—чисто дипломатическія,—чѣмъ ни Илья и ни Алеша неотличались, разумѣется. Мать говоритъ сѣтующему —

«А ты вѣдь Добрынюшка, въ послахъ бывалъ,
Ты Добрынюшка говорить гораздъ,
Красно—толковито, разговаривать».

Сынъ затѣмъ повѣдываетъ матери, что порученіе, ему даваемое, далеко не дипломатическое:

«Посылаютъ меня, матушка, въ землю Сарочинскую,
Во темную землицу, на Пучай рѣку
Выручать ли княженецкую племянницу».

Слово *Пучай* — рѣка, своимъ производствомъ указываетъ на токъ, который не остается спокойнымъ, но безпрестанно поднимаетъ и громоздитъ валы надъ валами. — *Пучитъ*—выдвигаетъ и вздымаетъ средину выше краевъ. Въ былинѣ, во всѣхъ

изводахъ, между тѣмъ, къ этому основному качеству присоединяется болѣе страшное свойство — *огненной волны*; которая рѣжетъ тѣло опустившагося въ нее и, стало быть, губитъ непремѣнно, разъ попавшаго въ гибельный потокъ.

Впрочемъ, такое свойство получаетъ вода Пучай-рѣки при появленіи Огненнаго Змѣя, охраняющаго свое царство, начинающееся за этою рѣкою. Трудно не признать подъ этою формою иносказанія дѣйствительнаго выраженія опасности для русскаго человѣка, вступающаго въ безграничную степь нашего юга, отъ Днѣпра до Волги. Огненнымъ же змѣемъ и вообще чародѣйскою темною силою на иносказательномъ языкѣ народной поэзіи называются дикіе кочевники, исконные враги оседлаго русскаго населенія кіевской Руси, для защиты отъ хищниковъ высылавшей мужественныя полчища, послѣ потери еще снова собиравшіяся на бѣду нашу представляясь какъ бы неуязвимыми и ничего не терявшими, при своей многочисленности. Захваты хищниками женщинъ — явленіе обычное въ русской жизни до конца XVIII вѣка — покуда стояло Крымское царство. Слѣдовательно, мотивъ похищенія племянницы князя Владиміра, черта, выхваченная изъ жизни слагателями былинъ. На столько же оправдываетъ самая строгая логика и наказъ попечительной матери Добрыни — не купаться

въ Пучай-рѣкѣ, т. е. не пускаться очертя голову въ степи—гнѣздо хищниковъ. Темная сила ихъ представлялась въ былинахъ о Добрынѣ,—какъ мы уже выше замѣтили,—въ формахъ огненнаго змѣя. Въ одномъ изводѣ былинъ о Добрынѣ, въ Собраніи Кирѣевскаго (Вып. 4 стр. 121) — богатыря отговариваютъ купаться *дѣвицы-портомойницы* совѣтуя, впрочемъ, только не снимать, бросаясь въ воду, всей одежды. Въ этомъ изводѣ у Добрыни выставленъ и мальчикъ слуга (малыйп аробокъ), а который по погруженіи богатыря, услышвъ шумъ, кричичитъ своему господину:

Ай же ты Добрынюшка Никитичь!
Изъ подъ заподнія сторонушки шумъ великъ!»

Внявъ этому предостереженію, Добрыня изъ воды выскочилъ, успѣлъ схватить страшную булаву свою—булатную палицу,—и, одѣваясь, принялся отбивать наскоки явившейся змѣи. Удары Добрыни градомъ сыпались на хоботы врага и въ концѣ концовъ, ослабѣвъ, змѣя взмолилась поражателю:

Ай же ты Добрынюшка Никитиничь!
Отдамъ я вашу Королевишну.

Слѣдовательно, результатъ достигнутъ безъ большаго труда. Не то говоритъ большинство другихъ былинъ о Добрынѣ, расписывающихъ пространно подвиги богатыр-

скіе. Въ Олонецкихъ былинахъ особенно харатерно выставляются особенности борьбы со змѣемъ и погруженія Добрыни въ Пучай рѣку.

Въ сборникѣ Кирѣевскаго (тотъ же 4 вып. стр. 321), Добрыня, какъ бы случайно подъѣзжая къ опасному потоку, нашелъ его въ состояніи полнаго покоя, и при этомъ говоритъ самому себѣ:

«Мнѣ, Добрынюшкѣ, матушка говаривала,
Мнѣ, Никитичу, матушка наказывала,—
Не ѣзди далече во чисто поле,
На тую ли гору Сорочинскую,
Не топчи-ко младыхъ зміенышей,
Не выручай полоновъ русскіихъ,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
Что Пучай-рѣка есть свирѣпая:
Середня струйка какъ огонь сѣчетъ».
«А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
Она будто лужа дожжевая».

Едва онъ проговорилъ эти слова, какъ нашло что-то похожее на тучу, и изъ этой тучи вмѣсто дождя—посыпались искры. Это летѣлъ «Змѣище-Горынчище», — чудовище 12-ти главое, выпускающее впередъ себя подобіе хоботовъ. —Считая Добрыню своей вѣрной добычею, змѣй закричалъ ему:

— »Теперича Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу—Добрыню теперь затоплю,
— Захочу—Добрыню въ хоботъ возьму,
— Въ хоботъ возьму и на Русь снесу,
— Захочу Добрыню съѣмъ, сожру».

Добрыня, чуя бѣду и зная ловкость въ плаваньи—нырнулъ и выскочилъ у берега; но и очутившись на твердой почвѣ, случайно, не нашелъ, гдѣ лежали его доспѣхи, оружіе; да по счастью увидѣлъ колпакъ чей-то, съ насыпанною въ немъ землею. Схватить этотъ колпакъ было, разумѣется, дѣломъ одного мгновенія, а затѣмъ импровизированною пращею Добрыня сталъ махать передъ чудовищемъ, нанося ему колпакомъ до того сильные удары, что каждый изъ нихъ отшибалъ по хоботу. Когда же отъ удара Добрыни палъ послѣдній пораженный хоботъ, богатырь прыгнулъ на обезсиленное чудовище и хотѣлъ окончательно его уничтожить, но врагъ взмолился о пощадѣ и торжествующій побѣдитель потребовалъ, чтобы змѣй не смѣлъ трогать ни одного русскаго человѣка, да и вообще не леталъ бы надъ Русью. Съ тѣмъ только условіемъ даровалъ жизнь богатырь чудовищу. Оно же все-таки, переносясь черезъ Кіевъ, неутерпѣло, чтобы не похитить у князя Владиміра любимой его племянницы, — княжны Забавы Путятичны.

Воротившись съ бою, съ Пучай рѣки, Добрыня является на пиру Владиміра и тамъ узнаетъ о похищеніи княжны и о томъ, что великій князь созывалъ *былицъ-волшебницъ*, которыхъ немогли докликаться; вызывалъ охотниковъ ѣхать на этотъ подвигъ

изъ богатырей своихъ, но никто не вызывался, и одинъ изъ нихъ, Алеша Поповичь, далъ совѣтъ Владиміру, нарядить на трудное дѣло добыванья Забавы, прямо Добрыню — разумѣется, ему въ укоризну. Позволимъ себѣ замѣтить здѣсь, что въ былинахъ о Добрынѣ Алеша Поповичь является насмѣшникомъ, безпрестанно строящимъ ковы, какъ и здѣсь, храброму Добрынѣ. Такое безцеремонное обращеніе съ приказомъ ему, кажется, впрочемъ, только оскорбило витязя до того, что воротился онъ грустный съ пира и на спросъ матери о причинѣ его не веселья, открылъ: какъ дали ему не легкое порученіе,—*накинулъ* на меня, говоритъ, Владиміръ князь *службу великую*, а именно:

«Чтобъ съѣздить далече во чисто поле,
Сходить на тую гору Сорочинскую,
Сходить въ нору глубокую,
Достать-то князеву племянницу».

Мать успокоила сына поговоркой «утро вечера мудренѣе», и дѣйствительно, проснувшись, Добрыня былъ въ лучшемъ расположеніи духа. А прощаясь съ матерью, при отправленіи въ путь получилъ отъ нее плетку, съ наставленіемъ, чтобы ею, въ случаѣ нужды, онъ хлестнулъ добраго коня, между заднихъ ногъ:

Тогда станетъ твойбурушко поскакивать.
«Зміенышевъ отъ ногъ отряхивать,
Притопчетъ всѣхъ до единаго».

Пріѣхавъ въ *горы Сорочинскія*, пришлось коню Добрыни скакать по зміенышамъ, которые «подточили у бурушки щеточки»; тогда и пригодился материнъ подарокъ, плетка. Съ ея помощью освободился (прискоками) бурко отъ зміенышей, но, тутъ является «большая змѣя» претендентомъ нарушенія статьи буквальнаго договора со стороны Добрыни, обязавшагося нетрогать змѣенышей, ея «малыхъ дѣтушекъ».

«Черти ли тебя несли черезъ Кіевъ градъ,
Зачѣмъ взяла князеву племянницу,
Молоду Забаву свѣтъ Путятичну?
Отдай ее безъ драки кровопролитія?»

Отзывается Добрыня, но, конечно, змѣя-похитительница была далеко отъ принятія такихъ условій, не попробовавъ счастья; которое и на этотъ разъ измѣнило хищнику. Послѣ трехдневнаго боя, богатырь убилъ таки змѣю и, спустившись въ нору: искать похищенной княжны, освободилъ оттуда, — какъ Илья-Муромецъ изъ погреба ласковой королевичны—сидѣвшихъ тамъ давно уже,

— Много королей, королевичевъ,
— Простой-то силы и смѣты нѣтъ.
— Насчиталъ онъ силы сорокъ тысячей».
— И всѣхъ освободилъ вмѣстѣ съ княжною.

Предложивъ Забавѣ Путятичнѣ ѣхать съ собою, Добрыня увѣдомилъ ее, что онъ для ней собственно и предпринялъ странствованіе сюда. На дорогѣ же, напавъ на чьи-то слѣды, Добрыня повстрѣчалъ своего обидчика Алешу: догналъ его и передалъ ему порученіе отвезти княжну въ Кіевъ, а самъ по глубокимъ слѣдамъ, оставленнымъ въ грязи копытами коня, глубиною по колѣно,—нагналъ богатыршу

Паленицу, женщину великую.

Вмѣсто привѣтствія дамѣ, оказавшейся почтенныхъ размѣровъ, по росту и дородству, онъ:

«Ударилъ своей палицей булатною:
Ту паленицу въ буйную голову.
Паленица на задъ неоглянется.
Добрыня на конѣ пріужахнется»

Отъ такого чуда. Страшная мысль: не пропала ли у меня чудная сила?—мгновенно заняла умъ богатыря. Онъ подскакалъ къ дубу и ударомъ палицы разшибъ его на мелкія части. Успокоенный этимъ опытомъ, Добрыня погнался за Паленицей-недвигой и вновь нанесъ ей болѣе страшный ударъ, не произведшій, по прежнему казалось, никакого впечатлѣнія на великаншу. Она только оглянулась, увидѣла ратоборца и проговорила:

— Я думала, что комарики покусываютъ,
— Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ?

Выразившись же такъ язвительно на счетъ слабости силъ для состязанія съ нею явившагося бойца, Паленица безъ дальнихъ церемоній протянула могучую руку, поймала Добрыню за бѣлокурые кудри его и, вмѣстѣ съ конемъ его, посадила «въ глубокъ карманъ» къ себѣ. Въ этомъ комическомъ заключеніи и провелъ три дня богатырь. Да ужь конь Паленицынъ сталъ жаловаться на тяготу везти богатыря со своей хозяйкою и она освободила неудачнаго ратоборца. Освободивъ же — нашла его привлекательнымъ на столько, чтобы носить честь: быть ея супругомъ! Такимъ образомъ и устроился оригинальный бракъ богатыря Добрыни Никитича съ богатыршею Настасьей Никуличной, въ стольномъ городѣ Кіевѣ, гдѣ ради такого торжества въ честь освободителя княжеской племянницы—«тутъ по три дня было пированьице». Трудно не признать тождества въ этомъ эпизодѣ съ Ильею Муромцемъ и Святогоромъ. Недостаетъ присутствія жены Святогора, но космическій характеръ основы и иносказательной идеи — *выраженія громадной силы тучъ, носящихъ въ себѣ громъ и молнію*—такъ ясенъ, что и самая роль Добрыни, обращающагося здѣсь въ основный типъ Громовника, не требуетъ особыхъ доказательствъ или вводныхъ посредствующихъ уподобленій. Перемѣните имена Ильи на Добрыню, и обратно—и цѣль

достигнута. А перемѣна или смѣшиванье именъ такое легкое дѣло?

Воображеніе составителей былинъ даже оказалось безсильнымъ измыслить какой бы то ни было предлогъ для отъѣзда Добрыни въ походъ, послѣ повѣнчанья его съ богатыршею. Сказители нехотѣли и нехотятъ даже замѣтить неловкости обращенія громадной богатырши Настасьи Никуличны,—послѣ свадьбы съ Добрынею — въ обыкновенную жену, судьбою которой распоряжается князь Владиміръ. И онъ тоже недаетъ себѣ отчета: для чего бы ему мѣшаться въ семейное дѣло богатыря, хотя бы и дѣйствительно пропавшаго? Ясно, что, или эпизодъ съ *паленицею* пріуроченъ къ Добрынѣ вслѣдствіе перемѣшанья имени: его съ Ильею Муромцемъ, и Настасьи съ Святогоромъ; или у сказателей не существуетъ ни малѣйшей смѣтки: что можно ломать, по произволу ихъ, въ древней былинѣ и гдѣ должна остановиться эта ломка? Во всякомъ случаѣ, эпизодъ съ паленицею, въ составѣ всей канвы былины, оказывается искусственно прилѣпляемымъ и отстающимъ отъ тона и характера героя; высказываясь противорѣчіемъ со всѣми прочими его похожденіями. Иное дѣло будетъ, когда мы обратимся къ женѣ Добрыни, забывъ, что она была или могла быть великаншей;—какъ дѣлаютъ сами сказители былинъ о немъ. И онъ то самъ не

изъ такихъ, чтобы сдѣлаться покорнымъ орудіемъ грубой силы,—когда обижается и кручинится даже по случаю дачи приказа, безъ предварительнаго его согласія? Стало быть, по логикѣ фактовъ и особенности характера Добрыни, если съ нимъ бы случилось такое несчастье — онъ былъ бы униженъ чѣмъ, вольно или невольно—то, уже другомъ уничижателя, изъ страха къ нему,—не могъ сдѣлаться. Страхъ не обладаетъ вовсе беззаботною головою витязя, въ женщинѣ оцѣнивающаго любезныя, хотя бы и опасныя, качества. И капризы, пожалуй, любовницы, такой характеръ снесетъ, а униженія—въ родѣ засаживанья въ карманъ богатыршею—никогда! Самый эпизодъ извлеченья оттуда Добрыни, по тексту Рыбникова (пѣсни часть I стр. 129) заключаетъ въ словахъ жалобы коня даже, невозможность продѣлать такую штуку съ богатыремъ. Конь, вѣдь, заявляетъ Настасьѣ Никуличнѣ:

Не могу везти васъ съ богатыремъ;
Конь у богатыря противъ меня
А сила богатыря супротивъ тебя!»

Даже, принимая варіантъ (подстрочный) издателя «конь у богатыря ровня мнѣ, а самъ богатырь ровня мнѣ»—вмѣсто *тебѣ*—(иначе смысла нѣтъ —силою»—исключаетъ всякую возможность посаженья въ карманъ. Этаго, разумѣется, не понимаютъ и въ толкъ не

берутъ сказатели, люди темные. Исключивъ же несоотвѣтствующее изъ былины, — за подвигомъ освобожденія Забавы Путятичны, является женитьба Добрыни, всего казалось бы проще, на освобожденной имъ? Но, изобрѣтателямъ нужна богатырша, для вывода передъ лицо князя Владиміра, засадившаго Добрыню въ погребъ. Жена-богатырша освобождаетъ мужа-богатыря, такъ сказать раздваиваясь на два типа: жены, существа, способнаго подчиняться всякому внѣшнему заявленію силы, во имя права; и героини—ничѣмъ неотличающейся въ удальствѣ отъ своего отважнаго сожителя.

Представляя же себѣ такъ дальнѣйшіе и конечные эпизоды Добрыни, по былинамъ,— мы хотимъ очертить еще виднѣе замѣченную нами двойственность характера жены богатыря.

Провожая мужа въ походъ, Настасья Никулична его спрашивала:

— Когда Добрынюшка домой будетъ,
— Какъ дожидать Добрыню изъ чиста поля?

Въ отвѣтъ ей, богатырь назначилъ срокъ

«Сожидай Добрынюшку по три году:
Если въ три году не буду, жди другую три:
А какъ сполнится времени шесть годовъ,
Да нейду я домой изъ чиста поля,
Поминай меня Добрынюшку убитаго,
А тебѣка-во Настасья воля вольная:

Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русскаго могучаго богатыря,
А только неходи, за моего брата за названаго,
За смѣлаго Алешу за Поповича».

Стало быть неудовольствіе на Алешу у него и тутъ даже выразилось, нескрываемое и не маскируемое.

Срокъ, назначенный, между тѣмъ, исполнился: Добрыни нѣтъ какъ нѣтъ. Спустя уже срокъ, пріѣзжаетъ Алеша Поповичь въ Кіевъ, и заявляетъ прямо:

«Что нѣтъ жива Добрыни Никитича».

мать повѣрила и

Въ слезахъ горючихъ
«Оскорбила она лицо бѣлое».

Былина не говоритъ о скорби жены, но уже изъ самаго отвѣта ея на сватовство самого великаго князя, явившагося хлопотать за своего любимца, Алешу Поповича, видно, что Настасья не теряетъ надежды на свиданіе съ могучимъ супругомъ, не давая вѣры словамъ человѣка, ищущаго руки ея.

«Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друга шесть годовъ;

— Пока сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти».

Ясно, что русская Пенелопа говоритъ это искренно; у ней на умѣ вовсе не новое замужество. А увѣренность въ нахожденіи въ живыхъ мужа подтвердить нечѣмъ. Проходятъ и еще шесть лѣтъ, въ продолженіи которыхъ ни Алеша-женихъ, ни Владиміръ — царственный сватъ, неоставляютъ своихъ видовъ на Настасью. Тутъ только, дѣлать нечего, приходится Настасьѣ уступить! Если же въ чемъ можно упрекнуть ее, то въ согласіи на бракъ съ Алешей,—что Добрыня именно оговорилъ, заявляя соизволеніе на ея свободный выборъ мужа любаго, кромѣ ненавистнаго ему насмѣшника. Добрыня, между тѣмъ, невѣдомо гдѣ былъ всѣ 12 лѣтъ, и теперь, для чего неизвѣстно, разъѣзжалъ по Царюграду—когда замѣтилъ, что вѣрный конь его подъ могучимъ сѣдокомъ началъ спотыкаться. Богатырь упрекнулъ коня, а тотъ человѣческимъ голосомъ проговорилъ ему, что

— «Твоя молода Настасья дочь Никулична за мужъ пошла
За смѣлаго Алешу, за Поповича».

Вѣсть эта непріятно подѣйствовала на мужа, и онъ прибѣгнулъ къ пособію материна подарка: ударомъ коня — между заднихъ

ногъ,—заставилъ его дѣлать страшные скачки; просто на просто,—летѣть:

«Съ горы на гору, съ холма на холмы,
Рѣки и озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать».

Благодаря чудодѣйной быстротѣ такого полета, Добрыня доскакалъ въ тотъ же день до Кіева, переметнулъ черезъ стѣну. Явившись къ матери, онъ вошелъ безъ доклада и мать не узнала сына, а возвратившійся назвалъ себя вѣстникомъ его и узналъ хитрость Алеши, увѣрившаго всѣхъ въ его смерти. Выслушавъ весь разсказъ матери, мнимый вѣстникъ заявилъ, что братецъ его названный, Добрыня Никитичь, наказывалъ ему явиться въ Кіевѣ на пиръ, неиначе, какъ одѣвшись Скоморохомъ. Поэтому онъ просилъ такъ и нарядить его. Мать постаралась буквально исполнить волю сына, а Добрыня будто поручилъ своему вѣстнику —

«Ты возьми мое платье скоморошское,
И гусельки возьми мои яровчаты,
Въ новой горенкѣ онѣ на столикѣ».

Соединеніе на столько точныхъ указаній нахожденія вещей, могли, конечно, убѣдить въ положительности приказа самого владѣльца; но чтобы говорящій это былъ самъ Добрыня, мать все не можетъ догадаться. Такъ и пошелъ «на почестенъ пиръ, въ па-

латы княженецкіе». Тамъ мнимый Скоморохъ, смѣло войдя въ столовую палату, прямо привѣтствуетъ князя Владиміра,—а вслѣдъ затѣмъ заявляется тому же князю жалоба на дерзкаго, прорвавшагося насильно, неизвѣстнаго. Раздосадованному этимъ непочтеніемъ князю, между тѣмъ, дерзкой еще прибавляетъ жолчи, спрашивая

«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?—
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольный Кіевскій,

На это уже —

— А ваше мѣсто скоморошское
— На той на печки на муравленой
— На муравленой печки—на запечки».

Такой отвѣтъ не смущаетъ мнимаго скомороха, онъ преспокойно вскакнулъ на печку и принялся за музыку и пѣніе. Такой изворотъ произвелъ свое дѣйствіе. Музыканта-пѣвца проситъ самъ князь: садиться съ нимъ «за дубовъ столъ хлѣба кушати,—бѣлыя лебедушки рушати». При этомъ сдѣлано предложеніе или сѣсть рядомъ съ княземъ—Амфитріономъ, или противъ него, или гдѣ угодно. Скоморохъ не садится за столъ, а садится на скамеечку, противъ невѣсты—«княжны порученныя» и проситъ у князя позволенія: налить чару зелена вина,

«Поднесть эту чару кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожалую».

Получивъ разрѣшеніе, Добрыня налилъ чару, опустилъ въ нее свой обручальный перстень и подалъ невѣстѣ, прося выпить до дна. Она выпила и нашла перстень. А найдя его, громко произнесла, обращаясь къ князю:

— Солнышко Владиміръ Стольный Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
— А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидитъ-мой мужъ на скамеечкѣ,
— Подноситъ мнѣ чару зелена вина, —

Выговоривъ это, она выскочила изъ-за стола и бросилась въ ноги Добрынѣ, прося прощенія за нарушеніе его приказа, при отъѣздѣ даннаго:

— Прости, прости, Добрынюшка Никитиничь,
— Въ той вины прости меня въ глупости
— Что не по твоему наказу де*я сдѣлала,
— Я за смѣлаго-Алешеньку за мужъ пошла.

Въ отвѣтъ на это, богатырь, не укоряя жены, разражается упрекомъ князю.

— «Не дивую я разуму женскому,
— Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ;
— А дивую я солнышку Владиміру,
— Съ молодой княгиней со Апраксіей:
— Солнышко Владиміръ тутъ сватомъ былъ
— А княгиня Апраксія свахою,
— У живова мужа—жену просватали!»

Князь приведенъ былъ этимъ упрекомъ

въ замѣшательство. А тѣмъ временемъ женихъ вздумалъ нахально извиниться передъ разгнѣваннымъ и безъ того Добрынею, признавая будто вину свою, въ томъ только, «что посидѣлъ подлѣ твоей любимой жены,—молодой Настасьи Никуличны!» — За это, что сидѣлъ, Богъ проститъ, — отвѣчалъ серьозно Добрыня,—а я не прощу другой вины твоей, что привезъ ты вѣсть не радостную.

«Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ
Буйна голова испроломлена,
Могучи плеча испрострѣлены,
Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
Такъ тогда государыня родна матушка
Жаленько-ся по мнѣ плакала.
Слезила свои очи ясные,
Скорбила свое лицо бѣлое:
Этой вины не прощу тебѣ!»

И проговоря — схватилъ виноватаго «за желты кудри, выдернулъ «черезъ дубовый столъ»,бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,— выхватилъ шалыгу поддорожную, и—

Учалъ шалыжищемъ ухаживать (т. е. бить ручкою шалыги)—не разберешь хлопанья отъ оханья». Расправился съ Алешею и—ушелъ съ женою къ матери.

Болѣе человѣчнаго и разумнаго рѣшенія, какъ Добрынино, въ задорномъ на столько процессѣ, гдѣ проглядывало личное оскор-

бленіе—грозою разстройства семейнаго мира и счастія, а человѣкъ великодушный ставился въ положеніе крайне щекотливое, изъ котораго выйти трудно, ни съ кого не взыскавъ за ущербъ, нанесенный и ожидаемый—трудно представить въ мужѣ старинной Руси. Между тѣмъ, тѣ же былины представляютъ того же Добрыню — впрочемъ еще юношу —въ другомъ свѣтѣ, по поводу мести злодѣйкѣ Маринкѣ-прелестницѣ и колдуньѣ.

Въ томъ эпизодѣ болѣе ясно выступаетъ, впрочемъ, космическій характеръ Громовника. А человѣчныя черты типа еще не выяснились вполнѣ, далѣе чувственности, которая привела пылкаго Добрыню въ сѣти, имъ незадолго отвергнутой любви, успѣвшей перейти уже въ месть. Такъ что и въ этомъ эпизодѣ характеръ Добрыни,—за исключеніемъ явно космическихъ очертаній—вполнѣ возможенъ, или, лучше сказать, вѣренъ самому себѣ, безъ всякихъ противорѣчій, на которыя мы указали, говоря о боѣ и мирѣ съ Паленицею.

Въ эпизодѣ Маринки другія краски, поразительныя по силѣ выраженія противоположныхъ ощущеній, отъ того и не теряющихъ своей правды.

Эпизодъ Маринки сперва былъ варіантомъ или дополненіемъ къ бою съ Змѣемъ Горыничемъ, представляя послѣднія черты кары

судьбы чародѣю враговъ русскаго имени вездѣ называемыхъ татарами. Маринка хоть русская, но сторонница злаго татарскаго ига и ковъ. Какъ гонителя и заявленнаго врага татаръ — *черной силы*. Маринка начинаетъ ненавидѣть Добрыню тогда будто еще юношу.

Въ эпизодахъ былинныхъ — особенно въ «Онежскихъ былинахъ» Гильфердинга, вся исторія Маринки въ примѣненіи къ Добрынѣ, представляетъ стройное цѣлое, хорошо соглашенное въ подробностяхъ, не противорѣчащихъ ни въ чемъ, а поддерживающихъ силу и логическую связь развитія интриги, до самой развязки—казни злодѣйки отъ руки Добрыни.

Самая обстоятельная повѣсть о Добрынѣ и Маринкѣ является въ Онежскихъ былинахъ № 163.

Пѣлъ эту былину слѣпецъ-старообрядецъ, Іовъ Еремѣевъ. Онъ начинаетъ эпизодъ съ указанія на любимое упражненіе Добрыни-юноши—полевую охоту. Поохотясь, случайно пришлось Добрынѣ возвращаться домой по той улицѣ, гдѣ жила прелестница Марина Игнатьевна. Въ большинствѣ изводовъ мать Добрыни постоянно наказываетъ сыну, отпуская его на прогулку, чтобы онъ: не ѣздилъ въ Маринкину слободку — т. е. остерегался бы даже мимо ея дома проѣзжать. Еремѣевъ обходитъ это запрещеніе,

прямо передавая: что увидѣлъ Добрыня на окнѣ у Маринки (имя которой по смыслу повѣсти должно быть ему уже извѣстно). Заѣхавъ въ запрещенную улицу, молодой богатырь замѣтилъ прямо:

«Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны
На ее на косящетомъ окошечкѣ
Сидѣли два сизыихъ голубя».

Голуби — эмблема любовной нѣжности, и въ старинной Руси принимались за смыслъ чувственнаго наслажденія; поэтому, встрѣчая здѣсь подобную фигуру, мы ни сколько не можемъ заподозрить тутъ новости сочиненія.

Увидѣвъ голубей,—Добрыня беретъ лукъ, накладываетъ стрѣлу и—пускаетъ въ окошко прелестницы. Изъ оговора, что: юноша богатырь мѣтилъ въ голубей, а попалъ не туда,—можно видѣть намекъ на постороннюю силу, измѣнившую направленіе стрѣлы. Эта сила направляетъ затѣмъ и самого Добрыню—чтобы воротить стрѣлу — въ домъ Маринки. Очаровательница, залучивъ напускными чарами къ себѣ молодца, ожидаетъ привѣта. Не тутъ то было. Добрыня беретъ стрѣлу, хозяйкѣ не кланяясь, и на оговоръ ея: почему онъ такъ къ ней презрительно относится—еще ругаетъ ее, укоряя въ намѣреніи извести его. Понятное желаніе ото-

мстить, затѣмъ закипаетъ въ душѣ Маринки и она

«Брала ножище кинжалище,
Подрѣзала слѣды-то Добрынины».

Этимъ чародѣйствомъ наводитъ она тоску на молодаго человѣка, невольно увлеченнаго теперь въ ея сѣти. Когда же онъ является къ ней покорнымъ обожателемъ— она мститъ за оскорбленіе свое, обращая его въ дикіе быки, въ туры, и пуская въ поле.

— У ней было въ поли тридевять туровъ,
— Прибылъ въ полѣ тридесятый туръ.
— Рожки у тура да въ золотѣ,
— Ножки у тура да въ серебрѣ,
— Шерсть на туру, да рыта бархату

Объ участи брата узнаетъ сестра Добрыни (по смыслу былины, вѣдавщица же не меньше, если не сильнѣе Марины). Къ ней она является съ угрозами и заставляетъ ее: отворотить брата.

Въ другихъ изводахъ дѣлаетъ это тетка Добрыни, любившая племянника.

Марина принуждена дать слово, которому не измѣнитъ. Оборачивается сорокою; летитъ въ поле; садится на плечо тура—Добрыни и начинаетъ говорить ему.

«Ай душа Добрынюшка Микитиничь!
А давай-ко ты мнѣ заповѣдь великую,
Возьми ты Маринку меня за себя.
Отверну Добрыню я по старому,
А по старому Добрынюшку по прежнему».

Добрыня даетъ слово. Обернутый Маринкою въ свой настоящій образъ, является въ Кіевъ и готовится къ свадьбѣ. Все идетъ какъ слѣдуетъ.

Свадебный пиръ конченъ.

Уводятъ молодыхъ въ спальню. Добрыня — мужъ злодѣйки, идя въ брачный чертогъ

«Взялъ съ собою саблю свою вострую
Отрубилъ Маринкину буйну голову».

И совершивъ, по его мнѣнію, законную отместку за зло, — спокойно засыпаетъ; утромъ же заявляетъ, что: вчера женился, а сегодня—опять холостъ!

Въ варіантахъ этого эпизода встрѣчаются еще черты, гдѣ злодѣяніе Маринки — обращеніе туромъ Добрыню — оказывается местью богатырю за убійство ея друга, Тугарина Змѣевича. При этомъ выставляются ласки прелестницы къ этой жертвѣ ревности Добрыни и его ревность же, а не другое чувство слышится въ приговорѣ надъ злодѣйкой. Рубя ей—прежде лишенія жизни—руки и ноги, носъ и губы, Добрыня злорадно говоритъ, что ему эти части тѣла *ненадобны*: затѣмъ, что они осквернены поцѣлуями и объятіями Змѣя Горынича.

Черезъ весь эпизодъ волшебства и расплаты, вообще проведена одна мысль истребленія злаго начала, обладающаго извѣстными силами на горе человѣчеству. Осно-

ва, стало быть, всего вводимаго сюда, со всѣми варіантами разнаго времени,—чисто космическая. По этой основѣ, — приличной дѣятельности Громовника, Добрыня оказывается исполнителемъ его роли и стало быть, не измѣняя типу представляемаго имъ начала,—потому-то и сохраняетъ суровость и даже жестокость; съ выработкою русскаго жизненнаго типа уже совсѣмъ ослабленныя. Выработка типа уже человѣчна, но цѣль между тѣмъ составителей былинъ о Добрынѣ идетъ далѣе. Изъ сохраненнаго и пріуроченнаго къ нему характера Громовника, какъ оплодотворяющей силы природы—сказатели вывели даже черту характера Добрыни богатыря—эротическую наклонность по преимуществу; какъ мы выше уже намекнули. Такой характеръ Добрыни—*селадона*, пользовавшагося расположеніемъ чужой жены, представленъ въ 132 Онежской былинѣ, гдѣ богатырь лишается жизни отъ руки справедливо оскорбленнаго мужа вѣтреной Катерины Никуличны, кіевлянина Пермяты Васильевича.

Въ этомъ изводѣ—повторенія котораго нигдѣ намъ встрѣчать не приходилось,—описано, какъ въ бытность Пермяты у обѣдни, Добрыня зашелъ въ его домъ, игралъ съ женою въ шахматы и склонился охотно на ея безцеремонное заявленіе сочувствія къ себѣ, выразившееся въ обоюдномъ паденіи.

Служанка дала знать хозяину о происходившемъ и онъ—убилъ виновнаго.

«Отрубилъ Добрынѣ буйну голову».

Этимъ извращеніемъ на оборотъ расчета Добрыни съ Маринкою,—мы и заключимъ теперь былинные подвиги богатыря *дружки Громовника.*

Праздники Рождества Христова въ западной Европѣ.

(въ старину).

Съ Рождественскими праздниками повсюду соединено столько разнородныхъ особенностей въ народномъ быту, что совершаемое на Рождествѣ, составляя собою рядъ исключительныхъ и характерныхъ явленій, никакъ уже не можетъ быть признаваемо прямо-вытекающимъ изъ смысла событія, какъ радости духовной о явленіи Спасителя міру? Еще сильнѣе мысль эта овладѣваетъ нами при особенности празднованья въ старину Рождества у разныхъ христіанскихъ народовъ, въ странахъ, гдѣ возникали государства на развалинахъ древней Римской Имперіи. строй ыта которой долженъ былъ несомнѣнно

отразиться въ условіяхъ жизни новыхъ обществъ; хотя бы и съ другими порядками, вызванными временемъ и мѣстомъ. У славянскихъ народовъ, какъ мы можемъ говорить уже съ убѣжденіемъ, — зимнія языческія празднества, совпадая съ концомъ декабря и началомъ января,—представляли аллегорическій смыслъ ожиданія замѣны зимы весною, выражая это въ видѣ борьбы начала мрака и смерти (зимы) съ началомъ добра и свѣта, успѣвавшимъ обмануть врага своего и избѣгнуть его кововъ посредствомъ превращеній. Они, кажется, и были главнымъ поводомъ введенія въ обряды праздничные переодѣваній, имѣющихъ первое мѣсто въ удовольствіяхъ святочныхъ, до нашего времени. Хотя христіанство приняли предки за тысячу лѣтъ, но во всѣ времена духовенство предписывало особенно избѣгать маскированья въ дни, посвященные воспоминанію явленія въ міръ вѣчной истины. Стало быть, у насъ, между *окручиваньемъ* себя (ряженьемъ) и самыми рождественскими праздничными вечерами (святками) существовала до христіанства на столько прочная связь, что церковь, зная о ней, ничего не могла подѣлать для ея разрыва и забвенія. Что-нибудь подобное нашему, могло быть и у другихъ народовъ Арійскаго происхожденія, древнѣе славянъ усвоившихъ себѣ цивилизацію съ ея порядками, дове-

денными до непреложности законнаго выполненія, даже въ мелочахъ. Такова была суровая цивилизація римскаго общества, на всѣ стороны быта наложившая ярмо обычаевъ, освященныхъ временемъ и затѣмъ буквально исполнявшихся на всемъ пространствѣ единственной въ тогдашнемъ мірѣ Имперіи-вселенской. У римлянъ, преданія поэтическія о замѣнѣ зимы весною, послѣ декабрьскаго солнцестоянія, выработались, съ учрежденіемъ январьскаго года, въ форму празднества *сатурналій*. Въ основѣ ихъ легла идея о золотомъ вѣкѣ человѣчества, когда всѣ земные жители были равно ублаготворены дарами природы, а ограниченность ихъ житейскихъ требованій давала возможность обходиться безъ пособія факторовъ, главное достоинство которыхъ заключается въ рѣдкости ихъ и трудности полученія. Рѣдкость и трудность пріобрѣтенія заставляютъ человѣка направлять силы свои и чужія, но находящіяся въ его распоряженіи, на удовлетвореніе минутнаго побужденія, забывая болѣе существенныя надобности. И вотъ, въ видахъ напоминать человѣку эту его слабость, доводящую до тяжелаго положенія и его и другихъ, — римскія Сатурналіи, въ воспоминаніе золотаго вѣка, предписывали отложеніе всякаго высокомѣрія особенно тѣмъ, кто въ обществѣ игралъ болѣе или менѣе видную роль.

Поэтому въ дни Сатурналій, для лучшаго представленія идеи общаго братства между людьми, самые рабы римскіе, — въ теченіе прочаго времени года несшіе тяжелую работу и испытывавшіе всевозможныя униженія отъ своихъ властителей,—обращались съ ними за панибрата, не несли обязанностей слугъ, а являлись членами семьи и получали ровную съ дѣтьми господина долю кушанья и лакомствъ. Въ дни Сатурналій, съ тою же цѣлью заявленія братской любви всему человѣчеству, выставлялись передъ домами столы съ угощеніемъ всѣхъ проходящихъ приглашали ѣсть и пить выставленное, даромъ. Извѣстный острякъ Лукіянъ въ статьѣ своей «Хроносолонъ» заставляетъ самого Сатурна, устами жреца своего Хроносолона (т. е. Солона — въ смыслѣ законодателя — празднества въ честь времени; хроносъ — время), пересказывать предписанія римскихъ Сатурналій въ его время. Трудно, впрочемъ, незамѣтить ироніи остроумца въ высказываніи предписаній, всего вѣроятнѣе далеко уже утратившихъ первоначальный смыслъ, когда цѣль съумѣла помирить цѣломудренныя идеи празднества Сатурна съ излишествами оргій вакханаліи, въ которую онѣ наконецъ и обратились. Это перерожденіе Сатурналій, празднованныхъ съ 17 декабря въ теченіе шести дней, — въ вакханаліи, уничтоженныя сперва декретомъ Се-

ната за 184 г. до Рождества Христова, — постепенно совершалось, между тѣмъ, съ паденіемъ общественной нравственности въ Римѣ, при цезаряхъ; приведя къ полному извращенію старыхъ понятій объ умѣренности и равноправности. На западѣ, гдѣ развратъ былъ въ большемъ объемѣ, чѣмъ на востокѣ, Сатурналіи,—въ основѣ не противныя ученію любви, требующей дѣлать другимъ то, что самъ себѣ желаешь,—нашли мѣсто и въ христіанскихъ обществахъ; разумѣется, по своему толковавшихъ и принимавшихъ идеи о возможности для человѣка счастія на землѣ, со всѣми въ мирѣ и благожелательствѣ. Такія основанія, наконецъ, подходили всего ближе къ совпадающему съ ними празднованію Рождества земнаго освободителя душъ человѣческихъ отъ рабства плоти. Такъ что сперва не было и резона возставать противъ вошедшаго въ жизнь народа обычая, основаннаго на подобныхъ началахъ. И христіанскіе императоры востока, — какъ видно изъ примѣра Юстиніана, въ продолженіи святыхъ дней праздниковъ Рождества Христова (въ 557 г. нашей эры составлявшіе уже циклъ 12 дней, освобождающихъ отъ работъ и службъ общественныхъ) — раздавали деньги нищимъ. Расчетливый Юстиніанъ на этотъ предметъ назначилъ (557 г.) экономію отъ упраздненія стола для спальниковъ своихъ

во дворцѣ. Удовольствія стола, разумѣется, у получавшихъ императорскую милостыню каждый день въ святки, были достигаемы вполнѣ, съ приличными возліяніями, возбуждая веселыя воспоминанія о старинныхъ, всѣмъ памятныхъ, Сатурналіяхъ.

Мы сказали уже, что Сатурналіи въ рабахъ римскихъ недавали погаснуть идеѣ человѣческаго равенства съ господами ихъ, садившимися съ ними за одинъ столъ и, даже, прислуживавшими постояннымъ слугамъ своимъ, изліянія радости которыхъ не могли проходить, при сознаваніи безнаказанности въ это время—безъ проказъ. Бѣдняки позволяли себѣ разнаго рода вольности: они пачкали себя и другихъ, кого удавалось, сажей и другою дрянью; обливали и обливались водой и, даже, ставили себѣ фантастическихъ владыкъ, на время празднества.

Всѣ эти особенности Сатурналій, въ средніе вѣка на западѣ Европы, на рождественскихъ праздникахъ продѣлывались разгулявшимся низшимъ церковнымъ клиромъ, къ стыду человѣчества, считавшаго себя зрячимъ между слѣпцами, — даже въ храмахъ.

Храмы же на западѣ и востокѣ въ средніе вѣка допускали, подъ именемъ тайнодѣйствій (Mysteria) представленія въ лицахъ повѣствованій ветхаго и новаго завѣта, между которыми Рождество Христово зани-

мало едва-ли не первое мѣсто, послуживъ основою духовныхъ драмъ.

Начались они, разумѣется, съ самаго простаго діалога, выработаннаго изъ парафраза Евангелія. Почти такимъ на самомъ дѣлѣ оказывается «*служба* волхвовъ» (Officium Magorum) и «чинъ Рахили» (Ordo Rachelis) по стариннымъ рукописямъ нѣмецкихъ библіотекъ. Въ «волхвахъ» дѣйствіе начинается открытіемъ совѣта царя Ирода въ то время когда ангелъ является пастухами и говоритъ имъ:

Пастыри! Я вамъ вѣщаю великую радость.

Пастухи

«Пойдемъ въ Вифлеемъ и посмотримъ на божію благость».

Ангелъ.

Слава въ Вышнихъ Богу и на земли миръ къ человѣкамъ благоволеніе:
На радость міру, Спасово рожденіе.

Волхвъ (1-й изъ трехъ), выступая впередъ, говоритъ

«Звѣзда необычно блеститъ и горитъ».

Волхвъ (2 й)

«Рожденье Царя намъ сулитъ».

Волхвъ (3-й)

Приходъ его древле пророки вѣщали
И тоже звѣзду обѣщали.

Волхвы (всѣ 3-ое) *обращаясь къ Іерусалимскимъ гражданамъ.*

Итакъ, трое всѣ мы усердно васъ просимъ
Дары Христу первые мы съ собой носимъ

Золото, ладонъ и смирну въ служенье
Богъ онъ, но плотью одѣянъ живою
Да совершитъ отъ грѣха искупленье
Чистою кровью своею.
Сила знаменій ужъ нынѣ должна повершиться,
Мы путь свой держимъ: ему поклониться?

Прибѣгаетъ къ царю Ироду вѣстникъ и говоритъ ему:

Здравствуй Царь Іудейскій.
Король Фарисейскій.

Царь.

Какія принесъ вѣсти
Нашей державной чести?

Вѣстникъ.

Здѣсь, государь, три мужа, съ востока идутъ поклониться.
Царю, что межъ нами, здѣсь долженъ теперь народиться

Царь.

Повелѣваю тебѣ, какъ можно скорѣе,
Провѣдать въ чемъ дѣло точнѣе?

Вѣстникъ (волхвамъ)

Что за причина заставила васъ отправляться?
Путемъ не знакомымъ слоняться?

Волхвы.

Мы—халдеи, миръ несемъ міру земному
Ищемъ царя царей, долго и все по пустому;
О рожденьи его намъ звѣзда возвѣщаетъ
Что свѣтомъ особымъ всѣхъ больше сіяетъ

Царь (1-му волхву)

Ты крайній, намъ отвѣчай, въ свой чередъ
Какой ты земли и какой вашъ народъ?

Волхвъ 1-й (Царю).

Въ Халдеѣ на востокѣ я повелѣваю
И раньше всѣхъ Царя Христа знаю.

Царь (2-му волхву).

Ты откуда пришелъ, мнѣ теперь говори,
Въ правду ли всѣ вы Цари!

2-й Волхвъ (Царю).

Сторона моя Тарсъ, мы честимъ Зороастра,
Откуда къ вамъ идутъ грузы алавастра.

Царь (3-му волхву).

Ты откуда третій, пришелъ, говори
Такъ, во истину, всѣ вы Цари?

3-й Волхвъ (Царю).

Народъ мой Арабы, мнѣ внемлятъ
Съ земель христіанскихъ оброкъ они емлятъ.

Царь (обращаясь къ совѣту).

Волхвы-Цари, это вы знайте.
Къ младенцу немедля ступайте
Отвѣтъ намъ скорѣе подайте!
Спѣшите сюда воротиться:
И самъ я пойду поклониться.

Волхвы (глядя на звѣзду, говорятъ)

«Вотъ звѣзда, на востокѣ что прежде сіяла
«И въ пути насъ, какъ здѣсь, вездѣ предваряла!»
(Обращаясь къ пастухамъ):

«Пастыри, зрѣли что вы, намъ скажите не скрыто?

Пастухи.

«Младенца мы видѣли, пеленой обвита».

Ангелъ (одинъ изъ пастуховъ).

«Кто тѣ, что пришли звѣздою вождены»
«Принесли дары младенцу безцѣнны?»

Волхвы.

Мы, которыхъ вы видите здѣсь предъ собою
«Цари надъ Фарсисомъ, Сабой, Аравской землею
«Дары принесли Христу по рожденіи
«Поклониться пришли, звѣзды при вожденіи.

Бабка повитуха.

«Вотъ младенецъ, кого вы искали
«Нынѣ молитесь: предъ нимъ, здѣсь, вы стали
«Самъ онъ есть міра спаситель.

Волхвы (входя говорятъ).

«Здоровъ будь вѣковъ повелитель.

Первый волхвъ.

«Прими, царь, злато, тебѣ подлежащее».

Второй волхвъ.

«Истинный Богъ, пріими благовонья курящія».

Третій волхвъ.

«И смирну, къ погребенію достоящую».

Ангелъ (къ простертымъ передъ Христомъ волхвамъ).

«Возвѣщенное пророками все совершилось»,
«Возьмите другой путь къ возврату, чтобы не случилось
«За поклоненіе здѣсь понесть отъ царя наказанье
«Иль совершить грѣхъ Господня преданья».

Волхвы (возвращаются на востокъ).

Вѣстникъ (Ироду).

«Ты, государь, посмѣянію преданъ волхвами
«Возвращаются они иными путями».

Царь (вскрикиваетъ).

Жаръ гнѣва моего разгромомъ потушу!...

Оруженосецъ (въ отвѣтъ царю)

«Вели мечь обнажить, на месть я поспѣшу»!

Царь (вынувъ мечь и подавая его оруженосцу)

Оруженосецъ мой, съ мечемъ моимъ ступай
Имъ мальчиковъ вездѣ невинныхъ поражай!

На этомъ оканчивается собственно «служба волхвовъ», какъ видятъ читатели, недалеко отступающая отъ текста исторіи, за исключеніемъ ввода оруженосца-подсказывателя и не нужной собственно повитухи, въ лицѣ которой думали, судя по фразамъ, вложеннымъ ей въ уста—выставить Анну Пророчицу. Такъ ее и слѣдуетъ назвать, не пускаясь въ апокрафическія толкованія, нарушающія цѣльность представленія и характеръ строго историческій. Повѣствованіе о явленіи въ міръ искупителя «въ рабіемъ зракѣ» не исчерпывалось, впрочемъ, въ среднемъ вѣкѣ образнымъ представленіемъ эпизода волхвовъ, нами приведеннаго. Дополненіемъ, необходимымъ къ нему, служитъ еще, какъ мы выше замѣтили — «Чинъ или послѣдованіе (Ordo Rachelis) Рахили»; вѣроятно, потому получившее наименованіе *чина*, что дѣйствіе изъ парафраза-текста прерывается молитвенными возгласами. Чинъ этотъ написанъ латинскими стихами, по сложенію близкими къ церковнымъ гимнамъ запада, и еще болѣе, разумѣется, по этому самому, примѣненъ къ выполненію во храмѣ. Нача-

ло этого чина близко сходится, однако, съ приведенною службою о волхвахъ, только (безъ совѣта Иродова на сценѣ) прямо дѣлается заявленіе Ангела—пастырямъ.

«Я, пастыри, вамъ Рождество возвѣщаю
«Того, кто самъ пастырь, и агнецъ овецъ искупить
«Явился младенцемъ изъ свѣтлаго раю
«Обвитъ пеленою, красу всему міру явить.
«Слава царей, на соломѣ покоится въ ясляхъ ослиныхъ!
«Вы въ Вифлеемѣ найдете питателя жизни глаголомъ
«Въ пріютѣ безъ крова. Матерь, да старецъ въ сѣдинахъ
«Стражу почетную держатъ при свѣтѣ томъ новомъ»

Ангелы поютъ «Слава въ вышнихъ Богу»

Пастухи.

«Кто слыхалъ подобное диво отъ вѣка?
«Съ чудесами пришествіе въ міръ человѣка!
«Пойдемъ въ Вифлеемъ, подивиться такому обряду
«Разузнать, что тамъ было, поряду!
(подойдя къ хлѣву, говорятъ):
Царь небесъ, кому служатъ безплотныя силы
Въ хлѣвъ заключился, хотя держитъ все въ своей волѣ
Ничтожны предъ нимъ всѣ великія міра свѣтилы
И насъ поклониться призвалъ смиренныхъ всѣхъ болѣ!

Хоръ.

Что же вы пастыри зрѣли?

Пастухи.

Младенца повитаго видѣли, безъ колыбели.

Ангелъ (почти спящему Іосифу).

Іосифъ, Іосифъ, скорѣе возстань
Возникаетъ съ рожденнымъ на брань
Князь міра: дитя, его матерь въ Египетъ увезть
Спѣши, зане гибель младенцамъ всѣмъ здѣсь!
Когда же минуетъ коварства и зла того часъ,
Царь больше не будетъ,—Господь тогда вызоветъ васъ.

Іосифъ, поднимаясь съ постели, говоритъ Маріи:

Что нѣкогда голосъ пророка вѣщалъ
Мнѣ ангельскій зовъ прозвучалъ
Въ Египетъ войдетъ міра свѣтъ, какъ Господь
На облакѣ легкомъ лежа,—воспріявъ нашу плоть,
Чтобъ идоловъ область на вѣкъ упразднить
Спасеніе людямъ явить!
Марія, насъ съ родины Ангелъ за тѣмъ отзываетъ,
Что царь раздраженный убить здѣсь младенца желаетъ.

Марія (къ Іосифу)

Носить тяготу въ этомъ мірѣ мы всѣ рождены
Опасности бѣгать для чада мы паче должны
Какъ мать, я готова... иду,
Тебя имѣть спутникомъ жду.

Іосифъ (идя въ Египетъ, поетъ):

Египетъ, не плачь, мы несемъ тебѣ свѣтъ
Спаситель онъ самъ отъ всѣхъ бѣдъ.

Вѣстникъ (подходя къ царю произноситъ привѣтствіе).

Живъ царь, во вѣки ты буди
Счастьемъ дари свои люди!

Царь (вѣстнику):

Что твои вѣсти несутъ,
Покой или гибель дадутъ?

Вѣстникъ (Царю):

Тѣ цари, что въ упованьѣ
Шли Христа искать, познанья
О младенцѣ не дадутъ:
Измѣнили путь, чтобъ слова
Не исполнить имъ царева.
Люди ихъ ужъ не найдутъ!
Самъ рѣшай, что дѣлать должно
Воротить ихъ невозможно.

Царь (вѣстнику):

Новый царь пускай погибнетъ
До того нашъ гнѣвъ не стихнетъ
Пустимъ мы насилье въ ходъ
Злобѣ хитрость мечь даетъ.

Вѣстникъ (царю):

По слову пророковъ Христу въ Вифлеемѣ родиться
Младенцевъ тамъ всѣхъ перебить тебѣ должно рѣшиться
Когда неизбѣгнетъ изъ нихъ не одинъ,
Погибнетъ и тотъ—властелинъ!

Царь (вскакивая съ мѣста, поетъ):

Такъ, вѣрно, обманутый злыми волхвами,
Я гнѣвъ свой залью лишь убійствомъ... кровями.

Оруженосецъ (вторя царю, поетъ):

На то я и воинъ царевъ,
Что мечь мой на мщенье готовъ.
На всякую злобу я съ нимъ
Велѣньемъ направленъ твоимъ.
Владыкъ гнѣвъ не прежде уймется,
Какъ кровь струей яркой прольется.
(Убивая младенцевъ, говоритъ):
Дитя, умирать не пугайся
Съ безпутною жизнью не знайся!

Ангелъ (издали поетъ):

Христосъ удаленъ невредимъ
Безсильна ужъ злоба надъ нимъ,
Невинныхъ вамъ въ рай посылать
Дано, чтобъ слѣдовъ не сыскать.

Хоръ (поетъ):

Иродъ, нечестивый въ страхѣ
Предъ Христомъ рожденнымъ въ прахѣ
День рожденья ты клянешь...
За дѣтей возмездья ждешь!

Рахиль (Оплакивая убіенныхъ дѣтей, говоритъ):

О горе! смѣнилася смертной тоской
Радость отцовъ съ матерями... Слезой
Прахъ милыхъ чадъ омываютъ они...
Тяжки кровавые дни!
Мечъ кровопійцы на части тѣла ваши рубитъ!.
Темную душу царь Иродъ нечестіемъ губитъ,
Вы же невинные роемъ влетаете въ рай
Гдѣ вамъ Создатель готовитъ блаженствъ черезъ край.
Горе родительницъ люто: убійство васъ зрѣть
И съ вами несмѣть умереть!

Утѣшительница (церковь), въ заключеніе, обращается къ Рахили и велитъ ей утереть слезы и восхвалить Господа за испытанія, посылаемыя людямъ для очищенія неправды жизненной — благодушнымъ перенесеніемъ горя, для стяжанія царства небеснаго.

Трудно представить себѣ намъ даже, чтобы кровавая трагедія убійства невинныхъ,— воспоминанію о которомъ посвящаетъ церковь четвертый день Рождества Христова,— могла въ чьей нибудь головѣ совмѣститься съ идеею самаго буйнаго разгула и чтобы празднованіе въ честь *невинныхъ* совпадало въ Европѣ, въ теченіи пяти столѣтій, съ праздникомъ дурачества? Между тѣмъ, факты несомнѣнной точности удостовѣряютъ насъ въ томъ, что даже въ X вѣкѣ въ Константинополѣ, клиръ получилъ трудно объяснимую поблажку высшей духовной власти, допустившей безобразную смѣсь древнихъ сатурналій съ обрядами господствую-

щей религіи, подъ именемъ *праздника дураковъ.* Мы разумѣемъ изъ ряда этихъ церемоній—вѣковой обычай выбора нижним клириками дурацкаго предстоятеля, наряжаемаго іерархомъ и на время шутовскаго праздника отправлявшаго службу. Кедринъ (Historiarum, 639) приписываетъ эту поблажку патріарху Өеофилакту; на западѣ же въ это время и ранѣе, подобный обычай былъ повсемѣстенъ. Допускали этотъ разгулъ чтецовъ и клириковъ изъ добродушнаго снисхожденіе къ слабости человѣческой, не придавая самому дѣйствію большаго значенія. Межъу тымъ, по ходу дѣла видно, что, ставя евоего избраннаго въ номинальиые іерархи, клирики позволяли себѣ въ церкви разнаго рода безчинства, а именно: прерывали чинъ служенія произношеніемъ шутовскихъ возгласовъ, служили вмѣсто обѣдни Богъ знаетъ что, выходили въ процессіи на улицы, ведя себя не лучше, чѣмъ въ храмѣ,пу своего номинальнаго епископа, или п е-одѣвали въ полное облаченіе и давалиему, священно-дѣйствовать и, даже, *преподавать* вѣрнымъ *благословеніе.* Прибавимъ къ этому, что разыгрываніе такой комедіи было съ полною профанаціею и храма и таинства: члены шутовскаго *общества праздничныхъ* (дураковъ), занимая мѣсто въ служеніи, одѣты были въ шутовскіе костюмы и даже въ дамское платье; имѣли на лицахъ маски смѣш-

ныя и являлись съ лицами, перепачканными сажей, да красочными порошками. Нужно ли прибавлять, что пляска и безчинныя пѣсни на голосъ церковныхъ, оказывались тутъ вполнѣ подходящими явленіями?

Опредѣленія помѣстныхъ соборовъ во Франціи начинаютъ, прежде всего, возставать противъ употребленія епископскихъ облаченій на подобныхъ праздникахъ и церемоніяхъ. А первая изъ подобныхъ запретительныхъ регламентацій состоялась на Парижскомъ соборѣ 1212 года, гдѣ, между прочимъ, говорилось о запрещеніи принимать участіе въ праздникѣ дураковъ монахамъ и монахинямъ. Между тѣмъ еще въ 1620 году, на помѣстномъ Бордосскомъ соборѣ потребовалось подтвержденіе запрета въ церквахъ пляски во время отправленія Festum fatuorum,—что лучше всякихъ комментарій доказываетъ живучесть подобнаго рода безпорядка во Франціи. Отлученіе отъ церкви за участіе въ подобныхъ процессіяхъ не дѣйствовало, и,—къ стыду вѣка возрожденія— эти церемоніи происходили даже на кладбищахъ. Впрочемъ, въ это время и изъ мистерій—въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ образцовъ ихъ, уже
шихъ парафразомъ Евангелія,—вышли фор-
тогда представленія болѣе циничныя, въ быв-
махъ, не имѣвшихъ мѣста уже въ храмахъ,

гдѣ продолжали ихъ давать во время праздниковъ, послѣ обѣдни.

Италія вела себя въ этомъ отношеніи сдержаннѣе и тамъ представленія сцены въ лицахъ живыхъ, или въ изваянныхъ фигурахъ, облеченныхъ въ соотвѣтственные костюмы,— были въ церквахъ въ родѣ выставокъ безъ словъ; только съ приличнымъ пѣніемъ хора или музыкою органа. Или же устраивали въ самой церкви, если не на паперти ея, – ясли; клали въ нихъ живаго ребенка (а если не находилось его—восковое изображеніе); около яслей ставили вола и осла (тоже иногда декораціи, рѣзныя или писанныя) и весь полъ церкви устилали соломою. Къ яслямъ подходили клирики въ бѣлыхъ мантіяхъ, съ подвязанными, пестро размалеванными, крыльями. Представляя ангеловъ, они пѣли: «Christus natus est pro nobis (Христосъ родился намъ)... Да и эти угожденія народному вкусу и духу времени,ранѣе начали стушевываться, чѣмъ въ другихъ странахъ запада, особенно сѣверныхъ; кромѣ, разумѣется, протестантскихъ,—гдѣ всякая обрядность, такъ любимая католиками съ самаго начала отсѣкалась какъ недостойная величія церкви внѣшняя прикраса.

Договоримъ, однако, о Fastum Fatuorum и его видоизмѣненіяхъ, въ послѣдующіе вѣка.

Изъ тщательнаго наблюденія надъ сущностью шутовскихъ выходокъ праздника ду-

раковъ лучшаго его времени, оказывается, что пѣснопѣнія совершались при этомъ въ честь *осла*, везшаго Пресвятую Дѣву Марію съ младенцемъ Іисусомъ въ Египетъ, или животнаго, привезшаго дары новорожденному, въ свитѣ волхвовъ. Похвальная пѣснь ослу съ припѣвомъ, гдѣ звуками старались подражать крику животнаго, полна намековъ на эти двѣ заслуги превозносимаго субъекта въ его обычныхъ отправленіяхъ. По выполненіи пѣсни слѣдовало чтеніе главы изъ книги и священники произносили «Боже въ помощь мою вонми!» Историки Fastu fatuorum наивно приписываютъ служеніе младшихъ клириковъ—праздничному отдохновенію старшихъ и невозможности съ ихъ стороны, будто-бы, войти для отправленія своей обязанности. Да, даже, что подобныя невозможности, будто, слѣдовали обычно и въ другіе большіе праздники за вечернею? Дѣйствительно, *въ осьмомъ часу* дня, т. е. передъ вечернею, начинали fatui свои проказы подъ именемъ служенія, продолжая ихъ непрерывно въ теченіи четырехъ дней! И это называлось *декабрьскою льготою*! Дижонскій парламентъ положилъ конецъ разгулу клириковъ, декретомъ 19 января 1552 года. Между прочимъ, въ этомъ же Дижонѣ было шутливое общество «мать глупость» (Mere-folie), учрежденное герцогомъ Филиппомъ Добрымъ, въ 1483 г., изъ офицеровъ его гвардіи Ви-

доизмѣненія его уже, или, лучше сказать, среднее между праздникомъ дураковъ и матерью дурью, общество «говоруна аббата» (L'abbé cornard), взялъ въ основу Петръ I, при учрежденіи своего шутѣйшаго собора.

И царь Петръ, и почтенная компанія *сытыхъ дьяконовъ* начинали зимнія свои дѣйствія съ рождественскаго славленья; потому мы всѣхъ ихъ и вспоминаемъ, говоря о рождественскихъ праздникахъ въ старинной Европѣ.

Святки въ городѣ и деревнѣ.

(Къ современнымъ сценамъ быта).

Двѣ общія черты характера святокъ еще у насъ не совсѣмъ потерялись; по крайней мѣрѣ, гдѣ есть молодыя женщины и дѣвушки. Черты эти—гаданья и наряжанья, обращенныя, впрочемъ, въ игры и шутки,—потеряли значеніе, приводившее въ трепетъ въ старину.

Въ сколькихъ городахъ еще у насъ будутъ на этотъ разъ *хоронить золото* и пѣть прочія *подблюдныя пѣсни*, мы затрудняемся перечислять, но что будетъ это дѣлаться, твердо въ томъ увѣрены. Положимъ, въ столицахъ, годъ отъ году, меньше и меньше домовъ, гдѣ, вѣрные старымъ привычкамъ, семейные люди продолжаютъ повторять забавы, веселившія съ дѣтства ихъ самихъ, также, какъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Это, по

преимуществу, дома купеческіе. Семьи купеческія чаще всего заключаютъ по нѣскольку невѣстъ, дѣвушекъ на возрастѣ; у нихъ есть подружки, однихъ лѣтъ. Вся эта молодежь собирается и первымъ дѣломъ принимается, на святкахъ, за гаданья о суженномъ, затѣвая подблюдныя пѣсни. Этихъ пѣсень собственно *тридцать шесть*. Потерявъ большую часть своего внутренняго смысла, болѣе глубокаго, чѣмъ казалось бы съ перваго взгляда, онѣ теперь служатъ пиѳическими отвѣтами на вопросъ о замужествѣ, для гадающихъ дѣвушекъ имѣющій интересъ новости и заманчивости.

Мы первую пѣсню, хотя съ нея и начинается собственно пѣніе подблюдныхъ пѣсѣнь, считаемъ ничѣмъ инымъ, какъ *славословіемъ владыкѣ дому*, чѣмъ начинались всѣ старинныя символическія пѣснопѣнія. По этому, другаго, гадательнаго болѣе или менѣе значенія, не имѣютъ для насъ слова:

Слава Богу на небѣ
Государю нашему на сей землѣ;
Чтобъ ему, государю, не стариться,
Его цвѣтному платью не снашиваться,
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.

Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что государемъ съ именемъ и отчествомъ называли всякаго, кому пѣли пѣсню, и теперь поютъ на свадьбахъ. Только Прачу, издателю

при Екатеринѣ II русскихъ пѣсень съ нотами, при его незнаніи нашихъ обычаевъ, а главное—языка, пришло въ голову находить въ началѣ похвалъ подблюдныхъ прямое, оффиціальное, этикетное обращеніе къ предержащей власти. Сахаровъ, въ «пѣсняхъ русскаго народа», этому вступленію въ подблюдныя пѣсни также придавалъ подобное значеніе, вклеивъ даже стихи, по нашему мнѣнію, сюда не идущіе:

«Чтобы правда *была* (на Руси) (?)
«Краше солнца *свѣтла*
«Чтобъ царева золота казна
«Была вѣкъ полнымъ полна;
«Чтобъ большимъ то рѣкамъ
«Слава неслась до моря,
«Малымъ рѣчкамъ до мельницы».

Можетъ эти слова, въ какой нибудь патріотической русской пьесѣ тридцатыхъ годовъ, на сценѣ, имѣли мѣсто, выдаваясь за народный мотивъ и подблюдный даже, не споримъ; но они не вяжутся съ окончаніемъ, гдѣ прямо говорится:

«А эту пѣсню мы *хлѣбу поемъ.*

Хлѣбъ соль же—принималась только въ значеніи гостепріимства хозяйскаго, а никакъ ни въ какомъ другомъ значеніи. Да и высказавъ содержаніе пѣсни, пѣтой хлѣбу, въ заключеніе повторялось опять:

Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Старымъ людямъ на утѣшенье,
Добрымъ людямъ на услышанье.

Слѣдующіе 36 составляютъ *варіантъ* одной и той же иносказательной рѣчи объ устройствѣ брачнаго сочетанія съ эпизодами обряднаго отправленія свадьбы. Въ этомъ значеніи порядокъ и дѣйствительно послѣдователенъ. Начинаются эти (теперь называемыя *подблюдными* пѣснями) поэтическія иносказанія выраженіемъ *неизвѣстности судьбы невѣсты*.

Катилося зерно по бархату;
Еще ли то зерно бурмитское.

Мы уже сказали, что, по нашему мнѣнію, все это части одной иносказательной поэтической картины соединенія двухъ сердецъ для жизни на любовь и радость; поэтому заключительные стихи, прямо переходящіе на уподобленіе жениха съ невѣстою,—какъ и во всѣхъ прочихъ теперешнихъ подблюдныхъ пѣсняхъ,—не должны идти въ расчетъ единичнаго значенія каждаго образа, подтверждая собою идею о связи и цѣли цѣлаго представленія иносказательныхъ рѣченій.

Отъ неизвѣстности—переходъ къ *гаданью о судьбѣ*. Кузнецъ на иносказательномъ языкѣ вездѣ представляетъ синонимъ судьбы и, удары молота, которымъ сковываетъ онъ волосы—жребій жизни человѣческой,—разумѣется даютъ большее значеніе внутреннему смыслу всего эпизода. Гаданіе начинается съ желанія блестящаго будущаго для молодаго созданія, поэтому такая оцѣнка съ виду простой одежды кузнеца, уже выра-

жаетъ полное довольство грядущимъ; за удовлетвореніемъ же матеріальнаго достатка, санкціонированныя условія—кованье вѣнца и перстня. Слова 5 (4-й) подблюдной пѣсни:

«Еще ходитъ Иванъ по погребу,
«Еще *ищетъ* Иванъ не полнаго,
«Что не полнаго, *непокрытаго*.

бьютъ прямо на выборъ женихомъ невѣсты, покрываемой передъ вѣнцомъ; безъ хозяйки не полонъ домъ!

Та же идея яснѣе приведена въ слѣдующихъ трехъ мотивахъ.

Летитъ соколъ изъ улицы,
«Голубушка изъ другой.

«Скачетъ груздочекъ по ельничку,
«Ищетъ груздочекъ бѣляночку».

«Ужъ какъ вышло пузище на рѣпище».

Послѣдній мотивъ, — разумѣется, комическій,—уже представляетъ исканіе невѣсты человѣкомъ въ годахъ, тогда какъ два первые относятся къ партіямъ, равнымъ лѣтами. Комическій мотивъ между тѣмъ сопровождается двумя, имѣющими прямое примѣненіе къ богатству и жизни достаточной. Эти мотивы:

«Растворю я квашенку на донышкѣ,
«Я покрою квашенку чернымъ соболемъ».

ную, хотя всѣ были объ избранницѣ не лестнаго мнѣнія.

Варіантомъ того же содержанія должна считаться (27) (26) пѣсня:

«Курочка погребушечка
«Греблася она на заваленкѣ.
«Еще выгребла да золотъ перстень».

Здѣсь, впрочемъ, нѣтъ комизма, а скорѣе желаніе выставить скромность дѣвушки.

Подарки обыкновенно получались отъ невѣсты послѣ угощенія. На это намекаетъ «Жемчужина окатная», которой пора катиться «Князьямъ и боярамъ» (т. е. поѣзжанымъ жениховымъ) *на шапочку*.

Тоже выражаютъ и слова:

«Ты взгляни мати въ окошечко,
«Выкинь мати опушечку».

Зазывъ жениха къ невѣстѣ приводятъ слова:

«Стоятъ сани снаряженныя».
и «Саночки самокаточки».

а ублаженья невѣсты женихомъ до свадьбы (21) (20) пѣсня:

«Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку
«Въ печурку спать,
«У меня у кота есть сткляница вина
«Сткляница вина и кусокъ пирога
«У меня у кота и постеля мягка».

Угожденія поѣзжанныхъ жениху, по обычаю, выражаются словами:

«Около тычинки серебряной».

А думамъ невѣсты объ оставленіи семьи родной, при замужествѣ, — посвящены два припѣва:

«Покачу я колечко кругомъ города,
«А за тѣмъ колечкомъ и сама пойду».

Да

«Ласточка, касаточка,
«Не вей гнѣзда въ высокомъ терему».

Варіантомъ можетъ служить и двустишіе:

«Ахъ ты гнутое деревцо черемушка.
«Куда склонишься, туда и сломишься».

Впрочемъ, припѣвъ этотъ кажется намъ искаженнымъ и утратившимъ заключительную мысль.

Послѣднимъ актомъ свадебнаго обряднаго чиновника былъ свадебный пиръ, который выражается въ словахъ подблюдной пѣсни:

«Ужъ какъ на небѣ было двѣ радуги,
«У богатаго мужика двѣ радости».

Свадьба самая, какъ торжество въ VIXI вѣкѣ, вездѣ называлась иносказательно-оффиціально *радостью*, разумѣя пировое веселье гостей, въ соединеніи съ понятіемъ о личномъ удовольствіи пары.

Слѣдующія же за этою пѣснею подблюдныя мелодіи, однѣ собственно представляютъ отвѣты на загадыванье свадьбы дѣвушкою, для которой вопросъ о замужествѣ представляется облеченнымъ въ полную неизвѣстность грядущаго.

Въ смыслѣ семи послѣднихъ подблюдныхъ пѣсень, дѣйствительно находятся прямые отвѣты на обстоятельства, поднимающія сколько нибудь завѣсу брачной будущности. Въ словахъ:

«Медвѣдь пыхтунъ
«По рѣкѣ плыветъ (31).

высказывалась судьба быть за пожилымъ Впрочемъ, порядокъ этихъ сивиллинскихъ прорѣченій, по всей вѣроятности начинался пѣснею:

«Подойду млада къ вереюшкѣ,
«Брякну млада во колечушко,
«Какъ колечко скажется
«Такъ суженый откликнется».

Здѣсь ясно поставленъ общій вопросъ: быть ли замужемъ въ наступающемъ году? Отвѣты оракула принимались вѣдь на одинъ наступающій годъ, а не дольше; поэтому, намъ кажется, тотъ первый вопросъ, съ котораго должны начинаться прорицанія, уже частныя, каковы условія уже ожидаемой

доли, при положительномъ отвѣтѣ, что устройство судьбы не далеко:

«Сидитъ воробей на перегородѣ,
«Глядитъ воробей на чужу сторону».

Пѣсня эта принималась въ смыслѣ выдачи дѣвушки въ другое селеніе или совсѣмъ въ даль отъ родныхъ. Тогда какъ совершеннымъ отрицаніемъ, или, что тоже — неосуществленіемъ въ наступающемъ году желанія загадывающей о замужествѣ, — была пѣсня:

«За столомъ я сижу
«И на чашу гляжу,
«Пятерней въ ней вожу
«Все кольца ищу».

Упорное отыскиваніе въ покрытой чашѣ жеребьеваго перстня, уже намекаетъ на безполезный уловъ въ сѣть — избранника. Неопредѣленность же вслѣдствіе долгихъ несоглашеній въ статьяхъ рядной записи, когда дѣло не стояло за женихомъ, а за родителями невѣсты, — выражаетъ текстъ пѣсни 35 (34).

«Какъ бѣжитъ боберъ за куницей,
«Бѣжитъ, онъ бѣжитъ, да къ себѣ манитъ»,

То же заискиваніе со стороны жениха при неподатливости родныхъ невѣсты, наконецъ соглашающихся на всѣ условія обоюднаго соглашенія, выразилось въ двустишіи:

«Рылся кочетокъ на заваленкѣ,
«Вырылъ кочетокъ жемчужинку».

Этими словами опредѣлялось еще положеніе взятія зятя въ домъ тестя. А добрыя качества зятя или выгодность для родителей партіи, сдѣланной сыномъ, выразились въ заключительной подблюдной пѣснѣ:

«Катилися одонья ржи,
«Прикатилися къ чужой избы.
«Кому будутъ одонья, тому добро».

Высказанный нами общій характеръ подблюдныхъ пѣсень, пріурочивающій ихъ, между тѣмъ, исключительно къ святкамъ, доказываетъ только, что святочные вечера какъ разъ приходились въ году къ той порѣ, когда начинались толки о свадьбахъ; больше всего, какъ и теперь дѣлается, играемыхъ въ мясоѣдъ передъ масляницею.

Собственно же характеръ гаданій святочныхъ былъ не тотъ, а заключалъ выспрашиванье у судьбы ея кары или милостей, въ періодъ надежды на возвратъ къ лѣту солнца—успѣвавшаго избавиться отъ всѣхъ преслѣдованій темной силы—зимы (что и выражалось, въ подражаніе превращеніямъ солнца, *въ окручиваньѣ* — ряженьѣ).

Говоря въ прошлыхъ годахъ о святкахъ и разнообразныхъ удовольствіяхъ во время ихъ, мы коснулись уже способовъ гаданія: оловолитія, восколитія и замѣчанія прибыли

и убыли воды. Теперь, для полноты нашего очерка, мы хотимъ поговорить о концѣ святокъ, т. е. о январскихъ первыхъ дняхъ. Тутъ дѣлается въ видѣ предохраненія отъ болѣзней — «смыванье *лихоманокъ* (лихорадокъ) *съ притолки дверей*, 2-го января, на зарѣ, а въ самый новый годъ—загадыванье объ урожаѣ; въ *Васильевъ день*, — вечеромъ, думали предки, что всѣ гаданія сбываются.

Посмотримъ же, что и какъ гадали они въ первый день нашего новаго года.

Справляли авсень—таусень: варили кашу, засѣвали зерна и ходили по домамъ.

Что такое *Авсенъ*—мы теперь еще непонимаемъ; хотя трудно усумниться въ его аллегорическомъ значеніи, призыва плодородія въ лицѣ производящей силы, солнца. По *кашѣ*: съ примѣтами, какъ она сварилась, шло разгадыванье о благополучіи въ домѣ въ наступающій годъ. Вѣроятно, приготовленіе любимой русской пищи, *каши*, входило тоже въ обряды благодѣтельнаго *авсеня*. Трудно неусмотрѣть прямой аналогіи между пареньемъ зеренъ въ горшкѣ и спѣяньемъ ихъ для ростка подъ теплымъ покровомъ общей кормилицы,—земли. А въ Васильевъ день въ разныхъ мѣстностяхъ ходятъ на занесенную снѣгомъ ниву и дѣти разбрасываютъ зерна яроваго хлѣба съ приговоркою:

«Уроди Боже всякаго жита по закрому, по закрому да по большому: стало бы жита

на весь міръ крещеный!» Старшая женщина въ домѣ сбираетъ разбросанныя зерна въ полу и хранитъ ихъ до посѣва.

Вечеромъ въ новый годъ (на Васильевъ вечеръ) ходятъ по домамъ (въ Костромской и Рязанской, по крайней мѣрѣ, губерніяхъ) толпами, *просить пироговъ* и *свиныя ноги*, которыхъ много варятъ для этого. Становятся просители и просительницы подъ окошкомъ и переговариваютъ: «Свинку да воровка подай для Васильева вечерка», или— «бросай кошку за ножку въ верхнее окошко».

На утро до зари идетъ *смыванье* лихоманки. Нужно для этого, чтобы никто не видалъ изъ мужчинъ самаго смыванья, сосершаемаго четвертовою солью, золой изъ беми печей и землянымъ уголькомъ, выкапываемымъ на Ивановъ день изъ подъ чернобыльника. Обмывальщицъ этимъ снадобьемъ встрѣчаетъ старшая въ домѣ женщина словами: «добро пожаловать!» А когда смыванье притолки кончится и вытретъ ее смывальщица третьимъ полотенцемъ на сухо,— слѣдуетъ угощенье и подарокъ прогонительницѣ лихоманки.

Вечера святочные (до 4 января) проводятся въ гаданьяхъ. На другой день новаго года дѣвушки, провожая подругу до дому съ вечеринки, не должны ни за что входить съ нею въ избу, не смотря на то, что мать и приглашала бы ихъ, усиленно, войти. На

третій день новаго года обыкновенно происходило отчитыванье *кажениковъ*—меланхоликовъ, которыхъ задумчивость относилась къ потемнѣнію разсудка у нихъ встрѣчею съ лѣшимъ. Мнимое *потемнѣніе* разсудка требовало отчитыванія при зарѣ знахаремъ, будто бы читавшимъ про себя заклятіе.

Въ послѣдній же вечеръ святокъ, въ деревняхъ дѣвушки ходятъ смотрѣть по звѣздамъ объ исполненіи своихъ желаній. Если у наблюдательницы окажется звѣзда «Зажары; съ правой руки, то гаданье о скоромъ бракѣ считается вѣрно сбыточнымъ, а если впереди ея окажется млечный путь («дѣвичьи горы» по народному прозванью), то надежда на скорый выходъ замужъ потеряна.

Въ заккюченіе замѣтимъ, что въ послѣдній святочный вечеръ дѣвушки приносятъ къ знахаркамъ варить корень чертополоха, съ воскомъ и ладономъ, чтобы держать въ ладонкѣ, на крестѣ, какъ врачевство «про дѣвичью зазнобу, что бѣсы нагоняютъ». Вѣра въ эти тысячелѣтніе предразсудки недавно была крѣпка въ укрытыхъ уголкахъ Россіи, между поломъ, если не всегда прекраснымъ, за то здоровымъ и способнымъ привлекать къ себѣ подростковъ.

ИСКУССТВА.

I.

Андріянъ Марковичъ Волковъ.

(1829 — 1873).

Не смотря на то, что бытовыя сцены русской жизни въ послѣднія десятилѣтія занимали кисть большей части отечественныхъ живописцевъ, *жанристовъ по призванію* у насъ не такъ много. Изъ этаго числа не многихъ, истинно оригинальныхъ талантовъ, смерть унесла недавно Волкова, оставившаго по себѣ добрую память, какъ человѣка и художника. Между тѣмъ, судьба и обстоятельства, не давали ему возможности занять въ семьѣ собратій мѣсто, соотвѣтственное его глубокому, не поддѣльному юмору, проглядывающему въ каждой чертѣ, любой, даже самой обыкновенной, сцены, наброшенной карандашомъ или кистью.

Родился онъ въ августѣ мѣсяцѣ (18-го или 20 числа, точно и онъ не зналъ) 1829 г., въ г. Нижнемъ Новгородѣ. Съ поверхностнымъ и далеко не обширнымъ образованіемъ, явившись въ Петербургъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ Волковъ поступилъ въ число приходящихъ учениковъ Академіи Художествъ и съ 1852 года сталъ являться на годовыхъ академическихъ выставкахъ, не вдругъ разгадавъ свое прямое призваніе. Первыми попытками живописнаго творчества будущаго жанриста, была обычная академическая исторія и первый дебютъ въ ней былъ даже блистательный:— «Потопъ» оконченный эскизъ Волкова награжденъ 1-ою серебряною медалью. На слѣдующій годъ долженъ былъ онъ, поэтому, явиться конкуррентомъ на 2-ю золотую медаль, на тему «скульпторъ Фидіасъ показываетъ Периклу свое изваяніе богини Афины (Минервы)». Удостоенный награды за композицію этаго сюжета (г. Солдаткинъ) отличился, впрочемъ, мастерскимъ выполненіемъ тѣльныхъ частей, а отнюдь не выраженіемъ, что ясно доказало, какъ подобная задача несоотвѣтственна была мѣрѣ свѣденій невольныхъ композиторовъ о греческомъ бытѣ и характерѣ главныхъ личностей, играющихъ роли въ картинѣ. Волковъ, какъ и можно было ожидать заранѣе, оказался не въ состояніи выйти со славою изъ неров-

наго боя. Неуспѣхъ же слѣдующаго конкурса «Пророкъ Елисей исцѣляетъ сына вдовы Сарептской» (1854 г.), заставилъ художника отшагнуться отъ академическаго идеала, требованія котораго несоотвѣтствовали его наклонностямъ и влеченіямъ. Онъ обратилъ вниманіе на отечественную исторію, оставивъ библію и классиковъ. Попробовалъ представить пятую сцену изъ «Бориса Годунова» Пушкина (келія монаха Пимена) — вышло, если неисторично, за то естественно. Волковъ и пустился выбирать сюжеты по силамъ своимъ. «Смерть Сусанина въ лѣсу отъ поляковъ» (1855 г.) заслужила теплые отзывы современныхъ цѣнителей, именно за тѣ частности (выраженіе различія типовъ поляковъ, лѣсъ, снѣгъ и общее впечатлѣніе зимней ночи въ тонѣ колорита), безъ которыхъ всегда обходилась титулованная исторія, но безъ чего неможетъ создаться картина бытовая. Художникъ прозрѣлъ уже: въ чемъ заключается его прямое назначеніе? — и на выставку 1857 г. написалъ «Демьянову уху» Крылова, гдѣ типы хозяина, хозяйки и гостя — вполнѣ русскіе и живые, невольно останавливали толпы зрителей жизненностью передачи момента.

За этою же, первою страницею — самостоятельнаго взгляда на жизнь, какъ она есть — Волковъ написалъ «Обжорный рядъ

въ Петербургѣ» (1858 г.), помѣщенный во Всем. Илл. въ снимкѣ съ фотографіи. Произведеніе это, выказывающее въ лучшемъ свѣтѣ наблюдательность художника и умѣнье его выдерживать вполнѣ характеры персонажей, награждено отъ Академіи 2-ою золотою медалью.

Грязненькій входъ съ Апраксина переулка, на толкучку—въ міръ тряпокъ, грошоваго барышничества и шнырянья разныхъ темныхъ личностей, неимѣющихъ ни пріюта, ни положительнаго источника пропитанія—представилъ Волковъ со всею его непривлекательностью и наиболѣе невинными продѣлками, въ родѣ исчезновенія, *что плохо лежало.* На лѣво брѣютъ; подлѣ играютъ и обираютъ; пьяные куралесятъ, нанося ущербъ *честному труду* личностей, въ родѣ оскорбленной и справедливо раздраженной продавщицы яицъ съ душкомъ. Не забыты и интимныя отношенія на столько не прихотливыхъ особъ, какъ служивый съ похмѣлья и баба въ платкѣ, ведущіе въ сторонкѣ *бесѣду по душѣ.* Схваченъ вѣрно, наконецъ, и общій характеръ мѣстности, съ ея оригинальною жизнью: суетни, толкотни, говора десятковъ голосовъ заразъ и грязи подъ ногами—въ мало-развитыхъ чувствахъ и понятіяхъ о правдѣ и долгѣ.

Въ 1859 году явилась на академической выставкѣ картина А. М. Волкова «пожаръ

въ деревнѣ». Бѣдствіе—бичъ нашихъ селъ, построенныхъ безъ порядка и тѣсно,—на этотъ разъ у художника вышло менѣе удачно и нѣсколько даже комично, въ ущербъ, разумѣется, интересу самаго произведенія. Въ небо, покрытое безъ того грозовыми тучами, валитъ широкими клубами черный дымъ пожара, всполошившаго селеніе. Дружныя усилія хозяевъ валятъ строеніе, сосѣднее съ разгуломъ бѣшенаго пламени; думая этимъ остановить распространеніе его со стороны, ближайшей къ зрителямъ. Избы же за вѣтромъ и церковь съ ярко освѣщеннымъ отъ зарева крестомъ, не привлекаютъ на себя вниманія народа, работающаго или бѣгущаго, кто съ чѣмъ, на помощь. Посрединѣ картины, стоитъ лошадка съ бочкою, владѣлецъ которой глазѣетъ на пожаръ, пока опоражниваютъ ведрами привезенную имъ воду. Передъ бочкой, ближе къ зрителямъ, родители, пожилые люди, стараются привести въ чувство зашибленнаго или задохшагося мальчика. На нихъ смотритъ бѣловолосый малютка, ничего не понимая, что тутъ дѣлается. За спиною мальчугана этого, стоя подлѣ, реветъ, что есть мочи, испуганная дѣвочка, зажимая глаза свои, должно быть обозженные; а у ногъ ея сидитъ ребенокъ маленькій, начинающій ползать. Близъ него лежитъ женщина, растянувшись на землѣ съ разбитымъ (при паденіи) горшкомъ щей,

розлитыхъ между обломками. Испуганная дѣвка съ поросенкомъ въ рукѣ и поднятой ладонью другой руки, бѣжитъ, сама не зная куда. Голосъ кричащей на нее и бѣгущей съ другой стороны женщины, за которою гонится оторопѣвшая дѣвочка—кажется образумили бѣглянку, безъ того навѣрно зацѣпившуюся бы, при слѣдующемъ шагѣ, за женщину съ разбитымъ горшкомъ. Подлѣ кричащей на оторопѣвшую крестьянку, молодка въ повойникѣ что-то принесла и сваливаетъ подлѣ босой старушки, задремавшей, облокотясь на скамѣечку. Сонъ ея не возмущаетъ жалобный вой сидящей тутъ же собаки подлѣ кринокъ, ушата и бочки, изъ которой пиво льется широкой струею, заливая пыльную почву деревенской улицы.

Поотдаль отъ собаки гуляютъ куры съ пѣтухомъ; еще далѣе стоитъ съ иконою женщина, обратясь лицомъ къ пожарищу. Мимо ея проходитъ корова, удаляясь отъ шума и суеты; бѣжитъ мужчина, неся на головѣ громадный столъ, ножками вверхъ. Справа у края картины, мужичокъ съ топоромъ, стоя на соломенной кровлѣ навѣса, указываетъ, кажется, на дымъ, показавшійся въ другомъ мѣстѣ. Изъ-подъ навѣса этого выводитъ лошадокъ хозяинъ, употребляя безполезныя усилія принудить ихъ двинуться, когда хозяйка выноситъ на головѣ гро-

мадную ношу скарба, а мальчикъ выгоняетъ изъ закуты свиней. Скарбъ наваленъ въ груду на первомъ планѣ, подлѣ приводимаго въ чувство мальчика. Заднiй планъ слѣва занятъ рядомъ избъ, по другую сторону улицы, гдѣ съ бочкой, за водой, мчится на бойкой лошаденкѣ усердный мужичокъ, а хозяева осматриваютъ трубу, изъ которой показался дымъ. Движенiя много и подробности, какъ видите, интересны, но цѣлое распадается на частности, различнаго интереса, мѣшающаго полнотѣ впечатлѣнiя.

За этою картиною слѣдовало «разстроенное обрученiе,»—въ купеческомъ домѣ, вызывавшее восторженныя похвалы и рѣзкiя осужденiя разбирателей выставки 1861 г. Волковъ представилъ моментъ, когда, готовый уже совершить приличное молитвословiе надъ кольцами жениха и невѣсты, священникъ остановленъ вступленiемъ въ залу новаго лица. Это — молодая особа съ младенцемъ на рукахъ, робко входитъ, закрывъ лицо руками и плача, послѣдуемая отцомъ, старикомъ-чиновникомъ, объясняющимъ, что г-нъ готовый теперь обручаться, связалъ себя прежде обѣщанiемъ жениться и что невѣста, имъ отвергаемая для выгодной партiи, имѣетъ законное право въ лицѣ дитяти, сюда принесеннаго для улики. Женихъ, статный молодой человѣкъ, *опустилъ долу*

кудрявую голову свою, поставленный въ положеніе, недающее возможности вывернуться. Что выражается на красномъ, какъ макъ, лицѣ его,—трудно пересказать словами. Новая невѣста упала въ обморокъ и ее стараются привести въ чувство.

Родня невѣсты и священникъ напустились на виноватаго, а приказчикъ, подстроившій всю эту штучку, ухмыляется себѣ, стоя въ сторонкѣ, словно невинный.

Художникъ въ это же время, въ «альбомѣ русскихъ художниковъ» помѣстилъ (въ литографіи) очень остроумную сцену «у женской купальни» и принялъ участіе въ работахъ по выполненію каррикатуръ въ журналѣ «Искра». Онъ занимался сперва съ жаромъ компанованіемъ для программы на 1-ю золотую медаль большой картины—«Сѣнная площадь въ Петербургѣ», — къ несчастію, не вполнѣ дописанной въ свое время и лишившей художника вполнѣ заслуживаемаго имъ пансіонерства. Дѣло въ томъ, что во время писанія «Сѣнной» — А. М. Волковъ женился и бросилъ Академію *со всѣми надеждами на славу*, какъ говорилъ онъ. Между тѣмъ и въ томъ видѣ, въ которомъ оставилъ художникъ начатую картину, «Сѣнная площадь» привлекала вниманіе видѣвшихъ ее, типичностью случайныхъ, вѣрно подмѣченныхъ, эпизодовъ. Въ первоначальной сценѣ художникъ хотѣлъ представить: впереди

(начиная отъ лѣвой стороны къ правой) калачницу, дружески обнимаемую бывшимъ служивымъ изъ военныхъ; да, споръ салопницъ съ зеленщикомъ, держащимъ счеты, на нихъ прокладывая цифры сторгованнаго. Подлѣ спорящихъ, дружескія изліянія подгулявшихъ земляковъ совершенно кстати помѣщены у телѣги, съ привязанною скотиною и спящимъ молодцомъ, тоже, должно быть побѣжденнымъ хмѣлемъ, разрумянившимъ и лицо рядоваго въ форменной шинели, угощаемаго кофеемъ, на открытомъ воздухѣ. Исчадіе этой четы бьетъ *мамку*: зачѣмъ ему недаетъ такъ скоро вожделенной бурой влаги. Мимо проходитъ мальчуганъ въ громадныхъ сапогахъ и фуражкѣ съ большой головы, выкрикивая «*спички-спичь*»*!* и въ то же время глядя на интересную сцену. У кареты «Бассейной и Садовой» свалилось колесо и пассажирка, не внимая уговорамъ кондуктора, старается вылезти изъ склоненнаго на одинъ бокъ экипажа. На эту оказію заглядѣлся и носильщикъ съ ящикомъ на головѣ. А пассажиръ, высунувшись изъ окна кареты, смотритъ, какъ можно догадываться, на одиноко лежащее колесо, привлекающее на себя вниманіе одной собаки. Исхудалыя лошадки, везшія дилижансъ, потерпѣвшій крушеніе, видимо довольны послѣдовавшею остановкою. Вровень съ дилижансомъ, только въ противную сторону,

тянется возъ съ сѣномъ, который на силу ввозитъ тощая лошадь на случайное возвышеніе. Вдали – балаганы зеленщиковъ, гдѣ народъ кишитъ, волнуясь, слитый въ безформенную массу головъ и плечь. Надъ толпою же высятся: слѣва гауптвахта, а справа—церковь и подлѣ нея дома, идущіе къ Обуховскому проспекту. Направо, съ края, подлѣ фонарной тумбы, остановился—съ телѣгою и кадушками сливокъ и молока,—чухонецъ, съ которымъ вступилъ въ дѣловой разговоръ мужичокъ-покупатель, положившій обѣ руки на верхнюю перевязь тѣлежнаго короба.

Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ восемь, приступивъ къ доканчиванію картины, художникъ измѣнилъ въ ней нетолько постановку фигуръ и составъ группъ, но и самые характеры введенныхъ персонажей, сообщивъ чрезъ то большую картинность пятнамъ и большее оживленіе.

Но, проработавъ часть лѣта, Волковъ опять оставилъ, не успѣвъ докончить, свою «сѣнную площадь». На выставкѣ она не была, да и вообще, послѣ 1861 года, А. М. Волковъ ставилъ, кажется, всего одинъ разъ въ Академіи свое произведеніе. «Гуляка» (1863.) Этотъ толстякъ, погрузившійся въ сладкій сонъ, передъ строемъ опорожненныхъ бутылокъ напомнилъ собою, такъ любимые ху-

дожникомъ типы изъ недалекихъ виверовъ, нѣсколько выше среды *обжорнаго.*

Въ шестидесятыхъ годахъ художникъ больше рисовалъ для сатирическихъ издакомпануя для себя множество сценъ бытоваго характера. Есть напр. «Безногій музыкантъ» и, рядомъ,—«Трогательный аккордъ» —эпизодъ изъ исторіи чьей-то любви. Читая романъ Бульвера «Гарольдъ», Волковъ увлекся характеромъ Эдифи и думалъ написать ее, отыскавшую трупъ жениха-героя, на мѣстѣ гастингской битвы.

Но, рядомъ съ историческою драмою, мысль художника лелѣяла и обыденную мелодраму—типъ *помѣщицы, помѣстившейся въ столицѣ въ меблированныхъ комнатахъ,* встрѣчая на каждомъ шагу противность своимъ причудамъ,—заставивъ его набросить не одну сцену въ общей кухнѣ, у плиты. Въ противоположность расчотливой хозяйки умѣреннаго достатка, композиторъ воспроизвелъ и модную барыню-красавицу, супругу престарѣлаго сановника, сосредоточившую всѣ, наиболѣе горячія, сочувствія на туалетѣ. «Бесѣда съ модисткою» —очень граціозная акварель,—какъ нельзя удачнѣе воспроизводитъ типъ щеголихи, всѣ дни которой занимаютъ всецѣло пышные костюмы послѣдней моды.

Въ *холостой компаніи,* гдѣ идутъ толки о всякой всячинѣ, въ томъ числѣ и о по-

литикѣ, — богатство и тонкость типовъ поражаетъ и въ начальномъ наброскѣ. Какъ видно, эта благодарная канва обѣщала художнику цѣлый рядъ оригинальныхъ явленій, подмѣченныхъ въ кружкахъ разныхъ взглядовъ и положеній. Горячо относясь къ измѣненію вѣковыхъ порядковъ въ нашемъ общественномъ бытѣ, Волковъ нерѣдко воспроизводилъ кистью и карандашомъ явленія, поражавшія его чуткую наблюдательность. Сцены у мировыхъ посредниковъ и рѣшенія мировыхъ судей особенно его занимали, давая возможность вносить въ нихъ типы, случайно попадавшіеся ему на глаза. Живя на Фонтанкѣ, напримѣръ, онъ подмѣчаетъ полоскальщицу бѣлья на плоту и черезъ минуту она у него набросана сепіею немногими чертами. Гдѣ-то на Выборгской сторонѣ удалось схватить водовоза съ лошадью, заѣхавшаго въ воду и черпающаго на раздольѣ. въ свою бочку. 1869-й годъ особенно богатъ былъ количествомъ замѣченнаго и переданнаго въ набросахъ. Съ помѣтою 23 января, уцѣлѣла напр. остроумная каррикатура на зубнаго врача, заставлявшаго своихъ паціентовъ разѣвать ротъ до безобразія.

Добрая *нянюшка съ барскимъ ребенкомъ, въ пивной*, гдѣ дитятю угощаетъ ея возлюбленный медкомъ, — случай дѣйствительный, сдѣлался, тогда же, поводомъ живой, мастерской сцены. Тоже было и съ процессомъ

у мироваго, оправдавшаго красавицу-жену, въ виду несостоятельности супруга. Въ это же время явился эскизъ «дуэли Пушкина съ Геккереномъ», благодаря счастливому случаю знакомства художника съ секундантомъ нашего безсмертнаго поэта. Онъ, пораженный пулею, свалился уже но еще опираясь на руку, наводитъ пистолетъ на противника.

«Гулянье народное на Царицыномъ лугу, 30-го августа» (1869 г.), тоже оживленный набросокъ богатой композиціи, вѣрно передавшей характерный праздникъ. «Уличеніе невѣрной» письмомъ ея,—эскизъ, полный драматизма и глубокаго чувства, явился въ то же время.

1870-й годъ начатъ художникомъ мастерскою «игрой въ шашки» приказчика съ дворникомъ. *Прусско-французская* война дала ему сюжетъ трогательныхъ «проводовъ ратника земскаго ополченія», гдѣ отецъ-воинъ, призываемый долгомъ на службу, въ послѣдній разъ несетъ на рукахъ дитя свое, а подруга жизни слѣдуетъ позади съ ружьемъ. Изъ композицій этаго же времени слѣдуетъ упомянуть сцену изъ романа «Зубоскалъ» Виктора Гюго, да «потѣху дворника и мастероваго мальчишки», облившихъ скипидаромъ собаку. Въ это время предпринялъ покойный Волковъ свое сатирическое изданіе «Маляръ», гдѣ картинки отличаются рѣдкою типичностью и силою. «Ташкентецъ приготовительнаго класса»—сцена въ клубѣ,

одна изъ послѣднихъ картинъ, вышедшихъ изъ подъ кисти художника.

Бѣгство г. Леонтьева въ началѣ прошлаго года, бросило художника въ бездну хлопотъ и безвыходныхъ затрудненій. Подъ напоромъ всѣхъ этихъ, мгновенно разразившихся бѣдъ, организмъ его не выдержалъ пытки сверхъ силъ и, разшатанное гораздо раньше, здоровье, развило въ художникѣ водяную. Осень онъ всю страдалъ и 1-го февраля сего года смѣжилъ на вѣкъ утружденныя вѣжды, осиротивъ жену и малютку сына.

Заслуживаетъ ли такой, вѣкъ свой занятый работою мысли, талантливый и честный труженикъ, общаго сожалѣнія и доброй памяти?—пусть скажетъ самъ себѣ читатель, узнавъ нами разсказанную, недолгую жизнь его. Еще однимъ меньше въ семьѣ художниковъ — прибавимъ мы съ своей стороны съ понятною горечью. Когда бы не нежданная бѣда-подрывъ, какъ знать, можетъ быть еще десятки и сотни живыхъ сценъ вылились бы изъ подъ кисти его? Онъ былъ такъ еще молодъ и оставался до послѣдней минуты страстнымъ къ своему искусству, въ думахъ о немъ забывая и самую муку страданій смертельной болѣзни.

II.

Передвижная выставка въ Академіи художествъ.

Открытая 26-го декабря, передвижная выставка не поразитъ численностью обычныхъ посѣтителей годовыхъ выставокъ въ Академіи, но выборомъ экземпляровъ она можетъ заставить забыть численную ограниченность. Здѣсь собраны труды всего 20-ти художниковъ *) имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны любителямъ русскаго искусства.

Настоящая выставка представляетъ къ тому же подборъ всѣхъ родовъ нашей живописи, далеко не въ заурядныхъ экземплярахъ. Тутъ есть обиліе пейзажей—характерная черта отечественнаго искусства;—портретъ, сцены быта и—одно серіозное произведеніе исторической живописи. Чего

---

*) Аммона, Амосова, Боголюбова (7), П. А. Брюллова, Быковскаго, Ге (2), Гуна (3), Дюкера, Каменева, бароновъ М—въ Клодтовъ (обоихъ), Кромскаго (4), В. Е. Маковскаго (3). Мясоѣдова (5) Пелевина, Петрова (7), Прянишникова (2), Саврасова, Чижова (бюстъ Боголюбова) и Шишкина (2).

же больше среди зимы, на столько тяжолой, какъ наша, когда художникамъ мѣшаетъ работать полное отсутствіе свѣта?

Такъ что, съ которой стороны ни посмотри, выставка отрадное явленіе. Пейзажи преобладаютъ. Съ нихъ и начнемъ обозрѣніе. Пейзажисты у насъ уже раздѣлились на спеціальности: одни пишутъ воду, другіе—города, да воздухъ; третьи—растительность.—Представители всѣхъ особенностей этихъ, здѣсь на лицо. Боголюбовъ со своею *водою*, и, прибавимъ, *чистою водицей*, въ своемъ полѣ хозяинъ; безъ соперниковъ (Айвазовскаго и Лагоріо нѣтъ на выставкѣ). «Устья Невы» со свѣтлою далью и силуэтами зданій города вдали, да песчаною отмелью—вблизи, страница такая, какихъ немного у достоуважаемаго профессора, нынѣ къ несчастію, больнаго и даже тяжкими страданіями по мѣсяцамъ отвлекаемаго отъ своего искусства. Сличая и припоминая видѣнное уже нами, вышедшее изъ подъ кисти Боголюбова, нельзя не сознаться, что его «Устья Невы» во многомъ представляютъ замѣтный шагъ впередъ. Прежде же всего поражаетъ здѣсь свобода и простота концепціи. «Венеція»,—одинъ изъ мотивовъ приглядѣвшихся—почти на ту-же тэму, какъ Нева—но далеко не такъ полное жизни представленіе. «Весна»—уступаетъ и этому даже; а «хожденіе Христа по водамъ», послѣ

«Устьевъ Невы» — не болѣе, какъ общее мѣсто, въ формѣ луннаго освѣщенія надъ моремъ. Дискъ луны, въ фокусѣ котораго поставлена темная фигура шествующаго по водамъ,—даже не выигрываетъ и по части свѣта при настоящихъ условіяхъ. Не говоримъ уже о своеобразномъ хотя, но ненужномъ отступленіи отъ строгости священнаго повѣствованія, гдѣ ученики не узнали учителя, и думали, что это—призракъ. Ничего призрачнаго нѣтъ у Боголюбова и всякая иллюзія исчезаетъ до того, что, не назови онъ такъ свою картину—никто бы не зналъ сюжета съ фокусомъ.

По части представленія открытаго горизонта на сушѣ, «Пашня» барона «Клодта—приводившая, какъ говорятъ, въ восторгъ зрителей въ губернскихъ центрахъ,—намъ кажется ниже громкихъ восхваленій, ее осыпавшихъ. Вспаханное поле могло быть только тогда хорошо, когда зритель займется однимъ первымъ планомъ и не озираетъ всего пространства глубины картины. Въ общемъ же, вспаханное пространство неудовлетворяетъ глаза и ослабленіе тоновъ по удаленію, выдержано недостаточно; — особенно при слабомъ выдѣленіи перваго плана, совсѣмъ убиваемаго срединой картины. За-то И. И. Шишкинъ, въ обоихъ пейзажахъ своихъ, поражаетъ силою и совершенствомъ растительной жизни. Мурава и

мохъ у него удаляются, отодвигая за собою рощу (съ лѣвой стороны) и кусты за оврагомъ—направо. Такъ много выразить на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ—искусство, доступное очень не многимъ изъ нашихъ пейзажистовъ. И то, что у барона Клодта не вышло—въ его пашнѣ,—у Шишкина составляетъ блистательное торжество кисти. У Клодта мертвая природа, которая и могла бы ожить только подъ условіемъ подъема неба и сообщенія глубины панорамѣ. А у Шишкина—все живетъ; все полно поэзіи и очаровательная картина передъ прикованнымъ къ полотну взглядомъ зрителя кажется еще шире развивается, маня его на зелень луга, къ той отдаленной рѣчкѣ, за которою виднѣется вѣковой лѣсъ, поддернутый дымкой теплаго тумана. Даль неба уходитъ въ необозримую глубину, гдѣ солнышко свѣтитъ, но такъ легко, что не томитъ напряженнаго глаза густотою и яркостью красокъ. «Лѣсная глушь», его же,—совершенный контрастъ съ теплымъ «полуднемъ». Прохлада и полусвѣтъ въ чащѣ древесныхъ стволовъ, снабжонныхъ яркою, обильною зеленью, сообщаетъ картинѣ господствующій зеленовато-голубой тонъ, до того пріятный, что смотришь и не можешь оторваться отъ мастерского произведенія искусство. Глазъ мало по малу привыкаетъ къ этому освѣщенію, и тогда-то начинаютъ

выступать чуть примѣтныя деревья, одни изъ за другихъ теряясь въ глубинѣ картины и этимъ доводя живопись до полнаго обмана зрѣнія. Мѣстами выбѣгаетъ свѣжая поросль, яркая, безлистная, гибкая, отражающая на себѣ всю неопредѣленность полутоновъ оригинальнаго освѣщенія, гдѣ изъ - далека только, подъ сѣтью лиственныхъ вершинъ вѣковыхъ деревьевъ, чуть брезжитъ небесная лазурь. Такое представленіе момента въ природѣ уноситъ зрителя въ міръ мечтаній, вызывая память прошлаго. Только глубокое поэтическое чувство способно на полотнѣ выражать такъ, простые сами по себѣ, но чарующіе глазъ нашъ, эффекты сѣверной природы.

Попытка *нависшихъ древесъ*, надъ водою—между тѣмъ, другимъ художникамъ неудалась почти заурядъ. Одни, какъ г. Аммонъ грѣшатъ отсутствіемъ гармоніи красокъ, другіе—какъ г. Амосовъ, просто неимѣніемъ подходящихъ тоновъ на палитрѣ. Г. Каменеву—солнечный свѣтъ, между деревьями, больше удался. Г. Дюкеръ, въ своей «Жатвѣ», явился тоже съ извѣстной уже намъ стороны, не указывающей ходъ его впередъ. «Лѣто» П. А. Брюллова—между тѣмъ, попытка изъ удачныхъ—представить аллею тѣнистую, прохладную и влажную, гдѣ фигура въ чорномъ, своею рѣзкостью, убавляетъ нѣсколько силу тона обильной ли-

ствы. Но, до сихъ поръ художникъ не изучалъ спеціально пейзажа, хотя и написалъ «Отдыхъ» въ полѣ. Этюды же К. Ѳ. Гуна кажутся намъ нѣсколько пестрыми (особенно «Отдыхъ на сѣнокосѣ»).

Три портретиста съ репутаціею, разомъ конкурирующіе на привлеченіе нашего вниманія—далеко не равнаго достоинства. Н. Н. Ге кажется намъ уступающимъ во многомъ соперникамъ; и прежде всего—въ колоритѣ. И. Н. Кромской, въ портретѣ графа А. П. Бобринскаго, съ достоинствомъ поддерживаетъ свою прежнюю славу превосходнаго рисовальщика и исправнаго колориста. Перовъ высоко поднялся теперь въ портретномъ родѣ и его изображеніе Ѳ. М. Достоевскаго—твореніе во всѣхъ частяхъ капитальноое. Портретъ А. Н. Майкова, полный жизни и особаго одушевленія, слѣдуетъ поставить вторымъ. Тургенева же и (особенно) Погодина--крайними, въ ряду выставленныхъ работъ Перова.

Сцены на выставкѣ, лучшія—Прянишникова. Его деревенскій «Батюшка», ѣдущій на праздникъ съ сожительницею—страница прекрасная, для полноты требующая развѣ побольше гармоніи въ сочныхъ и сильныхъ краскахъ. «Егерь»—шагающій въ глубокомъ снѣгу—chef d'oeuvre.

Мы не смѣемъ, однако, того же сказать ни о сценѣ «въ осажденномъ городѣ» (напо-

минающей иллюстрацію минувшей войны во Франціи), ни объ «Уѣздномъ Земскомъ Собраніи въ обѣденное время», съ его задоромъ въ идеѣ и недостаточнымъ уясненіемъ картины въ выполненіи. «Удильщикъ» Пелевина—недуренъ. «Стадо» Маковскаго хорошо, но не болѣе;—и никакъ уже не въ отношеніи пейзажа. «Точильщикъ» же этого художника только *простъ*, а «Нищіе» черезъ чуръ нарядны и мало прочувствованы. Сценка «На дачѣ» Клодта—только мотивъ, не болѣе. Для полной выработки нужно художнику много потрудиться надъ отчотливою передачею ощущенія, въ лицѣ сидящей особы подъ зонтикомъ. Иначе этюдъ—этюдомъ съ натуры и останется.

«Христосъ въ пустынѣ»—колоссальное произведеніе, по задуманности стоющее отдѣльнаго анализа и серіознаго разбора. Надъ типомъ Христа пробовали свои силы почти всѣ, наиболѣе талантливые наши артисты. И г. Кромскому, какъ кажется, удалось многихъ (если не всѣхъ почти) опередить въ выраженіи лика кроткаго учителя, неспособнаго переломить надломленную трость. Столько любви ко всѣмъ и строгости къ самому себѣ, еще не выражала у насъ живопись въ типѣ Христа Спасителя.

Профессоръ А. П. Боголюбовъ.

Венеціянскій видъ.

Относительно людей съ заслуженною репутаціей, роль повременныхъ изданій, особенно иллюстрированныхъ,—совсѣмъ другая, чѣмъ обязанность своевременнаго ознакомленія публики съ молодымъ талантомъ, заявляющимъ о себѣ твореніемъ, болѣе или менѣе проникнутымъ жизнію, но всегда уже оригинальнымъ, рѣзко бросающимся въ глаза. Къ репутаціи сложившейся, эти условія почти непримѣнимы, потому что самая репутація художника получается изъ опредѣленія индивидуальныхъ отличій и точнаго обозначенія хорошихъ и слабыхъ сторонъ. Послѣ такой, если можно выразиться, технической характеристики, мы въ новыхъ произведеніяхъ извѣстнаго художника обыкновенно уже привыкаемъ искать проявленія

его лучшихъ качествъ, сдѣлавшихся извѣстными, и по мѣрѣ нахожденія ихъ, относимъ разсматриваемую страницу къ хорошимъ — удачнымъ, либо слабымъ — неудачнымъ. И отложиться отъ своихъ убѣжденій, въ нѣкоторомъ родѣ окрѣпшихъ и получившихъ гражданственность въ нашемъ умозаключеніи и способѣ наблюденій, мы уже не можемъ и не въ силахъ. Поэтому, «венеціянскій видъ» А. П. Боголюбова недаетъ намъ возможности сказать что либо исключительное о художникѣ, уже тринадцать лѣтъ назадъ сдѣлавшемся любимцемъ публики. Если мы повторимъ перечень характеристичныхъ особенностей кисти нашего мариниста самымъ полнымъ и отчетливымъ образомъ, по поводу случайно попавшей на листки Иллюстраціи страницы изъ его собранія трудовъ, это опять будетъ для читателей мотивомъ, не оправдывающимъ нашу о нихъ заботливость.

Одно намъ можетъ еще напомнить разсматриваемая картина—лучшую пору развитія художника. Ту пору, когда неприготовленный образованіемъ въ морскомъ корпусѣ, но на службѣ почувствовавшій призваніе къ живописи и въ теченіе трехъ лѣтъ пройдя академическіе классы, какъ ученикъ,—лейтенантъ Боголюбовъ успѣлъ быстро нахватать медалей и съ вождѣленною большою золотою порхнуть изъ Руси въ благословенную Ита-

лію. Венеція, съ своими лагунами, характеристичными типами славянъ, вѣчно прекрасными волнами Адріатики и южнымъ солнцемъ, не могла не остановить моряка-живописца своею близостью къ его, еще незабытымъ, идеаламъ служебнаго быта. Адмиралтейство венеціянское, откуда въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ пускались крылатыя армады кораблей и галеръ, нанося ужасъ оттоманамъ, не могло бы не попасть подъ карандашъ туриста-рисовальщика; а тѣмъ болѣе не сдѣлаться предметомъ штудированія художника предпріимчиваго, наблюдательнаго и, къ тому еще, не спеціалиста морскаго дѣла. Для него не сфинксами, а ясно понятной грамотой оказывались особенности построекъ кораблестроительныхъ. Картинность массы ихъ, купающейся въ свѣтлыхъ струяхъ канала при мѣстномъ живомъ освѣщеніи, — между тѣмъ сама просилась подъ кисть, обѣщая изображеніе полное жизни, поэзіи и новости.

Говоримъ *новости*, нисколько не думая играть словами. До Боголюбова никто не писалъ адмиралтейства, но много было переписано видовъ Венеціи. Знаменитый Каналетто составилъ себѣ даже прочную репутацію венеціанскими видами, во всѣхъ направленіяхъ переписавъ *большой каналъ*, съ его рядами щегольскихъ дворцовъ, по обѣимъ сторонамъ. Кто не знаетъ его картинъ,

кому неизвѣстна его быстрота кисти, дававшая возможность оживлять нѣмыя каменныя массы, глядѣвшіяся въ воду, то спокойную, то взволнованную, съ цѣлою вереницею судовъ и на нихъ народа? Только не смотрите на Каналетто-чудодѣя слишкомъ близко и пристально. То, что очаровывало глазъ издали,—вблизи покажется безобразною кучею несогласованныхъ красокъ.

Одно въ немъ неоцѣненно. Магическая перспектива и капризная отвага выбора пунктовъ наиболѣе трудныхъ, гдѣ ошибокъ не можетъ не быть, но ихъ скрываетъ отъ пытливаго взора наблюдателя-знатока мастерство дерзкой кисти и, такъ называемый, *шикъ*, недающій возможности кописту состязаться съ оригинальнымъ мастеромъ. Отнимите эти качества у Каналетто, — краски котораго теперь уже вылиняли—и вы отойдете недовольные его черезъ-чуръ легкимъ отношеніемъ къ живописи и очертаніямъ предметовъ. Сѣверные художники никогда съ южными и непускались въ состязаніе по части легкости; довольствуясь добросовѣстнымъ изученіемъ и вѣрнымъ изображеніемъ предметовъ съ ихъ мѣстнымъ цвѣтомъ и обстановкою. Въ видахъ «Венеціи» не ищите больше и у Боголюбова. Тогда вы удовлетворитесь его воздухомъ, водою и городскими зданіями. Скажемъ болѣе; картины его, отъ этюдовъ—всегда вѣрно схватываю-

щихъ характеръ и краски мѣстности—отличающіяся большею оконченностью, произведутъ на васъ впечатлѣніе особенное и, пожалуй, разнообразное, интересующее новостью и правдой. Эти качества картинъ и богатаго собранія этюдовъ Боголюбова, служатъ разгадкою: почему труды этого мастера легко находятъ покупщиковъ, возбуждая даже горячность пріобрѣтателей. Такъ было напримѣръ въ 1860 году, когда навезъ онъ изъ заграницы массу 25-ти картинъ и сотень этюдовъ, быстро разошедшихся по рукамъ.

III.

Выставка въ Императорской Академіи Художествъ 1873 г.

Выставка всемірная въ Вѣнѣ заставила собрать за десять лѣтъ все лучшее, или, по крайней мѣрѣ, что находила лучшимъ специальная коммисія, занятая подборомъ произведеннаго русскими художниками.

Видѣть эти цвѣтки отечественнаго искуства, собранные въ одинъ полный букетъ, мы и шли въ Академію. Найденнымъ тамъ, однакоже, трудно было удовлетвориться, потому что далеко не все изъ замѣченнаго нами даже на выставкахъ оказалось въ сборѣ. Да и изъ собраннаго, тоже не самое лучшее остановило на себѣ выборъ избирателей. Не препираясь, покуда, съ ними: почему тó, либо другое оставлено, а сами по себѣ *вещи не Богъ знаетъ какія попали въ избраніе*,—мы, съ своей стороны, по привычкѣ находить такую сторону дѣла, которая бы могла насъ навести на что-либо примиряющее споры, ограничимся обзоромъ знакомаго и незнакомаго, исполненнаго художниками нашими за истекшее десятилѣтіе. И если мы скажемъ, что бытовая живопись въ это время рѣшительно побѣждаетъ такъ-называемый *историческій родъ*, съ нами, полагаемъ, тоже согласятся читатели.

За *бытовыми сценами* выступилъ *пейзажъ* и успѣлъ даже, по таланту производителей и наклонностямъ ихъ, раздѣлиться на нѣсколько спеціальностей, между которыми особенно далеко подвинулась *живопись* картинъ *растительности*, требующая нисколько не меньше наблю-

дѣятельности, чѣмъ вѣчныя красоты моря. Такъ что, наше время несравненно болѣе богато разнообразными талантами, можетъ быть въ объемѣ и уступающими предшественникамъ, зато больше ихъ изучающими природу, углубляясь для этого въ ея, недавно еще неизвѣданныя, тайники и пущи. Результатомъ подобныхъ усилій, должны были явиться этюды моментовъ, прежде всегда обходимыхъ, ради нелегкости представленія ихъ. Да и самое море, имѣвшее единственнымъ живописцемъ своимъ одного профессора Айвазовскаго, въ пятидесятыхъ годахъ уже пріобрѣло соперниковъ ему въ лицѣ Лагоріо и Боголюбова; а теперь еще нѣсколько, покуда мало извѣстныхъ, именъ пустились въ ту же спеціальность, и нельзя сказать, чтобы безъ успѣха были ихъ незрѣлыя еще попытки. Изъ всего этого можете сами заключить, что поле русскаго искуства значительно расширяетъ свои грани, не останавливая юной предпріимчивости, ни съ одной стороны своей обширной арены. Что поле это не совсѣмъ обработано, причинъ опять не мало; за то велика дѣятельность трудящихся при небольшой цифрѣ ихъ вообще; судя по итогу осьмидесяти трехъ милліоновъ жителей Россіи.

Бытъ, да виды природы отечественной и чужой, однако, не исчерпываютъ всего запаса новыхъ силъ, пускающихся въ міръ искуства съ горячею вѣрою въ возможность принести посильную пользу своею дѣятельностью.

Не такъ много, какъ прежде, но все-же и не такъ мало, чтобы не стоило говорить о томъ, занимаются наши художники и трактованіемъ исторіи гражданской и военной. Баталій числомъ написано, можетъ быть, меньше, чѣмъ бы слѣдовало для пополненія галлерей, назначенныхъ для помѣщенія подобныхъ страницъ русской славы, но, опять повторимъ: прославленныя имена Коцебу, Вилевальда, съ ихъ послѣдователями, подарили русскую живопись нѣсколькими прекрасными картинами, гдѣ драматизмъ подробностей съ излишкомъ выкупаетъ недостиженіе единства въ обширныхъ панорамахъ, гдѣ глазъ, пробѣгая изъ края въ край, нуждается въ отдыхѣ; безъ него дѣлаясь неспособнымъ замѣчать и самыя красоты. Вообще этотъ

родъ живописнаго, творчества, требующій отъ художника упорнаго и долгаго механическаго труда, въ послѣднее время, подъ кистью наиболѣе талантливыхъ композиторовъ, сталъ обращаться чаще къ эпизодическимъ моментамъ, въ замѣнъ прежнихъ панорамъ-калейдоскоповъ. Картина П. Н. Грузинскаго, стоящая теперь на выставкѣ и назначаемая къ отсылкѣ въ Вѣну—«Оставленіе черкесами аула съ приближеніемъ русскихъ войскъ»—разрѣшаетъ блистательно указываемую нами особенность баталическихъ сценъ

Почтенный профессоръ Вилевальде выставилъ тоже послѣднее свое произведеніе «Бой французовъ съ нѣмцами при Гравелотѣ», гдѣ направленіе, нами указанное, проявляется въ композиціи картины съ такимъ блескомъ, какой не всегда встрѣчали мы въ большихъ баталіяхъ этого художника.

Нельзя не видѣть въ этомъ, вѣянья современныхъ идей, заставляющихъ и прагматическую исторію отступить отъ сухаго изложенія и, сообщая ему жизнь, или, лучше сказать, освѣщая событіе живымъ и теплымъ лучемъ свойственной ему обстановки, сообщать подлинному факту увлекательную картинность романа. Въ этомъ направленіи отечественной живописи, давно уже и съ несокрушимой энергіею подвизается, живущій въ Римѣ, профессоръ Бронниковъ. Собранныя теперь его картины разрѣшаютъ наглядно: и цѣль стремленій художника, и степень научной подготовки, которою онъ продовольствуется; неустанно работая надъ оживленіемъ античнаго міра, по преимуществу. Конечно, навсегда исчезнувшій порядокъ вещей, для возбужденія интереса въ публикѣ требуетъ не такого знакомства съ древностью, какимъ обладаетъ наше современное общество. Вѣрно, однако, то, что подъ кистью Бронникова эпизодъ Тацита ничего не теряетъ, по части драматизма, какъ напр. въ сценѣ объявленія приговора Тразеѣ Пэту. Единичность Бронникова въ избранной имъ отрасли лучше нашихъ словъ, впрочемъ, доказываетъ: на какую неблагодарную канву истощаетъ онъ свой талантъ и искусство, безъ сомнѣнія, наградившее бы его лучшими результатами съ обращеніемъ къ живымъ интересамъ человѣчества.

Если бы не прислали на настоящую выставку картинъ своихъ привислянскіе художники, то отдѣлъ чисто историческій представлялъ ощутительную бѣдность. Къ счастію, великолѣпная картина Альберта Герсона, представляющая «Плѣненіе Ягайлою, великимъ княземъ литовскимъ, дяди его Кейстута и брата Витовта»,—заполняетъ недочетъ нашъ по этой части. Что касается прямыхъ сценъ быта, то нахожденіе на выставкѣ именъ Перова, Прянишникова, Маковскихъ, Корзухина, Морозова, Гуна, Клодта 2-го и обоихъ Риццони—не дастъ права считать этотъ отдѣлъ бѣднымъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи. Въ массѣ пейзажей есть Боголюбовъ, баронъ Клодтъ, Суходольскій, Верещагинъ, Васильевъ, Лагоріо, Горавскій, Саврасовъ, Шухвостовъ, Шишкинъ, Клеверъ, Михневичь, Судковскій, Беггровъ, Аммосовъ, такъ что отдѣлъ этотъ представляетъ если не богатство,—передъ которымъ привыкли ахать,—зато достоинство и оригинальность, заставляющія невольно преклоняться передъ талантомъ и добросовѣстнымъ изученіемъ.

Портреты Шервуда и Келлера, являющагося съ хорошей стороны и, нужно сказать, въ полнотѣ развитія таланта,—не количествомъ,такъ качествомъ говорятъ за себя и за ту школу,къ которой принадлежатъ они по своему развитію.

Предпославъ этотъ поверхностный разборъ, мы постараемся, очертить и лучшія картины, находящіяся на выставкѣ, въ родѣ спеціальныхъ отчетовъ о каждомъ родѣ живописнаго творчества отечественной школы.

Ю. Ю. Клеверъ.

Вечеръ въ лифляндской деревнѣ.

Если сцены быта вообще стали на первое мѣсто у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы, лучшіе художники которыхъ, отложивъ академическіе предразсудки недавняго прошлаго, относятся къ сценамъ обыденной жизни уже не съ презрѣніемъ и не съ высока, то это положеніе,—позволимъ себѣ высказать кстати,—создалось съ развитіемъ живописи видовъ. Въ XVII вѣкѣ, Голландія прославилась бытовою живописью, точно также благодаря почину пейзажа. А эти явленія, въ свою очередь, тѣсно связаны съ возвышеніемъ удобствъ жизни и особенно съ улучшеніемъ жилищъ, въ которыя стали пускать больше свѣта, давая лучшій воздухъ, тепло и уютность, заста-

вившія любить свой уголъ и въ немъ уединяться;—въ замѣнъ прежняго рысканья по компаніямъ, гдѣ время проходило въ ѣдѣ, питьѣ и ничего недѣланіи. Въ своемъ домашнемъ углу, за дѣломъ, болѣе свойственнымъ человѣку мыслящему, чѣмъ травля зайцевъ и другихъ четвероногихъ, въ осеннюю пору,—человѣкъ дѣла и науки, и съ посредственнымъ достаткомъ, отводилъ душу созерцаніемъ красотъ природы.

Кисть искусныхъ художниковъ заработала усерднѣе для удовлетворенія заказчиковъ и виды природы скоро прославили Брегелей, Рюйздалей, Рембрандта, Гоббема, Вейде, и серію ихъ подражателей. У всѣхъ ихъ, больше или меньше, проглядываетъ чувство правды и желаніе передать эффекты не вымышленные, а высмотрѣнные и прочувствованные. Сѣверная природа въ скучную пору зимы и осени, безъ сомнѣнія, не такъ привлекательна, какъ въ пору расцвѣта и роскошнаго убора растительности. И самое, сѣверное лѣто, пожалуй,—нельзя не согласиться съ поэтомъ—только оказывается *карикатурою южныхъ зимъ*, но чувство правды имѣетъ своего рода обаяніе и заманчивость, сильнѣе говоря сердцу при бѣдномъ красками изображеніи хмураго ненастья, чѣмъ приизмышленной разсудкомъ человѣка роскоши колеровъ неправдоподобныхъ, отъ того, нетрогающихъ чувства.

Поэтому, *проявленіе поэзіи правды* у таланта начинающаго, лучшая порука въ томъ, что̀ онъ не останется пустоцвѣтомъ на нивѣ искуства, а принесетъ посильный плодъ наблюдательности и своего рода оригинальности, современемъ.

Всѣ эти благожеланія приходятъ къ намъ при взглядѣ на картинки г. Клевера. Не бойтесь, читатели! подъ этими фразами съ нашей стороны нескрывается отнюдь намѣренія раздуть. во что бы нестало, скромныя способности своего protégè, какъ дѣлаютъ нѣкіе мужи, опытные въ борзописаніи и искусившіеся въ механикѣ зазываній въ свою лавочку.

Перомъ нашимъ руководитъ полное безпристрастіе, которое, однако, неисключаетъ желанія привѣтствовать добрымъ словомъ проявившійся талантъ, относясь къ нему внѣ всякихъ соображеній о расѣ и народности.

Юлій Юліевичъ Клеверъ еще ученикъ академіи, написавшій всего двѣ-три картинки и въ нихъ, конечно, немогшій отличиться ни мастерскою смѣлостью кисти, ни изысканностью блистательнаго эффекта; въ глазахъ и заправскихъ цѣнителей сохраняющаго, какъ показалъ опытъ, магическую силу, склоняющую вѣсы оцѣнки на свою сторону. Начинающему трудно состязаться, съ технической стороны, съ мастерами, во

всякомъ случаѣ, по этой части болѣе его опытными. По этому, самая безпритязательность произведенія молодаго художника, яснѣе выказываетъ умственное достояніе выполнятеля картины, раскрывая анатомически его воззрѣніе на природу, или, лучше сказать, его способъ наблюденія эффекта природы, на которомъ остановилъ онъ свой выборъ.

Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, мы позволимъ себѣ отвѣтить на него, чтò г. Клеверъ,—какъ показываютъ его картинки, «берегъ моря», «вечеръ» и «осенній видъ»,—въ выборѣ сюжетовъ руководится поэтическимъ тактомъ, заставляющимъ его предпочитать эффекты, не бросающіеся въ глаза блескомъ, но отмѣченные своего рода задушевностью. Они, если хотите, очень просты и меньше уже всего проникнуты искуственностью. Представьте себѣ низменный берегъ моря въ пору сумерекъ, на мелководьѣ суденышки, такелажъ которыхъ нѣсколько рѣзокъ,—чтò и проявляетъ еще не полное обладаніе техникою начинающаго. Все просто, но не лишено мечтательности. Или вотъ его картина, нами разбираемая. Прощальные лучи багрянаго солнышка замираютъ на убогой хижинѣ лифляндскаго крестьянина, крытой побурѣвшею, косматою соломою, уныло нависшею надъ безобразнымъ жалкимъ пріютомъ, напоминающимъ скорѣе хлѣвъ, чѣмъ домъ. Холодокъ пахнулъ при-

мѣтно съ поля и даль начинаетъ заволакиваться легкимъ туманомъ. Туманъ этотъ въ видѣ голубой тучки задернулъ уже горизонтъ и тишина ночи распускаетъ холодный пологъ свой надъ засыпающею окрестностью. Вода въ болотѣ какъ то лѣниво возмущается утками, отражая ихъ безформно, не желая смотрѣть, что-ли, на нихъ, или дѣлаясь гуще и менѣе прозрачною. Хозяйка,—должно быть ближайшей избы,—что то копается въ долбленомъ корытѣ, ближе къ первому плану; въ воротахъ, вдали виденъ мужчина, тоже какъ бы случайно здѣсь очутившійся и потому не нарушающій общаго застоя или затишья. Поэзія молчанія, и мечты можетъ получить полный просторъ и раздолье для вызова на свою канву прихотливыхъ грезъ на яву, съ наступленіемъ полумрака. А онъ спускается тихо, царственно и всевластно принимая во владѣніе землю и воздухъ.

Въ здѣшнемъ обществѣ поощренія художниковъ, на выставкѣ, мы видѣли еще новую работу Клевера, съ тѣмъ же грустнымъ характеромъ въ основѣ, но съ эффектомъ совершенно новымъ. Кисть изобразила пустое поле осенью; судя по цвѣту неба, воздухъ уже довольно свѣжъ, но листва еще держится на дальнихъ деревьяхъ. Воробьи облѣпили остовы временныхъ балагановъ изъ жердей, и если бы не полетъ

этихъ птицъ, опять царила бы тишь въ непроглядной дали этого поля. Тощіе корешки и стволы оставленной поросли, между тѣмъ, живутъ, по своему, не сообщая пространству пустоты и безпріютности, не смотря на кажущуюся съ перваго взгляда монотонію красокъ. Ясно, что взглядъ нашъ удерживаетъ какая-то сила сочувствія, невольнаго, но и неслучайнаго. Что же это,— если не поэзія? Поэзія можетъ быть въ краскахъ также, какъ и въ очертаніяхъ образовъ. Но если вѣянье ея дружескихъ крыльевъ чувствуется при воззрѣніи на страницу, писанную перомъ, или кистью, отрицать въ нихъ жизненности нѣтъ уже повода.

Профессоръ И. И. Шишкинъ.

Сосновый лѣсъ.

Иванъ Ивановичъ Шишкинъ, въ семьѣ русскихъ видописцевъ, стоитъ, если можно выразиться, *особнякомъ*, воспроизводя преимущественно поэзію лѣса. Изъ немногихъ живописцевъ видовъ на материкѣ—въ противоположность *маринистамъ* — Шишкинъ преслѣдуетъ свою задачу *картинъ въ природѣ растительнаго царства*, неограничиваясь показываніемъ лѣса на такой дали, гдѣ общій цвѣтъ: сизый, либо бурый, оказывается достаточнымъ для заполненія въ картинѣ мѣста, отводимаго художникомъ на долю деревьевъ. Шишкинъ дѣлаетъ другое. Онъ вводитъ зрителя въ самую средину лѣса, на какую нибудь полянку, узкую, но глубокую, огражденную природою живымъ, необозримымъ частоколомъ могучихъ сосенъ,

Куда ни посмотришь, строяды йные рэтихъ исполиновъ выростаютъ, выглядывая другъ изъ за друга, словно сторожа завѣтную поляну—мѣсто недавней порубки. Слѣдами ея остаются тамъ и сямъ на травѣ обрубки стволовъ, отдѣльные сучья и вѣтки съ высохшею хвоей, по обѣимъ сторонамъ разлива бурой водицы, отражающей въ себѣ и камни, поросшіе мохомъ, и покатость песчанаго берега, и грубую траву. Она же, въ родѣ обрывковъ бахромы, торчитъ съ края зеленой скатерти травянистой почвы, гдѣ оканчивается не глубокій слой землицы и начинается сыпучій песокъ, по которому, у камешковъ, выбѣгаетъ изумрудный мохъ. Тишина пустыни полная: ни одинъ звукъ не долетаетъ до чуткаго уха косматаго мишки, подмѣтившаго на высокомъ стволѣ сосны, съ обрубленными далеко сучьями—улей, вмѣстилище меда, до котораго, какъ извѣстно, страстный охотникъ нашъ обитатель лѣсной чащи, получившій и самое прозваніе свое отъ умѣнья находить соты пчелиные.

Созерцаніемъ склада ихъ въ вышинѣ мишукъ занятъ серьозно и ничто не возмущаетъ его покоя наблюденій, среди свѣтлаго дня, при яркомъ солнцѣ, оживляющемъ картину глуши и молчанія. Лучи, такъ привѣтно и такъ тепло, ласкаютъ вѣковые стволы деревьевъ, причудливо и какъ-бы по выбору выдѣляя своимъ свѣтомъ то изгибы

высохшаго сучка, то алмазныя искры росы на листкахъ и стебелькахъ травы, густо и роскошно убравшей лѣвый бокъ картины. Здѣсь глазъ зрителя останавливается на купѣ кустарниковъ, при подошвѣ вѣковой сосны, выступающей, словно предводитель, передъ фалангой мрачныхъ полчищъ, такихъ же, какъ она, рослыхъ сестеръ. Лучь свѣта намѣчаетъ только передніе ряды, предоставляя сосредоточенному вниманію обозрѣвателя перечесть эту силу. Срубленный пень у самаго края картины, да два на другомъ берегу разливца, ни сколько не ослабляютъ увѣренности въ неистощимость лѣсного богатства пустыннаго уголка. Здѣсь любой исполинъ, выпрямляя свой гладкій станъ, наглядно говоритъ о своемъ значеніи для дѣла, если употреблять его съ толкомъ, сообразивъ, на что именно выгоднѣе обратить дерево, съ меньшею утратою при распилкѣ. Какъ не сказать, что мѣсто благодатное и какъ не убѣдиться наглядно въ могучести таланта художника, кисть котораго не просто даетъ вамъ пейзажъ—какъ недавно бывало, за невозможностью простирать дальше свои требсванія—но полную картину живой дѣйствительности. Здѣсь не приходится совсѣмъ прибѣгать къ избитому мотиву былыхъ оцѣнокъ картинъ природы: что тотъ-то уголокъ больше, а этотъ меньше привлекаетъ вниманіе. У Шишкина

вы видите схваченный моментъ изъ цѣлой панорамы жизни природы, во всей полнотѣ ея, такъ какъ представляется она глазу наблюдателя, на яву. Вамъ хочется самимъ, глядя на картину, пройдтись по травѣ, поглядѣться въ зеркало воды, полюбоваться вблизи бархатнымъ мохомъ на камнѣ и подышать смолистымъ ароматомъ лѣса, прельщаясь холодкомъ прекраснаго осенняго дня и сопровождая грустною думой сознаніе: что эту лазурь неба не скоро придется увидѣть еще разъ. И, какъ знать, придется ли увидѣть впредь? Жизнь наша такъ не надежна; а отъ осени до осени—цѣлая вѣчность. Кто порукою, что мы увидимъ яркую весну, переживемъ знойное лѣто и еще разъ будемъ прощаться съ жизнью природы въ такой же пріятный осенній день, когда еще зеленый уборъ растительности не вездѣ измѣнилъ свой обычный цвѣтъ на оттѣнокъ болѣе яркій, докладывающій о близкомъ паденіи листа и замираньи травъ.

Что можетъ быть лучшею оцѣнкою картины, какъ не погруженіе зрителя въ подобное созерцаніе, близостью передачи подлинной жизни?—какъ у Шишкина. Достиженіе этой близости передачи жизни, не есть ли вѣнецъ живописнаго творчества и признаніе художника мастеромъ?—на цѣнность трудовъ котораго, ни время, ни мода, не могутъ имѣть никакого вліянія.

Академикъ А. И. Морозовъ.

«Выходъ изъ церкви».

Есть громкія имена въ живописи, какъ и во всякой спеціальности, составившія репутацію однимъ, какимъ-либо, произведеніемъ. Случалось даже составить имя за одну идею, бывшую въ большомъ ходу въ обществѣ и нашедшую воплощеніе въ произведеніи художника, за тѣмъ дѣлавшаго и ложные шаги, но неутрачивающаго лестное вниманіе публики, привязавшейся къ его имени. Есть, на оборотъ, и глубокія въ основѣ дарованія, произведенія которыхъ нравятся, возбуждаютъ похвалы знатоковъ и любителей, неудостоиваясь горячаго сочувствія массы, легко увлекающейся моднымъ эффектомъ. Къ которому изъ этихъ двухъ типовъ художниковъ окажется болѣе сочувствующимъ безпристрастное потомство, покажетъ время. Или, лучше сказать, время сброситъ завѣсу, скрывающую скромное достоинство, и всѣ хорошія стороны истиннаго таланта всплывутъ наверхъ,

сообщивъ ему въ потомствѣ лучезарное сіяніе непереходящей репутаціи и увѣренной оцѣнки капитальныхъ качествъ.

Живописецъ домашнихъ сценъ, Александръ Ивановичъ Морозовъ (родившійся въ Петербургѣ, 17 мая 1835 г.), по свойству своего скромнаго, хотя и несомнѣнно оригинальнаго таланта, принадлежитъ ближе другихъ къ послѣднему, указанному нами, типу художниковъ. Отзывы современныхъ цѣнителей почему-то холодно и какъто вскользь говорятъ о его работахъ, по нашему мнѣнію заслуживающихъ большей теплоты сочувствія.

Александръ Ивановичъ Морозовъ вступилъ въ Академію въ 1851 г. и считался ученикомъ А. Т. Маркова, являясь на выставки съ 1854 г.; съ одними портретами, впрочемъ. Въ 1857 г. ему присуждена за портреты гг. Языковыхъ серебряная медаль; дѣйствительно, исполненіе ихъ было естественное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень пріятное. За такимъ скромнымъ началомъ, вдругъ А. И. Морозовъ въ 1861 году написалъ «отдыхъ на сѣнокосѣ»—картину, удостоенную 2 золот. медали и посланную на Лондонскую всемірную выставку. Въ этомъ произведеніи художникъ показалъ замѣчательную наблюдательность и много теплоты чувства. Въ 1864 г. написанъ имъ, «выходъ изъ церкви», гдѣ богатство живыхъ, самыхъ разнообраз-

ныхъ типовъ, представляющихъ ансамбль изъ быта губернскаго города въ праздничный день, до того художественный и мастерски переданный, что можетъ удовлетворить самую придирчивую взыскательность. Эта картина доставила художнику званіе академика (1864 г.). Долго готовясь написать опять оригинальную картину «изъ обыкновенной жизни», художникъ на выставку настоящаго года поставилъ изображеніе «сельской безплатной школы», останавливавшее массы зрителей. Если мы прибавимъ къ сказанному, что художникъ, смотрящій на жизнь такъ здраво и просто, уже въ лѣтахъ полнаго разцвѣта своихъ способностей, то пріятная надежда видѣть въ будущемъ обиліе настолько же задушевныхъ произведеній, какъ до сихъ поръ исполненныя, оказывается первымъ изъ ощущеній, рождающихся при мысли о скромномъ артистѣ, посвящающемъ дни свои художественному труду. Существованіе трудомъ, конечно, принуждало художника производить десятки портретовъ, картины для церквей и вообще работы *для денегъ*. Но, это не уклоняло его мысли отъ идеаловъ, воплощенныхъ въ сценахъ быта, съ живою мыслью въ основѣ, оригинальными характерами и естественнымъ выполненіемъ безъ всякой аффектаціи. Желаемъ ему отъ души успѣховъ.

Двѣ картины профессора К. Ѳ. Гуна.

Сцены семейнаго быта, въ которыхъ проявляются простыя, естественныя ощущенія, въ развитіи своемъ недоходящія до бурныхъ порывовъ драмы, намъ кажутся наиболѣе соотвѣтственными характеру и наклонностямъ профессора Гуна. Такое убѣжденіе вынесли мы, слѣдя вообще за развитіемъ его своеобразнаго таланта, въ которомъ указанныя нами качества выяснились достаточно, указавъ и мотивы, не подходящіе ни по складу ума, ни по влеченію чувства художника, пробовавшаго пускаться и въ исторію. Въ развитіи же задаться тамъ, гдѣ представлялась возможность ему выводить на сцену субъекты простые, встрѣчающіеся во множествѣ въ обиходѣ жизненнаго быта, типъ выходилъ приличный, хотя и безъ до-

статочной глубины. За то характеры: безпощадной мести, безвыходнаго отчаянія, или даже кроваваго фанатизма, не способнаго разбирать жертвъ въ грозную минуту рѣшенной кары— у г. Гуна выходили холодными, не вполнѣ опредѣленными, нерѣшительными и дававшими поводъ ошибаться въ разгадкѣ ощущенія, которое думалъ выразить, въ лицѣ ихъ, художникъ.

Мастерство кисти его, между тѣмъ, неоставляетъ ни тѣни сомнѣнія въ возможность съ его стороны осуществить всякій, самый непримѣтный даже, оттѣнокъ ощущенія, а не просто общія черты характера.

Ясно, слѣдовательно, что у Гуна, какъ и у знаменитаго Греза—злоба человѣческая и всѣ черныя ея проявленія, не находятъ достаточной теплоты и сочувствія. Разительнымъ примѣромъ вѣрности нашей посылки представляются, разбираемыя теперь нами, двѣ сцены, выхваченныя изъ живой дѣйствительности. Художникъ подмѣтилъ и передалъ восхитительно здѣсь, тонкія довольно ощущенія. Нашелъ онъ и теплоту, и задушевность, создавъ въ своемъ родѣ chef d'oeuvre ы, гдѣ обаятельная прелесть воспроизведенія дѣйствительности приковываетъ глазъ зрителя къ моменту, видѣнному, можетъ быть, тысячу разъ въ натурѣ, но никогда не останавливавшему на себѣ его вниманія.

Художникъ переноситъ васъ въ скромное жилище французскаго крестьянина, служащее и кухнею, и столовою, и мѣстомъ игры дѣтей. Хозяйство незавидное. Накрытый котелокъ, съ чѣмъ то съѣдобнымъ, разогрѣвается въ ветхомъ комелькѣ, на щепкахъ, собранныхъ въ умѣренномъ количествѣ. Въ ожиданіи скуднаго обѣда, мать — женщина веселая, съ доброю улыбкою на полномъ, миловидномъ лицѣ, — потѣшаетъ сынка и дочку, вынувъ имъ изъ подпечка красиваго котеночка. Мальчикъ поглаживаетъ его атласную спинку, а дѣвочка подставляетъ подъ цѣпкіе когти рѣзваго животнаго конецъ своего передника. Кошка-мать съ безпокойствомъ слѣдитъ за игрою дѣтей съ ея шаловливымъ чадомъ, смотря изъ за руки хозяйки, держащей кувшинчикъ съ молокомъ, уже налитымъ на тарелку. Другой котенокъ, съ черною спинкой, присѣлъ, между тѣмъ, къ молоку и лакаетъ его съ жадностью, тогда какъ третій, самъ бѣлый весь, какъ молоко, только смотритъ на дѣйствіе братца, еще не отвѣдавъ сладкой влаги изъ тарелки. Дѣти для котятъ забыли свои шутки: дѣвочкою оставлена у комелька лошадка на колесахъ, обороченная на бокъ; и барабанъ мальчика покоится подлѣ ветошки, служащей одѣяльцемъ котятамъ. Въ глубинѣ картины, подлѣ тусклой оконницы, видна старушка въ высокомъ

колпакѣ; едва ли не моющая руки, передъ обѣдомъ, по старому обычаю.

Наличность домашняго скарба, показываетъ не большой достатокъ.

Въ сосѣдствѣ съ комелькомъ, пріютилась небольшая плита, похожая на шкафъ, благодаря печнымъ отверстіямъ и фигурному выступу, вверху, боковыхъ стѣнокъ огнища; по всей вѣроятности, рѣдко видѣвшаго пламя. Для бѣднаго семейства достаточенъ и мелкій огонекъ въ комелькѣ, да печь (передъ которою происходитъ сцена). Съ цѣлью топки этой печи, въ каменную трубу и проведенъ воротъ поперегъ комнаты, для пропуска дыма.

Мѣсто дѣйствія и самый случай, интересующій представителей семьи разныхъ возрастовъ, переданы восхитительно просто и граціозно, какъ и требуетъ идиллія. Другаго имени подобной сценѣ прибрать трудно, также, какъ не назвать драматическою сценою вторую картину г. Гуна, хотя въ ней непосредственнаго движенія и не сообщилъ художникъ фигурамъ матери и сына.

Изъ быта бѣдняковъ же, Гунъ воспроизвелъ грустный моментъ тяжелаго раздумья, навѣяннаго горемъ, размѣръ котораго еще неопредѣлился; но можетъ навести несчастіе. Въ чердачномъ пріютѣ бѣдняжки, служащемъ спальнею, кухнею и рабочимъ кабинетомъ, на кровати, подъ смастеренньмъ

хитро пологомъ, спитъ, въ жару лихорадки, дитя, разбросавъ съ томленьемъ свои исхудалыя рученки. Между досками переборки, конечно, свободно проходитъ холодъ и вѣтеръ въ комнату, зато дешево уступаемую, что сами жильцы принимаютъ мѣры къ устраненію всевозможныхъ неудобствъ.

Чтобы остановить доступъ холода, настоящая арендаторша чердака, сама придумала впихнуть между кроватью и щелистою перегородкою мѣшокъ съ тряпьемъ, въ ногахъ постели; занявшій собою всю высоту, отъ пола до полога, спущеннаго на двухъ жердяхъ, (привязанныхъ къ потолку, въ головахъ и ногахъ), до самаго дерева кроватнаго станка. Ткань этого полога, да платья жилицы, повѣшенныя на деревянную стѣнку, — единственныя, впрочемъ, преграды холодному воздуху съ этой стороны; кромѣ мѣшка. Но и это, въ сущности палліативное средство для удержанія тепла, въ комнатѣ гдѣ больной, стоило многихъ хлопотъ бѣдной матери. Можно подозрѣвать, что художникъ хотѣлъ представить ее доброю католичкой, съ особою заботливостью украсившею нишь въ стѣнѣ, гдѣ поставлено рисованное изображеніе Спасителя, а подъ нимъ прилажена лампадка съ распятіемъ и вѣтвью освященной вербы.

Глядя на спящее дитя, грустная мать погрузилась, какъ мы прежде замѣтили, —въ

тяжелое раздумье, прислонясь къ столу, (что передъ окошкомъ) и подперши рукою подбородокъ.

Простая женщина эта, съ практическимъ умомъ и кругозоромъ не выше удовлетворенія первыхъ физическихъ потребностей неприхотливою трапезою, должно быть, пришла только изъ рынка, принеся свѣжій салатъ, такъ живописно рисующійся въ корзинкѣ. За приготовленіе его она, впрочемъ, не думаетъ приниматься; хотя щепки и оказываются разбросанными передъ холоднымъ калориферомъ, съ самодѣльно прилаженною узенькою трубою. Случайный взглядъ на измѣнившіяся черты дитяти, единственнаго ея сокровища, — погрузилъ бѣдную мать въ море горькихъ ощущеній. Въ дѣйствіе лекарства, что стоитъ у кровати и на которое издержаны почти послѣднія деньги, бѣдняжка перестаетъ надѣяться. Отъ того то жесткія черты ея видимо озлоблены и съ сухихъ губъ готовъ сорваться ѣдкій упрекъ на судьбу: зачѣмъ другимъ такъ легко живется? а ей... только приходится глотать обиды, перенося бѣдность и униженіе. Одна утѣха была — дитя! И его, какъ видно, хочетъ отнять судьба у ней, наславъ болѣзнь, истомившую ребенка въ нѣсколько часовъ... И что еще будетъ далѣе? А какъ было принарядила она свой невзрачный пріютъ, остатками прежняго довольства. Те-

перь эта декорація кажется ей злою насмѣшкою надъ своимъ положеніемъ. А праздничная наружность открытаго шкафа съ посудою, представляется злобнымъ упрекомъ. Каждая тарелка росписанная, какъ бы спрашиваетъ свою, недавно еще нетерявшую бодрость, владѣлицу: зачѣмъ ты не продаешь насъ? что нибудь дадутъ!

Къ чему искать художнику искуственной натянутой трагедіи, въ историческихъ сценахъ, гдѣ выходятъ проявленія страсти такъ слабы и неопредѣленны, а пренебрегать задачами въ родѣ нами описанной, гдѣ идея композитора не идетъ въ разрѣзъ съ міромъ простыхъ ощущеній? Просто, но вѣрно прочувствованная домашняя сцена, поражаетъ и прямѣе всѣхъ, даже не приготовленныхъ зрителей, для которыхъ не существуетъ сознаніе трудностей воспроизведенія прошлаго. И въ домашнихъ, обыденныхъ сценахъ, высказывается истинный поэтъ, ни сколько не меньше увлекательно передающій жизнь съ ея человѣчными стремленіями, и всякою страстью и горемъ невзгодъ.

Самая домашняя идиллія можетъ очаровать разомъ и глазъ, и чувство, если образы, ею выводимые, жизненны, прекрасны и полны правды. Одна же обстановка сомнительнаго покуда характера несоставляетъ цѣли стремленій исторіи, возсоздающей только жизнь прошлую, по образцамъ развитія страсти

современныхъ дѣятелей, на нихъ изучая положенія, въ которыя, по ходу обстоятельствъ, ставились историческія лица. Дѣло исторіи, слѣдовательно, болѣе трудное. И задачи ея, вслѣдствіе большей рѣдкости совмѣщенія въ одномъ лицѣ противоположныхъ качествъ, съ непремѣнною поэтическою способностью творчества въ основѣ—отъ того и рѣдко достигаютъ сноснаго исполненія. Жизнь же современная, отлагая грузъ научной подготовки и довольствуясь, въ замѣнъ ея, большею осязаемостью идеи художественнаго произведенія,—независимо, конечно, соот вѣтственной силы выполненія,—нисколько не уменьшаетъ заслуги автора оригинальной сцены, воспроизведенной перомъ, рѣзцомъ или кистью, когда совершено имъ истинно великое. Скажемъ болѣе, простота концепціи нагляднѣе выдѣляетъ достоинство; потому что сердце легче, даетъ вѣрный отчетъ чѣмъ голова и память.

М. М. Антокольскій.

Статуя Петръ Великій.

Статуею «Іоаннъ Грозный» (помѣщенною на страницахъ «Всемірн. Иллюстр.» № 120), академикъ Антокольскій составилъ себѣ почтенную репутацію художника съ талантомъ, который произведеніямъ своимъ умѣетъ сообщать изящную форму и законченность. Относительно бюстовъ и статуй миѳологическихъ личностей (въ родѣ нимфъ, геніевъ и прочихъ изящныхъ измышленій классическаго баснословія) такихъ качествъ достаточно, чтобы достигнуть восхваленія за безупречное выполненіе любой задачи художникомъ; въ историческихъ типахъ—другое дѣло. Тамъ весь почти талантъ художника парализуется невѣрною передачею извѣстнаго типа; а изящность выполненія виднѣе представляетъ недостатокъ исторической правды, осязатель-

но докладывая о средствахъ творца-мастера и о недостиженіи имъ самой существенной цѣли творчества. Цѣль же эта, какъ извѣстно, заключается главнѣйше въ томъ, чтобы возсоздать изящно великій образъ, не утрируя его, но сохраняя во всей полнотѣ качествъ, ему одному присущихъ и составляющихъ, такъ сказать, его неотъемлемую принадлежность. Безъ того же историческая личность утрачиваетъ свой жизненный типъ, дѣлаясь непонятною, незнакомою и чуждою даже всѣмъ знающимъ дѣло.

Со статуею Петра I, господина М. М. Антокольскаго, на нашъ глазъ, произошло нѣчто подобное и при всѣхъ достоинствахъ внѣшняго исполненія, обыкновенно служащихъ приманкою публики и маскированіемъ слабыхъ сторонъ (для части ея, неуглубляющейся въ требованія задачи.) Не смотря на имя художника, получившаго уже извѣстный ореолъ успѣха, публика,—что нечасто случается у насъ,—осталась холодною къ новому творенію, не поддавшись уловленію и тщательной отработки частей. Это—знаменательный фактъ. Хотя видѣть въ немъ неожиданную зрѣлость взгляда публики было бы и болѣе, чѣмъ преждевременно. Дѣло въ томъ, кажется, что недавній юбилей Петра I удерживаетъ еще у всѣхъ въ свѣжей памяти колоссальный образъ Царя-Преобразователя, съ его выработавшимся

уже достаточно жизненнымъ типомъ. А у художника является рѣзкій разладъ, этого именно типа, съ его мало подготовленною фантазіею. Еслибы было иначе, публика и газеты не отнеслись бы съ извѣстною дозою рѣзкости порицаній г. Антокольскому и панегиристъ его (В. В. Стасовъ) не имѣлъ бы неудовольствія встрѣтить рѣзкое заявленіе отрицанія его мнѣнія отъ редакціи даже той газеты (С.-П.-б. Вѣдомостей), гдѣ помѣщена его статья.

Опять казусъ, если угодно, нечастый и вызванный дѣйствительною противоположностью общаго мнѣнія, съ рѣшеніемъ критики.

Посмотримъ, однако, что было причиною увлеченія рецензента и творца статуи въ противоположную сторону, чѣмъ сложилось мнѣніе большинства?

Петра I всѣ уже теперь представляютъ себѣ личностью геніальною, у которой не было и не могло быть разногласія между логическимъ отношеніемъ къ дѣлу, во всемъ, что только занимало всеобъемлющую мысль правителя, политика, полководца, моряка, техника и, прежде всего, русскаго по душѣ, по чувствамъ и по болѣзненной любви къ родинѣ; которую для ея будущаго величія пересоздалъ онъ, выказавъ страшную энергію.

Художникъ, къ несчастію, изъ всего этого собора великихъ качествъ, слагающихъ типъ, выбралъ одну энергію и рѣзкостью движенія,

сообщеннаго фигурѣ, показалъ какъ бы отсутствующимъ разумное начало. Черезъ это у него вылился типъ военнаго педанта,—страстнаго къ своему ремеслу, можетъ быть, но уже—безъ всякаго озаренія геніальною всеобъемлющею мыслью. А Петръ никогда маніякомъ собственно военнаго дѣла не былъ; всегда готовый помириться, если представлялась возможность замѣнить оружіе мирнымъ соглашеніемъ. Большей разности, слѣдовательно, какъ представить Петра I монарха—съ такими качествами, какія были удѣломъ несчастнаго его соперника Карла XII,—не было и быть не можетъ. А такимъ является Петръ I у Антокольскаго; потому то и не награжденнаго сочувствіемъ публики, сжившейся съ другимъ, недавно еще ей выясненнымъ, идеаломъ. Художникъ, далѣе, хвалился вѣрностью костюма, но и костюмъ вышелъ у него далеко неудовлетворителенъ. Прежде всего, маленькая шляпа чрезвычайно курьезной формы, въ моделировкѣ Антокольскаго сообщила даже извѣстную долю комизма гнѣвной фигурѣ воителя, на грѣхъ еще снабженнаго капральскою тростью—какъ бывало при павловской формѣ, а отнюдь не при Петрѣ, передъ войскомъ являвшемся съ эспонтономъ, а не съ тростью. Ходилъ Петръ гулять, правда, съ двухпудовою тростью желѣзною, хранящеюся въ кабинетѣ его: но

это другое дѣло. Онъ, наблюдатель дисциплины, самъ, никогда и нигдѣ не оказывался ея нарушителемъ; слѣдовательно, въ мундирѣ съ тростью являться не могъ. Между тѣмъ, эта несчастная трость въ глазахъ публики явилась одною изъ причинъ недовольства статуей, движенію которой палка сообщаетъ намѣреніе кого либо ударить (замахъ). Какъ не могъ представить себѣ художникъ невыгодности подобной позы для выраженія типа великаго человѣка!

И портретнаго сходства, лицо Петра I у Антокольскаго тоже не имѣетъ; а, вдобавокъ, великій царь у художника вышелъ не столько колоссальнымъ по росту, какъ массивнымъ и толстымъ; — *полнымъ даже* (чтобы не сказать толстякомъ), съ широкими плечами и отростающимъ брюшкомъ. Хотя историческій Петръ былъ худощавъ и тонокъ въ плечахъ; а возвышенія живота у него вовсе не было, при высокой груди. Художникъ, правда, придалъ чертамъ лица молодость, но это не оказалось въ пользу благообразія всей фигуры, къ тому же наряженной въ мундиръ, едва-ли русскій?

Такъ что въ цѣломъ вышелъ отнюдь не Петръ I и глядя на это скороспѣлое твореніе невольно просилась на уста, эпиграмма поэта *съ приличнымъ случаю примѣненіемъ*

Какое хочешь имя дай
Своей статуѣ полудикой
Петръ толстый, Петръ большой,
Но только Петръ Великій,
Ее не называй.

Сожалѣя о неудачѣ художника, мы позволимъ себѣ ему посовѣтывать: больше вникать въ общность качествъ избраннаго имъ историческаго типа, а не останавливаться на одномъ первомъ—больше понравившемся и всего легче дающемся, качествѣ. Иначе типъ цѣлаго никогда не создастся и всегда рѣзкое выдѣленіе одной стороны, будетъ граничить съ каррикатурностью или умышленнымъ комизмомъ, присутствіе котораго не совмѣстно съ изящнымъ представленіемъ истинно великаго. Совѣтъ этотъ даемъ мы художнику, увѣренные въ богатствѣ его таланта, способнаго неудачу въ одномъ случаѣ, покрыть десятью удачами впредь.

И. М. Прянишниковъ.

Калики перехожіе.

Въ Москвѣ—сердцѣ Россіи, какъ говорятъ наши поэты, конечно, должны родиться и развиваться таланты, проникнутые народностью русской. Послѣ Перова, составившаго себѣ уже прочную репутацію, самымъ крупнымъ талантомъ, изъ московскихъ живописцевъ народнаго быта, оказывается Иларіонъ Михайловичъ Прянишниковъ, прекрасную картину котораго разбираемъ мы теперь *съ вѣрнаго* снимка. Съ этимъ, конечно, согласятся видѣвшіе картину и знакомые съ трудностями передачи эффекта живописи на столько несовершенною техникою, какъ гравированіе на деревѣ, подчиненное множеству самыхъ трудныхъ условій.

Художникъ представилъ обыденную сцену появленія въ деревнѣ *пѣвцовъ* Лазаря, мастеровъ своего дѣла и художниковъ своей профессіи, во всѣхъ отношеніяхъ. Одноглазый атлетъ, массивно сложенный, далеко оставляетъ за собою, въ физическомъ развитіи, своего товарища — слѣпца, который,

въ замѣнъ начинающейся хилости, неразлучной съ возрастомъ его и претерпѣнными невзгодами, убѣлившими голову и бороду— одаренъ тонкостью ума. *Поводырь* этой четы промышленниковъ, мальчикъ, тоже смышленый, пріучается употреблять въ дѣло мимику, приличную случаю, выражая на дѣтскомъ еще лицѣ своемъ всѣ оттѣнки ощущеній отъ сладкой признательности, до горячаго моленія о благодѣтеляхъ, за лишній пятакъ. Изъ него выйдетъ, современемъ, актеръ на славу, хотя не для *сцены*, въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ этого слова. Зрителями—слушателями канты на картинѣ, кромѣ исполнителей, оказываются двѣ бабы, да пятеро ребятъ. Хозяйка избы, передъ которою совершается пѣніе, пригорюнилась, очень разчувствовавшись, должно быть. Картина не приглянаго житья нищаго-праведника, нашла осуществленіе для себя въ тождествѣ быта ея самой, полнаго если не всякихъ лишеній, то обидъ и униженія. Грустное настроеніе матери подмѣтила дѣвченочка ея, въ пестромъ платкѣ стоящая подлѣ, въ рубашенкѣ, босикомъ. Она старается заглянуть въ лицо матери, съ видимымъ желаніемъ привлечь на себя вниманіе. Вдали стоящая женщина съ ребенкомъ — одно изъ забитыхъ существъ, на лицѣ которыхъ трудно подмѣтить малѣйшій признакъ ощущенія; такъ все плотно улеглось, что волненіе

является неподходящею статьею. Два мальчика (у старшаго за спиною кнутикъ спрятанъ) привлечены на мѣсто дѣйствія скорѣе любознательностью, чѣмъ другимъ какимъ-либо влеченіемъ. Старшій, больше понимающій, глубоко вслушивается, стараясь удержать въ памяти звуки напѣва; по меньше— смотритъ на каликъ и ихъ дорожный костюмъ, слѣдя, въ тоже время, за движеніемъ губъ просящаго циклопа, подталкивающаго непримѣтно своего мальчика. Три собаки относятся къ пѣвцамъ неблагосклонно, скаля зубы и ворча, далеко непріязненно. Поодаль отъ нихъ старается подняться на пригорокъ дѣвочка съ ребенкомъ, насилу таща его. Вдали, изъ подъ руки, озираетъ каликъ баба, идя съ ведрами за водою, да бѣжитъ сюда же мальчуганъ съ своей неразлучной жучкой. Деревня только тутъ начинается и крайняя изба видна изъ за спины странниковъ. Небо теплое, нѣсколько облачно; хотя солнышко пригрѣваетъ ощутительно спины пѣвцовъ, и ихъ слушателей обоего пола и всякихъ возрастовъ. Простота концепціи и ея задушевность показываютъ, что художникъ передалъ видѣнное имъ и глубоко прочувствованное. Отъ того и господствуетъ единство дѣйствія, сообщающее моментальность обыденной сценѣ, производя на зрителя живое впечатлѣніе.

В. Е. Маковскій.

«Пріемная доктора».

Художникъ Маковскій своими произведеніями составилъ себѣ уже такую извѣстность, что повторять похвалы о его произведеніяхъ, о которыхъ мы не разъ уже говорили на страницахъ «Всемірной Иллюстраціи»,—намъ теперь не представляется надобности. Мы будемъ бесѣдовать со своими читателями о самой сценѣ, передаваемой въ ксилографіи.

Талантливый художникъ переноситъ насъ въ изящную залу, должно быть, моднаго врача, къ которому собрались за совѣтомъ нѣсколько типическихъ персонажей. Тутъ есть и мамаша, незнающая, что дѣлать со своимъ избалованнымъ сынкомъ, у котораго болятъ зубки и, должно быть, маленькій флюсъ. Нѣжная мать уговариваетъ ребен-

ка потерпѣть немного еще, обѣщая за его послушаніе подарить вещицу, должно быть сильно дѣйствующую на дѣтское воображеніе. Ребенокъ успокоивается и обѣщаетъ мамашѣ дѣлать все, что отъ него потребуетъ врачь.. и—не плакать. Спиною къ заботливой родительницѣ сидитъ заслуженный бюрократъ, погрузившись не то въ мечтанія, несовсѣмъ подходящія къ его коренастой фигурѣ,—не то въ серьезную думу имѣющую, безъ сомнѣнія, связь съ нахожденіемъ его въ пріемной доктора. Какъ знать, настолько здорово сложенный служака, не страдаетъ ли мнительностью и не забралъ ли себѣ въ голову, что ему грозитъ удаленіе изъ сего бреннаго міра суеты? въ другой, лучшій, гдѣ нѣтъ ни вицмундировъ, ни урочныхъ хожденій въ департаменты. Какъ нѣтъ страстишекъ въ родѣ заискиваній о повышеніи, либо прибавки жалованья. Развернувъ красный платокъ на колѣняхъ и поджавъ руки, чиновникъ думаетъ, словно неслыша бесѣды, веденной почтенною старушкою, со знакомымъ отцомъ духовнымъ, досконально сообщающимъ ей вѣрное симпатическое средство: унять зубную боль, которая заставляетъ почтенную барыньку въ капорѣ, дѣлать что-то похожее на гримасу, прижимая концами костлявыхъ пальцевъ нижнюю часть правой щеки. Священникъ, должно быть

самъ испытавшій вѣрное средство, или слышавшій тоже отъ духовныхъ дочерей, передаетъ фактъ съ убѣдительностью и точностью. Движеніемъ слагаемыхъ въ щепотку перстовъ, онъ, кажется, опредѣляетъ размѣръ пріема своего средства. За спиною батюшки, по другую сторону трюмо и (подъ нимъ), часовъ съ амуромъ, стоитъ скучный молодой человѣкъ, со шляпою въ рукѣ и другою заложенною въ карманъ брюкъ. Поза этого молодца служитъ предметомъ болѣе или менѣе остроумныхъ толкованій: за чѣмъ пришелъ къ врачу юноша? Мы удерживаемся отъ коментарій, съ своей стороны, позволяя себѣ только замѣтить, что его типичный въ своемъ родѣ персоннажъ вѣрно угаданъ художникомъ. Онъ прекрасно и кстати помѣщенъ, чтобы закончить живое собраніе интересныхъ субъектовъ въ пріемной доктора, живущихъ каждый своею жизнію, съ влеченіемъ своеобразныхъ интересовъ и нуждъ мгновенія.

В. Г. Перовъ.

«Рыболовы».

О Перовѣ и талантѣ его, мы уже не разъ бесѣдовали съ читателями Всемірной Иллюстраціи; не разъ дѣлали и характеристику его оригинальнаго дарованія. Помѣщаемая теперь картина общаго любимца публики даетъ намъ возможность только добавить, за послѣднее время, перечень трудовъ нашего жанриста, тѣми страницами, которыя счелъ онъ за благо прислать въ Петербургъ, на выставку въ Вѣну, и на соисканіе преміи, въ обществѣ поощренія художниковъ.

«Рыболовы» обладаютъ красивымъ ансамблемъ, вполнѣ картиннымъ, хотя бы была эта сцена и не въ краскахъ.

Колоритъ собственно тутъ постороннее дѣло, да вообще нашъ композиторъ—мыслитель, по части гармоніи тоновъ многое ос-

тавляетъ желать. И въ картинѣ «завтракъ охотниковъ» краски вредятъ, по нашему мнѣнію, достоинству живописи; монотонія и условность колеровъ положительно вліяютъ на уменьшеніе расположенія нашего къ этому произведенію. А «отпѣтый», наоборотъ, грѣшитъ кричаньемъ красокъ, не приведенныхъ въ гармонію. Колоритъ не удѣлъ Перова.

Зато наблюдательность, подмѣчающая глубоко типы и создающая такіе характеры, какъ толстякъ, благодушествующій, запустивъ уду свою въ зеркало воды, или эти охотники до сильныхъ ощущеній въ погонѣ за звѣремъ и невинными пташками, повѣствующіе другъ другу взаимные подвиги. Или, наконецъ, эти добрые сѣрокафтанники, внимающіе узнику, ввѣренному надзору ихъ, сами заполоненные его циническою рѣчью и похвальбою молодецкою – здѣсь, въ выраженіи характеровъ, повторимъ, Перовъ нашъ— свѣжая сила, съ которою, пожалуй, немногимъ придется посчитаться между собратіями по искуству, собранными въ Вѣну съ цѣлой Европы.

П. Н. Грузинскій.

«Оставленіе горцами аула съ приближеніемъ русскихъ войскъ».

Художникъ, своимъ прекраснымъ произведеніемъ, воскрешаетъ передъ нами недавнюю историческую драму покоренія Кавказа. Намъ представляются внутреннія покатости довѣчныхъ исполиновъ. Мѣсто дѣйствія—лощина, усыпанная свѣжими каменными обломками, по каменистой же, пологовозвышающейся почвѣ, поросшей мхомъ и тощею травою. Съ оскаленнаго верха высотъ спускаются арбы съ имуществомъ и семействами горцевъ, уходящихъ передъ войсками нашими, приближеніе которыхъ указываютъ столбы свѣтлаго дыма, мягко окружаюшаго ближайшую (слѣва картины) темную массу горы. Изъ-за нея тянется зигибомъ длинная вереница арбъ, тащимыхъ

воламии, въ предшествіи и сопровожденіи вооруженныхъ всадниковъ. На первомъ планѣ картины, по сторонамъ шагающихъ воловъ, впряженныхъ въ арбы съ раненными и женами наиба, перемѣшиваются въ нестройную массу люди и домашній скотъ. Поодаль отъ тяжко ступающихъ воловъ, черкешенка тащитъ на себѣ ношу одежды, ведя за руку смуглаго, полунагого, босаго мальчика-сынишку, боязливо взглядывающаго на новую для него сцену суматохи и общаго ужаса. За черкешенкою (у края картины) видѣнъ вьючный оселъ съ проводникомъ. Вслѣдъ за арбами съ семьею наиба, везутъ и значекъ его, въ толпѣ нукеровъ. Новая ватага подходитъ къ скользкому спуску. Вдали, по срединѣ открытой покатости, разрушенная сакля, а передъ нею, у камня, женщина остановилась словно ошеломленная. Близъ нея слѣдуетъ за волами усердная хозяйка, забывая собственное изнуреніе. Спокойно смотритъ на происходящее, съ замѣтнымъ безучастіемъ даже, одна жена наиба на передней арбѣ, словно рисуясь щегольскимъ нарядомъ своимъ. Совершенную противоположность съ нею составляетъ подруга раненнаго, держащая голову его на своихъ колѣняхъ,—на предшествующей открытой телегѣ. Скорбное выраженіе бѣдной женщины передаетъ такое тяжелое горе, которое нелегко описать нѣ-

сколькими словами. На ея сморщенномъ челѣ выступаетъ мрачное отчаяніе и полная безвыходность положенія и это выраженіе глубоко человѣчно. Радомъ съ ея сосредоточенною фигурою, за плечами крайней изъ уходящихъ женщинъ торчитъ ребенокъ, обнявъ ручонками шею матери. Нѣсколько впереди бѣглянокъ голова мужчины, положившаго руку на хребетъ вола—типъ разбойника смѣлаго и предпріимчиваго. Подлѣ него опять граціозныя черты молодаго женскаго лица—такія подробности, отъ которыхъ не хочется оторвать глазъ. Такъ пріятны ихъ естественныя, граціозныя пятна въ калейдоскопѣ сложной сцены. Первый планъ чрезвычайно хорошо изученъ и имъ можно вполнѣ удовлетвориться. Меньше довольнымъ остаешься отдаленными пунктами и пятномъ горы слѣва, хотя снѣжные пики на краю горизонта (слѣва), заставляютъ опять помириться съ талантливымъ художникомъ, написавшимъ это серьезное произведеніе. Эффектомъ оно не щеголяетъ съ перваго взгляда, но, когда начинаешьв глядываться, возникающіе сперва вопросы сами собою разрѣшаются въ довольство всѣмъ изображеннымъ Начинаешь убѣждаться, что маскированье эффекта входитъ, какъ кажется, въ расчетъ живописца.

Вотъ наше мнѣніе о произведеніи г. Грузинскаго, къ которому, при желаніи успѣ-

ха, съ нашей стороны, умѣстно обратить просьбу: подарить родное искусство не единственнымъ этимъ произведеніемъ. Надежду на это даютъ проявленный талантъ, глубокій и оригинальный, да перспектива дѣятельности, судя по прошлымъ работамъ, вполнѣ благодарной и всѣми замѣченной.

В. Герсонъ.

«Великій князь литовскій Ягайло, приказываетъ схватить дядю своего Кейстута и сына его Витовта, приглашенныхъ дружески на совѣтъ».

Прекрасная картина, представляющая едвали не самый черный эпизодъ изъ жизни коварнаго Ягайлы,—то врага, то друга католиковъ, и въ христіанствѣ не оставлявшаго преданій язычества—написана лучшимъ изъ варшавскихъ историческихъ современныхъ живописцевъ, Войцехомъ Герсономъ.

Художникъ этотъ, сдѣлалъ бы честь любому артистическому обществу, въ среду котораго судьба бросила бы его, чтобъ жить и дѣйствовать. Начальнымъ образованіемъ обязанъ онъ, впрочемъ, родинѣ; и именно варшавской школѣ изящныхъ искуствъ, гдѣ онъ теперь состоитъ въ числѣ дѣятелей.

Развитіе же его совершилось въ Парижѣ, подъ руководствомъ Леона Коанье, такъ что французская манера, нѣсколько изысканно эффектировать сцену,—по самому характеру своему, даже ненуждавшуюся въ аффектаціи,—по нашему мнѣнію, привилась къ художнику незамѣтно для него самого. Но, едвали это чуждое заимствованіе не вредитъ его творчеству?

Г. Герсонъ род. 1831 г., и теперь въ полномъ развитіи таланта. Судя же по работѣ его, назначавшейся на всемірную выставку въ Парижѣ, въ 1867 году, съ того даже времени онъ сильно ушелъ впередъ. Такъ что мы не беремся указать заранѣе, какъ далеко шагнетъ онъ и что мы встрѣтимъ въ грядущихъ твореніяхъ этого могучаго таланта; правду сказать, только не получившаго такого развитія, какое требовали способности его. Во всякомъ случаѣ, неполная исправность рисунка—этой грамматики живописца—композитора,—не можетъ такому сильному таланту вмѣняться въ невознаградимый упрекъ: у него есть драматизмъ въ оживленіи историческаго момента, есть правда въ выраженіи характеровъ и есть глубина въ замыслѣ ихъ. А это такія качества, за которыя можно простить неисправности и неточности. Точно также могутъ исчезнуть безслѣдно и эти кричащія краски, неуклюжіе повороты фигуръ и, пожалуй, отсутствіе силы въ коло-

ритѣ. Во всякомъ случаѣ рука, создавшая переднюю группу—Кейстута и Витовта съ Бирутою и способная создать такую голову, какъ, у притворщика Ягайла,—съумѣетъ справиться, при дальнѣйшемъ добросовѣстномъ изученіи, съ трудностями серьезной задачи, въ родѣ разбираемой нами сцены.

Сцена эта понятна и хорошо знакомитъ съ характерами даже второстепенныхъ персонажей, введенныхъ въ картину. Что же касается до профильной головы стараго Кейстута, то она безусловно прекрасна. И привлекательная фигура юнаго сына его трогаетъ за сердце своею человѣчностью. Наконецъ, вся картина, въ общемъ, даетъ много оживленія, лишающаго возможности на первый разъ даже видѣть промахи. До того поражается глазъ цѣльностью впечатлѣнія.

Другія композиціи этого художника, еще болѣе подтверждаютъ наше о немъ заключеніе. Напримѣръ, какъ хороша сцена съ садовникомъ, гдѣ вѣрно и живо переданъ король Янъ Собѣсскій. Или отважный патріотъ, пустынникъ Дмитрій изъ Горая, представшій королевѣ Ядвигѣ, въ моментъ ея, рѣшеннаго уже, бѣгства въ краковскій замокъ, вѣнчаться съ герцогомъ австрійскимъ, къ которому она больше чѣмъ неравнодушна. Она любитъ привлекательнаго рыцаря и ненавидитъ, потертаго обстоятельствами и съ молоду неотличавшагося благообразіемъ

Ягайлу. Между тѣмъ, расчеты политики ея совѣтниковъ принуждаютъ юную красавицу выбросить изъ сердца самый образъ любимаго и—отдаться нелюбимому. Наконецъ, такому человѣку, который способенъ внушить ужасъ и омерзеніе, но ни какъ не сочувствіе. И такую то побѣду надъ собою, заклинаетъ Ядвигу, для мнимаго блага родины, совершить въ угодность министрамъ политикамъ—краснорѣчивый пустынникъ? Въ своемъ рисункѣ, художникъ разгадалъ уже мотивъ для воплощенія этой драмы. Честь и слава ему! Онъ самая свѣтлая надежда друзей искуства на берегахъ Вислы, и мы, съ Невы, изъ анти-художественныхъ тундръ и слякоти, шлемъ ему теплое рукопожатіе, въ убѣжденіи, что живой талантъ стоитъ выше племенныхъ предразсудковъ и если поэтъ—гражданинъ цѣлаго міра, то художникъ композиторъ,—общій другъ того кружка, гдѣ удачное оживленіе, забытыхъ сказаній бытописателей, составляетъ праздникъ мысли и сердца, какъ подвигъ, всѣми сочувственно понимаемый и оцѣняемый.

Бывшій вице-президентъ И. А. Х.

Графъ Өедоръ Петровичъ Толстой,

(1783 — 1873).

Недавняя кончина графа Өедора Петровича Толстаго, налагаетъ на насъ обязанность повторять извѣстное уже о немъ.

По рожденію принадлежа къ аристократическому семейству *), графъ Өедоръ Петровичъ, по понятіямъ своего времени, не могъ избрать для себя другой карьеры, кромѣ боевой службы отечеству. Родившись въ Петербургѣ 10 февраля 1783 года, будущій художникъ-любитель скоро послѣ крещенья (послѣдовавшаго 17-го февраля, слѣдовательно черезъ недѣлю) записанъ въ Преображенскій полкъ, съ выдачею на годъ от-

*) Онъ былъ сынъ правнука Петровскаго министра-дѣльца, графа Петра Андреевича Толстаго, въ 1727 г. сосланнаго въ Соловки вмѣстѣ съ сыномъ, тамъ съ нимъ и умершимъ (Иваномъ Петровичемъ). Его сынъ и внукъ были дѣйств. ст. совѣтники.

пуска; возобновлявшагося регулярно съ истеченіемъ срока, до вступленія на престолъ Павла I.

Отецъ гр. Ѳедора Петровича—гр. Петръ Андреевичъ, былъ управляющимъ коммиссаріатомъ, а мать, Елизавета Егоровна, урожденная Барботъ-де-Марни, была племянница адмирала Крузе. Вступленіе на престолъ Павла I принесло кучу непріятностей роднымъ будущаго художника.

Дядя, у котораго жилъ онъ въ Полоцкѣ, и отецъ—оба лишились должностей; и, благодаря этой семейной невзгодѣ, 13-ти лѣтній юноша отданъ въ морской корпусъ, гдѣ прошелъ 6-ти лѣтній курсъ и 23 іюня 1802 года произведенъ въ мичмана. Въ корпусѣ уже пробудилось у Ѳедора Петровича Толстаго влеченіе къ рисованію, а неожиданный случай—привозъ отцомъ пата съ портретомъ Наполеона—далъ возможность убѣдиться, что будущій медальеръ въ состояніи отчетливо воспроизводить восковыя копіи съ камей, при помощи ножичка и булавки. Открылъ въ немъ эту способность математикъ Фусъ, и посовѣтовалъ ходить въ академію художествъ, гдѣ заведенъ былъ при Павлѣ I особый медальерный классъ.

Практическій совѣтъ ученаго принятъ молодымъ человѣкомъ. Онъ отыскалъ академію, классъ, и познакомился съ ученикомъ—медальеромъ Шиловымъ, давшимъ начинаю-

щему нѣсколько совѣтовъ для приступленія къ дѣлу и—оригиналъ для подражанія. Этимъ и началась собственно для графа Толстаго карьера медальера ex professo; потому что въ одно изъ посѣщеній класса, профессоръ Прокофьевъ посовѣтовалъ лепщику-любителю начать правильное прохожденіе рисовальныхъ классовъ, по порядку. А быстрота перелета ихъ всѣхъ до натурнаго—всего въ два мѣсяца,—ясно показала надежность первоначальной подготовки. Въ самый пылъ разгара занятій въ академіи, графа-моряка оторвали отъ рисунковъ, назначеніемъ на службу въ Роченсальмъ. Но, эту невзгоду устранила любезность, знакомаго дядѣ художника, морскаго министра Чичагова, съ этого времени полюбившаго юношу при первомъ свиданіи съ нимъ и назначившаго къ себѣ въ адъютанты (23 іюня 1804 г.). Въ этомъ званіи графъ Толстой и провелъ два года; но, задумавъ поступить въ кавалергарды, по существовавшимъ порядкамъ, долженъ былъ провести годъ внѣ службы. Находясь же въ отставкѣ, будущій художникъ, произведенія котораго показали государю, получилъ лестный совѣтъ монарха: продолжать занятіе искуствами.

Когда же, спустя нѣсколько времени, Н. Н. Новосильцовъ довелъ до свѣденія Его Величества затруднительность положенія Толстаго, за отъѣздомъ дяди,—государь при-

казалъ его причислить къ эрмитажу съ жалованьемъ по 1500 р. въ годъ. Обезпеченный и свободный, графъ Өедоръ Петровичъ исключительно посвятилъ себя лѣпкѣ изъ воска и въ 1809 г. признанъ почетнымъ членомъ академіи художествъ за свои работы, удостоенныя отъ императрицъ подарковъ— перстнемъ.

Опредѣленный потомъ на монетный дворъ, графъ Өедоръ Петровичъ, въ память отечественной войны 1812—14 г., вылѣпилъ въ 19 медаляхъ главнѣйшіе факты этой великой борьбы за независимость, начавъ ихъ созывомъ «ополченія» и кончивъ «покореніемъ Парижа».

Портретъ Александра I въ видѣ «славянскаго божества Радомысла», былъ первою страницею (дополняющей 20 медалей) этой патріотической коллекціи, гдѣ искусство вымысла, по понятіямъ современныхъ академиковъ, цѣнилось выше всего. Теперь, раздѣлять прошлыхъ взглядовъ мы не можемъ, но готовы подтвердить, что для своего времени медальоны графа Толстаго оказались явленіемъ замѣчательнымъ;—особенно при повсемѣстности ввода наивныхъ аллегорій и безвкусіи, царствовавшемъ во всѣхъ отрасляхъ искуства первой имперіи. Патріотизмъ, доведенный до апогея и соотвѣтствіе принятой формы съ общимъ настроеніемъ, недавали возможности пускаться въ какую

либо критику прославленныхъ медалей. И этотъ, скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный, приговоръ безъ апеляціи, принятъ за выраженіе совершенства, далѣе не достижимаго. Такъ и сложилась, за давностью, репутація возвышеннѣйшаго художника, взамѣнъ признаванія таланта въ счастливомъ любителѣ. Французскіе медальеры, по случаю явленія медалей въ Парижѣ, высказали было откровенное мнѣніе о нихъ, но здѣсь выраженія этихъ техниковъ приняты за покушеніе очернить собрата, котораго превзойти будто бы были они не въ состояніи. При такомъ взглядѣ на вещи, графъ Толстой считался и считается единственнымъ у насъ и *великимъ* медальеромъ. Подтвердитъ ли этотъ приговоръ потомство?—мы ничего теперь не предрѣшаемъ; съ своей стороны соглашаясь, впрочемъ, что медали на персидскую и турецкую войны,—особенно порицаемыя французами—на самомъ дѣлѣ ниже медалей 1812 года (изданныхъ даже въ гравюрахъ чертою, съ объяснительнымъ текстомъ).

Разсылка первой коллекціи къ иностраннымъ дворамъ, доставила графу-художнику множество лестныхъ отзывовъ, между которыми комплименты князя Меттерниха (1836 года) оказываются наиболѣе сладкими и изысканными, хотя трудно согласиться съ ними, напримѣръ въ томъ, чтобы медали эти могли служить съ пользою начинающимъ

изучать искусство. Вѣдь строгостью рисунка формъ человѣческихъ они не отличаются.

За самымъ капитальнымъ трудомъ графа Ѳ. П. Толстаго,—какимъ были медали отечественной войны—его же рѣзцомъ выполнено еще 20 другихъ медалей на разные случаи, въ томъ числѣ и для наградъ отъ академіи художествъ, и на юбилеи разныхъ лицъ и обществъ. Кромѣ медалей, покойный графъ выполнялъ въ барельефахъ миніатюрныя сцены изъ Одиссеи, начавъ первый изъ нихъ,—«Пиръ въ домѣ Пенелопы»,—въ 1815 году. Для выливанія ихъ изъ гипса вырѣзаны самимъ композиторомъ и формы (1818—22 г.). Въ этихъ композиціяхъ, на первый взглядъ довольно граціозныхъ, преобладаетъ академическій стиль, сообщающій сценамъ особенную тоскливость.

Этимъ же недостаткомъ отличаются и композиціи сценъ изъ поэмы «Душенька», изданныя въ гравюрахъ чертою (1830 г.).

Въ сороковыхъ годахъ графу Толстому, непосредственно управлявшему академіею во все президентство герцога Максимиліана Лейхтенбургскаго, выпала на долю обширная работа входныхъ вратъ въ храмъ Спасителя, въ Москву. Въ свое время ихъ очень хвалили любители, художники же довольствовались общими фразами. Мы скажемъ, что выполненіе ихъ соотвѣтствуетъ вообще скульптурной работѣ, надъ выполненіемъ

которой трудились баронъ Клодтъ и Рамазановъ, и гдѣ Логановскій оказывается чуть не геніемъ.

Рубилъ графъ Толстой еще изъ мрамора бюсты Морѳея и Спасителя. Есть съ его модели и бронзовая статуя нимфы Аганиппы на фонтанѣ, въ нижнемъ саду въ Петергофѣ. Это, по нашему мнѣнію, самое совершенное, изъ выполненныхъ произведеній маститаго художника, даже занимавшагося и живописью. Написанныя имъ: перспектива комнатъ (1830 г.), сцена изъ баллады Варвикъ, съ луннымъ освѣщеніемъ и (1855 г.) «видъ въ Финляндіи», въ имѣніи графа,— подтверждаютъ какъ нельзя болѣе вѣчную истину, что искуства изящныя всѣ родныя сестры, слѣдовательно, могутъ съ успѣхомъ разработываться освоившими себѣ какую либо одну отрасль ихъ.

ЖИВОПИСЬ НА СТЕКЛѢ.

Владимиръ Даниловичъ Сверчковъ

и его бывшая мастерская въ Мюнхенѣ.

Стоящій теперь во главѣ стеклянной мастерской, нашъ соотечественникъ (родившійся, впрочемъ, въ Финляндіи, въ г. Ловизѣ, въ 1820 г., гдѣ отецъ его былъ комендантомъ), Влад. Дан. Сверчковъ, началъ, съ военной карьеры, къ которой подготовленъ былъ воспитаніемъ въ корпусѣ, но оставилъ службу въ чинѣ поручика, чтобы посвятить себя живописи. Талантъ его, довольно оригинальный — перспектива съ фигурами — составилъ егу скоро извѣстную репутацію между любителями. Особенно, когда послѣ первой поѣздки за границу, выставилъ онъ: «сцену изъ среднихъ вѣковъ» и «внутреннія комнаты дворца дожей въ Венеціи» (1855 г.). За вторую изъ нихъ назначили ему 1-ю золотую медаль. Но от-

правившись пансіонеромъ (1858 г.), онъ изъ Мюнхена присылалъ еще картины въ обычномъ своемъ родѣ («чтеніе письма у камина» и «внутренній видъ лѣстницы среднихъ вѣковъ» 1859 г., да 1860 г. «Занятіе живописью»), но оставилъ затѣмъ ее и предался изученію живописи на стеклѣ. Увлекшись ею, онъ завелъ мастерскую и затѣялъ производить дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Исполнивъ нѣсколько заказовъ для Берлина и въ Англію, онъ съ богатымъ выборомъ проэктовъ своихъ композицій, уже исполненныхъ, явился въ 1871 году въ Петербургъ, произвелъ для роднаго города своего нѣсколько оконъ живописныхъ, получилъ заказъ для Высочайшаго двора и для зданія академіи художествъ, независимо нѣсколькихъ частныхъ, и снова удалился на мѣсто своихъ въ стѣны мастерской.

Имѣя въ виду, что счастливый починъ коммисіи, строившей церковь св. Николая Чудотворца (близъ Черной рѣчки, на берегу м. Невы, противъ Аптекарскаго острова), показалъ, какъ много эффекта могутъ сообщить росписныя окна внутренности храма, мы надѣемся, что живопись на стеклѣ скоро войдетъ у насъ въ большое употребленіе.

Въ виду предстоящей важности, полезнаго, хотя далеко не недавняго изобрѣтенія, украшавшаго на западѣ храмы, чуть

не тысячу лѣтъ, мы намѣрены дать понятіе о судьбѣ и частію о техникѣ этого рода читателямъ. Тѣмъ болѣе, что безъ объясненій и рисунокъ не совсѣмъ будетъ понятенъ.

Позволимъ себѣ замѣтить прежде всего, что *мозаика*—которою украшенъ у насъ Исакіевскій соборъ и древніе храмы (въ Кіевѣ и Грузіи) византійской постройки,—съ живописью на стеклѣ, на столько родственна и по свойству матеріала, и поисходной точкѣ отправленій, что самое происхожденіе ея имѣетъ тѣсную связь съ мусіею. Украшая стѣны наборомъ кусочковъ стеклянной массы, примѣнили этотъ мотивъ только къ окнамъ—и живопись на стеклѣ создалась сама собою.

Вмѣшиваніе въ смѣсь бѣлаго песка и соды (изъ чего выходитъ стекло), металлическихъ окисловъ, даетъ стеклу цвѣтность по произволу. Такъ, окиселъ кобальта окрашиваетъ стекло въ голубой цвѣтъ; окиселъ марганца—въ фіолетовый; примѣшивая окислы мѣди, желѣза и марганца—получаются красные цвѣта, со свинцовымъ сурмяникомъ—желтые, а съ окислами мѣди—зеленые.

Полученіемъ этихъ только простыхъ цвѣтовъ и обходились при расписываніи стеколъ въ первые четыре вѣка по введеніи ихъ въ употребленіе (что относятъ къ

1140 г.) Въ первое время, когда самые оконные просвѣты были узенькіе и длинные, довольствовались разрѣзкою стеколъ цвѣтныхъ на мелкіе кружки и соединеніемъ ихъ въ пестрый узоръ двухъ трехъ цвѣтовъ, вставляя стеклушки въ узкіе жолобки изъ свинцовыхъ прутьевъ, соединяемыхъ спаиваньемъ.

Главнымъ дѣломъ считали разрѣзку стеколъ, что дѣйствительно крайне затрудняло выполненіе безъ помощи *алмаза*, введеннаго только въ XVI вѣкѣ. До того для разрѣзки употребляли сталь, а неровности краевъ стекла опиливали особымъ инструментомъ (grugeoire). XVI вѣкъ ввелъ два улучшенія, упростившія дѣло: алмазъ и растягиванье свинца въ листы, разрѣзываемые потомъ на полоски, шириною по произволу. Громадныя въ ту пору готическія окна стали раздѣлять желѣзными полосками, (вколачивая ихъ въ камень), на столько главныхъ дѣленій, сколько требовала сложная композиція росписнаго стекла. Въ эти отдѣлы, укрѣпляли желѣзныя же стѣнки (Barlotière) съ правилами (meneau). Стѣнки снабжались рукояткою (nille) съ прорѣзомъ, въ который вкладывалась закрѣпка (clavette). Такъ и составлялось изъ мелкихъ частей цѣлое пространство сквозной картины, съ рѣзкими очертаніями желѣзнаго каркаса и свинцовыхъ рамочекъ, удерживавшихъ куски от-

дѣльныхъ цвѣтовъ. Сложное цѣлое, окружала по краямъ кайма изъ орнаментовъ, на бѣломъ фонѣ, изъ подбора (большею частію геометрическихъ формъ) нарѣзокъ двухъ или трехъ цвѣтовъ, не болѣе. Средину составляло болѣе или менѣе условное выраженіе эпизодовъ изъ жизни святаго патрона храма, или изъ библіи; причемъ тѣльныя части бывали или написанныя, или добытаго въ огнѣ тѣльнаго колера, на который наводились только тѣни. Такъ выполнялись обыкновенно стекла въ XVI и XVII вѣкахъ, когда, мало помалу, черезъ накаливаніе получилось большее число оттѣнковъ.

Понятно, что при такой трудности сложной работы, могло что либо выйти тогда только, когда съ величайшимъ терпѣніемъ выдѣлывался планъ разъ принятый, уже безъ дальнѣйшихъ измѣненій. Съ этою цѣлью всѣ обриси рисунка выводились тщательно и раскрашивались надлежащими цвѣтами на *картонѣ*; а затѣмъ уже начиналось *профилеванье* съ величайшею тщательностью; такъ чтобы каждый отрѣзокъ непремѣнно попадалъ въ назначенное ему мѣсто, не раздвигая собою другихъ. Съ развитіемъ дѣла, части *коемъ* съ своею орнаментаціею стали производиться заготовленіемъ кусочковъ данной формы заранѣе. Этимъ и объясняется повтореніе узоровъ коймы, въ выполненіи одного времени въ раз-

ныхъ мѣстахъ. Такъ что и по каймѣ можно опредѣлить время работы памятника.

Профилеваніемъ, т. е. расчерчиваніемъ стекла по рисунку, на нашемъ изображеніи мастерской занята ученица, сидящая у стола. А размѣриваніемъ стекла для нанесенія съ картины композиціи, заняты мастеръ и художникъ. Операціи эти необходимыя и самыя важныя въ дѣлѣ.

Остается сказать объ *оттѣненіи* изображеній въ росписныхъ стеклахъ. Старые художники, получая съ трудомъ далеко не изящные основные цвѣта, для тѣней имѣли только темную, непрозрачную эмаль и, подмѣшивая ее къ *плавкому стеклу*, прибавляли для даннаго колера окиси желѣза или мѣди, либо обѣ вмѣстѣ. Послѣ соединенія одноцвѣтныхъ кусковъ на картонѣ, живописцы начинали по нимъ выводить очертанія складокъ стекловистою черною массою и оттѣнять драпировки, а затѣмъ проскабливали свѣтлыя мѣста, дѣлая ихъ болѣе блѣдными, т. е., болѣе пропускавшими—съ утонченіемъ,—свѣтъ. Въ наше время пишутъ и на бѣломъ стеклѣ эмалью, того же колера, какъ долженъ быть цвѣтъ стекла окрашеннаго, а затѣмъ подвергаютъ обжигу, для укрѣпленія окраски. Для желтаго и оранжеваго цвѣта употребляютъ окиси серебряныя; оловянистыми окислами добываютъ бѣловатые цвѣта; сурьмою — густой

желтый; изумрудную зелень—мѣдью и хромомъ. А темные и черные нюансы получаютъ изъ соединеній цинка съ желѣзомъ, мѣдью или кобальтомъ. Окись же золота даетъ пурпурные и карминные тоны. Что же касается закаливанія стекла, то каждый мастеръ употребляетъ свои практическіе пріемы, смотря по глубинѣ своихъ опытовъ и наблюденій.

Ученые раздѣляютъ исторію живописи на стеклѣ на 6 эпохъ. Первая до 1270 года, когда орнаментація романская переходная, заключала, въ арабскомъ вкусѣ медальоны мозаичные. За это время памятники сохранились, но именъ исполнителей мы не знаемъ.

Вторая эпоха (1270—1370 г.) дѣла, представляетъ уже образчики большихъ фигуръ, съ рисункомъ болѣе исправнымъ. Таковы расписныя стекла въ соборахъ въ Кремсѣ (исполненные Хервикомъ) и въ Страсбургѣ, Гансомъ фонъ-Кирхгеймъ (1348 г.).

Слѣдующія сто двадцать девять лѣтъ считаются третьею эпохою (по 1499 г.), когда на стеклахъ стали выполнять большія композиціи въ зданіяхъ построенныхъ, во вторичной формѣ готической архитектуры. Руанскіе мастера во Франціи;—Германъ Мецскій, Юдманъ въ Аугсбургѣ, Франческо Ливи во Флоренціи, Анри Меллейнъ въ Буржѣ, Фейтъ Гиршфогель въ Нюренбергѣ, мастера Клодъ и Гильомъ Марсельскіе, въ Римѣ, и

Алехо Хименесъ, въ Толедскомъ соборѣ— наиболѣе знаменитые мастера этой эпохи.

Со временъ возрожденія, начинается четвертая эпоха, ограничиваемая однимъ XVI вѣкомъ.

Тогда ввели рамки полуцвѣтныя и сюжеты большіе во все окно. Жанъ Кузенъ во Франціи, Давидъ Іорисъ въ Базелѣ, Августинъ Гиршфогель въ Нюренбергѣ, Хуанъ де Сантиляна въ Бургосѣ, Лоренцъ фанъ-Коль въ Дельфтѣ, Бернердъ Флоуэръ и Джемсъ Никольсонъ въ Лондонѣ, при Генрихѣ VIII; Янъ фанъ-Веекенъ въ Антверпенѣ, братья Крабеты въ Гудѣ, основатели обширной школы бельгійской; Іостъ Алеманъ въ Швейцаріи, Ахилъ Мюллеръ въ Мюнхенѣ; Батиста Борро во Флоренціи, и испанскіе мастера Филиппа II, Кристобаль Алеманъ Мисеръ, Франсиско Эспиноза, Арнао де-Фландесъ и Іорге Боргонья— выполнили все, что ни есть самаго цѣннаго въ Европѣ, въ это время, по части стеклописанія.

Семнадцатый и осьмнадцатый вѣка до 1868 года, составляютъ пятую эпоху этаго искуства, когда ближайшее подражаніе масляной живописи и помѣщеніе разно-колерныхъ изображеній на одномъ стеклѣ, улучивъ производство художественное, едва не убило техническіе пріемы, возстановляемые въ наше время, съ высочайшимъ раз-

витіемъ техники, дающимъ возможность предпринимать обширнѣйшія операціи.

За семнадцатый вѣкъ большее число живописцевъ на стеклѣ оказывается голландцевъ, испанцевъ, да нѣмцевъ. Бронкгорстъ, братья Флемаль, фанъ-Кункель,—перенесшій свое искусство въ Швецію и написавшій спеціальный трактатъ о живописи на стеклѣ, въ свое время (als vitraria experimentalis, 1679 г.), Стэръ, Фаберъ, Франкъ, Дитцъ и семья Ле-Вьелей, во Франціи,—особенно славились своимъ искусствомъ. Въ XVIII вѣкѣ, пересаженное голландцами въ Англію, дѣло это заняло руки многихъ талантливыхъ англичанъ, изъ которыхъ въ наше время, пріятностью тоновъ, чисто живописныхъ, и общею гармоніею, прославился Коллинсъ. Возстановители старыхъ раціональныхъ пріемовъ въ стеклянной живописи, все таки нѣмцы и первое мѣсто слѣдуетъ отвести Мюнхену, гдѣ Максъ Эммануэль Айнмюллеръ, послѣ ученія въ Академіи сдѣлавшись рисовальщикомъ орнаментовъ на королевской фарфоровой фабрикѣ, поднялъ упавшую живопись на стеклѣ на степень самостоятельной отрасли искусства. Его окна въ соборахъ Регенсбургскомъ, Кельнскомъ и Шпейерскомъ, да въ церквахъ Мюнхенскаго предмѣстья Ау и университетской, въ Кэмбриджѣ,—вкусомъ орнаментаціи и возвышенностью стиля оставляютъ немногаго же-

лать. Къ плеядѣ возстановителей техники живописной на стеклѣ, слѣдуетъ отнести также: Іогана Якоба Кельнера и Іозефа Заутерлейте въ Нюренбергѣ, Готлиба Мона, въ Вѣнѣ, Карла Шейнерта, директора саксонскаго фарфороваго завода въ Мейсенѣ, Адальберта Гекера въ Бреславлѣ и Х. Г. Ведемейера, въ Гетингенѣ. Мюнхенъ, кромѣ Айнмюллера, прославленъ Францомъ Эггертомъ, Петромъ Гроссомъ и Людвигомъ Миттермайеромъ, оставаясь средоточіемъ развитія стеклянно-живописнаго дѣла.

Въ этой столицѣ, настолько важной для будущаго художественно - архитектической спеціальности, мы думали встрѣтить достигшимъ полнаго успѣха заведеніе и нашего соотечественника, но послѣднія извѣстія сообщаютъ, что Вл. Дан. Сверчковъ уже закрылъ свое заведеніе живописи на стеклѣ, и въ Италіи усердно принялся за рѣзьбу изъ дерева, съ большимъ успѣхомъ и блистательными надеждами. Посмотримъ, за какую еще спеціальность, — если не кончитъ на рѣзьбѣ при своей горячей подвижности,— возьмется нашъ протей, озадачивая уже два раза своихъ почитателей?

Горшельтъ и Верещагинъ.

КОМУ ОТДАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Теперь, когда у всѣхъ на устахъ фамилія молодаго русскаго таланта, въ картинахъ и рисункахъ своихъ воспроизведшаго особенности быта, да нравственный складъ общества Средней Азіи, въ его наиболѣе характеристическихъ проявленіяхъ,—намъ показалось умѣстнымъ провести, въ параллель съ нимъ, трудъ другаго, уже почившаго, таланта, съ именемъ котораго тѣсно связано воспоминаніе о Кавказѣ. Мы находимъ въ этихъ двухъ талантахъ нѣкоторыя черты сходства и громадныя, несоглашаемыя разногласія; такъ что параллель выходитъ сама собою. И что же! когда восхищались мы плодомъ талантливости прибывшаго къ намъ на житье временно чужеземца, сжившагося съ боевымъ бытомъ рус

скаго воина въ періодъ конечной борьбы за утесы Кавказа,—въ самой средѣ нашей росъ свой избранникъ, которому предстояло сдѣлать тоже почти для увѣковѣченія русскихъ подвиговъ въ Средней Азіи, заразъ знакомя соотечественниковъ съ картинами тамошней природы и типами обитателей. Сходство задачи, слѣдовательно, Верещагина—теперешняго героя дня,—съ цѣлью жизни сошедшаго уже со сцены Горшельта, самое близкое. Разница будетъ во взглядѣ, да въ отношеніи къ предмету обоюдныхъ артистическихъ изученій, и, наконецъ, какъ и должно послѣдовать при этомъ, — *разница въ цѣли стремленій*, проистекающая не только отъ свойства дѣла, какъ еще болѣе отъ предшествующей подготовки къ роли, избранной каждымъ изъ художниковъ. Мы сказали бы соперниковъ, если-бы усопшій талантъ еще не покидалъ насъ и если бы сфера его понятій и вся общность, вліяющая на выработку извѣстнаго характера наблюденій, были у Горшельта тѣ же, какъ у Верещагина; но въ этомъ опять находимъ мы разницу и разницу существенную. Не столько разнообразны природа кавказская и средне-азіатская, какъ особенности схватыванія ихъ, проявленныя разбираемыми нами талантами.

Горшельтъ прошелъ въ дѣтствѣ и въ ранней юности хорошую школу, рано про-

явивъ наклонность и любовь къ батальному роду живописи. Для этого, живописью лошадей занимался онъ даже спеціально; а изученіе человѣка съ его индивидуальными особенностями — не только съ внѣшней стороны, какова наружность и костюмъ, но еще болѣе со стороны духовныхъ качествъ, въ самомъ утонченномъ смыслѣ подмѣчанія ихъ проявленій, сдѣлалось у Горшельта цѣлью жизни. И при такихъ то задаткахъ, уже будучи хорошимъ живописцемъ вполнѣ обладавшимъ техникою своего искуства — явился онъ въ 1859 г. на Кавказъ, съ цѣлью изученія характера тамошней борьбы нашей съ горцами и дѣйствующихъ лицъ, — героевъ борьбы съ обѣихъ сторонъ. Принимая непосредственное участіе въ экспедиціяхъ противъ лезгинъ и въ Чечнѣ, художникъ покидалъ лагери только на короткое время пребыванія въ Тифлисѣ, гдѣ работы изученія страны на мирномъ положеніи, шли у художника опять не прерываясь.

Въ 1861 году, сопутствуя Государю, Горшельтъ посѣтилъ и нарисовалъ въ альбомъ Его Величества мѣстности юго-западной оконечности Кавказа въ русскихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ составилась громадная коллекція этюдовъ и рисунковъ у Горшельта. Воротясь на родину, онъ, во множествѣ картинъ, посылавшихся на европейскія

выставки, воспроизвелъ бы все видѣнное и прочувствованное имъ, если бы почти внезапная смерть не отняла его у искусства 3 апр. 1871 г., всего 42 лѣтъ отъ роду.

Теперь прославившійся нашъ соотечественникъ приготовленъ былъ, въ художественномъ отношеніи, безконечно меньше своего славнаго предшественника. Попалъ онъ въ Туркестанъ на службу и принималъ непосредственное участіе въ подвигахъ русскихъ войскъ, гдѣ численность была всегда на сторонѣ врага, нерѣдко соединявшаго свою обычную тактику съ отвагою и горячностью отчаянія. Видѣнное въ Туркестанскомъ краѣ, воспріимчивый талантъ рисовалъ и списывалъ, а теперь удивляетъ насъ богатствомъ и силою новыхъ эффектовъ, въ которыхъ сквозитъ несомнѣнное дарованіе. Но, не смотря на всемогущество иллюзіи, до которой достигаютъ его Туркестанцы, какъ бы живые, стоящіе у заповѣдныхъ дверей святилища или въ самой погребальной храминѣ своего святого, передъ пышною гробницею его,—дальше внѣшняго общаго впечатлѣнія близкаго сходства съ дѣйствительностью, глазъ нашъ, созерцая ихъ, не чувствуетъ ничего болѣе. Поверхностное выраженіе общаго характернаго отличія физіономіи полной достоинства, и всегда важной, или самодовольной, да механическаго уловленія (опять же общаго

ощущенія на неподвижныхъ лицахъ степняковъ-азіятцевъ), дѣйствительно мы только и прочитаемъ на колоритныхъ страницахъ сценъ Верещагина.

Даже въ горячіе моменты высокаго развитія страсти, покорной долгу и создающей героевъ, способныхъ беззавѣтно умирать за дѣло родины,—игры ощущеній на лицахъ и у русскихъ людей, особенно богатой или разнообразной въ подробностяхъ, мы также усмотрѣть не беремся. Хотя сила и общность великаго момента вполнѣ чувствуется, если не осязательно выступаетъ въ каждомъ движеніи любой фигуры (какъ напримѣръ въ сценѣ «подъ стѣною» или въ отстрѣливаньѣ окруженныхъ врагами).

Какова-бы ни была, однако, замкнутость ощущеній и непроницаемость ихъ внутреннихъ побужденій, талантъ живописца-физіономиста, по преимуществу драматическій, далъ-бы намъ больше жизни въ типахъ, хотя бы и неподвижныхъ азіятцевъ. Шлемся въ этомъ отношеніи опять на Горшельта и его горцевъ въ патетическіе моменты, каково, напримѣръ, у Горшельта «оставленіе аула горцами». Художникъ-этнографъ уже не драматургъ физіономистъ; его занимаютъ одинаково всякаго рода особенности: и пейзажа, и построекъ, и костюма, и утвари, и узора. Все ему равно дорого; все его равно занимаетъ; все хочетъ онъ равно удержать въ

памяти и воспроизвести. И если ему удастся схватить все съ натуры, да изъ этого составить общую картину, подсмотрѣннаго частнаго явленія — какова проповѣдь изувѣра передъ рядомъ головъ отрубленныхъ, наторканныхъ на шестики—большинству эта сцена не можетъ не понравиться и не произвести сильнаго впечатлѣнія. Разнообразіе позъ и типовъ, хотя бы и не глубокаго характера, но—новыхъ по внѣшнему виду, при яркомъ освѣщеніи и единствѣ соединяющей нити, каково, напримѣръ, внимательное слушанье—дѣлаютъ картину бьющею очень сильно на эффектъ и говорящею выгодно глазамъ прежде, чѣмъ дадите вы отчетъ себѣ о внутреннемъ ощущеніи всѣхъ собранныхъ тутъ персонажей. Эффектъ, сказалъ бы кто-нибудь, положимъ, здѣсь, чисто декоративный. Но, будь на самомъ дѣлѣ нѣчто большее—и тогда бы былъ онъ проявленіемъ силы, гдѣ колоритъ является могучею поддержкою рисунка (будь онъ и далеко неправиленъ). А, въ довершеніе всего, новизна и свѣжесть общаго впечатлѣнія, приковываютъ глаза зрителей къ полотну. Все это коэффиціенты, выгодно дѣйствующіе въ пользу картины и художника. Репутація, такимъ образомъ, можетъ составиться и легко, и скоро; и заслуженно, если хотите: сила, на чемъ бы она ни проявлялась, даетъ знать сама себя. Отрицать ее никто не ста-

нетъ и не можетъ, а всякій въ правѣ анализировать относительное значеніе подобнаго таланта, сравненіемъ съ подходящими явленіями.

Для насъ оселкомъ для оцѣнки Верещагина оказывается Горшельтъ, въ живописи и ея магическомъ вліяніи на глазъ неприготовленнаго зрителя, уступающій преемнику своему по профессіи. Въ рисункѣ другое дѣло, какъ и во всѣхъ композиціяхъ фигуръ и группировкѣ вообще. Въ этомъ отношеніи Горшельтъ со своимъ альбомомъ Его Императорскаго Величества — соперникъ Верещагину очень опасный.

Всѣхъ невѣрующихъ настоящимъ нашимъ словамъ, просимъ самихъ постараться повѣрить на себѣ и на своихъ личныхъ ощущеніяхъ, сдѣлавъ предлагаемый нами опытъ. А повѣрить такъ легло: великолѣпный альбомъ, составленный изъ фотографическихъ снимковъ со всего, что осталось самаго характернаго въ рисункахъ Горшельта здѣсь, давно уже приготовленъ и пріобрѣтается по сходной цѣнѣ у фотографа І. К. Гофферта (въ домѣ Жуковскаго, у Казанскаго моста, на Невскомъ проспектѣ).

Обладая же такимъ сокровищемъ, немудрено, перелистывая содержаніе альбома, самимъ убѣдиться, что все, чѣмъ проявляетъ талантъ свою мощь и свое чарующе-

вліяніе на зрителя,—рисунки Горшельта заключаютъ въ превосходной степени. А передача ихъ фотографіею до того совершенна, что любой листокъ снимка, мало чѣмъ разнится оьъ самаго оригинала.

Чешскій живописецъ І. Манесъ.

Не смотря на родственность нашу по славянству, съ чехами, не много знаетъ русская публика чешскихъ художниковъ; но число и заслуги ихъ,—извѣстныя на мѣстѣ ихъ возвышенной дѣятельности,—очень велики. Однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и, уже за окончаніемъ своей карьеры, сдѣлавшимся достояніемъ исторіи, оказывается Іосифъ Манесъ, уроженецъ г. Праги. Онъ родился въ 1821 году и, по окончаніи курса наукъ въ Пражской академіи художествъ, совершенно развился, работая въ Мюнхенѣ. Здѣсь обратилъ онъ на себя вниманіе историческою живописью, къ которой имѣлъ истинное призваніе. Въ 1848 г., выбранъ онъ былъ въ члены «Славянской липы», скоро сдѣлавшись тамъ главнымъ дѣятелемъ по развитію художественнаго вкуса. Ему обязано это общество соединеніемъ кружка художниковъ-композиторовъ. Самъ, своими многочисленными произведеніями, Манесъ поддерживалъ жаръ къ творчеству въ средѣ собратій. Назовемъ лучшее изъ выполненнаго имъ: «Петрарка и Лаура»—у барона Гейслера въ Мюнхенѣ, «Альбрехтъ Дюреръ въ почетѣ, въ Италіи», «Смерть Луки Лейденскаго», «Могильщикъ», «Св. Марія Магдалина», (акварель, у архитектора Ульмана въ Прагѣ), запрестольный «образъ св. Яна Непомука». Есть еще его портреты Ри-

гера и Штробаха, иллюстраціи краледворской рукописи, издаваемыя выпусками, да въ народныхъ изданіяхъ Шваба «Фаустъ» имъ иллюстрированъ. Многосторонность дѣятельности Манеса проявилась даже и въ изученіи орнаментики. Въ этомъ родѣ есть его, въ ратушѣ, въ старой Прагѣ, «Зодіякъ». Вообще Манесъ, при несомнѣнномъ талантѣ, былъ художникъ, выполнявшій свои творенія послѣ тщательныхъ этюдовъ, не разъ измѣняя самую композицію, и добиваясь все большаго совершенства. «Дѣвушка, бесѣдующая съ жаворонкомъ», помѣщенная въ «Свѣтозорѣ» (1870 г.), достаточно указываетъ, какъ смотрѣлъ художникъ на свои силы и къ чему стремился онъ въ творчествѣ. Помѣщаемыя нами теперь изображенія апостоловъ славянскихъ, Кирилла и Меѳодія, тоже говорятъ много о вкусѣ и тактѣ художника.

О личности и дѣятельности великихъ учителей славянства, мы уже сообщали во «Всемірной Иллюстраціи» и повторять здѣсь сказанное не находимъ съ своей стороны приличнымъ, именно ради того, что не придаемъ типу, воспроизведенному Манесомъ, строгой канонической правды — *иконы*, какъ принимаетъ православная церковь изображенія святыхъ прославленныхъ. Но мы смотримъ на оба экземпляра творчества художника, какъ на мѣстный и личный продуктъ его мышленія и взгляда. Не предавая же значенія этимъ самымъ изображеніямъ большаго, какъ только страницамъ изъ лѣтописи творчества художника, мы находимъ, приводя ихъ, всего умѣстнѣе говорить о его индивидуальномъ талантѣ и направленіи, заимствованномъ имъ въ Мюнхенѣ. Направленіе это, чисто эклектическое, не чуждое условности, такъ называемаго высокаго стиля, еще болѣе выказывается въ его картинѣ «Рождество Христово» (переданной очеркомъ на страницахъ «Свѣтозора» въ концѣ минувшаго года). Картина эта была на дрезденской выставкѣ, и пріобрѣтена бывшею великою герцогинею Тосканскою. Изученіе итальянскихъ художниковъ XV и XVI вѣка, выказывается здѣсь и въ самой композиціи, и въ краскахъ. Художникъ не думалъ также и о какомъ либо одномъ мѣстѣ у евангелистовъ, компануя свое твореніе. Онъ пред-

ставилъ разомъ славословіе ангеловъ съ поклоненіемъ пастырей и волхвовъ, не забывъ и обычая своей родины—трубачей провозвѣстниковъ, приходящихъ съ рожками въ города. Это, кажется, было послѣднее произведеніе даровитаго живописца, покоящагося уже по трудахъ своихъ на Волшанскомъ кладбищѣ.

Памятникъ художнику, выдѣланный въ мастерской въ Змиховѣ, представляетъ усѣченную четырехстороннюю призму на такомъ же основаніи и украшенъ силуетомъ покойнаго труженика въ вѣнкѣ изъ лавра. Миръ ему!

Годичная выставка въ Академіи Художествъ въ 1874 г.

Выставки наши въ Академіи Художествъ съ каждымъ годомъ дѣлаются беднѣе и беднѣе; говорятъ, и настоящій годъ служитъ какъ бы буквальнымъ подтвержденіемъ этого, сложившагося въ публикѣ, мнѣнія. Мы съ своей стороны не стоимъ за буквальную точность подобной идеи, но, въ тоже время, не можемъ не сознаться, что на этотъ разъ выставка дѣйствительно не богата. На это, впрочемъ, есть свои причины, и главная изъ нихъ, непосредственно вліявшая на бѣдность, если нечисленную, то качественную,—только что закрывшаяся здѣсь, чтобъ открыться въ Москвѣ—выставка передвижная; отнявшая, разумѣется, отъ годичной часть картинъ наиболѣе бойкихъ, или кажущихся такими. Конкурсы на соисканіе премій по части бытовыхъ сценъ и пейзажа, тоже уменьшили (конечно, до

закрытія выставки конкурсной въ обществѣ поощренія художниковъ) число интереснаго, тамъ заявлявшаго свои права на почетную награду. При такихъ обстоятельствахъ немогла не сдѣлаться бѣднѣе, количествомъ и качествомъ выставленнаго, годичная выставка; но плату за входъ нанее (24 марта) еще возвысили до 30 копѣекъ съ персоны. Можно бы и вдвое дороже заплатить, лишь бы было что посмотрѣть?—но, къ несчастію, смотрѣть то мало чего пріятнаго.

Г. Шереметевъ открываетъ собою каталогъ, изобразивъ «посольскій дворъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ» съ извѣстной гравюры; но, къ несчастію, сбивая въ своей картинѣ нѣсколько моментовъ, раздѣлявшихся на самомъ дѣлѣ интервалами въ пространствѣ времени, онъ самъ ослабилъ этимъ интересъ своей сцены, обративъ ее изъ исторической, въ главу романа. Такъ, напримѣръ, изображонъ, по всей вѣроятности, *въѣздъ посла ко двору*. Но, тутъ же и спросъ о здоровьѣ его есть, и несеніе подарковъ (трудно разобрать: царю ли отъ государя присланныхъ съ посломъ, или, на оборотъ, послу отъ царя?). Примемъ первую разгадку, тогда у насъ окажутся неподходящими высокіе сановники, несущіе собственноручно разныя утвари, равно и ненадобность пышно одѣтой встрѣчи на парадномъ крыльцѣ посольскаго дома, въ две-

ряхъ палаты,—когда посолъ, окружонный своею свитою, у другого входа внизу. Да, темно и загадочно покажется даже тогда и назначеніе фигуры, сидящей въ экипажѣ; такъ же какъ выстройка внутри двора дворянскихъ сотень, на коняхъ съ копьями, словно на брань ополчившихся. «Возвращеніе съ охоты», княгини Амилахвари, въ своемъ родѣ пріятное явленіе; виды Финляндіи гг. Жежиленко и Федерса, цвѣты барона Оттерштедта и животныя (№№ 10—14) Френца, также могутъ занять не безъ удовольствія вниманіе посѣтителей выставки во 2-й античной галлереѣ,—при бѣдности по части интереса, во всемъ прочемъ, кромѣ небольшаго числа портретовъ. Къ нимъ, а отнюдь уже не къ сценамъ быта, позволяемъ себѣ причислить, писанную В. А. Бобровымъ, фигурку дѣвушки съ перспективою комнаты, озаглавленную «Кому больше жить?» да голову итальянки г-на Харламова (каталогъ № 5) и портретъ въ ростъ «графа Шереметева», писанный А. Г. Горавскимъ. Его есть за что похвалить и, главное, за передачу движенія не легко уловляемаго, привѣтствія свѣтскаго съ тактомъ и достоинствомъ; тонъ и всей картины приличенъ. Во 2-й античной галлереѣ собственно хороши скульптурныя группы Лансере.

Переходя въ комнату передъ лѣстницею, гдѣ выставлены тоже работы скульптур-

ныя, глазъ зрителя непріятно поражается издѣліями Чіарди: имъ бы мѣсто не здѣсь, гдѣ по сосѣдству работы г-на Цейдлера и г-жи Анненковой, да рѣзьба Семена Григорьевича Ребинина съ большой Охты. Этому мастеру группа «собакъ» удалась, впрочемъ, больше, чѣмъ «пахарь»; такъ что желательно, чтобы онъ всю свою энергію употребилъ на изображенія собственно животныхъ. И успѣхъ послѣ такого опыта, какъ на выставкѣ (№ 78 катал.), не замедлитъ увѣнчать его усилія. Въ области лѣпки фигуръ людей съ животными, Н. И. Либерихъ уже пользуется заслуженною извѣстностію, потому о его произведеніяхъ, теперь выставленныхъ, что либо сказать послѣ прежнихъ нашихъ отзывовъ, считаемъ мы излишнимъ; труды же ученицы его показываютъ талантъ.

Въ верхней залѣ выставлены модели сцены театра, уменьшенныя въ 20 разъ противъ настоящей величины; въ обзорѣ искусства мы о нихъ и не считаемъ себя вправѣ говорить, какъ о техническихъ приспособленіяхъ.

Доступный же нашему обзору міръ искусства, начинается опять въ комнатѣ, слѣдующей за сходомъ съ верху. Здѣсь выставлены работы скульптурныя изъ мрамора, гг. Чижова, Серве-Годебскаго и Рунеберга (изъ Финляндіи). Первый,—пансіонеръ въ Римѣ, выставилъ два бюста своихъ товарищей (гг.

Коссова и Месмахера изъ terracotta) очень хорошіе, да группу изъ мрамора «крестьянинъ въ бѣдѣ». Мы не можемъ отказать молодому художнику въ сочувствіи при взглядѣ на его группу, гдѣ выраженіе такъ задушевно и, такъ тепло выражена дѣтская привязанность. Если и оказались недосмотры въ рисункѣ, немного бы они значили въ сравненіи съ жизненностью, розлитой на фигурахъ мужичка и мальчика, головы которыхъ полны правды и отсутствія натяжекъ. Голова же русскаго человѣка, не отказывающаго себѣ въ дешевой усладѣ горя, г. Годебскаго, при всей правдѣ передачи общаго ощущенія, именно грѣшитъ съ художественной стороны, выказывая слабость эрудиціи формъ. Лучшею изъ работъ его — надгробный памятникъ супругѣ, съ ея мастерски выполненнымъ медальономъ и красивою фигурою мальчика. Новорожденное дитя намъ меньше нравится, но, чисто техническая, обработка превосходная. Рунебергову же «Психею» съ купидономъ—позволимъ себѣ назвать условнымъ творчествомъ, гдѣ относительное благообразіе формъ не можетъ скрыть бѣдности идеи и слабости чисто духовнаго идеальнаго. Переходя въ 1-ю античную галлерею, мы встрѣчаемся на выставкѣ съ старыми знакомыми. Одни изъ нихъ прибыли изъ Вѣны,—какъ «Грѣшница» Семирадскаго, помѣщенная уже нами въ

снимкѣ, въ прошломъ году;—другіе, какъ «Ледоходъ на Невѣ» (впрочемъ эскизъ) и пейзажи Васильева, Орловскаго, Верещагина—мы видѣли уже на другихъ выставкахъ. Немногимъ лучше картинъ, выставленныхъ во 2-й античной галлереѣ, и здѣсь находящіяся. Лучшее мы перечислимъ. «Оттепель на морѣ» Ю. Клевера — поддерживаетъ собою вполнѣ мнѣніе, высказанное нами объ этомъ начинающемъ художникѣ въ прошломъ году. Коцебу «Авангардный бой при Карстулѣ» (сцена изъ финляндской войны 1809), на наши глаза слабѣе прославленныхъ работъ этого профессора. За то «пейзажъ» Дюкера (№ 113)—лучше выставлявшихся имъ передъ этимъ. Изъ маленькихъ картинокъ г. Журавлева, лучшая «Заигрыванье трубочиста съ кухаркою». Заслуживаетъ тоже похвалы «Благословеніе невѣсты» г. Ремера, принимая въ соображеніе средства и силы художника. «Баба, убивающая медвѣдя», могла бы фигурировать съ успѣхомъ и при другой, болѣе сильной конкурренціи.

А изъ рисунковъ нѣкоторые восхитительны. Первое мѣсто между ними принадлежитъ акварели г-жи Бемъ «Собака на стойкѣ». Портретъ М. Н. Каткова одноцвѣтный, безконечно выше писаннаго масляными красками (что поставленъ во 2-й античн. галл). Изъ акварелей Лупанова, лучшая «Главныя ворота новой Голландіи»—прочія

не выдержаны и пестры вообще. В. В. Гринера виды и сцены крымскіе показываютъ техника, выходящаго съ честью изъ затрудненій, которыя, напримѣръ, предстояло устранить въ большомъ рисункѣ, заключающемъ рядъ сценъ самыхъ разнообразныхъ, со множествомъ портретовъ и фигуръ, еще перемѣшанныхъ съ видами, освѣщенными солнцемъ или луною.

Въ заключеніе скажемъ, что г. Фартусовъ выставилъ два образа, изъ которыхъ Рождество Христово лучше, конечно, «Изведенія изъ ада». Образной стиль съ тенденціями, тѣмъ паче имѣетъ свои каудинскіе фуркулы, изъ которыхъ почти невозможно выбраться даже не совсѣмъ посредственному таланту. Доказательствомъ можетъ служить показанное начатіе работы съ картона Брюллова, колоссальной фигуры евангелиста въ парусъ Исакіевскаго собора (въ верхней залѣ, со свѣтомъ сверху). Вотъ и весь скудный сборъ годичной жатвы съ академической нивы русскаго искусства!

Бѣдность итога здѣсь еще болѣе кажется намъ обидною, въ виду колоссальности исполненнаго однимъ человѣкомъ, Верещагинымъ, съ своеобразнымъ талантомъ, удивлявшимъ Англію, а теперь и нашу столицу, представляя галлерею и мирныхъ, и боевыхъ сценъ туркестанскаго края. Вы намъ скажете: можно ли требовать отъ большин-

ства такихъ результатовъ, къ какимъ способенъ придти несомнѣнный живой и оригинальный талантъ?—Конечно, нельзя ждать отъ меньшинства настолько возвышеннаго, сильнаго и цѣльнаго, но больше талантливости могли бы выказать, несомнѣнно, титулованные адепты со всѣми онерами, если бы они были въ силѣ или въ духѣ, что, все равно. Но когда они будутъ въ духѣ и въ силѣ?—вопросъ, на который отвѣта подъискать трудно.

Ф. С. Журавлевъ.

«**Мачиха**» и «**Тубочистъ**».

Авторъ помѣщаемыхъ нами теперь картинъ, принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ жанристовъ нашихъ, уже въ теченіе 12 лѣтъ ставящій на выставки (въ Академіи и въ Общество Поощренія художниковъ) постоянно свѣжія произведенія, гдѣ идея вѣрная и исполненія, постепенно дѣлающееся лучшимъ и болѣе совершеннымъ, даютъ намъ право ожидать отъ художника вполнѣ достойныхъ твореній ьъ будущемъ. Талантъ г. Журавлева мы, однако, не считаемъ установившимся; особенно, судя по произведенному имъ въ послѣдніе годы, разумѣется, болѣе цѣнному и опредѣленному, чѣмъ прежде.

Жизнь художника мы уже имѣли случай разсказать, а характеристику, какъ творца и

мыслителя, позволяемъ здѣсь продолжить, на основанiи новыхъ наблюденiй.

Журавлеву больше съ руки, какъ кажется, кругъ быта низшаго, чѣмъ средняго. Сличая, напримѣръ, его «жену франтиху» съ настоящими картинами, снимки съ которыхъ теперь помѣщаются, мы не можемъ не отозваться о послѣдней пробѣ творчества съ большимъ сочувствiемъ, ради самой понятности, съ перваго взгляда, всей концепцiи, благодаря простотѣ ея.

На одной изъ помѣщаемыхъ нами картинъ, Журавлевъ изобразилъ, посреди избы деревенской, молодую еще женщину съ грубоватыми, но нелишенными миловидности, чертами лица, сидящую босикомъ на скамьѣ, подлѣ висячей зыбки. Она кормитъ кашею свое новорожденное чадо; крикливое и капризное, какъ можно заключить. Подлѣ молодой матери, въ сторонкѣ,—у того же стола, подлѣ котораго сидитъ она (и на которомъ на скатерти виденъ горшокъ съ кашею, другой съ молокомъ, да ложка), стоитъ маленькое дитя, мальчикъ, съ кускомъ хлѣба въ рукѣ, въ позѣ только что получившаго затрешину—ложкою по лбу, отъ сидящей,—для этого движенiя и поднявшей ложку съ кашей.

Грустное личико мальчика, несмѣющаго плакать отъ боли, лучше всякихъ разсужденiй даетъ понять, что это—пасынокъ!

Родное чадо вопитъ и капризничаетъ, — ѣсть не хочетъ; а бѣдное дитя, — по смерти родной своей, за женитьбою отца, до возрасту многое должно выносить, скорѣе всего безъ вины, и только потому, что онъ сирота. И чѣмъ большую горячность къ мужу будетъ чувствовать вторая жена, тѣмъ обиднѣе для нея оказывается живой свидѣтель любви къ первой женѣ—сынокъ маленькій. Образованіе въ низшемъ классѣ нашего народа, не скоро поселитъ другія, болѣе гуманныя, чувства у мачихъ. Слѣдовательно, участь сиротъ, малыхъ, оставшихся послѣ первыхъ женъ, дѣтей на произволъ излишней о нихъ заботливости мачихъ, долго еще неулучшится. Здѣсь, конечно, могутъ встрѣчаться и исключенія; но, какъ исключенія, всякія анормальности отъ высказаннаго нами, бываютъ единичными явленіями, а общими—то именно, что мы сейчасъ сказали, и что всѣ очень хорошо сознаютъ сами.

Говоря такимъ образомъ, мы, впрочемъ, не имѣемъ желанія представлять дѣло въ болѣе темныхъ краскахъ, съ изысканнымъ проявленіемъ тиранства надъ малолѣтними. Мы далеки отъ этого; но, на столько же далеки и отъ оптимизма отцовъ, которые, вторично женясь, будто бы «для дѣтей», и въ мысль не берутъ, какъ жутко бываетъ чадамъ ихъ, рожденнымъ отъ первой сожительницы, отъ нѣжныхъ заботъ молодой хозяй-

ки. Особенно когда у ней окажутся частыя дѣти, любовь къ которымъ скорѣе всего можетъ ослѣплять, а никакъ уже не просвѣщать ея совѣстливость во взглядѣ на сиротъ отъ предшественницы. Дѣти отъ первой жены, кажутся второй, почему-то, больше прожорливыми и избалованными, чѣмъ ея родныя. Свои и умнѣе ей кажутся, чѣмъ старшія отъ перваго брака отца, и почтительнѣе; что и должно бы быть на самомъ дѣлѣ, хотя и не бываетъ. Разумѣется, въ видахъ исправленія отъ будущаго, могущаго оказаться, вѣроятно, порока прожорливости, дала щелчокъ по лбу и малюткѣ пасынку молодая мать, кормя родное чадо кашею. Отъ удара ложкою, крупинки съ нея попадали на полъ и вотъ ихъ подбираетъ курочка, помахивая своимъ яркоцвѣтнымъ гребешкомъ.

Желаемъ, чтобы педагогическая мѣра мачихи,—изъ видовъ лучшаго моральнаго исправленія дитяти, достигла цѣли , хныкающаго теперь малютку, глотающаго слезы, не обратила въ холоднаго эгоиста, современемъ. Говорятъ, довольно основательно, что не заслуженная строгость ожесточаетъ, даже и не дѣтское сердце. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, исполнилось противное, мачихѣ былъ бы прекрасный случай оправданія своего суроваго обращенія съ пасынкомъ— «Всегда былъ, молъ, такой волченокъ!» Доб-

рое личико мальчика, впрочемъ, выказываетъ понятливость, а природныя способности, самымъ нахожденіемъ своимъ уже представляются порукою, что сердце его, вынеся пытку воспитанія, не утратитъ доброты,— вѣчной спутницы ума. Злы, капризны и мстительны бываютъ дѣти ограниченныхъ способностей. На оборотъ, живой умъ почти надежный расчетъ на снисходительность и незлобіе Суровая школа, рѣдко также ожесточаетъ дѣтей, если попадаютъ они подъ ферулу угрозъ въ очень нѣжномъ возрастѣ, а не выросши нѣсколько, при другихъ обстоятельствахъ, болѣе располагающихъ къ баловству. Оно то, останавливаемое угрозой, поселяетъ въ душѣ шаловливаго ребенка, узнавшаго самовольство,—мстительность. Не даромъ русская народная поговорка называетъ *попечителемъ сиротъ—Бога*. При Его святомъ водительствѣ не ожесточается никакое сердце, а скорѣе получаетъ въ школѣ горькихъ уроковъ золотую терпимость и всепрощеніе. И изъ обиженнаго малютки выростаетъ добрый человѣкъ.

Такая мораль невольно приходитъ на мысль, при разсматриваніи продѣлокъ мачихъ съ чужими имъ дѣтьми мужа.

Другая изъ картинъ Ф. С. Журавлева, помѣщенныхъ въ № 285 «Вс. Ил.», намъ кажется совсѣмъ иною сценою, чѣмъ та, какую можно вообразить, читая названіе «неудачное

предложеніе»? Никакого предложенія со стороны чернаго франта-любезника нѣтъ, а просто видно съ его стороны заигрываніе съ молодкой, теперешнее занятіе которой составляетъ самый сильный контрастъ съ профессіей труболета—какъ величаютъ шутливо у насъ рыцарей шара на цѣпи, съ вѣникомъ. Поломойка уже вымыла половину кухни и вдругъ появленіе чернаго гостя, отъ котораго разлетается во всѣ стороны тонкая сажа,—заставляетъ не на шутку наморщить брови усердную работницу. Чистоплотность ея выказываетъ вся общность кухоннаго чертога, гдѣ мѣдная посуда такъ и горитъ; шкафъ и плита—блестятъ. Забота привесть въ такое же положеніе полъ, готова почти осуществиться, когда принесла нелегкая замарашку, непутнаго нѣмца. Баба ему выкрикиваетъ, чтобы онъ: не наслѣдилъ; ходилъ бы осторожнѣе по сырому! А онъ знай свое. Да еще вздумалъ за плечи схватить? Тутъ ужъ поломойка не выдержала и готова пустить въ ходъ нетолько здоровую руку, но и тряпку мокрую... Только подступись! Врагъ, конечно, долженъ спасовать и кухонный полъ останется безъ пятенъ сажи.

Сцены минутнаго порыва, съ выраженіемъ приличнаго характера лицъ и положеній, Журавлеву почти всегда вполнѣ удаются.

М. А. Чижовъ.

«Крестьянинъ въ бѣдѣ», мраморная группа.

Это произведеніе—больше чѣмъ замѣчательное по выраженію глубокой скорби и сочувствія въ лицахъ взрослаго мущины и мальчика, выполнено однимъ изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ скульпторовъ, образованныхъ академіею художествъ и развившихся окончательно за-границею, въ качествѣ пенсіонеровъ ея.

Матвѣй Афанасьевичъ Чижовъ родился въ Подольскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ деревнѣ Пудово, 10 ноября 1838 г. До 7 лѣтъ провелъ онъ въ деревнѣ, а затѣмъ отвезенъ въ Москву, гдѣ съ осени 1851 г. сталъ посѣщать лютеранскую школу св. Михаила. Спустя послѣ того 4 года (въ 1855 году), поступилъ будущій ху-

дожникъ въ Строгановскую школу и, пробывъ въ ней года полтора, перешелъ, въ качествѣ ученика профессора Рамазанова, въ школу живописи и ваянія. Пользуясь руководствомъ Рамазанова, Чижовъ въ слѣдующемъ же году, затѣмъ, (1858 г.) выполнилъ горельефъ «Борцы», а въ 1859 г. «Истязаніе Спасителя». Чижовъ уже помогалъ своему учителю по работамъ въ храмѣ Спасителя. Съ рисунковъ учителя, выполнилъ онъ въ 1860 году часть горельефа «Сошествіе Христа во адъ»; до того выполнивъ часть работъ по подряду Рамазанова (1859 г.) для церквей Успенія и Троицы въ Москвѣ.

Работы для памятника тысячелѣтія Россіи, — гдѣ выполнялъ Чижовъ горельефомъ «героевъ» и «просвѣтителей», — заставили молодаго художника переселиться изъ бѣлокаменной въ Петербургъ и здѣсь поступить въ Академію Художествъ. Съ открытіемъ памятника тысячелѣтія, талантливый Чижовъ потрудился и надъ новымъ проэктомъ г. Микѣшина — памятника Екатерины II. Модель его выполнена была въ 1864 г. и, какъ извѣстно, доставила автору композиціи порученіе выполнить монументъ, теперь украшающій Александринскую площадь.

Чижовъ занялся конкурсною работою круглой фигуры на золотую медаль, по про-

граммѣ «Кіевлянинъ, съ уздою, пробѣгающій черезъ станъ Печенѣговъ». До того въ Академіи Чижовъ заявилъ себя прекрасною лѣпкою въ классахъ, за что награжденъ 2-ю серебряною медалью. Круглая фигура, мастерскимъ живымъ движеніемъ, привела знатоковъ въ восторгъ. Молодой художникъ, сверхъ заслуженной имъ по праву 2-й золотой медали, получилъ золотую медаль *за экспрессію*, такъ рѣдко выдаваемую академическими судьями. На слѣдующій годъ художникъ—дарованіе котораго примѣтно крѣпчало,—произвелъ эскизы «Пиръ Царя Валтасара» и «Потопъ Девкаліона»; докончивъ колоссальную статую Екатерины II на памятникъ ея. Въ 1867 году наконецъ выполнилъ Чижовъ барельефъ, доставившій ему съ 1-ю золотою медалью вожделѣнное пенсіонерство въ Италіи. Эта послѣдняя награда досталась ему за композицію «воскресеніе сына вдовы Наинской». Въ этомъ же году выполнены имъ, вмѣстѣ съ М. П. Поповымъ, четыре эскиза фигуръ русскихъ Государей законодателей (Іоанна IV, Алексѣя Михайловича, Петра I и Екатерины II), для украшенія угловъ фасада зданія Судебной Палаты (на Литейной). Затѣмъ, передъ отъѣздомъ въ Италію, М. А. Чижовъ выполнилъ «Четыре времени года» и фигуры гусарскихъ офицеровъ, находящіяся во дворцѣ. Чижову также принадлежатъ го-

рельефныя изображенія гражданина Минина и князя Пожарскаго, на фасадѣ усыпальницы спасителя Россіи въ Спасо-Ефимьевомъ монастырѣ.

Талантъ на столько разносторонній и живой, не могъ не проявиться подходящею дѣятельностью и въ Италіи. Прибывъ въ Римъ въ декабрѣ 1868 года, Чижовъ къ веснѣ 1869 г. уже компановалъ эскизы и сдѣлалъ два бюста.

Первымъ трудомъ талантливаго ваятеля въ Римѣ, была группа изъ двухъ фигуръ (дѣтей) «игра въ жмурки». Въ 1870 году, она была кончена и художникъ занялся группою въ натуральную величину—«Первая любовь» Съ перваго же времени, въ столицѣ искусствъ занимали нашего художника разные проэкты: группа «Агарь съ Измаиломъ, въ пустынѣ», «На всякое чиханье не наздравствуешься», «Сцена у колодца»—предполагавшаяся къ выполненію изъ мрамора, для г. Солдатенкова и группа изъ 3-хъ фигуръ «Христосъ передъ народомъ». Сверхъ того, мысль композитора на столько интересовали характеры «Татьяны» и «Гамлета», что онъ слѣпилъ фигурки ихъ, да «Нищую». Ему также высылали въ Римъ фотографіи съ единственнаго современнаго (снятаго въ Москвѣ, по приказанію П. И. Панина и хранящагося въ его Саратовскомъ имѣніи) портрета Пугачева.

Вѣроятно, всѣ, сколько-либо тогда занимавшія художника идеи, намъ современемъ придется видѣть и осуществленными, съ тою глубиною чувства, да правдою, какою привыкъ г. Чижовъ снабжать свои типы въ ваяніи, начиная съ «Кіевлянина». Группы изъ двухъ фигуръ, какъ видно, не въ первый разъ занимаютъ мысль композитора и характеры человѣчныхъ ощущеній, умно и полно очерченныхъ, составляютъ, по нашему мнѣнію конекъ г. Чижова. «Крестьянинъ въ бѣдѣ» только подтверждаетъ высказанное нами мнѣніе. Анализъ ощущеній старшаго изъ персонажей, положимъ, не легко можетъ быть выраженъ словами, по глубинѣ своей;—и отъ того больше поводовъ къ различію взглядовъ. Но главное, господствующее выраженіе его фигуры, кроткой, задумчивой и полной самообладанія, превосходно выдержано. У насъ находятъ этотъ характеръ, какъ бы не подходящимъ къ грубой оболочкѣ обычныхъ явленій, но человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же, и душа высокая можетъ оказаться въ человѣкѣ на самой низшей ступени общественныхъ отличій. За то дитя, свободно отъ всякихъ упрековъ. Дѣтскія формы прекрасны, а выраженіе такое, какого не встрѣчали мы еще у нашихъ отечественныхъ ваятелей.

М. П. Клодтъ.

«Черная скамья».

Талантливый жанристъ нашъ, послѣ разносторонних этюдовъ, затрогивающихъ довольно тонкія струны человѣческихъ ощущеній, въ 1872 году создалъ сложную сцену, гдѣ открылся просторъ выказать художнику все богатство его наблюдательности. Мы разумѣемъ произведеніе барона М. П. Клодта—«Черная Скамья».

Несмотря на близость къ Петербургу Финляндіи, общественные порядки въ этой странѣ намъ чуть ли не незнакомѣе обычаевъ Америки. Кому, напримѣръ, изъ насъ, до картины барона Клодта, приходило въ голову, что по сосѣдству, въ патріархальной во многихъ отношеніяхъ Финляндіи, еще существовали совсѣмъ недавно при-

ходскіе суды, имѣвшіе право наказанія за проступки? Когда же совершались преступленія, превышавшія власть приходскихъ судовъ, слѣдовало удаленіе виновныхъ изъ общества. Удаленіе это, какъ и всѣ рѣшенія приходскихъ судовъ, объявлялось въ воскресные дни въ кирхѣ, передъ лицомъ всѣхъ собравшихся для моленія прихожанъ. Пасторъ обращался къ удаляемымъ со словомъ назиданія, причемъ высылаемые изъ общества, сидѣвшіе до того *на черной скамьѣ*, какъ осужденные, рѣчь пастора выслушивали стоя на колѣняхъ.

Одинъ изъ подобныхъ моментовъ изобразила намъ кисть художника въ помѣщаемой сценѣ.

Служба кончилась. Прихожане обступили вышедшаго передъ черную скамью пастора, начинающаго рѣчь къ осужденнымъ удаляемымъ. Различныя чувства, разумѣется, занимаютъ многочисленное собраніе прихожанъ и прихожанокъ. Лица послѣднихъ болѣе или менѣе проникнуты теплотою и соучастіемъ.

Можно догадываться, что добрыхъ поселянокъ трогаетъ не судьба изгоняемыхъ, а горесть той старушки—матери младшаго изъ провинившихся,— которая въ уголкѣ неутѣшно рыдаетъ, закрывъ себѣ лицо мокрымъ отъ слезъ платкомъ. На эту несчастную старушку смотритъ только дѣвочка, на

половину не понимая, что это такое передъ нею совершается? Самъ виновникъ этихъ горячихъ слезъ и тяжелой материнской скорби, понурилъ голову какъ-то тупо, но на лицѣ его трудно вычитать сколько нибудь понятное, если и не человѣчно-глубокое выраженіе.

Такая тупость, жосткость или апатичность молодаго субъекта, всего скорѣе указываетъ на его ограниченность. А такое качество, въ соединеніи съ упрямствомъ, да, пожалуй, безхарактерностью,—въ сопутствіи товарища по изгнанію болѣе хитраго,—грозитъ, пожалуй, довести сына несчастной старушки до болѣе тяжкихъ паденій и сдѣлать его безвозвратно погибшимъ. Это, кажется, сознаютъ и большинство прихожанъ. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, это именно выражается въ лицѣ крайняго персоннажа, стоящаго въ профиль съ лѣвой стороны у рамки картины и глядящаго внимательно на старшаго изъ удаляемыхъ.

Слова пастора, суровыя, спокойныя, какъ рѣчи всѣхъ нравственныхъ людей, должно быть математически рѣзко выдѣляютъ неутѣшительное положеніе для будущности младшаго виноватаго. Слова пастора, говоримъ, отзываются не одинаково въ умахъ и ушахъ слушателей. Старикъ изъ задняго ряда просто зѣваетъ, слушая чистые періоды вышлифованныхъ заурядныхъ мыс-

лей: что порокъ долженъ быть наказанъ и пощада не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ долженъ дѣйствовать страхъ. Тотъ крестьянинъ, который стоитъ подлѣ черной скамьи, взглядомъ своимъ, полнымъ грусти, выражаетъ нѣмой протестъ противъ непреложности подобнаго рѣшенія, развѣ двумя лицами,—судя по жестокости выраженія на ихъ лицахъ, только раздѣляемаго.

Всѣ прочіе тронуты. Мягкость ощущеній на суровыхъ лицахъ этихъ бѣдныхъ тружениковъ, скорѣе свидѣтельствуетъ въ соизволеніи ихъ на пощаду, чѣмъ на кару падшихъ.

Остается сожалѣть, что такого рода неопредѣленность ощущеній художникъ только намѣтилъ, но не развилъ достаточно ощущенія для полнаго опредѣленія ихъ и торжества своего. Во всякомъ случаѣ, не гонясь за выспреннимъ, поблагодаримъ артиста за твореніе его и при этой степени очертаній характеровъ. Они все же естественны и ощущенія понятны настолько, что мы позволяемъ себѣ ожидать впредь отъ барона Клодта полноты и глубины выраженія на лицахъ его героевъ.

В. Харламовъ.

«Бѣдный музыкантъ».

Кромѣ головокъ, Харламовъ выставилъ картинку, возбуждающую много мыслей. Видите-ли. Итальянецъ, темный maestro di musica, осиротѣлый, несчастный подъ бременемъ годовъ, избороздившихъ морщинами его высокій лобъ, кажущійся большимъ отъ скудости волосъ на вискахъ, съ полнымъ почти отсутствіемъ ихъ на челѣ. Лицо стараго музыканта съ такимъ выраженіемъ, которое наглядно говоритъ о передрягахъ, имъ на своемъ вѣку вынесенныхъ. Радость же, въ замѣнъ противоположныхъ качествъ, знаетъ бѣдный маэстро одну—развитіе дочери, щедро надѣленной способностями къ музыкѣ, составляющей и наслажденіе, и мученіе для бѣдняка. Давая уроки понятливой ученицѣ, музыкантъ строгъ и требовате-

ленъ. Онъ замѣчаетъ малѣйшую неточность и тотчасъ даетъ понять ученицѣ ея невольный грѣхъ передъ божественнымъ искуствомъ гармоніи.

Г. Харламовъ своею прекрасною картиною вскрываетъ передъ нами тайну домашняго очага: мученіе и восторги стараго музыканта. Ихъ онъ испытываетъ, давая урокъ своей молоденькой дочери, дѣлающейся уже очень симпатичною дѣвицею. Черты лица ея дышатъ добротою и безпритязательност ю и какъ ни простъ костюмъ ея, косыночка наброшена не безъ кокетства, хотя трудно заподозрить въ этомъ недостаткѣ на столько смиренное существо, едва ли сознающее обаятельность красоты и молодости.

Сцена, мастерски выполненная г. Харламовымъ, переноситъ насъ въ бѣдную конурку, гдѣ на простомъ топорномъ столѣ, покрытомъ обрывками ковра, лежатъ развернутыя ноты и надъ ними властительно поднятъ смычокъ учителя, всего погруженнаго въ свое, дорогое для него, занятіе образованіемъ изъ дочери—музыкантши. Дочь-ученица стоитъ передъ столомъ, смотря въ ноты и стараясь взять на своемъ инструментѣ такой тонъ котораго желаетъ отецъ-учитель.

Обстановка этихъ двухъ персонажей больше чѣмъ скромна. На голой стѣнѣ,

правѣе головы старика, прилѣплена гравюра съ голландскаго мастера, изображающая веселаго нищаго бандуриста. Надъ нимъ высится черная полка, на которой два фарфоровые сосуда, да какое то блюдо. Подъ полкою инструментъ—№ 2, дружка тому, на которомъ играетъ дочь. Не ея ли плащь виситъ подлѣ? И больше ничего нѣтъ въ хижинѣ бѣдняка. Излишество убавило бы цѣну строгой сцены.

Стефановскій.

«Дорожная слякоть».

Имя художника, о которомъ хотимъ мы теперь говорить, стало извѣстно только съ минувшаго года, когда на постоянной выставкѣ, обычные посѣтители ея—любители искусства,—подмѣтили свѣжій талантъ въ простомъ, избитомъ сюжетѣ «деревенскіе похороны». Написалъ эту сцену г. Стефановскій такъ просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ глубоко поэтически.

Онъ представилъ утро послѣ обильнаго снѣга, въ пору весенней оттепели. Вся мѣстность, представленная на картинѣ, одѣта свѣжимъ, яркимъ, голубоватымъ покровомъ; горизонтъ ясный, полный блеска; вѣтеръ усердно гонитъ густыя тучи въ глубь неизмѣримаго небосвода и тяжелая, хмурая масса ихъ свертывается въ клубъ, уходя

все выше и выше! Подъ сводомъ проясняющагося неба уныло расползлась по горбу покатости, неправильною дугою деревня съ ветхими, закоптѣлыми избушками. Большая часть ихъ то будто сторонится отъ чего; то одна другой будто дружелюбно киваетъ, или готовится слушать и подвертываетъ бокъ къ сосѣдкѣ. Видно съ разу, что избенки эти принадлежатъ не богачамъ, а такимъ горемыкамъ, у которыхъ наступающее утро возбуждаетъ не радостную думу: какъ то удастся провести этотъ день? Обычныя заботы уже миновали для усопшаго, котораго несутъ вдоль села на погостъ. Впереди, какъ водится, въ черныхъ ризахъ священникъ рядомъ съ смиреннымъ церковникомъ; за ними, въ накрытомъ чѣмъ то, должно быть ветхимъ покровомъ, несутъ бѣдняка къ вѣчному жилищу по рыхлому снѣгу. Ноги то и дѣло проваливаются въ воду, выступающую явственно въ глубокихъ колеяхъ, прорѣзанныхъ санными полозьями. Близко весна, но ея не увидитъ странникъ, достигшій мирной пристани! Вѣроятно, такая же идея, какъ намъ, придетъ въ голову каждому, при взглядѣ на сцену, изображенную молодымъ художникомъ. Талантъ его въ нынѣшнемъ году явился съ другой стороны и далъ почувствовать зрителямъ его новаго произведенія — нами передаваемаго въ снимкѣ—мастера, для котораго ос-

вѣщеніе самая привлекательная и доступная форма представлять неприглядную дѣйствительность. Въ первой его картинѣ чувствовалось только ощущеніе слякоти, хотя замаскированной свѣжестью вѣтреннаго утра. Въ новой же картинѣ, нами разбираемой—слякоть главный мотивъ. Путники—только мотивъ изобразить ощутительнѣе и неотразимѣе всю непріятность сойтись лицомъ къ лицу съ холоднымъ ливнемъ въ открытомъ полѣ. Кто попался подъ ярость потока прямого дождя, тотъ уже напрасно бы пытался защититься отъ мѣрнаго паданья капель. Вода пробиваетъ скоро ветхую одежонку и отдѣлываетъ на славу свою жертву. Этотъ дождевой разгулъ, на полномъ просторѣ, среди чистаго поля, представилъ Стефановскій поразительно оригинально. Девять несчастливцевъ, которые подвернулись подъ такое ненастье, какъ видно, люди привычные, видавшіе всякіе виды. Стоически твердо встрѣтили они врага и идутъ ни на что несмотря, словно ни въ чемъ небывали. Немногіе защищаются рогожами, которыя, впрочемъ, не много на самомъ дѣлѣ и помочь-то могутъ. Бѣдняки, должно быть, идутъ на заработки, а можетъ и съ денженками, съ заработковъ—шагаютъ да шагаютъ. Вода льетъ съ нихъ. Широкія лужи наглядно передаютъ, какая

масса влаги пролилась на землю и, очевидно, на этихъ героевъ труда. Но вотъ туча свертывается кверху, за нею свѣтъ побольше прояснится и туманъ, скрывающій окрестность. Масса кустиковъ скоро вырѣжется точнѣе и путники вздохнутъ свободнѣе, одержавъ побѣду надъ дождевою бурею.

Поэзія слякоти — если можно такъ выразиться—въ лицѣ г. Стефановскаго пріобрѣла талантливаго воспроизводителя. Глядя на грязь, изображенную его кистью, какъ будто примиряешься съ непогодами. Въ хмарахъ и сырости чувствуешь своеобразную красу и силу—вѣрные спутники свѣжаго таланта.

Ф. С. Журавлевъ.

«Благословеніе невѣсты къ вѣнцу».

Художникъ переноситъ насъ въ домъ русскаго купца, еще не носящаго нѣмецкихъ сюртуковъ и фраковъ, довольствующагося смазными сапогами за колѣно, да длиннымъ кафтаномъ, хотя бы и изъ тонкаго сукна. Сожительница сѣдовласаго купца-антика— въ косыночкѣ. Судя по минѣ благообразнаго, хотя безхарактернаго лица, далеко не стараго, купецкая сожительница—существо, невыходящее изъ подъ велѣній грознаго супруга. Вѣроятно, въ такихъ же отношеніяхъ находятся къ главѣ дома и всѣ его домочадцы, начиная съ дочерей, наряжаемыхъ богато, и по модѣ, пожалуй, но дальняго образованія не имѣвшихъ. Вотъ выросла одна дочь и попечительные родители снарядили дѣвушку къ вѣнцу, совсѣмъ какъ слѣдуетъ. Сшили невѣстѣ бѣлое атласное платье, убранное тюлемъ и бѣлыми розами,

со всѣми затѣями, которыя съумѣла выполнить фантазія модистки. Дѣвическій вуаль закинулся пышными складками за плечи невѣсты, когда она на коврикѣ стала на колѣни, чтобы принять родительское благословеніе подъ вѣнецъ. Плачетъ она въ самомъ дѣлѣ или голоситъ, исполняя условія обычая стариннаго, и для чего закрыла лицо руками; не отъ того-ли, что слезъ не оказалось (?) — рѣшить не беремся. Отецъ и мать прекрасно понимаютъ свою роль и на слезы, невольныя или искусственныя, да на крикъ — не обращаютъ вниманія, готовясь выполнить исконный обычай благочестія. Икона въ золотой ризѣ у родителя, и хлѣбъ-соль—у матушки, готовы осѣнить побѣдную голову невѣсты, увѣнчанную вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ померанца.

Все прочее, введенное художникомъ въ картину, вполнѣ соотвѣтствуетъ обстановкѣ богатаго купеческаго дома, къ которому всего приличнѣе эпитетъ — *полная чаша!* Иконъ въ золотыхъ ризахъ цѣлый уголъ. Полъ—наборнаго дерева, мебель съ позолотою—бархатная!

Совершенія принятаго обряда ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, разумѣется, сваха, въ платьѣ, обшитомъ бахромою, да въ шалевомъ платкѣ съ коймою. Поѣзжаная дама, въ замѣнъ благообразія отличающаяся можетъ быть молодостью, что-то на-

шептываетъ шаферу, напялившему фракъ на здоровыя плеча и заткнувшему розу въ петлицу.

Шаферъ-дружка, бережно поддерживая новую шляпу одной рукою, другою играетъ цѣпочкою часовъ. Передъ этою парою,—съ выраженіемъ, всего ближе характеризуемымъ словомъ *идіотизмъ*,—въ цвѣтной рубашкѣ стоитъ, выпятивъ брюхо, откормленный ребенокъ-свѣчникъ. Выпученные глаза этаго персонажа, кажется, предвкушаютъ подарокъ за несеніе образа, покуда держимаго родителемъ невѣсты. Все, что условность сюжета давала возможность художнику развить въ сценѣ—г. Журавлевымъ не забыто. Выраженіе лицъ прилично. Чего же болѣе при тщательномъ выполненіи и мастерствѣ кисти? Эти именно достоинства и доставили разбираемому нами произведенію — премію общества поощренія художниковъ по отдѣлу жанра.

Новаго къ характеристикѣ г. Журавлева, какъ художника мыслителя, по нашему мнѣнію, ничего не прибавило это произведеніе. Всѣ особенности таланта, прежде нами замѣченныя, здѣсь только выступаютъ ярче и выпуклѣе.

А. А. Харламовъ.

«Итальянка».

Художникъ представилъ, какъ намъ кажется, бѣдную дѣвочку, итальянку идущую съ цвѣточками на могилу родителей. Грустное выраженіе дѣтскаго личика слишкомъ много говоритъ въ пользу нашего предположенія. Идею о безсодержательности картины г. Харламова, мы положительно отвергаемъ. Не безъ цѣли же художникъ изобразилъ намъ молодое созданіе, съ лицомъ, далеко неблагообразнымъ, хотя и снабженнымъ симпатичнымъ выраженіемъ умныхъ глазъ? Ветхое платьеце и движеніе идущей, въ тѣни густой зелени, располагающей къ мечтаніямъ, усиливаютъ интересъ загадки, предложенной авторомъ этого произведенія своей публикѣ, т. е. всѣмъ, которые найдутъ интересъ въ этой, доведенной до край-

ней простоты—формѣ живописнаго изложенія. Одна фигура, въ костюмѣ, совсѣмъ не способномъ выдвинуть ее и при обстановкѣ, опять таки не сложной!

Таково, однакожъ, свойство таланта, что онъ способенъ внушить сочувствіе зрителей самому обыденному явленію, на которое въ натурѣ никто не обратитъ вниманія. Скорбное выраженіе грустнаго лица дѣвочки одно привлекаетъ глазъ зрителя. Выраженіе это дѣйствительно проникнуто глубокимъ чувствомъ и, подъ впечатлѣніемъ этого чарующаго взгляда—обращеннаго къ вамъ съ полотна, — неблагообразіе страдальческаго лица, рано узнавшаго въ жизни горе, не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, а очень выгодное для полноты представленія. Смуглое личико, обрамленное вѣнкомъ смоляныхъ кудрей, выдѣляется, вырѣзываясь общимъ пятномъ съ бѣлизною покрывала изъ густоты фона. Въ цѣломъ получается гармонія красокъ, необладающихъ цвѣтистостью, но отъ того ничего нетеряющихъ при общемъ характерѣ суроваго пейзажа, гдѣ жесткая, рѣдкая трава, выбиваясь изъ песка, служитъ рамкою картины. Лучъ свѣта, брошенный слѣва на почву, доканчиваетъ рельефъ движенія идущей, съ ея робкою, нерѣшительною поступью. Грубое платье дѣлаетъ контрастъ съ нѣжностью пятна отъ полевыхъ цвѣтовъ въ передникѣ и глубо-

кая тѣнь отъ фигуры дѣвушки помогаетъ иллюзіи.

Живая фигурка, съ выраженіемъ, на долго памятнымъ, при условіяхъ чуть не отсутствія эффекта, можетъ быть сильнѣе даже дѣйствуетъ на воображеніе, при посредствѣ вкуса, доказывающаго поэтическую способность своего автора.

А. И. Корзухинъ.

«За самоваромъ»,

Художникъ, какъ извѣстно, составилъ себѣ извѣстность картинкою «Пьяный отецъ семейства». Настоящее же произведеніе вѣроятно принадлежитъ къ серіи противоположныхъ типовъ тому гулякѣ, который обратилъ на художника въ первый разъ вниманіе публики, или тому чиновнику, котораго встрѣчаетъ бѣдная жена за полночь, на праздникъ, съ покупками, когда дѣти уже спятъ, кому гдѣ пришлось.

Въ настоящемъ произведеніи, нами разбираемомъ, художникъ представилъ намъ личность, не составляющую незаслуженной кары женѣ, а скорѣе составляетъ гордость сожительницы, раздобрѣвшей и, по своему, разодѣтой въ шелковую косынку и въ шалевый платокъ. Благонравный мужъ такого

типа никогда хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, а балуется по малости чайкомъ до отвала, привыкнувъ этимъ китайскимъ напиткомъ отводить душу въ столицѣ, многоразличныя искушенія которой для него несуществуютъ. Живутъ подобные сожители обыкновенно сидѣльцами въ мелочныхъ или овощныхъ лавкахъ, по нѣскольку лѣтъ у одного хозяина. Расчетъ у нихъ всегда оканчивается съ патрономъ къ обоюдному удовольствію, причемъ исправный, вѣжливый, трезвый сидѣлецъ, уѣзжая въ деревню на побывку, кромѣ чистогана, запасается подарками хозяйкѣ. Между ними занимаютъ, разумѣется, первое мѣсто снаряды для чаепитія: сахаръ головами, чай и лимоны—кофе еще не вошелъ въ обиходъ питерщиковъ и хозяйки ихъ, зная о существованіи такого снадобья, еще неимѣютъ случаевъ отвѣдать его до личнаго пріѣзда съ сожителемъ въ столицы. Сосиски и горчица сарептская, между тѣмъ не обѣгаются питерщиками изъ мелочныхъ лавокъ.

Вотъ нашъ пріѣзжій столичный обыватель, — вооруженный на этотъ разъ даже хитрымъ издѣліемъ тульскаго кузнеца — щипчиками для рѣзки сахара,—съ миною самодовольства и внушительнаго уваженія къ прогрессу человѣчества, торжественно возсѣдаетъ передъ самоваромъ, въ новомъ или, лучше сказать, легко еще подержан-

номъ костюмѣ: суконной жилеткѣ, ситцевой рубашкѣ, китайчатыхъ шароварахъ и здоровыхъ смазныхъ сапогахъ. Свѣтлые кудри лоснятся и опущенные глаза слѣдятъ за ровностью ущемленія куска въ щипцахъ. Операція эта сильно затрогиваетъ интересъ сожительницы, хозяйки домовитой и заботливой, богомольной и чистоплотной. Полотенцо съ узоромъ, постланное на столъ вмѣсто салфетки—чистоты не сомнительной и на блюдцѣ просвира мягкая. На самоваръ поставленъ чайничекъ; за самоваромъ — кринка съ молокомъ, сахарница и двѣ чашки съ розными блюдцами: апетитная чашка разумѣется хозяину.

Глядя на эту чету богобоязливыхъ супруговъ, у которыхъ и кошка сытая, не только скотина—нельзя не сказать, что идиллія бездѣтной старости, въ трудящейся средѣ сельскаго состоянія, художникомъ разгадана и передана прекрасно. Намъ эти два субъекта, давно уже перешедшіе черезъ грани мятежной юности, больше нравятся, чѣмъ «Отправленіе сына въ корпусъ» этого же художника. Тамъ много натяжекъ и дурно понятыхъ ощущеній родителей. Здѣсь полное согласіе типовъ характерныхъ съ мѣстомъ дѣйствія.

Профессоръ Адольфъ Іосифовичъ Шарлемань.

Искусство по мѣрѣ развитія ярче высказываетъ въ обладателѣ извѣстной степени таланта, его отличительный характеръ и направленіе. Профессоровъ исторической живописи у насъ нѣсколько и, правду сказать, при современномъ положеніи общества, слово *исторія* и *историческій родъ* въ искусствѣ,—особенно въ живописи,—далеко измѣнили значеніе. *Историчностью*—называли бывало *величіе* и *строгость композиціи;* но величіе это не выходило дальше граней условности и монотоніи, а подъ словомъ строгость разумѣли изысканность академическихъ формъ, часто въ ущербъ движенію. Въ старинномъ смыслѣ, Шарлемань не удовлетворяетъ историчности, между тѣмъ симпатичный талантъ его способенъ произ-

водить впечатлѣніе; ему присуще схватыванье характера историческаго момента, въ простой, понятной формѣ. Между нашими историческими живописцами, онъ, если можно такъ выразиться, — больше французъ, чѣмъ кто либо другой. А изъ французскихъ художниковъ, всего ближе къ характеру таланта Шарлеманя братья *Жоано*, особенно Тони. Вотъ, по нашему мнѣнію, конекъ дарованія Шарлеманя, *родъ историческихъ сценъ*,—романъ, анекдотъ то будь, или фарсъ, изъ прошлаго. Карандашъ и кисть А. I. Шарлеманя любой моментъ изъ исторіи съумѣетъ облечь въ соотвѣтственныя формы, сообщить сценѣ движеніе и картинное пятно и до извѣстной степени выдерживать характеръ историческаго лица или, даже, если нѣсколько лицъ,—всѣмъ имъ дать приличную позу; связавъ ихъ единствомъ идеи дѣйствія.

Отъ художниковъ-обладателей широкой кисти, требующей простора на десятки аршинъ, конечно, дальше наброска живой сцены, гдѣ фигуры помѣщаются въ натуральную величину,—цѣнитель потребуетъ большаго, чѣмъ обстановка и расположеніе группъ и фигуръ, выдѣляемыхъ свѣтовымъ лучемъ съ полною опредѣленностію. Требованія отъ большой картины вполнѣ знакомы, если кромѣ высказаннаго еще заявляется необходимость снабженія изобра-

жаемаго лица полнотою и глубиною характера человѣчнаго, въ полномъ развитіи ощущеній, прямо вытекающихъ изъ свойства задачи. Законны и требованія исправности рисунка, живости колорита и драматизма дѣйствія при выполненіи условій времени и мѣста. Большинство изъ высказанныхъ нами заявленій неприложимо къ маленькимъ картинкамъ и композиціямъ, которыя выполнялъ профессоръ Шарлемань, поэтому, такъ далеко простирать придирчивость къ нимъ никому и въ голову не приходило. Довольно, что маленькія сцены, въ карандашѣ или подъ кистью художника достигали полнаго эффекта, сообщая данному моменту своеобразный характеръ и строго историческую правду, а данному лицу— типъ, наиболѣе ему соотвѣтственный, съ удержаніемъ портретнаго сходства и другихъ особенностей, отличающихъ то лицо отъ его современниковъ. Вѣрное угадыванье: что нужно для даннаго момента и безъ чего онъ можетъ потерять соотвѣтственный ему характеръ?—всегда отличало композиціи Шарлеманя отъ другихъ его собратій по профессіи, и эти качества художника, какъ техника и мыслителя, даютъ возможность узнать его произведеніе съ перваго взгляда.

Вотъ, намъ кажется, въ чемъ Шарлемань не замѣнимъ ни кѣмъ другимъ. Особенно-

сти его таланта вовсе не такъ ничтожны, чтобы не могли сообщить трудамъ его своей оригинальной физіономіи, гдѣ тактъ и вкусъ играютъ однѣ изъ первыхъ ролей, и бойкость рисунка далеко оставляетъ за собою (въ историческихъ сценахъ) попытки прочихъ композиторовъ. Бойкостью рисунка съ фигурами, въ историческомъ родѣ, отличался въ былое время Микѣшинъ; въ сценахъ современныхъ — Тиммъ; но Шарлемань, не уступая въ своемъ родѣ этимъ опаснымъ соперникамъ, дѣлалъ для нихъ борьбу неровною уже тамъ, гдѣ шло дѣло о вѣрномъ угадываньи характера времени. Такъ что, какъ историческаго иллюстратора, Шарлеманя считаемъ мы первымъ между русскими художниками. Вкусъ, бойкость, умѣнье найти картинное пятно и оживить сцену дѣйствіемъ, за Шарлеманемъ оставляютъ почтенную репутацію таланта самостоятельнаго и свѣжаго. Подражательностью кому бы то ни было, по самому свойству своего дарованія, онъ также никогда не страдалъ; напротивъ, ему многіе подражали, даже въ манерѣ.

Послѣ такого отзыва нашего о рисункахъ, не должно никого удивлять наше сознаніе, что картины Шарлеманя мы цѣнимъ ниже рисунковъ его; между тѣмъ картинъ написалъ художникъ довольное число, хотя далеко не равнаго достоинства и къ баталиче-

скому роду чувствовалъ онъ замѣтное пристрастіе.

Шарлемань, родившійся въ Петербургѣ въ 1825 году, учился въ здѣшней академіи у Вилевальда и началъ писать прежде всего баталіи. Хотя первою картиною А. І. Шарлеманя считаемъ мы деревенскій праздникъ (1850 г.), но эпизодъ изъ войны 1805 года (1852г.) только выказалъ своеобразный талантъ композитора, награжденнаго при этомъ 1-ю серебр. медалью. Въ слѣдующемъ году Шарлемань написалъ «дѣло при Карлсбургѣ» —эпизодъ изъ венгерской войны, карт., доставившую ему 2-ю золотую медаль. Слѣдующее произведеніе вышло неудачно («взятіе 2-хъ турецкихъ орудій, при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, дивизіономъ драгунскаго наслѣдн. принца Виртемб. полка», но за то написанная въ 1855 году картина «Монахи августинскаго ордена встрѣчаютъ фельдмаршала Суворова на вершинѣ Сенъ-Готарда» (1799 г.)—картина прекрасная, по праву доставившая автору 1-ю золотую медаль. Уѣхавъ въ Италію пансіонеромъ академіи, Шарлемань тамъ написалъ лучшее свое произведеніе — «Торжественный пріемъ Суворова въ Миланѣ (19 апрѣля 1799 г.)». Въ этомъ произведеніи выказались всѣ особенности таланта Шарлеманя: блескъ, движеніе, декорація съ большимъ вкусомъ и эскизность наброска, сообщающая жизнь. Въ

1859 г. на выставку прислана Шарлеманемъ опять сцена изъ жизни Суворова—«Эльмъ, послѣдній ночлегъ фельдмаршала въ Швейцаріи», но, по нашему мнѣнію, она много уступаетъ предшествующей, хотя за «Эльмъ» и признали художника академикомъ. Въ 1860 году Шарлемань выставилъ картину: «Петръ Великій объявляетъ народу о заключеніи мира въ Ништадтѣ (4 сент. 1621 г.)», но и этотъ эпизодъ далеко не то, что бы могъ сдѣлать талантъ, настолько живой и впечатлительный. Въ слѣдующіе годы занялся Шарлемань композиціями сценъ изъ русской исторіи, для издававшагося Генкелемъ «Сѣвернаго сіянія» и выполнилъ больше сорока сценъ, большинство которыхъ прекрасно.

Въ творчествѣ этого рода блистательно проявились у художника лучшія качества историческаго иллюстратора: схватыванье характера событій и выборъ картинныхъ моментовъ.

Послѣ сценъ русской исторіи, занимался художникъ время отъ времени мелкими работами: сценами genre, пейзажами и плафонными декораціями. Болѣе серьезнымъ твореніемъ слѣдуетъ назвать сцену «покушеніе на жизнь графа Берга въ Варшавѣ»—эпизодъ изъ временъ безпорядковъ въ Привислянскомъ краѣ.

Послѣднею большою иторической стра-

ницею Шарлеманя была картина «Екатерина II въ мастерской Фальконета осматриваетъ модель монумента Петру I». Здѣсь представилъ художникъ великую Государыню со всѣми ея окружающими въ первое семилѣтіе славнаго ея царствованія. Кромѣ Фальконета, выведены: ученица его Коллотъ, —вылѣпившая голову колосса и нѣсколько лицъ изъ первыхъ русскихъ профессоровъ, прославившихся въ отечествѣ и за границею. За эту картину сдѣланъ Шарлемань профессоромъ живописи.

Талантъ въ немъ, впрочемъ, сильный и къ *гротеску* вообще. Кто не восхищался остроумными рисунками menu — праздничныхъ обѣдовъ или билетами на маскарады и зрѣлища. Бездна вкуса и остроумія въ этихъ бездѣлушкахъ. Вообще праздничный родъ иллюстрацій—беспорный конекъ Шарлеманя. Имъ выполнена еще большая композиція печальной церемоніи погребенія Государя Наслѣдника Цесаревича В. К. Николая Александровича; дѣланы рисунки для картъ —въ видѣ личностей въ русскихъ костюмахъ и съ типами инородцевъ. Впрочемъ, перечень всѣхъ композицій, вышедшихъ изъ подъ кисти Шарлеманя, вышелъ бы очень великъ, если бы захотѣли мы привести его. Не беря на себя такой задачи, мы старались высказать о художникѣ и талантѣ его главныя черты, безъ которыхъ не вполнѣ

бы выяснились дѣятельность, характеръ и свойства творчества неутомимаго труженика, бывшаго правою рукою Тимма, при изданіи имъ «Русскаго художественнаго листка». Уже одно дѣятельное участіе въ немъ показываетъ, чѣмъ долженъ былъ для этого обладать художникъ, чтобы успѣвать къ сроку вести предпріятіе.

Василій Васильевичъ Верещагинъ.

Теперь, когда печатная клевета, думая помрачить свѣтлый образъ безкорыстнаго, высокоталантливаго художника,—вызвала во всѣхъ почитателяхъ роднаго искусства болѣе живое сочувствіе къ далекому странствователю, увлеченному любознательностію въ Индустанъ,—откуда В. В. Верещагинъ вывезетъ новыя сокровища, на пользу и услажденіе цѣнителей красоты и правды,—теперь самое время дать читателямъ «Всем. Иллюстраціи» портретъ его; разсказавъ и богатую результатами жизнь нашего прославленнаго соотечественника.

Василій Васильевичъ Верещагинъ родился въ селѣ Любецъ (Череповскаго уѣзда, Новгор. губ.), 14 октября 1848 года, въ семьѣ достаточнаго помѣщика. По назначенію ро-

дителя, поступивъ въ Морской кадетскій корпусъ, онъ блистательно окончилъ курсъ въ немъ, выйдя первымъ изъ заведенія и тогда уже отдался страсти къ живописи, заставившей его посѣщать рисовальные классы на биржѣ еще изъ корпуса (съ 1858 г.). Онъ въ годъ выпуска поступилъ въ академію худ. (1860 г.) и три года спустя награжденъ 2-ю серебряною медалью за композицію въ краскахъ «Женихи Пенелопы». Считая себя достаточно приготовленнымъ для роли живописца дѣвственной природы, молодой художникъ отправился тогда на Кавказъ. Объѣхавъ все Закавказье, — цѣль своихъ странствованій, —въ 1864 и 1865 гг., Верещагинъ вывезъ оттуда богатый запасъ этюдовъ и рисунковъ. Въ массѣ зачерченнаго художникомъ, рядомъ съ типами племенъ, населяющихъ горы и долины, были характерныя сцены быта мѣстнаго, гдѣ предразсудки доводятъ человѣка до кроваваго изувѣрства и нанесенія себѣ истязаній. Таковъ характеръ дикаго торжества въ память Гуссейна, видѣннаго Верещагинымъ въ Шушѣ. Главныхъ актеровъ религіозной драмы и самое дѣйствіе ея изобразилъ карандашъ художника вполнѣ, и рисунки эти украшаютъ его «Путешествіе въ Закавказье», напечатанное въ журналѣ «Всемірный Путешественникъ» 1870 г. (т. 7-й). Съ Кавказа направившись въ Парижъ, тамъ написалъ Ве-

рещагинъ текстъ путешествія, переведенный на французскій языкъ и съ гравюрами на деревѣ съ его рисунковъ изданный въ журналѣ «Le tour du monde». Оттуда рисунковъ-клише, во «Всемірномъ Путешественникѣ», при оригинальномъ текстѣ автора, помѣщено 30.

Въ Парижѣ талантливый писатель-рисовальщикъ поступилъ въ мастерскую Жерома и подъ руководствомъ этой французской знаменитости провелъ два года, написавъ нѣсколько картинъ съ этюдовъ и начавъ композицію (впрочемъ, неоконченную) «Бурлаки на Волгѣ».

Послѣ Парижской всемірной выставки (1867) Верещагинъ уѣхалъ въ Туркестанъ. Въ бытность въ Самаркандѣ (1868 г.), во время осады его скопищемъ бухарцевъ — когда армія наша находилась далеко и на выручку поспѣть не могла,—Верещагинъ успѣлъ воодушевить горсть защитниковъ къ отпору и счастливо отбить приступы изувѣровъ. Этотъ подвигъ художника награжденъ орденомъ св. Георгія, не смотря на то, что награжденный не состоялъ въ службѣ и былъ не военнымъ. Послѣ совершенія славнаго подвига, В. В. Верещагинъ отправился опять въ Парижъ и прожилъ тамъ съ годъ, занимаясь живописью. Въ 1869 г. художникъ проѣхалъ по Бельгіи, Германіи и Дунаю и помѣстивъ здѣсь, въ Петербургѣ, на турке-

станскую выставку нѣсколько произведеній своихъ, въ колоритѣ которыхъ проглядывало вліяніе школы Жерома,—вторично направился въ Туркестанъ и прожилъ тамъ около полуторыхъ лѣтъ. Плодомъ этого втораго пребыванія художника въ Средней Азіи, было большинство рисунковъ и этюдовъ. И съ нихъ написаны имъ въ Мюнхенѣ, до весны 1873 года—большія его картины, по справедливости прославившія имя художника въ Европѣ. Онъ ихъ выставлялъ въ Англіи (въ минувшемъ году, въ Лондонскомъ хрустальномъ дворцѣ) и потомъ въ Петербургѣ, минувшею весною. Судьбу этого колоссальнаго собранія мы уже знаемъ. Всѣмъ извѣстенъ и восторгъ, возбужденный картинами Верещагина даже въ Москвѣ, когда пріобрѣтатели сдѣлали выставку ихъ для публики. Художникъ, между тѣмъ, уѣхалъ въ Индію, для продолженія своихъ изученій востока, съ его неподражаемою роскошью растительности, яркимъ солнцемъ и дикостью или изувѣрствомъ обитателей.

Московская выставка произведеній Верещагина вызвала со стороны и «Московскихъ Вѣдомостей» отступленіе отъ прежняго ихъ мнѣнія о талантѣ и характерѣ творчества художника, не заслуживавшихъ такихъ нападковъ, какъ въ первыхъ статьяхъ о немъ этихъ Вѣдомостей. Но въ то время, когда, казалось, наиболѣе враждебно относившіеся къ Вере-

щагину и его творчеству измѣнили невольно своему ошибочному воззрѣнію, у насъ въ Петербургѣ, академикомъ Тютрюмовымъ высказаны печатно еще болѣе неосновательныя и обидныя заключенія, касающіяся не просто различія взглядовъ на искусство, но старавшіяся заподозрить подлинность выполненія художникомъ его картинъ. Прямой вызовъ В. В. Стасовымъ—Тютрюмова къ отвѣту, привелъ, между тѣмъ, автора обиднаго отзыва о Верещагинѣ къ недостойному увертыванію и желанію дать другой смыслъ, будто бы возможный (?) его печатнымъ выраженіямъ. Дѣло уже ясно теперь, что самъ Тютрюмовъ далекъ отъ поддерживанья своихъ мнѣній, ни кѣмъ не раздѣляемыхъ. Въ то время, когда здѣсь приготовляется позывъ къ суду лица, высказавшаго печатно то, чего доказать онъ не можетъ, художникъ добросовѣстно трудится въ колыбели Арійскихъ племенъ, схватывая карандашемъ и кистью наиболѣе характерное въ далеко невыясненномъ покуда бытѣ древнѣйшаго народа міра.

Θедоръ Ивановичъ Іорданъ

и полувѣковой юбилей художественной его дѣятельности (4 ноября 1874 г.).

Просимъ читателей нашихъ: взглянувъ на изображенную на рисункѣ медаль, пройти съ нами перспективу полувѣковой дѣятельности прославленнаго автора лучшей гравюры съ Рафаэлева Преображенія. Онъ русскій (хотя съ иностранною фамиліею), уроженецъ окрестностей нашей столицы, воспитанникъ единственнаго въ то время разсадника — питомника дѣятелей искусства, пенсіонеръ Академіи Художествъ за границею (въ теченіи 6 лѣтъ), потомъ, для колоссальнаго труда своего, жившій тринадцать лѣтъ въ чужбинѣ, добывая трудомъ же средства къ существованію и къ продолженію своего подвига. Куда ни посмотрите въ жизни Іор-

дана, всюду вы встрѣтите—трудъ неустанный, всѣхъ изумлявшій, пока силы давали ему на то возможность,—и теперь, на осьмомъ десяткѣ лѣтъ, любовь къ труду не покинула уже обезпеченнаго труженика! Такъ что юбилей Ѳедора Ивановича Іордана — праздникъ въ честь труда неустаннаго, оправданнаго заслуженнымъ почетомъ дѣятелю со стороны всѣхъ способныхъ цѣнить дарованіе отечественнаго таланта, въ соединеніи съ благонамѣренностью и сочувствіемъ всему прекрасному. Отъ того на такомъ праздникѣ и явились не одни художники; были и почитатели таланта, любители гравированія, ученые и пишущая братія.

Для самого юбиляра день празднованія пройденнаго имъ полувѣковаго поприща, вѣроятно, привелъ ему на память лучшія минуты жизни, какъ и у всѣхъ насъ, зачастую, идущія объ руку съ черными днями неудачь, лишеній, сомнѣнія въ своихъ силахъ и—затрудненій чисто матеріальныхъ. Поэтому, чтобы представить читателямъ, каковъ былъ пройденный полувѣкъ трудовой жизни таланта, мы разскажемъ все, что намъ извѣстно о немъ, не прибирая изысканныхъ выраженій и не поднимаясь на ходули риторики.

Въ Павловскѣ, у обойнаго придворнаго мастера Іогана Іордана, крестила сама матушка Императрица Марія Ѳедоровна сына

Өедора, родившагося 13 августа 1800 года. Крестникъ царицынъ ребенкомъ принятъ въ Академію Художествъ на воспитаніе и скромно проходя курсъ общепредметный, оказался отличнымъ рисовальщикомъ. Такъ что ко времени избранія рода художественной спеціальности, получивъ медали за натурные рисунки, при новомъ президентѣ Оленинѣ попалъ Іорданъ въ классъ новаго профессора гравюры, Николая Ивановича Уткина.

Подъ руководствомъ Уткина трудное искусство со вкусомъ располагать рѣзцомъ на мѣди изящный штрихъ, Іордану — рисовальщику далось безъ большаго труда. Шесть лѣтъ въ дѣлѣ гравированія для начинающаго не представляютъ достаточнаго поприща развитія. Іорданъ же въ концѣ его оказался настолько сильнымъ и самостоятельнымъ, что его гравюра съ Соколова «Меркурій, усыпляющій Аргуса», и теперь, спустя шестьдесятъ лѣтъ, нимало не утратила своей цѣны, произведенія полнаго вкуса и силы. Не говоря уже о достоинствѣ рисунка такого щоголя по этой части, какимъ былъ авторъ «Преображенія» въ свое время. Такъ блистательно по части гравюры оканчивали курсъ въ Академіи только трое самыхъ талантливыхъ нашихъ граверовъ: Скородумовъ, Берсеневъ и Уткинъ, кромѣ Іордана. А три, число очень ограниченное, принявъ въ ра-

счетъ, что въ 18-мъ вѣкѣ въ классѣ гравированія, въ одномъ курсѣ, бывало отъ 15 или до 10 граверовъ? За «Аргуса» при выпускѣ награжденъ Іорданъ 2-ю золотою медалью и назначенъ на 3 года пенсіонеромъ Академіи,—для выполненія въ этотъ срокъ труда, достойнаго 1-й золотой медали, дающей право на пенсіонерство за границею!

Съ поступленіемъ въ пенсіонеры—носившіе уже свою одежду, имѣя отъ Академіи столъ, общій съ воспитанниками, и мастерскую, — Іорданъ, не имѣя гроша за душой, радъ былъ, радехонекъ, когда вывернулась срочная, неблагодарная работа для изданія Булгаринымъ Альманаха «Русская Талія». Сюда заказанъ ему портретъ танцовщицы Истоминой, въ вѣнкѣ изъ розъ. Работая его прилежно, день и ночь, молодой граверъ натрудилъ глаза свои, но къ сроку кончилъ; еще на задатокъ пріобрѣтя приличный костюмъ. Таковъ былъ первый шагъ на тернистомъ пути къ успѣху. Трудности техническія побѣждать Іорданъ привыкъ скоро и блистательно. Лучшимъ доказательствомъ этого — превосходная гравюра его «Поверженный Авель» съ Лосенко, на 1-ю золотую медаль (1827 г.). Произведеніе вполнѣ почтенное, выполненное съ такимъ совершенствомъ техническимъ, до какого въ то время не достигалъ никто изъ начинавшихъ

граверовъ. Взятая съ боя премія совершенствованія, открывала теперь путь къ полному развитію молодаго таланта, послѣ полученія права на поѣздку за границу, еще остававшагося въ Петербургѣ, занимаясь ничтожными работами для книгъ. Такъ, выполнилъ онъ въ Сленинское изданіе басенъ Крылова—съ рисунка Иванова сюжетъ «Собачья дружба»; въ Альманахъ Аладьина «Сѣверные цвѣты на 1829 г.» «портретъ актера В. А. Каратыгина», уже любимаго публикою, для профессора анатоміи Буяльскаго двѣ доски его операцій (по заказу Уткина) и для академика Френа много досокъ съ изображеніемъ восточныхъ монетъ. И не на это только способенъ былъ нашъ граверъ.

Съ первыхъ годовъ своего учрежденія, наша академія художествъ поддерживала сношенія съ заграничными спеціалистами, выбирая достойнѣйшихъ европейскихъ художниковъ въ почетные члены свои и въ общники. Академія дѣлала это въ видахъ полученія со стороны почтенныхъ ея избраніемъ содѣйствія планамъ, въ которыхъ первую роль, разумѣется, играло и играетъ художественное развитіе пенсіонеровъ, по разнымъ отраслямъ искусства. Въ прошломъ вѣкѣ и въ первыхъ трехъ десятилѣтіяхъ настоящаго вѣка, граверы на мѣди, какъ мы уже замѣтили, численностью почти не отставали отъ скульпторовъ и даже архитек-

торовъ; живописцевъ было всегда больше. Посылка за границу граверовъ являлась, поэтому, не какъ исключеніе, а, напротивъ, какъ явленіе нормальное, въ составѣ другихъ техниковъ по отраслямъ искусства, съ цѣлью полнаго художественнаго развитія. Пенсіонеры обыкновенно снабжались письмами академіи къ лучшимъ представителямъ того искусства, по которому шелъ получившій письмо. Іордану, отправляемому въ Парижъ, дали рекомендацію къ престарѣлому Александру Тардье; полагая, что пенсіонеръ граверъ нашъ найдетъ въ немъ и лучшаго, если не наставника, то руководителя. Положеніе Тардье, между тѣмъ, въ ту пору оставленія имъ занятій, не дозволило, однако, Ѳ. И. Іордану пользоваться наставленіями заслуженнаго артиста.

Но это едвали было не лучше для нашего талантливаго соотечественника. Онъ пристроился въ мастерской знаменитаго Ришома, стоявшаго въ апогеѣ своей художественной дѣятельности; учениковъ у него было множество и работъ—тоже, самыхъ разнообразныхъ. Не одни также французы пользовались руководительствомъ учителя-мастера; были въ студіи у него и иностранцы. Кромѣ нашего Іордана, позволимъ себѣ указать берлинскаго гравера Лидерица—автора «нерукотвореннаго Спасителя» Корреджіо. Самъ учитель, жившій нѣсколько времени

въ Италіи, былъ страстный почитатель Рафаэля, съ оригиналовъ котораго онъ выполнилъ нѣсколько рисунковъ. Между ними были превосходныя головы царя живописцевъ и учителя его Перуджина, изъ фреска «Афинская школа». Эти именно головы и предложилъ Ришомъ гравировать русскому ученику своему, на первый разъ; по работамъ его видя, какъ онъ силенъ въ рисункѣ. Въ Парижъ Іорданъ прибылъ во второй половинѣ года, и пристроился окончательно въ студіи Ришома, какъ разъ къ той скучной порѣ зимы, когда холодныя залы Лувра видимо пустѣютъ; потому что копіисты, рисовальщики и живописцы уединяются въ своихъ кабинетахъ-студіяхъ. Двѣ головы такихъ, какъ Рафаель и Перуджино, могли занять неутомимаго нашего соотечественника, страстнаго къ своему искусству, на всю зиму 1829—30 года, но за то и усидчивый трудъ его вышелъ больше чѣмъ удовлетворительнымъ; открывая собою путь къ произведеніямъ Рафаэля, болѣе сложнымъ. Довольный воспроизведеніемъ съ своихъ рисунковъ мастерскихъ головъ, Ришомъ не отсовѣтовалъ уже Іордану, весною, заняться большою работою, одобривъ и самый выборъ имъ оригинала для гравюры. Ѳ. И. Іорданъ съ апрѣля 1830 года съ жаромъ принялся рисовать такъ называемую «Лоретскую Богоматерь» Рафаэля, о подлинно-

сти которой было много споровъ, хотя никто не сомнѣвался и не могъ сомнѣваться въ нахожденіи въ ней нѣсколькихъ особенностей, обличавшихъ кисть величайшаго мастера. Такъ что признавая луврскій экземпляръ и современной копіей школы Рафаэля, допускали только утрату подлинника, имъ самимъ писаннаго, соглашаясь, что если и это—копія, такъ пройденная мастеромъ. На наши глаза гравированіе подобныхъ спорныхъ произведеній генія — заслуга передъ искусствомъ техника, отваживающагося на подобный подвигъ. Онъ навѣрно въ однихъ ревнивыхъ цѣнителяхъ-почитателяхъ встрѣтить можетъ заявленіе недовольства на изящность рисунка, а въ другихъ, послѣдователяхъ противоположнаго направленія, упрекъ въ умышленномъ улучшеніи и усиленіи достоинствъ оригинала, ими не признаваемаго за подлинникъ. Тѣмъ болѣе чести художнику, успѣвающему удовлетворить оба противоположныя воззрѣнія, доказавъ при этомъ самымъ дѣломъ свое умѣнье побѣждать трудности и передавать рисункомъ силу оригинальнаго выраженія съ тактомъ и вкусомъ, исключающими всякую мысль о натяжкѣ или монотоніи. Точно такъ и представляется намъ первая большая работа съ Рафаэля, Ѳедора Ивановича Іордана. Глядя на его «Мадонну ди Лорето», невольно приходитъ въ голову мысль: да, этотъ чело-

вѣкъ способенъ передать безсмертныя красоты Рафаэля!—то широкою сильной прокладкой, то утонченною выработкою тонкихъ деталей, безъ сухости. Подобная оцѣнка была бы, разумѣется, произнесена и тогда, когда бы авторъ гравюры «Лоретской Богоматери» не выполнилъ послѣдняго и самаго великаго изъ твореній Санціо. Теперь нашъ отзывъ можетъ, пожалуй, назваться придуманнымъ нарочно, но онъ искрененъ и отнюдь не внушенъ всею общностью работъ Іордана, котораго оставили мы, заговорившись, на рисованіи только картины въ Луврѣ. Рисунокъ тамъ конченъ совершенно прежде, чѣмъ вспыхнула знаменитая іюльская революція. Перемѣна династіи во Франціи вызвала для нашего талантливаго труженика новое назначеніе. Правительствомъ нашимъ признано за благо перевести его въ Англію—страну мирнаго развитія прогресса. Такой ордеръ, какъ можно себѣ представить, въ первую минуту былъ не совсѣмъ пріятнымъ сюрпризомъ артисту, расположившемуся было пожить на берегахъ Сены, гдѣ нашелъ онъ, въ лицѣ учителя и товарищей, общество по душѣ себѣ; а въ музеѣ—страницы, возбуждавшія въ немъ пылъ усердія, понятнаго только художнику.

Дѣлать, однако, было нечего; хоть и не съ охотою, а пришлось перемѣнять пенатовъ о явиться въ дымный Лондонъ съ рисункомъ

«Мадонны Лоретской», вновь тамъ отыскивая руководителя. Іорданъ былъ счастливъ и тѣмъ, что хотя на одинъ годъ, но успѣлъ сойтись съ знаменитымъ Раимбахомъ, лучшимъ изъ тогдашнихъ граверовъ-техниковъ въ соединенномъ королевствѣ (черезъ годъ, однакожъ, оставившимъ своего искуснаго уже ученика, за переселеніемъ изъ столицы въ окрестности, съ закрытіемъ студіи). Впрочемъ, распростясь съ Раимбахомъ, еще большее къ себѣ расположеніе встрѣтилъ нашъ Іорданъ въ Джонѣ Генри Робинзонѣ, съ которымъ и провелъ все остальное время житья въ Англіи; по окончаніи гравюръ своихъ на мѣди съ Рафаэля, занявшись и гравюрою на стали.

Въ этомъ родѣ нашъ соотечественникъ выполнилъ съ Хогарта одну сцену изъ жизни тунеядца—испугъ вора кошкою, провалившеюся въ прямую трубу камина. Для насъ лучшею работою изъ предпринятыхъ и выполненныхъ художникомъ въ Англіи, кажется портретъ одного капитана англійской службы, умершаго въ Индіи, съ эскиза,—выполненный подъ карандашъ съ сохраненіемъ всей свободы искуснаго артистическаго наброска. Въ туманномъ Альбіонѣ еще нарисовалъ нашъ граверъ, для выполненія на мѣди, съ оригинала Чиголи «Скорбящую Богоматерь, держащую умершаго Спасителя» (въ полуфигурахъ). Гравюра эта была

почти кончена здѣсь уже, когда обстоятельства дозволили еще разъ художнику видѣть Парижъ и прожить тамъ (1833) нѣсколько времени. Въ Лондонъ пріѣхалъ нашъ артистъ теперь только окончательно собрать свои вещи и покончить дѣла, чтобы направить путь въ столицу искусствъ, манившую во всѣ времена художниковъ. Черезъ Голландію Іорданъ проѣхалъ на Рейнъ и здѣсь на пароходѣ, при перекладкѣ вещей, потерялъ ящикъ съ доскою гравюры съ Чиголи, отъ того составляющей величайщую рѣдкость. Усердные поиски самого владѣльца-художника и пароходной компаніи, ничего не могли открыть: пропажа сгибла безслѣдно. Только фотографія съ гравюры хранится у самого автора, напоминая ему досадный случай и обманутое ожиданіе вознагражденія за трудъ, на который думалъ онъ найти покупщиковъ въ Римѣ.

Грустный труженикъ переѣхалъ Альпы и въ Болоньи нашелъ Брюлова, рисовавшаго «Св. Цецилію» съ Рафаэля. Знаменитый авторъ «Помпеи» принялъ живое участіе въ дѣлѣ соотечественника-однокашника. Самъ страстный почитатель красоты рисунка, Брюловъ рекомендовалъ новопріѣзжему собрату,—зная его техническія средства и умѣнье—нарисовать въ церкви «Madonna della Galiérra», «Святое семейство» Франческо Альбано; едва ли не самое возвышенное изъ мелкихъ со-

зданій этого живописца грацій по выспренности выраженія. До того, по своему выбору Іорданъ нарисовалъ знаменитое «Преображеніе» Агостина Кораччи, въ Болоньи, и рисунокъ совсѣмъ кончилъ; не успѣвъ выполнить съ Альбана.

Въ Римѣ, Іорданъ опять встрѣтился съ Брюловымъ и тотъ, спрашивая: какъ ему показались сокровища Ватиканскаго музея, прямо сказалъ. — Вотъ бы тебѣ награвировать «Преображеніе» Рафаэля! — И силъ не хватитъ, да и доступъ рисовать то съ него мнѣ не получить. — О послѣднемъ не сомнѣвайся, я тебѣ его выпрошу теперь же; а что касается перваго, мнѣ кажется, силы у тебя есть и охота найдется, такъ, стало быть, и препятствій не существуетъ — быстро рѣшилъ авторъ «Помпеи»; не любившій отступаться отъ высказанной имъ, хотя бы и случайно, мысли. У него же мысли приходили часто, по истинѣ геніальныя.

Неуспѣлъ Ѳ. И. Іорданъ и подумать еще о неожиданномъ предложеніи такой громадной важности, какъ Брюловъ уже сообщилъ ему, что разрѣшеніе рисовать «Преображеніе» Рафаэля уже испрошено. — «Такъ что и пятиться тебѣ нельзя, — закончилъ великій художникъ шуткою, твердо зная, что въ подвигѣ на славу искусства, со стороны товарища не будетъ медленья, а одна только скромная робость, заставлявшая его сомнѣ-

ваться въ своихъ способностяхъ и умѣньѣ, отъ излишней добросовѣстности и высокаго понятія объ идеалѣ искусства. Къ счастію, это дорогое качество, обильно разлитое въ Брюловѣ и подмѣченное имъ въ Іорданѣ, не составляетъ рѣдкости въ отечественныхъ талантахъ. Не одинъ, впрочемъ, молодой граверъ въ попыткѣ своей гравировать Рафаэля видѣлъ дерзость не по силамъ; такого же мнѣнія были итальянцы, изъ патріотизма забравшіе въ голову, что передаванье красотъ оригинала составляетъ только ихъ будто бы національную, преемственную монополію. Они одно забывали или теряли изъ виду, что знаменитые граверы итальянскіе никогда почти или рѣдко сами дѣлали рисунокъ съ оригинала для гравюры великаго произведенія, и знаменитый Рафаэль Моргенъ произвелъ эстампъ «Преображенія» по рисунку Тофанелли, тогда какъ нашъ соотечественникъ, употребивъ 18 мѣсяцевъ на рисованіе съ оригинала, дѣйствительно произвелъ чудо въ своемъ родѣ, по точности передачи. О совершеніи этого подвига наша Академія Художествъ довела своевременно до свѣденія Государя Императора и Его Величество повелѣлъ выдать художнику 1500 р. ассигнаціями въ поощреніе, для продолженія труда гравированія. Въ 1836 году прислана въ Петербургъ прокладка верхней части эстам-

па уже на крѣпкой водкѣ, но только спустя 14 лѣтъ колоссальный трудъ Іордана достигъ осуществленія, прославивъ русскую гравюру. Мы позволяемъ себѣ при этомъ,— не пускаясь въ спеціальную оцѣнку подвига русскаго гравера — сказать только два слова о немъ: гравюра Іордана больше всѣхъ гравюръ по величинѣ; ближе всѣхъ по рисунку и точнѣе всѣхъ передаетъ выраженіе лицъ, введенныхъ въ картину фигуръ. Не думаемъ, чтобы значеніе общаго тона—что ставили въ единственную и будто бы главную въ эстампѣ заслугу знаменитаго Моргена, — за высказанными нами тремя качествами, было выше ихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ предоставляемъ сдѣлать самимъ читателемъ нашимъ, считающимъ себя понимающими дѣло. Да еще прибавимъ, что подобный отзывъ не изъ нашихъ устъ и не русскимъ впервые высказанъ, а сдѣланъ цѣнителемъ тонкимъ, авторомъ статьи о гравюрѣ Іордана во Флорентійскомъ журналѣ «*Искусство*» (L'Arte),—да еще съ прибавкою замѣчанія, что Іорданъ, какъ отличный рисовальщикъ, *вполнѣ чувствуетъ манеру царя живописцевъ*, т. е., что гравюра имѣетъ еще рѣдкое качество: *близость живописной передачи*—другими словами, простираетъ точность ея до осязательности лѣпки тоновъ кистью.

За этимъ отзывомъ, согласитесь, намъ

съ своей стороны нечего еще прибавлять, а только разсказать ходъ занятій Іордана.

Продолжая неутомимо работать надъ колоссальнымъ твореніемъ, художникъ жилъ на тѣ средства, которыя давалъ ему случай, благодаря его умѣнью владѣть рѣзцомъ. Въ пріѣздъ нынѣ царствующаго Государя—Наслѣдникомъ Престола—въ Римъ (1839 г.), Іорданъ выполнилъ портретъ Августѣйшаго Гостя съ оригинала Каніевскаго, а ранѣе—портретъ Великаго Князя Михаила Павловича. Въ сороковыхъ годахъ Іорданъ награвировалъ игривый портретикъ поэта «языкова», и 15 досокъ карандашною манерой съ рисунковъ скульптора Джона Гибсона для поэмы «Душенька» одной его соотечественницы, мистриссъ Стреттъ (Strutt).

Зато, съ окончаніемъ великаго подвига,—художника ждало званіе профессора гравюры и заказъ отъ Академіи гравировать съ картины Егорова «Истязаніе Спасителя». Трудъ этотъ оконченъ уже въ шестидесятыхъ годахъ, когда авторъ гравюры «Преображенія», счастливый супругъ и отецъ, занималъ уже мѣсто учителя своего по классу гравированія. Портреты: Державина, Гоголя, Бѣлинскаго, Лермонтова, Плетнева, покойнаго графа А. П. Шувалова, доктора Здекауэра, свой собственный (1871 г.) и, начатый, Государя Императора—работы нашего трудолюбиваго профессора, послѣдова-

тельно исполнявшіяся имъ прежде и послѣ «Истязанія». На эту черту—передачу изображеній по большей части литераторовъ,—какъ на заслугу передъ отечественной литературой Ѳ. И. Іордана,— указалъ въ спичѣ своемъ на полувѣковомъ юбилеѣ дѣятельности славнаго нашего соотечественника, Я. К. Гротъ. Мы, съ своей стороны, за тѣмъ же обѣдомъ (но нѣсколько прежде) развивали культурное значеніе гравюры вообще въ дѣлѣ образованія народнаго, особенно у насъ въ Россіи. Въ средѣ же талантовъ отечественныхъ, подвизавшихся на томъ поприщѣ, гдѣ прославилъ Іорданъ имя русскаго художника, — онъ занимаетъ самое блистательное и, по времени, разумѣется, ближайшее къ намъ мѣсто послѣ извѣстныхъ намъ однимъ, русскимъ, — но тѣмъ не менѣе дорогихъ для насъ, — подвижниковъ: Соколова, Виноградова, Чемесова, Скородумова, Берсенева и Уткина. Профессорства по праву достигли изъ нихъ только Уткинъ и нашъ юбиляръ; на семьдесятъ пятомъ году также изящно владѣющій грабштихомъ, какъ привыкъ онъ обращаться съ нимъ въ годы полнаго развитія своего таланта. Такъ что, глядя на доску, теперь имъ выполняемую, всякій другъ искусства порадуется за художника и наше время, когда непрерывный трудъ находитъ соотвѣтственную оцѣнку между своими,

привлекая общее уваженіе къ заслугамъ, выразившееся въ тепломъ сочувствіи собравшихся на юбилей нашего Θ. И. Іордана, гдѣ между веселыми гостями юбиляръ былъ совсѣмъ на распашку, какъ и слѣдуетъ художнику, сознающему значеніе подобнаго праздника.

ТОПОГРАФІЯ, АРХЕОЛОГІЯ

и

ИСТОРІЯ.

Городъ Калуга.

Мѣстность нынѣшней Калуги съ окрестностями, перешла во владѣніе московскихъ великихъ князей при Дмитріѣ Донскомъ. По смыслу завѣщанія Дмитрія Донскаго, гдѣ сыну своему Андрею отдаетъ онъ *Калугу и Рощу*, — эти мѣстности входили именно въ пріобрѣтеніе отъ Смольнянъ (т.е. отъ Литвы) по послѣднему договору съ Ольгердомъ (1372 г.). Иначе трудно объяснить это мѣсто въ завѣщаніи «А Калуга и Роща сыну жъ моему князю Ондрѣю (получившему въ удѣлъ Можайскъ съ Вереею) и *что вытягалъ* бояринъ мой Θедоръ Андрѣевичъ *на общемъ рѣтѣ*, Тов. и Медынь у *Смольнянъ*, а то сыну же моему Ондрѣю». Раньше завѣщанія Донскаго, о Калугѣ молчатъ лѣтописи, поэтому ясно, что слѣдуетъ относить пріобрѣтеніе ея къ правленію побѣдителя

Мамая. Какъ пограничный пунктъ, очень естественно, могло укрѣпленіе тыномъ, или плетнемъ, даже, явиться на берегу Яченки и отъ такой утлой ограды получить имя Халуга—*огорода плетнемъ*. Слово Халуга—легко, современемъ измѣнившее Х. на К., само по себѣ очень старо. Оно употребляется въ евангеліи, въ притчѣ о званныхъ на вечерю, въ древнѣйшихъ уже спискахъ; такъ что въ XIV в. несомнѣнно было.

Съ конца четырнадцатаго столѣтія и поведемъ мы исторію Калуги, какъ пункта географическаго, урочища и, потомъ, города.

Какъ *земля* въ удѣлѣ Андрея, данномъ отцомъ,—Калуга упоминается въ договорѣ сыновей Донскаго, между собою, въ 1405 году; и въ общемъ договорѣ дѣтей Андрея и Василія Дмитріевичей (Ивана и Михаила Андреевичей Можайскихъ, съ Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ), въ 1433 году; да и по одиначкѣ, Михаила и Ивана Андреев. съ Василіемъ, въ 1445, 1447 и 1448 годахъ. Измѣна князя Ивана Можайскаго великому князю и вторичное участіе въ ковѣ Шемяки, лишили уже, наконецъ, терпѣнія не памяотзлобнаго слѣпца и удѣлъ Ивана Андреевича присоединилъ онъ къ своему московскому владѣнію. Въ завѣщаніи своемъ (1462 г.) Темный отдалъ Калугу старшему сыну—Ивану III Васильевичу, и съ того времени она уже оставалась за Москвою.

Укрѣпленіе *Калуга*, судя по сохранившимся доселѣ городищамъ, три раза переносилось съ мѣста на мѣсто. Одно изъ городищъ находится въ 8 верстахъ отъ Калуги, на срединѣ теченія рѣчки Калужки, гдѣ церковь съ чудотворнымъ образомъ Богоматери. Здѣсь существуетъ валъ, вышиною до 1½ сажень, на возвышеніи надъ водою до 4 сажень. Возвышенность городища этого окружена съ трехъ сторонъ буераками; съ четвертой же стороны спускъ къ рѣчкѣ совсѣмъ крутой. Второе городище, въ 6-ти верстахъ отъ города, близъ большой дороги въ Тулу, на лѣвомъ берегу Оки, на мысѣ, образуемомъ впаденіемъ въ нее р. Калужки. Это опять возвышенность, склоняющаяся къ водѣ пологими скатами. Остаются еще здѣсь слѣды рва и подъ нимъ—валъ, осѣвшій только къ берегу Оки. На до рвомъ все еще и теперь валъ возвышается на сажень. Другой же валъ, внутри, дѣлитъ городище на двѣ половины, изъ которыхъ большая возвышенность въ сѣверо-западной; тогда какъ изъ восточной половины—дорога по Окѣ, къ юго-западному углу. По угламъ городища можно съ увѣренностью указать на существованіе башень. Форма этого городища представляетъ трапецію, самою короткою стороною обращенную къ Окѣ, а самою длинною—въ поле, на сѣверо-востокъ. Окру-

жившій городище валъ длиною около 170 сажень. Наконецъ третье городище, на сѣверъ отъ существующаго города, на берегу Яченки, близъ Пятницкаго кладбища, представляетъ четыреугольникъ, спускающійся круто къ рѣчкѣ и отдѣленный оврагами (сажень въ 5 глубины), съ юго-запада и сѣверо-востока. Съ юга же, отъ теперешней городской земли, отдѣляютъ городище ровъ и валъ, сажени въ 2 вышиною. Въ валу, по серединѣ оставленъ проходъ для воротъ, разумѣется, не оставившихъ слѣда по себѣ. За то слѣдъ вала остался и съ двухъ сторонъ, примыкавшихъ къ этой, до рѣки. Есть и слѣды возвышеннаго основанія башень угловыхъ, окруженныхъ тыномъ, со спусками къ валу; длина котораго (отъ юго-востока къ сѣверо-западу) 320 шаговъ, отъ юго-запада же къ сѣверовостоку въ половину этого размѣра. Внутри городища остались шесть ямъ, которыя можно считать вынутыми основаніями существовавшихъ здѣсь построекъ.

Которому изъ этихъ городищъ слѣдуетъ приписать первенство, мѣстные любители старины, даже не сообщаютъ и догадокъ своихъ; но, во всякомъ случаѣ, *вторымъ* уже слѣдуетъ считать *урочище при впаденіи Калужки.* При немъ оказываются бугры,— слѣдъ погребальныхъ кургановъ жертвъ черной смерти. Такъ что городище на

Яченкѣ, собственно Калуга, подъ владѣніемъ московскихъ владѣтелей. Къ нему пріурочивается и легенда о князѣ Симеонѣ Ивановичѣ (сынѣ Ивана III) калужскомъ, державшемъ въ своемъ домѣ христа-ради юродиваго Лаврентія. Въ которое именно время состоялась застройка Калуги на настоящемъ мѣстѣ, также не осталось свидѣтельствъ, но что въ XVII вѣкѣ городъ уже былъ тамъ, гдѣ и теперь, это доказываютъ писцовыя книги, упоминающія церкви, нынѣ существующія въ Калугѣ.

Исторія немного вообще оставила фактовъ, относящихся до города Калуги, ранѣе царствованія Василія Шуйскаго, когда пребываніе Тушинскаго царика, вдругъ сдѣлало Калугу мѣстомъ, куда обращены были глаза и добрыхъ людей, и смутниковъ общаго покоя, и враговъ корыстныхъ—Сигизмунда съ его клевретами.

Вотъ Исторія Калуги со дней Ивана III. Сыну его Симеону, родившемуся въ 1487 г., дана Калуга въ удѣлъ и шесть лѣтъ прожилъ онъ въ своемъ домѣ здѣсь, когда, изъ за-чего то, вздумалъ бѣжать въ Литву, но уговоренъ боярами, ему преданными. Царь Василій простилъ брата, узнавъ его умыселъ, но наказалъ состоявшихъ при князѣ бояръ и дворянъ (1511 г.). Въ слѣдующемъ же году (1512 г.), говоритъ легендарная повѣсть о святомъ Лаврентіи, дѣти Менгли

Гирея (Ахматъ и Бурнашъ Гиреи) сдѣлали будто наѣздъ на Калугу, но были прогнаны княземъ Симеономъ «молитвами св. Лаврентія». Мы знаемъ, что царевичи хозяйничали въ окрестностяхъ Одоева и Бѣлева, но князь Даніилъ Щеня приходомъ своимъ заставилъ ихъ позорно бѣжать. Это бѣгство крымцевъ пріурочивается легендою къ Калугѣ и къ подвигамъ князя Симеона, долгая жизнь котораго (91 г.) между тѣмъ не заключаетъ въ себѣ опять ничего особенно выступающаго: хозяйничалъ въ Калугѣ дядя владѣтеля, Иванъ Грозный. Какъ въ своей отчинѣ онъ держалъ въ Калугѣ, 17 лѣтъ въ заключеніи, крымскаго посла Яни-Болдыя, освобожденнаго наконецъ въ 1572 году. Въ 1600 же году, Борисъ далъ Калугу въ удѣлъ жениху своей дочери, Густаву, сыну Эрика шведскаго, впрочемъ, ненадолго. Ни тогдашняя торговля Калуги съ Литвою, ни особенная замѣчательность какъ удѣльной столицы, между тѣмъ, не заставляли лѣтописцевъ много говорить о ней до дней Шуйскаго.

При этомъ несчастномъ государѣ, являются разомъ два самозванца: въ Тулѣ и Стародубѣ, выдавая себя за убитаго Лжедимитрія, будто бы спасшагося. Царь Василій взялъ Тулу и казнилъ Лже-Петра, но ничего не сдѣлалъ для разсѣянія шаекъ другаго бродяги, хотя имѣлъ всю возмож-

ность, послѣ побѣды надъ первымъ. Царь воротился въ Москву и самозванецъ, подкрѣпленный польскими шайками, осадилъ Брянскъ. Тутъ присталъ къ нему Рожинскій, разбившій, на слѣдующую весну, царскихъ воеводъ подъ Болховомъ (10 и 11 мая 1608 г.). Іюня 1-го самозванецъ прибылъ въ Тушино, за 12 верстъ отъ Москвы, но не пробылъ тамъ до низложенія царя Василія, а съ приближеніемъ войскъ Сигизмунда, въ декабрѣ 1609 г., бѣжалъ въ Калугу.

Тушинскій царикъ пріѣхалъ въ Калугу въ крестьянскомъ платьѣ, въ навозныхъ саняхъ, съ шутомъ своимъ Петромъ Кошелевымъ и съ немногими приверженцами, 1 января 1610 г. Остановившись въ Лаврентьевомъ монастырѣ, онъ послалъ въ городъ монаховъ, дать вѣсть о своемъ пріѣздѣ. На это заявленіе явились калужане съ хлѣбомъ-солью въ монастырь и съ торжествомъ ввели въ городъ самозванца, предоставивъ ему на помѣщеніе—домъ воеводы Скотницкаго. Теперь это историческое зданіе, хотя готовое развалиться, все еще существуетъ, оставаясь во владѣніи Коробовыхъ. Мы помѣстили видъ коробовскаго дома, каковъ онъ теперь, чтобы напомнить читателямъ: что̀ въ стѣнахъ этой «утлой», чуть не «лачуги», въ 1610 году, не безъ нѣкотораго даже блеска, устроился дворъ дерзкаго искателя приключеній, жаловавша-

го въ бояре потомковъ Рюрика, русскихъ князей родовитыхъ. Отъ Тушинскаго самозванца облечонъ саномъ боярина, тотъ самый князь Трубецкой, Дмитрій Тимофѣевичъ, котораго за боярство это записные историки ставятъ въ рядъ съ героемъ Пожарскимъ, по праву именуемымъ спасителемъ отечества. Что общаго, готовъ спросить каждый, у такого спасителя, съ благодушнымъ воиномъ, не щадившимъ жизни въ борьбѣ съ врагами отечества, когда чванный бояринъ Тушинскаго вора-калужскаго царика и не помогалъ даже защитникамъ роднаго дѣла въ грозныя, рѣшительныя минуты перевѣса боя на чужую сторону. На то и историкъ, чтобы видѣть въ Трубецкомъ ровнаго Пожарскому, неродовитому и будто мало талантливому. Не станемъ спорить объ этомъ, но замѣтимъ, что по русской пословицѣ: каковъ попъ, таковъ и приходъ, — самъ, надѣлавшій бояръ въ родѣ Д. Т. Трубецкаго, самозванецъ жилъ въ Калугѣ, только злодѣйствуя. Заподозривъ поляковъ и нѣмцевъ въ намѣреніяхъ предать себя, калужскій царикъ всѣхъ представителей этихъ двухъ народностей, приказывалъ поголовно умерщвлять; всюду, гдѣ могли что-нибудь значить его повелѣнія. Въ Тушинѣ ихъ ловили, и присылали въ Калугу, а здѣсь—били. Скотницкій, домъ котораго занялъ извергъ, брошенъ былъ въ

Оку палачами. Иванъ Ивановичъ Годуновъ сброшенъ былъ съ башни но оказался живъ и въ состоянiи владѣть руками. Топить его стали — онъ ухватился за край лодки такъ крѣпко, что принуждены были обрубить страдальцу обѣ руки. Тогда только онъ пошелъ ко дну.

1610 года февраля 13 прибыла въ Калугу и Марина, въ мужскомъ польскомъ костюмѣ—въ красномъ бархатномъ кафтанѣ, въ сапогахъ со шпорами, съ пистолетомъ за поясомъ и съ саблею въ рукѣ. Безъ Марины же новоподѣланные бояре изъ Тушина, били челомъ Сигизмунду и предложили ему русскiй престолъ, для сына Владислава. Изъ поляковъ, къ королевскимъ слугамъ присоединились немногiе. Сапѣга покрайней мѣрѣ былъ не изъ числа такихъ простяковъ. Онъ къ королю переходилъ подъ условiемъ продолженiя отпуска такого же жалованья, какое давалъ самозванецъ и, не получивъ денегъ, 10 iюня присталъ къ калужскому же царику заплатившему все условленное за 9 мѣсяцевъ. Переходъ Сапѣги нуженъ былъ теперь для самозванца, въ виду приближенiя къ Москвѣ гетмана Жолкѣвскаго. Царикъ думалъ, что ему удастся взять бѣлокаменную прежде прихода гетмана и, въ этихъ видахъ, въ iюлѣ 1610 г. вышелъ изъ Калуги въ Боровскъ, тамъ соединился съ Сапѣгою и, послѣ нерѣшительнаго дѣла на

Пронѣ, съ царскими воеводами, вновь явился подъ Москвою. Этотъ приходъ его повліялъ на ускореніе низведенія съ престола царя Василія, но, затѣмъ, думные люди поддались польскимъ внушеніямъ и вступили въ сношенія съ Сигизмундомъ, прося въ цари Владислава. Съ принятіемъ же этого рѣшенія, самозванецъ вторично увидѣлъ себя почти всѣми оставленнымъ; въ томъ числѣ и Сапѣгою. Въ такой крайности, 2-й Лжедимитрій съ Мариною бѣжали 26 августа вторично въ Калугу, въ сопровожденіи Заруцкаго съ небольшою шайкою казаковъ, татаръ, да русскихъ измѣнниковъ. Въ Калугѣ опять собралось у него защитниковъ тысячь до пяти, но этой горсти оказывалось мало, чтобы, не въ далекѣ отъ столицы, разыгрывать роль царя—бродягѣ. И вотъ, лаская татаръ, 3-й Лжедмитрій счелъ за благо, въ случаѣ надобности перенести свою резиденцію въ отдаленную Астрахань. Съ цѣлью приготовить тамошнюю вольницу къ пріятной вѣсти: что у нихъ будутъ свои царь и царица, въ Астрахань посланъ самозванцемъ преданный полякъ Керносицкій. Это благоразумное рѣшеніе—исполненное только Мариною—достигло бы удачнаго осуществленія, еслибы, топя и засѣкая поляковъ и нѣмцевъ, бродяга, продолжая тиранствовать, не приказалъ утопить Касимовскаго царя Ураза, за котораго и явился мститель. Князь

Араслань Петръ Черкаскій, 11 декабря, въ верстѣ отъ Калуги, во время прогулки самозванца, прострѣлилъ его насквозь и отрубилъ голову. Затѣмъ, съ 1000 татаръ, убійца ускакалъ прежде, чѣмъ шутъ убитаго Кошелевъ успѣлъ дать знать калужанамъ о совершившемся. Раздался звонъ колоколовъ въ набатъ и пушечные выстрѣлы, сзывавшіе людей на погоню за татарами, но виновника—слѣдъ простылъ. Ярость сторонниковъ вылилась на беззащитныхъ слободскихъ татаръ, всѣхъ теперь перебитыхъ. Марина полунагая бѣгала по улицамъ съ факеломъ въ рукѣ, прося мести. Убитаго самозванца калужане похоронили съ честью въ Троицкомъ соборѣ и сына Марины, скоро затѣмъ родившагося, Ивана, стали величать царевичемъ и своихъ государемъ. Не то, однако, думали русскіе измѣнники, исполнители звѣрскихъ велѣній бродяги при жизни его: кн. Д. Трубецкой, кн. Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ и пр. Овладѣвъ Калугою, они посадили подъ стражу названную царицу и снеслись съ Москвою. Оттуда выслали кн. Юрья Никитича Трубецкаго и онъ, прибывъ въ январѣ 1611 г., сталъ калужанъ приводить къ присягѣ на вѣрность Владиславу. Это, впрочемъ, продолжалось недолго. Въ январѣ же Юр. Трубецкаго принудили бѣжать въ Москву и Калуга вступила въ сношенія съ Ляпуновымъ,

заправлявшимъ движеніемъ дружинъ къ столицѣ. Онъ потребовалъ къ себѣ калужское ополченіе, отправленное подъ предводительствомъ кн. Д. Т. Трубецкаго. Марина, всѣми оставленная, обратилась къ Сапѣгѣ, но онъ не явился къ ней съ помощью и тутъ-то предалась она Заруцкому, а имъ переведена въ Коломну. Мнимая столичная роль Калуги—кончилась.

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ Калуга была центромъ операціоннаго плана защиты столицы въ 1-ю войну съ Польшею. Въ Калугѣ два раза имѣлъ главную квартиру князь Пожарскій. Чаплинскій и Опалинскій, польскіе вожди, были въ Мещовскѣ и Козельскѣ и, соединясь, осадили въ Калугѣ спасителя отечества. Онъ, однако, держался во всю зиму 1617—18 г., до тѣхъ поръ, пока тяжкая болѣзнь не заставила вызвать героя въ Москву. Безъ Пожарскаго, овладѣлъ Калугою казацкій гетманъ Сагайдачный, вырѣзавъ большую часть жителей, разграбивъ лавки, церкви и сжегши острогъ.

По уходѣ Сагайдачнаго, граждане Калуги были раззорены въ конецъ, а пожаръ въ 1622 году, на Святой недѣлѣ въ четвергъ, обратилъ въ пепелъ «городъ и острогъ, и дворы жителей, и лавки, совсѣми животы». Черезъ четыре года послѣ этого пожара (1622 г.) составлена Владиміромъ Плещеевымъ опись г. Калуги, на которой значится

20 церквей (3 въ крѣпости, 5 на посадѣ въ новомъ острогѣ, 10 въ старомъ острогѣ и 2 въ острожныхъ слободахъ). Дворовъ же только было 493 (171 посадскихъ), въ нихъ людей 207 челов. мужескаго пола, обложенныхъ оброкомъ въ 63 р. 62 коп., да 102 двора людей обѣднѣлыхъ, которые кормились подаяніемъ и въ оброкъ не положены. Лавокъ, кромѣ краснаго ряда, считалось 341 (сапожныхъ и соляныхъ 110, рыбныхъ 25, хлѣбныхъ 36, кузнечныхъ 44) и 12 столовъ, съ которыхъ продавались серебряныя издѣлія. Изъ этого видно, что важнѣйшими статьями городскаго торга были соль да сапоги, а потомъ кузнечныя издѣлія.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1654 г.) Калугу посѣтило лютое моровое повѣтріе, опустошавшее городъ съ 10 августа по 25 декабря и изъ 6000 жителей его оставившее въ живыхъ едва ли шестую часть. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ мора (1685 г.), по описи воеводы Полуэхтова, въ Калугѣ оказывается крѣпость деревянная съ 12-ю башнями, въ окружности на полторы версты (734½ саж.), 27 церквей (4 каменныя), 1045 дворовъ и 429 лавокъ (50 соляныхъ, 55 красныхъ и москатильныхъ, 21 сапожныхъ) и 40 кузницъ.

Въ 1658 г. отъ Москвы до Калуги, а отсюда до Сѣвска учреждены ямы, для которыхъ брали съ 10 дворовъ по человѣку.

Въ 1719 г., съ образованіемъ въ губерніяхъ провинцій, одною изъ нихъ сдѣлана Калужская, съ управленіемъ, сосредоточеннымъ въ Калугѣ. Первымъ провинціальнымъ воеводою назначенъ Дмитрій Бестужевъ. Въ Калужской провинціи (Московской губерніи) значилось 16436 дворовъ, а по переписи 1720 г. 158847 душъ муж. п., съ доходами казенными въ 37,821 рубль. Въ 1724 г. учрежденъ въ Калугѣ магистратъ, на который въ 1725 г. возложенъ сборъ таможенныхъ пошлинъ.

За время царствованія Анны, о гор. Калугѣ мы опять имѣемъ исчисленіе домовъ и населенія. Въ 1734 году былъ въ Калугѣ 2431 дворъ съ 13,783 душ. обоего пола. Городъ раздѣлялся на 9 частей: замокъ и 8 слободъ; всего же въ городѣ было 63 улицы и переулка; но каменныхъ домовъ, кромѣ Коробовскаго, небыло.

Спустя 26 лѣтъ—1760 года, въ Калугѣ было 84 каменныхъ дома и 27 церквей (2 церкви только деревянныя). Такому, достигнутому въ короткое время, выгодному результату развитія городскихъ улучшеній, способствовало богатѣніе жителей отъ торговли: положеніе города очень выгодное и обширность оборотовъ предпріимчивыхъ торговцевъ достигла тогда апогея.

Въ 1756 году калужскій купецъ Шемякинъ съ ярославскимъ к. Ярославцевымъ

учредили Константинопольскую коммерческую компанію (впрочемъ уничтоженную въ 1762 г.), а въ 1757 г., тотъ же Шемякинъ взялъ на 6 лѣтъ, на откупъ, всѣ русскія таможни.

Пожары свирѣпствовали часто, но ущербъ наносимый ими, скоро покрывался торговыми барышами. Этимъ и объясняется быстрота застройки Калуги, послѣ каждаго бѣдствія.

1-го сентября 1742 г. сгорѣло напримѣръ 11 церквей, ряды и 700 домовъ; 27 іюля 1754 г. новый пожаръ обратилъ въ пепелъ 1200 домовъ, опять всѣ ряды, 14 церквей, магистратъ и воеводскую канцелярію, погубивъ въ пламени 177 человѣкъ. Въ 1758 г. сгорѣло 2 церкви и 300 домовъ; да постольку же въ 1760 и 1761 годахъ. Въ послѣдній изъ этихъ пожаровъ уничтожены еще и барки съ товаромъ на 158,800 рублей. И все оказалось нипочемъ Калугѣ.

По штатамъ 1764 г., изъ 25 монастырей Калужской провинціи, оставлены въ ней только шесть: Пафнутьевъ въ Боровскѣ, Лаврентьевъ и Казанскій Калужскіе, Тихонова пустынь въ Калуж. у., да по монастырю въ у-хъ Лихвинскомъ и Перемышльскомъ. Въ Лаврентьевомъ монастырѣ помѣщена учрежденная въ Калугѣ (1775 г.) Семинарія. Екатерина II посѣтила Калугу въ сентябрѣ 1775 года и была въ Мядынскомъ

уѣздѣ, на полотняномъ заводѣ Гончарова. Августа же 26 1776 г. объявлена Высочайшая воля въ Калугѣ объ образованіи намѣстничества Калужскаго, торжественно открытаго 1777 г. М. Н. Кречетниковымъ, изъ 12 уѣздовъ. Въ Отечественную войну Калужская губернія была, въ послѣдній разъ, театромъ военныхъ дѣйствій, обратившихъ перевѣсъ оружія на нашу сторону побѣдою при Тарутинѣ (6 октября). Это было послѣднее испытаніе калужанъ, и прибавило на почвѣ калужской губерніи два монумента на поляхъ битвъ въ Малоярославцѣ и Тарутинѣ.

Съ возвышеніемъ г. Калуги въ главный пунктъ намѣстничества, мало по малу въ столицѣ тушинскаго царика возсталъ порядокъ и благообразіе. Одновременно съ открытіемъ намѣстничества, окончено межеваніе городскихъ угодій, а въ слѣдующемъ году утвержденъ новый планъ города. Направленіе извилистыхъ улицъ и переулковъ урегулировано. Ветхія постройки стараго острога—гауптвахта, канцелярія, воеводскій домъ—сломаны. На мѣстѣ ихъ,—по линіи отъ Покрова къ рядамъ, выстроено противъ Собора огромное двухъэтажное зданіе присутственныхъ мѣстъ въ видѣ П, стоившее казнѣ (въ чернѣ еще) до 200,000 рублей. На мѣстѣ же воеводскаго дома выросъ теперешній губернаторскій.

Въ 1786 г. заложенъ теперешній Троицкій соборъ, оконченный только въ 1819 году; старый же соборъ и церковь Іоанна Богослова—разобраны. Соборъ стоилъ 190,363 р. $49^{1}/_{4}$ к. Старыя деревянныя лавки снесены на хлѣбную площадь, а вмѣсто нихъ выстроенъ каменный гостиный дворъ. Мясные ряды переведены за Березуйскій оврагъ. Отъ нихъ открывается прекрасный видъ на бульваръ и зданіе правительственныхъ мѣстъ—какъ видно на помѣщенномъ нами рисункѣ.

Кузницы, бывшія около церкви Ильи Пророка, тогда же переведены къ московскимъ воротамъ и ведущая къ нимъ московская улица (тоже нами изображенная) получила теперешнее направленіе.

Московскія ворота, у въѣзда въ городъ съ сѣверо-востока, построены для пріема Екатерины II, которую 15 сентября 1775 г. встрѣтило у нихъ купечество.

Еще Іоаннъ IV держалъ въ Калугѣ 17 лѣтъ плѣнникомъ крымскаго посла Яни-Болдыя. При Екатеринѣ II, Калуга назначена мѣстомъ жительства послѣдняго хана крымскаго Шагинъ-Гирея, на содержаніе котораго правительство отпускало въ годъ по 200000 рублей. Бывшій ханъ изъ Калуги выпросился въ Малороссію, а оттуда уѣхалъ въ Турцію, гдѣ постигла его насильственная смерть. Послѣ Шагина, въ 1823 г. привезенъ сюда султанъ Малой Киргизской

орды Арунгизъ-Абулгазеевъ и жилъ 10 лѣтъ, до смерти своей. Затѣмъ годъ провела въ Калугѣ грузинская царевна Ѳекла Ираклієвна (1834—1835). Съ 1859-го же года, до поѣздки въ Мекку, жилъ въ Калугѣ Шамиль. Бывшій эмиръ прибылъ въ Калугу 10 октября и на другой же день, посѣтивъ губернатора, осмотрѣлъ нанятый для него домъ Сухотина (нами тоже представленный). Въ третьемъ этажѣ, жилъ въ этомъ домѣ самъ Шамиль. Второй этажъ занималъ сынъ его Кази-Магома, а нижній—младшій. Въ концѣ года пріхали жены Шамиля.

Изъ Особъ Августѣйшаго семейства Императорскаго дома, въ Калугѣ были, кромѣ Екатерины II, Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна. Останавливались Ихъ Величества въ домѣ Золотарева (фасадъ котораго нами представленъ). Красивыя улицы Благовѣщенская и Никитская—названныя такъ по храмамъ, на нихъ находящимся, застроились на мѣстѣ бывшихъ слободъ, того же имени.

Видъ на центральную часть Калуги отъ мясныхъ рядовъ, представляетъ много картинности: слѣва церковь Георгія за Верхомъ, направо же городской бульваръ за Березуйскимъ ручьемъ. Вообще городъ Калуга славится картинными видами, и постройки его, довольно красивыя, годились бы для русскаго города и не съ сорокатысячнымъ населені-

емъ, какъ теперь Калуга. Впрочемъ, развитіе ея еще не остановилось и цвѣтущее положеніе торговли, промышленности и учебной части, даетъ право видѣть въ грядущемъ новые успѣхи калужанъ на пути преуспѣянія.

Развалины Булгара въ Казанской губерніи.

Столица нѣкогда знаменитаго царства волжскихъ Булгаръ, какъ думаютъ наши оріенталисты, была на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Успенское (Булгаръ) въ Спаскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, на лѣвомъ (луговомъ) берегу Волги, въ 125 верстахъ отъ Казани и въ 6 верстахъ отъ лѣтняго русла Волги. Первый изъ ученыхъ путешественниковъ, посѣтившій развалины обширнаго города, близъ села Успенскаго, былъ Палласъ; послѣ него Озерецковскій измѣрилъ зданія, еще уцѣлѣвшія. Въ нашемъ столѣтіи Булгаръ посѣтили: архитекторъ Шмидтъ (1827 г.), снявшій на мѣстѣ рисунки построекъ, Второвъ (1840) и Кафтанниковъ (въ началѣ 30-хъ годовъ). Послѣ Шмидта прекрасно изобразилъ виды развалинъ Булгара, пейзажистъ—казанскій — Раковичъ. Лучшее

же и обстоятельнѣйшее описаніе принадлежитъ профессору И. Н. Березину, предложившему нѣсколько очень интересныхъ изслѣдованій и догадокъ. Судя по сказаніямъ Булгаръ, сохраненнымъ у Ибнъ-Фодцлама, мѣстность тогдашняго столичнаго города волжскихъ негоціантовъ была та-же самая и Волга, уже въ то время, имѣла лѣтнее и зимнее русла. Для нагрузки товаровъ въ древнемъ Булгарѣ служило пристанью урочище Ага-Базаръ (нынѣ Молоствовская), гдѣ выкапываютъ и теперь остатки строительныхъ матеріаловъ. Закрытая съ трехъ сторонъ, пристань Ага-Базарская была очень удобна, а въ весенній разливъ суда могли подходить къ самому городу, занимавшему не одно пространство, обведенное рвомъ и валомъ; но и за этою чертою, на горѣ и подъ горою, гдѣ тоже находились городскія строенія. Здѣсь существовали обширныя предмѣстья торговыя, населенныя не мусульманами. На это наводитъ преданіе о «Греческой палатѣ» въ нагорномъ предмѣстіи. Постройки Болгарскія, до насъ дошедшія, всѣ относятся къ мусульманской эпохѣ (X—XV в.) и преимущественно къ XIII в., судя по характеру зданій. Историческія извѣстія подтверждаютъ вполнѣ такое предположеніе. За разгромомъ Булгара монголами, разрушенный городъ поправился, скоро сдѣлавшись лѣтнею резиденціею монгольскихъ хановъ.

Городской валъ во многихъ мѣстахъ обвалился, поэтому опредѣлить, гдѣ были ворота,—теперь трудно. Глубина рва сохранилась почти неприкосновенною (до трехъ сажень). Березинъ предполагаетъ, что за валомъ была еще въ Булгарѣ деревянная стѣна, потому что и въ городѣ Ушелѣ (болгарскомъ) за валомъ былъ дубовый тынъ. Форма булгарскаго города была продолговатая, съуживающаяся къ югу, гдѣ примыкалъ къ городу четыреугольникъ, опять къ югу съуживающійся же. Этотъ придатокъ окруженъ былъ валомъ и рвомъ меньшихъ размѣровъ (глубиною ровъ $^1/_2$ саж.). Четыреугольникъ этотъ теперь называется «малымъ городкомъ». Здѣсь, по мнѣнію Березина, находился ханскій дворецъ и эта собственно крѣпость (кремль) окружена была высокими крѣпкими стѣнами. Здѣсь же сосредоточены были и войска. За исключеніемъ крѣпости, самая площадь города Булгара имѣла около девяти верстъ въ окружности. По Ибнъ-Хаукалю, при взятіи Булгара русскими, жителей въ немъ было только до 10000 чел., а въ лучшую пору процвѣтанія царства—до 50000. Судя по величинѣ мечетей, Березинъ полагаетъ эти даты довольно вѣрными и точными.

Всѣ постройки въ Булгарѣ сперва были бревенчатыя; съ принятіемъ же исламизма, явились арабскіе архитекторы для построй-

ки мечетей и крѣпости изъ камня, вывозимаго изъ горъ, съ праваго берега Волги. Способъ постройки самый восточный: кладка по краямъ большихъ необдѣланныхъ камней съ известью и заваливаніе внутренности мелкими камешками. Въ большихъ зданіяхъ на четыреугольномъ основаніи сводили строители полуциркульный куполъ, а мелкія сооруженія были съ острыми кровлями. Такова «Бѣлая палата» въ описаніи Палласа. Почему-то дали названіе «Судной палаты»—лучшей изъ Булгарскихъ мечетей, составляющей самое огромное зданіе среди развалинъ. Скорѣе всего, это ханская мечеть. Снаружи обложена она тесаными камнями большаго размѣра, а внутри оштукатурена. Это зданіе четырехъ-ярусное, съ единственнымъ входомъ на сѣверо-востокъ (см. нашъ рисунокъ).

Прямо противъ входа находился «миграбъ»—въ сторону Мекки. Слѣдовъ его нѣтъ, но фальшивыя арочки въ этомъ мѣстѣ, заставляютъ о немъ заключить безошибочно, также какъ и четыреугольныя ниши. Окна зданія этого съ овальными или острыми сводами, тонкія пилястры увѣнчаны многогранными капителями, по бокамъ оконъ 3-го этажа—звѣзды; наконецъ, фальшивыя арки и переходъ изъ четыреугольника къ круглому куполу, вполнѣ въ арабскомъ характерѣ. «Бѣлая палата» была, по мнѣнію Бе-

резина, не менѣе замѣчательный остатокъ арабскаго зодчества въ Булгарѣ. Въ планѣ она составляетъ квадратъ и надъ срединою ея былъ куполъ; маленькіе куполки были и въ углахъ надъ каждою изъ квадратныхъ комнатокъ, между которыми средина представляетъ обширную залу въ формѣ креста. Бѣлая палата сложена изъ кирпича и только обдѣлана камнемъ. Освѣщеніе въ крестѣ довольно слабо и проходы изъ комнатокъ узкіе. Малый столбъ—минаретъ меньшей мечети, находившейся отъ него къ юго-востоку. Входъ въ нее съ запада. На дворѣ этой мечети, кажется, было кладбище. Эти оба зданія были въ четыреугольникѣ, который Березинъ считаетъ крѣпостью.

Мыслебекъ.

«Умирающій Жижка».

Октября 12-го 1874 г. исполнилось четыреста пятьдесятъ лѣтъ отъ смерти героя Чешскаго Яна, съ Трочновы, предводителя таборитовъ, извѣстнаго подъ именемъ Жижка (криваго). Помянемъ же славянскія доблести воителя, въ $4\frac{1}{2}$ вѣковую годовщину отъ его потери соотечественниками. Произведеніе молодаго художника-чеха Мыслебека, нами въ гравюрѣ теперь помѣщаемое, представитъ намъ наглядно наружность героя-патріота.

Художникъ представилъ героя уже изнемогшаго. Движеніе правой руки его,—приподнятой и какъ бы что объясняющей,—можетъ быть истолковано моментомъ отдаванья послѣднихъ приказаній вождемъ на защиту отечества, которую не судила судь-

ба довершить такъ славно, какъ велъ онъ неровную борьбу съ врагами родины, всегда побѣждая ихъ. Вождь видитъ приближеніе грознаго часа и собирая послѣднія силы, опираясь на боевой щитъ свой, еще держится. Только побѣдный мечь его уже лежитъ на землѣ, сослуживъ свою службу патріоту. Суровыя черты народнаго вождя непроявляютъ, правда, смертной истомы; печать разрушенія еще не уничтожила желѣзной воли, которою дышетъ и въ послѣднія минуты догорающей жизни знаменитый Жижка, зная уже свой жребій и не ужасаясь кончины. Мы позволяемъ себѣ такъ объяснять ощущенія, выраженныя скульпторомъ въ его патріотическомъ изваяніи, производящемъ далеко не ничтожное впечатлѣніе. Вѣрно ли угадалъ художникъ основной характеръ героя, мы постараемся выяснить разсказомъ о жизни Яна съ Трочнова, не стыдившагося прозванія «одноглазаго» (Жижка), потерявъ глазъ въ бою.

Янъ съ Трочнова, т. е. *Трочновскій помѣщикъ*, былъ изъ стариннаго рода чешскихъ дворянъ, съ родни Розенбергамъ и Петру Швамбергу, по матери. Село Трочновъ близъ города Тржебона (по нѣмецки Виттен-гау) въ XVIII вѣкѣ принадл. Шварценбергу. Братъ Яна, Ярославъ, служилъ подъ знаменами Прокопа и при осадѣ Бечни въ 1428 году убитъ. Сестра была монахиня.

Янъ былъ самъ женатъ, но, сколько извѣстно, не оставилъ дѣтей мужескаго пола, а только дочь, бывшую въ замужествѣ за барономъ Андреемъ Дубскимъ. По высокому происхожденію отъ стариннаго рода, Яну, съ дѣтства, выпала для многихъ завидная доля—пребываніе при дворѣ короля Венцеслава чешскаго. Янъ служилъ долго и въ польскомъ войскѣ, дѣйствуя при Владиславѣ противъ литовцевъ. Бился онъ и подъ Таненбергомъ (1410 г. 14 іюля) въ составѣ королевскихъ ратниковъ, разившихъ Тевтонскихъ меченосцевъ; былъ въ походахъ венгерскихъ противъ турокъ и въ англійскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ французовъ. Заслуженный боецъ, послѣ дальнихъ походовъ воротясь на родину, опять принятъ ко двору королевскому и сдѣлался близкимъ камергеромъ Венцеслава чешскаго. Вѣроломный захватъ католическимъ духовенствомъ Яна Гуса и Іеронима Прагскаго и казнь этихъ мучениковъ славянской церкви, сильно возмутили все благородное патріотическое населеніе Чехіи. Янъ съ Трочнова былъ изъ людей, особенно принимавшихъ къ сердцу поруганія торжествующихъ враговъ надъ беззащитными жертвами насилія. Видя скорбь своего придворнаго, слабый Венцеславъ сказалъ ему: недумаю, чтобы я или ты, могли мы отомстить несправедливости; но, если же-

лаешь — дѣлай, что знаешь, въ отмщеніе за чеховъ. Есть извѣстіе, что патріотъ доведенъ былъ и личною обидою до невозможности удержать мщенія: его сестра монахиня была обезчещена католиками. Та или другая причина произвела взрывъ и сдѣлалась источникомъ вооруженія Жижки, это не такъ важно, какъ его подвиги, незамедлившіе прославить имя героя и сдѣлать его предметомъ ужаса для гонителей чешскаго вѣрованія. За право свободно причащаться тѣла и крови Христовой,—какъ обыкли славяне по ученію перваго просвѣтителя своего, св. Кирилла,—въ 1419 году, собралось близъ города Ауста на гору 40,000 ратниковъ, образовавъ воинскій станъ—таборъ по чешски; и отъ этого ополченіе патріотовъ назвалось *таборитами*, избравъ предводителемъ Жижку. Первыя дѣйствія воителей чаши вызвали административное преслѣдованіе. Это еще болѣе раздражило народъ и первыми жертвами его ярости сдѣлались 10 аристократовъ (въ томъ числѣ 5 сенаторовъ, правитель Праги, 2 консула и городской судья съ преторомъ); при этомъ обнажено оружіе. Венцеславъ обѣдалъ, когда сообщено ему было о возмущеніи таборитовъ и это его такъ поразило, что ярость или страхъ лишили его на нѣкоторое время употребленія языка. Но услышавъ невольное восклицаніе сво-

его мундшенка—я это впередъ зналъ!—король схватилъ его, внѣ себя, за волосы. Однако, потрясеніе, вынесенное при этомъ, оказалось гибельнымъ старому королю: его поразилъ ударъ паралича и, меньше чѣмъ черезъ три недѣли (возстаніе вспыхнуло 30 іюля, а 16 августа)—его нестало. Вдова его, королева Софія, дочь герцога Іоанна баварскаго, приглашала брата умершаго короля — Сигизмунда, скорѣе прибыть для занятія наслѣдственнаго престола, чтобы остановить гуситскую смуту, но онъ, занятый турецко-венеціанскою войною, медлилъ. Между тѣмъ защитники народнаго вѣрованія и совсѣмъ отреклись ему повиноваться, или принять постановленія констанцскаго собора. Послѣдователи католицизма, напротивъ, смотрѣли на затѣю таборитовъ какъ на измѣну законной власти и старались овладѣть Вышгородомъ Прагскимъ, да замкомъ св. Вита въ Новой Прагѣ, которою овладѣли табориты. Благодаря неудачной попыткѣ прагскаго гарнизона, сдѣланной 4 ноября (съ острова Бенедикта на р. Молдавѣ) для нападенія на таборитовъ, — имъ, изъ Новаго города, удалось овладѣть Вышеградомъ и принудить королеву спасаться въ замокъ Вита. При этомъ произошла схватка на Молдавскомъ мосту и у Саксонскаго дворца, кончившаяся въ пользу таборитовъ. Они стѣснили у Вышеграда

войско королевское и принудили его ночью оставить замокъ и заключить 13 ноября отъ имени королевы перемиріе до Юрьева дня (т. е. до весны — день св. Георгія, 23 апрѣля). А около Рождества Христова и Сигизмундъ вошелъ съ таборитами въ соглашеніе, обѣщавшись оставить неприкосновеннымъ причащеніе подъ двумя видами. Жижка ушелъ въ Пильзенъ. Въ Благовѣщенье, однако, дошло дѣло опять до сраженія королевскихъ войскъ съ таборитами, и, даже, до потери ихъ. На Таборѣ между тѣмъ воздвигнулась крѣпость, а 5 апрѣля Жижка нанесъ королевскимъ войскамъ полное пораженіе и приступилъ къ осадѣ Праги, гдѣ исповѣдникъ древняго причащенія Краса—консулъ Пражскій изъ Новаго города, 24 марта былъ казненъ именно за свои вѣрованія. Папа Мартинъ объявилъ крестовый походъ противъ гусситовъ (буллою, издан. во Флоренціи 17-го марта 1420 г.). Эти мѣры нарушенія условій со стороны Зигизмунда вызвали отреченіе отъ него таборитовъ. Въ іюлѣ стали другъ противъ друга оба ополченія: императорское и таборитское, передъ Прагою. Жижка построилъ между двумя горами деревянный редутъ для защиты, обведя его рвомъ, и приготовился дать отбой имперцамъ, 14 іюля, наконецъ, сдѣлавшимъ нападеніе на Новую Прагу. Но, семь или восемь тысячь конни-

цы, пущенной на Витковъ, были отбиты съ урономъ, и Жижка, наскоро поправивъ и усиливъ укрѣпленія, опять оказывался еще болѣе грознымъ противникомъ ополченію многочисленному, но разноплеменному, въ которомъ не было единодушія, отличавшаго патріотовъ. Сигизмундъ, въ довершеніе конфуза, 19 іюля снялъ осаду, перенеся на Лѣстно лагерь, поспѣшивъ въ старой Прагѣ короноваться и объявить пункты соглашенія съ возставшими патріотами, ими не принятые.

Табориты 22-го августа отошли отъ Новой Праги черезъ Дубецъ и Ржичанъ въ Прохотицъ и 24 ноября предложили престолъ Владиславу Польскому. Сигизмундъ безплодно занимался погонями за ними, а Жижка, усиливая войско свое, въ 1421 году началъ осаду Пильзна и на штурмѣ Раба потерялъ послѣдній глазъ; но это не помѣшало ему продолжать неустанную борьбу. Апрѣля 16-го овладѣлъ онъ замкомъ Тоушмемъ, 25 го апрѣля бился при Кутнѣ и 12-го мая осадилъ Яромиръ. Этими побѣдами героя дѣло народное поправилось и собраніе представителей Чехіи и Моравіи, въ Чаславлѣ, 7 іюля объявило готовность войти въ соглашеніе съ послами Владислава Польскаго, объ избраніи его въ чешскіе короли. Конечно, рѣшеніе это сторонниками Сигизмунда объявлено не законнымъ,

и, къ несчастію, между Жижкою и пражанами возникъ раздоръ изъ за предложенія короны Витовту литовскому. Это разногласіе вредно дѣйствовало, конечно,—вводя слабость, и безъ того уже въ недостаточныя силы таборитовъ. Мужество вождя брало верхъ, однако, надъ всѣми препятствіями и необыкновенная предпріимчивость, чуть не ясновидѣніе Жижки, поправляли всякія ошибки, разсѣкая гордіевы узлы. Дѣло при Кутнѣ — гдѣ самъ вождь, окруженный превосходившими силами, открылъ дорогу черезъ станъ Сигизмунда—останется вѣчно неизгладимымъ славнымъ дѣяніемъ героя (ночью 23 декабря 1421 г.). За движеніемъ къ Калину и Турнову, слѣдовалъ стремительный сходъ съ горъ таборитовъ (1 января 1422 г.) къ Небовиду, заставившій императора стараться удалиться на зимнія квартиры (8 января) въ Моравію, въ виду возникшихъ всякаго рода затрудненій, поставляемыхъ на каждомъ шагу таборитами. При движеніи туда нѣмцевъ, Жижка воспользовался выгодами позиціи при Тевтонскомъ Бродѣ и нанесъ здѣсь имперцамъ полное пораженіе (10 января).

Весною явился въ Прагу съ согласія Владислава, снабженный деньгами и обѣщаніями Витовта, братъ его Корибутъ; но противъ этаго кандидата возсталъ Жижка, заявившій, что «народу, завоевавшему воль-

ность, не прилично брать чужероднаго короля». Защитники Корибута вознамѣрились, однако, отстаивать своего кандидата оружіемъ; между тѣмъ императоръ наряжалъ новое крестовое ополченіе на непокорныхъ исповѣдниковъ причащенія подъ двумя видами (по рѣшенію Нюренбергскаго сейма, подъ предводительствомъ герцога Фридриха электора Бранденбургскаго). Крестоносцы эти осадили Жатецъ 1 октября, но 19 октября должны были снять осаду и удалиться, угрожаемые Жижкою, ихъ обошедшимъ. Управившись съ внѣшнимъ врагомъ, табориты возстали противъ внутреннихъ сѣятелей распри—защитниковъ Корибута; предводителя ихъ Борзка прогналъ Жижка, разбивъ въ нѣсколькихъ сшибкахъ, освободивъ осажденный имъ Чаславль (5 сентября 1423 г.). Во внутренней и внѣшней борьбѣ, какова была съ Австріею въ Моравіи, засталъ героя и новый 1424 г. Бой закипѣлъ на Дунаѣ; послѣдовали: осада Кремса, побоище Млажовское, переходъ черезъ Эльбу, разбитіе Пражанъ при Кутнѣ (8 іюня), при Кастельцѣ, на Эльбѣ (7 августа) и вторично (3 сентября), тамъ же, заманивъ враговъ притворнымъ бѣгствомъ. Разсѣявъ скопища враждебниковъ свободы отечества, герой явился передъ Прагою, зачинщицею раздора, и вмѣсто наказанія за преступныя дѣйствія противъ общаго дѣла отечества, предложилъ: забыть все —

если покорится городъ, такъ много виноватый. Вожди подчиненные и большинство таборитовъ, рѣчью Жижки о дарованіи пощады еще болѣе оказались вооруженными противъ виновниковъ распри, но краснорѣчію депутата пражскаго священника Іоанна Рокичаны удалось разсѣять предубѣжденіе и склонить къ милосердію храбрыхъ воителей. Наложивъ на Прагу контрибуцію, согласились помириться съ городомъ и, въ день Вздвиженія Креста, Жижка въѣхалъ торжественно въ столицу Чехіи, назначивъ на 28 октября собраніе общаго сейма, въ Добржинѣ. Кто думалъ тогда, что герой — миротворитель родины уже совершаетъ это послѣднее благотвореніе отечеству? Жижка повелъ 6 октября стройные ряды чеховъ противъ послѣдняго врага—Австрійцевъ, въ Моравію; но дни его уже были сочтены. По пути, какъ всѣ думали, къ вѣрной побѣдѣ, въ Пребысловѣ, герой почувствовалъ. что его поразила язва въ это время быстро развившаяся въ войскѣ гусситовъ, Октября 9-го заболѣлъ вождь, а 12-го октября его уже не было, на горе Чехіи. Судьба чаще всего не даетъ слабымъ силамъ человѣка докончить великое дѣяніе.

Какъ же не думать было въ послѣднія минуты земной жизни о благѣ родины тому, кто не щадилъ крови и силъ своихъ въ неровной борьбѣ за ея свободу? Кто

довелъ дѣло Чехіи торжествующей почти до выгоднаго конца и побѣды, того не могла не занимать,—и внезапно умирая, — мысль о довершеніи его подвига? Вотъ эту-то идею: передачи наставленій умирающимъ вождемъ,—мы и думаемъ видѣть въ движеніи руки героя Жижки, въ статуѣ Мыслебека. Пусть судятъ наши читатели: правы ли мы: дѣлая такое предположеніе?!

Жижкѣ было около пятидесяти лѣтъ, при его безвременной кончинѣ. Жестокъ онъ былъ противъ враговъ, не менѣе его жестокихъ и коварныхъ; но пожары и убійства считались и послѣ XV вѣка законнымъ возмездіемъ за сопротивленіе побѣдителямъ и мы не въ правѣ обвинять въ жестокости героя чеховъ, когда дѣлалъ онъ то же, что другіе. Своимъ же и преступнымъ согражданамъ, былъ онъ, однакожъ, склоненъ даровать пощаду. Между тѣмъ только ярую жестокость вмѣняютъ Жижкѣ въ вину его противники.

С.-Петербургская портовая таможня.

Помѣщая виды построекъ на знакомой всѣмъ набережной, у стрѣлки Васильевскаго острова—противъ крѣпости и загиба Петербургской стороны,—знакомому со стариной Петербурга, какъ мнѣ теперь,—невольно приходитъ на умъ прошлое, съ его очертаніемъ того же уголка, но въ другихъ формахъ.

На эти припоминанія, мы полагаемъ, не возникнетъ жалобъ со стороны читателей «Всем. Иллюстраціи», потому что хотя мы и ругаемъ про себя, въ минуту досады, свой Петербургъ, но въ душѣ не можемъ не любить его, не смотря на всѣ капризы мѣстной природы: непостоянное лѣто, скучную осень и рѣдко хорошую зиму. Условія мѣст-

ной природы, положимъ, не всѣмъ пріятны и для всѣхъ еще меньше выгодны, но красавица—столица Невская, не отвѣчаетъ и отвѣчать не можетъ за свое происхожденіе? Есть или нѣтъ вины въ этомъ ея родителя—основателя. А ея дѣло по возможности представлять товаръ лицомъ, стараться опрятностью да порядкомъ заставить уважать себя. Только вина ея въ этомъ отношеніи, можетъ вызвать сколько нибудь раціональный упрекъ; а во всемъ прочемъ и ей бѣдняжкѣ приходится выносить на плечахъ общія невзгоды. Нельзя въ одномъ еще упрекнуть серіозно намъ созданіе Великаго Петра — Петербургъ, — *въ застоѣ*; что бы ни говорили клеветники, несмыслящіе на половину трудностей для выполненія почти самыхъ горячихъ желаній. Посмотримъ же безпристрастно на прошлое Петербурга, не пускаясь по всѣмъ направленіямъ, а только, толкуя прямо зданіе таможни столичной съ мѣстностью, ею занимаемой.

Нашъ Пушкинъ, въ исторіи своего героя-предка, по всей вѣроятности, рекомендовалъ въ разсказѣ о прошломъ слѣдовать мудрой римской поговоркѣ *ab ovo*. Исполнимъ же завѣтъ поэта!

Торговля—привлекала на Невскій путь купеческіе судовые караваны больше чѣмъ за тысячу лѣтъ. Для торговляоснована шведами мѣстечко на Невѣ, при впаденіи Охты, она

же сдѣлала его (Ніэн-шанцъ) значительнымъ городомъ, не смотря на препятствія со стороны близорукой политики въ XVII вѣкѣ. Основывая въ XVIII вѣкѣ свой Петербургъ, на мѣсто окончившаго роль Ніэн-шанца, Петръ I хотѣлъ имѣть здѣсь одну крѣпость, но менѣе чѣмъ черезъ годъ уже перемѣнилъ первоначальный планъ и спустя десять лѣтъ увидѣлъ шансы на первенство петербургскаго порта передъ всѣми приморскими балтійскими городами, не исключая Риги, Либавы и Ревеля,—имѣвшихъ вѣками созданную и никѣмъ неоспориваемую репутацію первыхъ балтійскихъ портовъ, на восточномъ поморьѣ по сю сторону Финскаго залива. Неужели все это ничего не значитъ? Все это неужели случайность?

Если же это не случайность — вѣдь создать искуственно, съ помощью административныхъ мѣръ, важность того или другаго портоваго пункта, на долгое время, вздоръ!— то всѣ крики противъ (единственнаго въ мірѣ по выгодности направленія плавнаго пути) торговаго центра при впаденіи Невы, — оказываются искуственнымъ возбужденіемъ съ цѣлью увѣрить: что бѣлое черно, а черное—бѣло! Обмеленіе рѣчныхъ путей— условіе во всѣ времена и всюду встрѣчаемое, во всѣ же времена вызывало мѣры для предотвращенія неудобства, — не болѣе, но нигдѣ и никогда не вліяло на отрицатель-

ную перемѣну роли портоваго приморскаго пункта, даже неимѣвшаго за собою выгодной водной системы, которой бы служилъ онъ, какъ Петербургъ — заключительнымъ звеномъ, поставленнымъ въ условія наиболѣе выгодныя. Правда, инженерная наука, съ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ путей, далеко шагнула въ придумываньи спеціальныхъ для нихъ улучшеній и совершенствованій; но и гидравлика въ свою очередь въ наши дни рѣшила вопросъ, доселѣ неразрѣшимый, перерыла Суэзскій перешеекъ! Такой подвигъ водяныхъ сооружателей поставилъ ихъ опять въ уровень съ сухопутными соперниками. Петербургъ, съ первыхъ дней своего необыкновеннаго младенчества, уже ввѣренъ былъ бдительной охранѣ и заботливости инженеровъ водяныхъ и земельныхъ. Онъ привыкъ къ гувернерству и тѣхъ и другихъ; и эти дядьки направляли ростъ малютки» великана вездѣ по указанію своей линейки и циркуля. Смѣшно бы было, когда бы выросшій воспитанникъ этихъ пестуновъ, техниковъ-инженеровъ, потерялъ вѣру въ науку своихъ охранителей,—возмужавъ, и малодушно бросилъ ихъ дружескіе совѣты, изъ боязни хлопотъ, да возни, если бы то и другое потребовалось, для сообщенія созданію Великаго Петра права на унаслѣдованіе его исторической привиллегіи: перв нства портоваго на Бальтикѣ?

Мы не хотимъ даже входить въ трактованіе, на сколько умѣстно подобное предположеніе? дѣло говоритъ за себя. А дѣло это—вопросъ о портовой роли Петербурга, со дней его основанія, показываетъ лишь много разныхъ разностей, надъ которыми иной разъ приходится и крѣпко подумать, чтобы уразумѣть, почему бы это случилось?

Васильевскій островъ, гдѣ теперь стоятъ таможенныя зданія Петербургскаго порта,— имя свое получилъ отъ владѣтеля, Новгородскаго посадника Василья Казимірова, обширныя угодья котораго, Иваномъ третьимъ, возложившимъ на Василья опалу, конфискованы (1478 г.) и переданы въ помѣстье за тѣмъ разнымъ вотчинникамъ, мелкимъ, худороднымъ дѣтямъ боярскимъ, съ названіемъ выдѣловъ ихъ *Васильевскими*. Чухны назвали этотъ передовой изъ большихъ острововъ устья при новой протокѣ (нашей Большой Невѣ)—*Лосьимъ* (Hirvisaari), встрѣчая въ лѣсахъ здѣсь дикихъ лосей. Лѣсъ же покрывалъ $^3/_4$ острова. Только у стрѣлки,—гдѣ теперь биржа,—представляя обширную лужайку у песчаной отмели. Лужайка — было единственное не поемное мѣсто Лосьяго острова, гдѣ Лосья деревня въ три двора, да и пашня была съ сѣнокосомъ. То и другое полюбилось князю Ижорскому, всесильному Меньшикову, и онъ, одновременно съ заложеніемъ крѣпости, выпросилъ у

Петра себѣ этотъ островъ. Отъ того и носилъ островъ имя *губернаторскаго* (Меньшиковъ владѣлецъ былъ генералъ-губернаторъ ингерманландіи), а при Петрѣ II преображенскаго, отъ квартированія лагеремъ здѣсь преображенскаго полка, съ приходомъ на постоянное жительство въ столицѣ.

Петръ I, пируя на новосельѣ «Алексаши-герценсъ-кинда» своего, въ 1710 году, уже другими глазами, чѣмъ прежде, посмотрѣлъ на его львиную часть столичной своей территоріи, и, съ 1714 года, рядъ царскихъ указовъ мало по малу выясняетъ взглядъ Петра на Васильевскій островъ, которому геніальный умъ преобразователя уже назначалъ первую роль въ Петербургѣ. Уѣзжая въ долгое путешествіе по Европѣ, царь въ 1716 г. оставилъ вопросъ о роли и цѣли застройки Васильевскаго острова, почти приведенный къ полному разрѣшенію. Онъ хотѣлъ исполосовать его сѣтью перпендикулярныхъ каналовъ, вдоль и поперегъ; обстроить лучшими зданіями и глубину каналамъ этимъ дать достаточную для подхода судовъ морскихъ подъ самыя стѣны домовъ, замѣнявшихъ бы рамки для зеркальныхъ, живыхъ, вѣчно зыблящихся артерій торговаго движенія. Мысль геніальная — всякій скажетъ достойная Петра. Но, къ несчастію, исполнителемъ былъ человѣкъ, хотя больше всѣхъ способный понять виды своего благо-

дѣтеля-государя, но не учоный и слѣдовательно, слѣпой въ дѣлѣ различія тонкостей задачи. Ему показалась излишнею такая глубина и ширина каналовъ, особенно при желаніи изумить Петра: изготовивъ все къ его возвращенію. Для этого нетолько узкіе и мелкіе каналы обдѣланы были окончательно свайною бойкою, но на сваяхъ береговыхъ вытянуты въ линіи уже каменные дома владѣльцевъ мѣстъ поканальныхъ. Петръ явился, и,—на первый разъ остался очень довольнымъ. А когда принялся мѣрять ширину и глубину, самъ впалъ въ мрачное отчаяніе.—Такъ мои денежки, въ печку, значитъ, брошены!—съ гнѣвомъ отозвался, упавшій духомъ преобразователь, бросивъ неосуществимую теперь идею сѣверной Венеціи.

Большой самый каналъ, прорытый съ края, отъ стрѣлки, поперегъ острова по линіи фасада нынѣшняго университета, былъ, однако же, шире и глубже другихъ. Такъ что до средины можно было входить въ него купеческимъ кораблямъ безъ разгрузки. Это обстоятельство и рѣшило царскій выборъ: при впаденіи этого канала въ Невку, устроить здѣсь таможню, съ обширнымъ гостинымъ дворомъ и пакгаузами.

Дѣло закипѣло и обширный параллелограмъ, вмѣщающій подъ арками нижняго этажа обширныя кладовыя, а въ верхнемъ

всѣ торгово-административныя учрежденія Невской столицы по проекту архитектора Матарнови (строителя третьяго зимняго дома царскаго на мѣстѣ Эрмитажнаго театра)—поднялся до крыши и покрытъ даже былъ черепицею, еще при жизни Петра. Не введены въ него были только главный магистратъ и таможня, да не полной отдѣлкою камеръ. Впрочемъ, изъ мѣста перваго открытія своего, — извнутри деревяннаго гостинаго двора на Троицкой площади (на Петербургской) таможня въ 1722 году уже была переведена къ Невѣ, къ мосту въ крѣпость, и тамъ существовала до послѣднихъ годовъ Анны, когда переведена на Васильевскій Островъ, въ домъ Макарова, кабинетъ секретаря Петра I, стоявшій на мѣстѣ нынѣшняго зданія Таможни, подлѣ существующей часовни. Домъ же этотъ былъ конфискованъ, какъ извѣстно, при возбужденіи серьезнаго процесса противъ Петровскаго дѣльца, въ тайной канцеляріи. Обвиненіе его, ничѣмъ недоказанное, заключалось въ намѣреніи будто возвести на престолъ Елизавету Петровну. Хотя удаленъ дѣлецъ-Макаровъ отъ президентства въ камеръ-коллегіи (1734 г.) подъ предлогомъ сомнѣній въ законности путей его обогащенія; дѣйствительно, можетъ быть и имѣвшаго основанія. Если принять въ соображеніе скопленіе въ однихъ рукахъ 7,000 деся-

тинъ земли съ 1000 крестьянъ, за время секретарства, дававшаго тогда (до 1722 года) только 150 рублей въ годъ жалованья. Тогда какъ въ писцы къ себѣ, взялъ Петръ Макарова, изъ вологодскихъ подъячихъ, и отецъ его былъ бѣдный посадскій. *Пушокъ на крыльцѣ* — принадлежность всѣхъ дѣльцовъ Петровскаго времени, могъ быть прямымъ слѣдствіемъ стариннаго обычая посулъ и приносовъ подавателями челобитій. А Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, стоя у источника милости и кары, какъ докладчикъ Царю всего поступавшаго въ государскія руки, былъ нужнымъ человѣкомъ для самыхъ первыхъ тузовъ, между козырями столичной старой и новой аристократіи. Давала подачки Макарову въ былое время сама Государыня Анна Ивановна, прося о незабвеніи ея ходатайства и о напамятованіи Батюшкѣ-Дядюшкѣ. Стало быть, Макаровъ всегда по указанному пункту могъ быть привлеченъ, а остальное — дѣло пытальщика, бывшаго протеже обвиняемаго, свирѣпаго, тупаго Ушакова. Такъ что конфискація благопріобрѣтеннаго однимъ почеркомъ пера, передала удобный домъ Президента-Камеръ-Коллегіи — завѣдывавшей сборомъ всѣхъ пошлинъ вообще въ Имперіи — вѣдомству таможни, сбиравшей пошлины съ судовъ и товаровъ. Съ того времени, таможня, —въ лицѣ учрежденій, наиболѣе доступныхъ на-

роду сборныхъ экспедицій, — и помѣстилась по Невкѣ у пристани, гдѣ происходила разгрузка судовъ, препровождаемыхъ сюда съ моря. Только уже въ министерство графа Канкрина, — на долю котораго выпала достройка зданій таможеннаго вѣдомства на стрѣлкѣ Васильевскаго Острова—перестроены старые дома, стоявшіе по набережной почти цѣлый вѣкъ— въ одно зданіе съ приличнымъ фасадомъ, заканчивающимся куполомъ и флагштокомъ; какъ представлено на нашемъ рисункѣ.

Пристань таможенная имѣетъ тоже полутора-вѣковую исторію, которую мы разовьемъ дальше; въ заключеніе представивъ и ходъ развитія торговыхъ оборотовъ столицы.

С.-Петербургская таможня, первая въ Имперіи по размѣрамъ своихъ оборотовъ, привоза и отпуска, за 1871 годъ составлявшихъ 151 мильонъ рублей (110 м. привозъ). Важность таможеннаго дохода въ старинной Руси еще потребовала большаго числа сборщиковъ его, по городамъ и уѣздамъ; главное же управленіе таможенными доходами отъ ввоза и вывоза за-границу, въ единственномъ русскомъ морскомъ портѣ—Архангельскѣ,—вызвало заведеніе тамъ особаго управленія, состоящаго изъ гостя, выборнаго съ товарищами. При Петрѣ I, во второй половинѣ сѣверной войны, по образованіи коллегій, таможни и дѣла ихъ ввѣре-

ны коммерцъ коллегіи, а сборы пошлинъ — камеръ-коллегіи. Въ регламентѣ коммерцъ-коллегіи, изданномъ 31 января 1724 г., предписывается (31 пунктъ) возить въ Петербургъ всѣ русскіе товары, по преимуществу; особенно пеньку, на судахъ мѣстной постройки, но суда эти, особенно такелажъ, не отпускать съ товарами. Изъ штатовъ камеръ и комерцъ-коллегій, состоявшихся 19 февраля 1725 г., видно, что приказные чины этихъ учрежденій въ 1715 году получали: въ С.-Петербургскихъ конторахъ (до учрежденія коллегій), вмѣстѣ съ портовыми служителями, всего 27130 рублей; а по штатамъ коллегій на этотъ предметъ назначено только 10,685 рублей, хотя число иностранныхъ кораблей въ приходѣ къ Петербургу было въ 1724 году 240, а въ 1715 году не много болѣе ста. Чѣмъ другимъ объяснить несоразмѣрность уменьшенія жалованья при увеличившейся работѣ, кромѣ принятія шведскихъ нормальныхъ окладовъ чинамъ коллегіи? — мы незнаемъ. Развитіе торговли Петербурга уже сдѣлалось замѣтнымъ, и указаніе, что приняты шведскіе оклады чинамъ Петербургскимъ, есть въ указѣ. Въ это время, кромѣ портовой морской таможни въ самой столицѣ, были внутреннія таможенныя заставы по Невѣ, требовавшія удѣленія лицъ и на нихъ, изъ центральнаго управленія. При Елизаветѣ Пе-

гровнѣ внутреннія таможни повсюду въ Россіи уничтожены, а пограничныя стали отдаваться на откупъ и главное лицо по откупу награждено было титуломъ оберъ-инспектора. Послѣднимъ подобнымъ откупнымъ оберъ-инспекторомъ таможни въ государствѣ былъ купецъ Шемякинъ, со введеніемъ новыхъ штатовъ, Высоч. утвержденныхъ 12 февраля 1764 г., неоставшійся на мѣстѣ;—также какъ и большая часть его бывшихъ товарищей, инспекторовъ. Такое положеніе дѣла вызвало потребность новыхъ штатовъ для таможень. Между ними, С.-Петербургская таможня, какъ первая во всемъ, по штату 15 янв. 1765 г., имѣла слѣдующій составъ наличныхъ чиновъ: главнаго надзирателя, директора, смотрителя (изъ оберъ-офицеровъ), инспектора, оберъ-цольнера, цольфервальтера, цольнера, унтеръ-цольнера, надзирателя изъ купцовъ, кассира съ помощникомъ, бухгалтера, гавенмейстера, экера съ помощникомъ, переводчика, 2-хъ пакгаузныхъ смотрителей, 6 помощниковъ инспектора, 4 контролеровъ, 5 щтеммейстеровъ, вагмейстера, лицентнаго писца, 2 регистраторовъ, актуаріуса, 32 писцовъ, (канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копіистовъ) и 150 досмотрщиковъ; кромѣ чиновъ таможенной береговой стражи.

Всего штатныхъ служащихъ по С.-Петербургской таможни было: въ 1764 г. 244 чел.,

въ 1765 году 209, а въ 1776 г. 338 человѣкъ. А отпускалось на нее: въ 1764 году 32019 рублей; въ 1765 году 31389 руб. и въ 1776 году 42719 р. Императоръ Павелъ I, учреждая новые штаты таможнямъ, въ С.-Петербургской там. первымъ лицомъ сдѣлалъ оберъцольнера, а за нимъ поставилъ двухъ цольнеровъ, съ двумя помощниками. Ниже послѣднихъ стоятъ: секретарь, протоколистъ, 2 переводчика, казначей, 2 бухгалтера (съ 4-мя писцами), расходчикъ (съ 4 присяжными и 4-мя счетчиками), 2 выкладчика пошлинъ съ помощникомъ и 6 писцами. «Для веденія книгъ, повѣрки документовъ и сочиненія вѣдомостей», по штату 1800 года положены еще: 2 бухгалтера, съ помощникомъ и 10 писцами, 5 столоначальниковъ и 5 помощниковъ ихъ, регистраторъ, архиваріусъ, экзекуторъ, 40 писцовъ, 6 инвалидовъ и 2 сторожа, да 2 пакгаузныхъ инспектора; по 9-ти подъинспекторовъ и контролеровъ, 8 стемпельмейстеровъ, 18 вагенмейстеровъ, 3 экера, браковщикъ, для осмотра красокъ и аптекарскихъ матеріаловъ, экспедиторъ при отправкѣ пассажировъ, 2 пальминспектора, 2 гавенмейстера, 6 корабельныхъ смотрителей, 4 оберъ-безухера, 2 ластовщика, 270 досмотрщиковъ, да смотрителя Стрѣлинской и Парголовской таможенныхъ заставъ, и при нихъ 5 конныхъ досмотрщиковъ.

По С.-Петербургской таможнѣ на расходы для письмоводства прибавлено 7000 р.; на починку таможенныхъ строеній и гостиннаго двора 2000 р. въ годъ, и на починку пожарныхъ инструментовъ по 190 р. въ годъ. Со всѣми этими усиленіями на таможню назначено по штату ежегодно 78,439 рублей.

При Александрѣ I таможенные чины изъ Стрѣльни и Парголова переведены къ шлагбаумамъ столицы; усилено жалованье инвалидамъ, состоящимъ при таможнѣ, и пожарнымъ служителямъ ея, и данъ дополнительный штатъ чиновниковъ (1817 г.). Въ слѣдующемъ затѣмъ, 1818 году, предъявленъ таможнѣ привозъ товаровъ на 151.255,172 рубля, и съ привоза внесено пошлинъ собственно 18.303,527 р. 53¼ к. Главныя статьи привоза за это время были: *золото и серебро* въ слиткахъ и монетѣ на 31,080,300 рублей, *хлопчатая бумага* на 11,605,716 р., да *бумажныя матеріи* на 11,020,547 рублей; *вина* разныя на 7,674,006 р., *красильныя вещества* на 10.389,467 р., *сукна* на 10,554,709 рублей, *сахарный песокъ* на 15,720,547 руб., *сахаръ* въ головахъ на 5,961,428 руб., *шерстяныя издѣлія* на 3,381,254 руб., *шелковыя матеріи* и издѣлія на 3,992,468 руб., *кофе* на 2,519,900 руб.

Отпускъ отъ насъ за-границу черезъ здѣшнюю таможню дошелъ до 100,312,723 руб.

75 коп., съ уплатою пошлинъ на 3.817,279 руб, 14¾ коп. Больше всего отпущено сала (на 34,066,537 р.) и за тѣмъ пеньки, (на 21,054,504 руб.). Далѣе, на 7 мильоновъ слишкомъ пшеницы, на столько же холста, почти на 5 мильоновъ льну и немного меньше — ржи. Больше чѣмъ на три мильона былъ отпускъ отъ насъ поташу и по 3½ мильона почти взяли мы за желѣзо и щетину.

Въ 1864 году въ приходѣ къ Кронштадту и сюда было 1911 кораблей (въ 1863 году было 2264 корабля) и въ отходѣ 1830 кораблей (въ 1863 г. 2101 корабль). Значительнѣйшія статьи привоза въ Петербургъ были: сахаръ сырецъ 30,000 пуд., да здѣсь было его 1,195,000 пуд., а къ концу навигаціи осталось непроданнымъ 600,000 пуд., за развитіемъ у насъ своего сахароваренія Кофе 190,000 пуд.; масло деревянное 566,800, индиго 5,888 ящиковъ. Вывезено отъ насъ черезъ С.-Петербургскую таможню въ 1864 году: сила 58,359 бочекъ, пеньки 778,000 п., кудели 384,433 и пакли 10652 пуда; конопляннаго масла 5899 бочекъ; зерноваго хлѣба 1,635,371 четверть; поташа 26,239 боч. и щетины 73,034 пуда; кожъ 157,250 штукъ; хряща-холста 3 мил. аршинъ. Сбора поступило въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ въ 1864 году 15,953,980 р. 14 к.

Вотъ роль и дѣятельность С.-Петербургской таможни въ историческомъ ея развитіи!

Коцебу.

«Дѣло при Карстулѣ».

Художникъ представилъ переправу черезъ мостъ передъ дер. Карстулой, когда уже кончилась первая схватка нашихъ со шведами. Свидѣтельствомъ горячей сшибки — тѣла убитыхъ, лежащія между камнями, нагроможденными на берегу узкаго пролива озера Пя-Ярви. Наши солдатики взбираются на мостъ и на высокую крутую насыпь дороги. Налѣво, у самаго пролива, въ плащѣ, на конѣ, должно быть самъ командиръ авангарда графа Каменскаго (Властовъ), герой дня, со своими адъютантами, старается разсмотрѣть сквозь пушечный дымъ, куда направляются отбитые шведы. За командиромъ дѣйствуютъ ретиво артиллеристы, поддерживая живой огонь съ ото-

ропѣвшими на минуту шведами. Впереди у края картины (у самой рамки, на право) видѣнъ вагенбургъ, и здѣсь фельдшеръ вырѣзываетъ должно быть пулю у штабъ-доктора, съ достоинствомъ держащагося на сытомъ конькѣ своемъ. Подлѣ раненаго врача виденъ знаменоносецъ и сбившіеся въ кучу люди разныхъ полковъ. Кто успѣлъ взбѣжать на насыпь—тѣ стремительно бѣгутъ къ оставляемому врагами мосту, на срединѣ котораго еще идетъ, впрочемъ, свалка. Нѣсколько гренадеръ переходятъ въ бродъ черезъ проливъ, держась за укрѣпленія моста. За мостомъ же, — какъ можно заключить по возвышающейся постепенно мѣстности, кипитъ горячій бой мѣстами. Извилистая дорога по мѣстности съ жидкою растительностью, бѣжитъ, извиваясь, къ селенію, въ которомъ, сквозь дымъ, выдѣляется шпицъ кирки. Русскіе видимо одолѣваютъ браваго Фіандта и, для полнаго его пораженія, справа черезъ проливъ на утесистый полуостровъ въ бродъ переходитъ наша партія, чтобы ударить во флангъ шведамъ.

День сѣренькій, небо свинцовое, только у горизонта свѣтлѣется узкая полоса далекаго разлива, да надъ кустарниками вдали вьются волнистыя струйки дыма.

Мы не беремся рѣшить, почему професръ Коцебу выбралъ, для начатія изобра-

женій подвиговъ русскаго войска въ Финляндскую войну, — бой при Карстулѣ? Это, собственно, небольше, какъ авангардное дѣло; хотя нельзя отказать одержавшему здѣсь побѣду подполковнику Властову въ находчивости, мужествѣ и рѣшимости. Онъ снова поднялъ духъ солдатъ, обезкураженныхъ неудачею при Алаво. Нельзя, впрочемъ, смотрѣть и на самое назначеніе главнокомандующимъ нашимъ Каменскаго иначе, какъ на желаніе Государя поднять репутацію войска, послѣ весеннихъ удачъ, вдругъ, какъ бы впавшаго въ заколдованный кругъ бездѣйствія, если не робости, выгодной непріятелю. Графъ Клингспоръ при такомъ положеніи дѣла расчитывалъ съ успѣхомъ поддерживать оборонительный планъ свой, но неожиданное полномочіе Каменскаго дѣйствовать, съ удаленіемъ Раевскаго, перевернуло вверхъ дномъ всѣ расчеты. Клингспоръ былъ увѣренъ, впрочемъ, въ большихъ силахъ у русскихъ, чѣмъ оказывалось въ дѣйствительности. У шведовъ силъ было больше, а именно 14,000 и 59 орудій, а у насъ небыло и 10,500, при 38 только орудіяхъ. Маіоръ Фіандтъ занималъ съ 2,000 человѣкъ при 8 орудіяхъ передовой пунктъ въ Линдулаксѣ; самъ Клингспоръ съ 7,000 челов. и 30 орудіями былъ за три перехода у Сальми, имѣя правый флангъ въ Христинестадтѣ, а лѣвый въ Тай-

волѣ. Каменскій, чтобы аттаковать Клингспора, выступилъ къ Ювяскюле 2-го августа, но послѣ пораженія Эриксона и Сабанѣева при Алаво остановился и, въ видахъ ослабленія Клингспора и отвлеченія его отъ истинной цѣли своихъ намѣреній, приказалъ Властову непремѣнно разбить Фіандта. Этотъ приказъ и былъ поводомъ боя при Карстулѣ, на озерѣ Пя-Ярви.

Рано утромъ 8-го августа выступилъ изъ Саари-Ярви Властовъ, съ тремя полками (24-мъ егерскимъ, Сѣвскимъ и Бѣлозерскимъ), однимъ батальономъ Низовскаго полка, 2-мя эскадронами конницы (Финляндскими драгунами и Гродненскими гусарами), да съ казаками, при 7 орудіяхъ. Дорога въ Линдулаксъ идетъ мимо озера Пя-Ярви; на полуостровѣ, образуемомъ разливами этого озера, при деревнѣ Карстулѣ. На дорогѣ Властова, оказался отрядъ шведовъ. Шведскій пикетъ встрѣтилъ отрядъ Властова передъ всходомъ на перешеекъ, укрѣпленный засѣками. Передовая колонна 24-го егерьскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Сомова, оттѣснила шведовъ и открыла путь. У кирхи карстульской и въ селеніи, шведы возобновили бой, засѣвъ въ домахъ. Главныя силы Властова были въ это время въ Сюстюмяки и оттуда отрядный начальникъ двинулъ прежде всего двѣ партіи: въ отдаленный обходъ послалъ батальонъ Сѣвска-

го и 2 роты Низовскаго съ маіоромъ Риманомъ, а Бѣлозерскій полкъ съ другимъ батальономъ Сѣвскаго, при 2-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Лукова, отрядилъ Властовъ въ лѣвый флангъ шведамъ, черезъ узкій проливъ третьяго озерка. За Луковымъ выступилъ самъ Властовъ и выбилъ шведовъ изъ Карстулы.

Моментъ, когда Луковъ показался уже идя въ бродъ съ лѣво, а люди Властова овладѣли мостомъ, за Карстулой — вотъ что представилъ Коцебу на картинѣ. Фіандтъ, впрочемъ, не думалъ еще отступать и, сбитый съ позиціи, за мостомъ еще 2 раза останавливался въ крѣпкихъ позиціяхъ, имѣя передъ собою болота. Весь путь отступавшихъ шведовъ протянулся на 18 верстъ и стойкость Фіандта, достойная лучшей участи, стоила ему $^{2}/_{3}$ его отряда — съ одной третью пришелъ онъ въ Линдулаксъ и уже не могъ остановить побѣдоносное шествіе Каменскаго, который, выступивъ 19-го августа изъ Алаво, 20-го далъ Клингспору бой при озерѣ Куортане, гдѣ хотя шведы и удержали позицію свою, но дорого стоило имъ это и не принесло пользы. Клингспоръ, не надѣясь устоять еще разъ и ожидая на утро возобновленія нападенія — ночью отступилъ къ Сальми и Оровайсу и тамъ не одержавъ верха въ дѣйствіяхъ съ Кульневымъ,

ушелъ къ Гамле-Карле-бю, гдѣ при Лохто заключено перемиріе, окончившее эту несчастную для шведовъ кампанію.

Карстула—начало нашихъ успѣховъ, подъ командою молодаго графа Каменскаго.

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ.

Знаменитый русскій министръ финансовъ при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I, родился, какъ извѣстно, 26-го ноября (стар. стиля) 1774 года, слѣдовательно, въ прошедшій праздникъ военнаго ордена, отъ дня рожденія перваго графа Канкрина, исполнился первый вѣкъ. Это обстоятельство и заставляетъ насъ помѣстить портретъ заслуженнаго дѣятеля въ мірѣ русскихъ финансовъ. А помѣщая портретъ—долгъ нашъ напомнить главные моменты жизни этого замѣчательнаго лица.

Въ Гессенѣ издавна поселилась дворянская фамилія Канкриныхъ, представителями которыхъ, въ концѣ XVII вѣка, были два проповѣдника (отецъ и сынъ) и у младшаго изъ нихъ былъ сынъ бергмейстеръ, Іоганъ Канкринусъ, у котораго, отъ брака съ

дѣвицею Фрезеніусъ, родился сынъ Францъ-Людвигъ, другъ и сверстникъ курфирста Вильгельма Гессенскаго. Принцъ и его другъ женились тоже на пріятельницахъ. Дочь Цвейбрикенскаго горнаго совѣтника Кербера, сдѣлавшись подругою жизни Канкрина, въ бытность его камерратомъ, родила въ Ганау единственнаго сына и этотъ сынъ былъ нашъ первый русскій графъ Канкринъ. Дружба съ государемъ своимъ не помѣшала отцу его перейти въ Аншпахскую службу (1782 г.), а потомъ и въ русскую, гдѣ нѣмецкому добросовѣстному ученому дано громадное въ его глазахъ жалованье — 2000 руб. въ годъ, съ половиннымъ, въ случаѣ смерти его — пенсіономъ женѣ; да съ выдачею 3000 р. на подъемъ. Этотъ окладъ дала охотно Екатерина II знатоку горнаго дѣла Канкрину, ввѣряя ему въ управленіе старорусскія соляныя варницы. Здѣсь недолго пробывъ, нашъ ученый затѣмъ почти жилъ безвыѣздно въ Германіи восемь лѣтъ, исполняя порученія высшей власти. Житье въ Германіи для Франца Канкрина было вдвойнѣ выгодно: житье было не дорогое и сынъ могъ проходить удобно курсы сперва въ Гиссенѣ, потомъ въ Марбургѣ. Получивъ тамъ дипломъ, молодой сынъ русскаго чиновника, на 21 году жизни, принятъ былъ на службу прямо правительственнымъ совѣтникомъ въ Ангальтъ-Бернбургѣ (1795 г.),

еще студентомъ написавъ два романа «Да-гоберъ» и «Графъ Доломаръ». Надутый слогъ этихъ произведенiй не даетъ ни малѣйшей возможности усмотрѣть въ нихъ слѣдъ того математическаго ума, которымъ Георгъ Канкринъ отличался, съ первыхъ почти шаговъ въ русской службѣ, принятой имъ въ 1800 году съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Приняли его въ помощь отцу по управленiю старо-русскими заводами. Здѣсь, впрочемъ, молодому, столько знающему, человѣку дѣлать было нечего. Неудивительно, что въ 1803 году, спокойную, халатную службу промѣнялъ Канкринъ на должность начальника отдѣленiя по соляной части д-та государственныхъ имуществъ, и въ 1805 году былъ уже статскимъ совѣтникомъ.

Въ 1809 году Канкринъ получилъ должность инспектора нѣмецкихъ колонiй С.-Петербургской губернiи и поселился въ Стрѣльнѣ. Житье здѣсь, длившееся около двухъ лѣтъ, считалъ, великiй министръ въ послѣдствiи, самымъ отраднымъ временемъ въ своей жизни. Въ это время онъ занимался литературою. Именно написаны имъ, между прочимъ, отрывки «о военномъ искусствѣ съ точки зрѣнiя военной философiи», и «о системѣ и средствахъ прокормленiя большихъ армiй». Занятiе это совпадаетъ съ назначенiемъ Канкрина, въ чинѣ д. с. с. 28 февр.

(1811 г.) помощникомъ генералъ-провіантъ-мейстера, съ переводомъ въ провіантскій департаментъ. Военный министръ Барклай де-Толли, готовя средства къ отпору Наполеона, на случай войны, дѣлавшейся уже очевидною, — окружалъ себя знающими людьми, между которыми Канкринъ, разумѣется, былъ звѣздою первой величины. Назначеніе его генералъ-интендантомъ западной дѣйствующей арміи—доказало удачность выбора и принесло существенную пользу дѣлу защиты отечества, безъ хорошаго устройства провіантской части, безъ сомнѣнія, не приведшаго бы къ блистательнымъ результатамъ. Съ открытіемъ компаніи внѣ предѣловъ Россіи (янв. 17, 1813 г.), Канкринъ получилъ военный чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Владиміра 3 ст. и 1 ст. Анну «за организованіе провіантской части» въ чужой землѣ; въ концѣ же апрѣля сдѣлался генералъ-интендантомъ всѣхъ нашихъ войскъ. Отчетъ, изданный за все время компаніи, поданный въ 1815 году Канкринымъ—образецъ единственный въ этомъ родѣ, какъ сводъ затратъ, доросшихъ до громадныхъ цифръ и приведенныхъ въ полную ясность. Репутація дѣльца по провіантской части и глубокаго знатока финансовъ вообще—была Канкринымъ взята, можно сказать, съ боя. Въ это время будущій министръ женился на Муравьевой (1816 г.) и въ 1819 году по-

лучилъ хорошую аренду въ Курляндіи. Въ 1820 году онъ отказался отъ должности генералъ-интенданта, сдѣлавшись членомъ военнаго совѣта. Въ 1821 году, будучи съ царемъ на конгрессѣ въ Лайбахѣ, принималъ участіе въ усмиреніи безпокойствъ въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, а по возвращеніи назадъ, получилъ мѣсто члена государственнаго совѣта. Въ день же пасхи 1823 г. (23 апр.) назначенъ министромъ финансовъ, вмѣсто графа Гурьева. Къ 1821 г. относится напечатанное нѣмецкое сочиненіе Канкрина «Міровое богатство, богатство народовъ и государственное хозяйство». Финансы русскіе въ рукахъ опытнаго администратора скоро улучшились. Тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ сказать, что на министерство Канкрина падали обвиненія о внѣшнихъ займахъ на большія суммы. Открываетъ ихъ заемъ у Ротшильда 120 мильоновъ руб. въ 1825 году. Изслѣдованія, разумѣется, докажутъ, что займы эти для развитія нашего кредита были совершенно необходимы и истощеніе металловъ въ обращеніи для покрытія тяжелыхъ войнъ, одно было причиною поднятія лажа на серебро такъ высоко, что повлекло за собою, при Николаѣ I, переложеніе ассигнацій на серебро (съ 1 іюля 1839 г.). Тогда рубль серебряный принятъ равнымъ тремъ рублямъ 50 к. ассигнаціями, а до того доходилъ и до

$4\frac{1}{2}$ р. Переложеніе это вызвало непосредственный выпускъ билетовъ депозитной кассы, замѣненныхъ потомъ другими ассигнаціями—государственными кредитными билетами. При Канкринѣ развились всѣ, соотвѣтственныя новой системѣ займовъ государственныя кредитныя учрежденія: государственная коммиссія погашенія долговъ, государственные заемный и ассигнаціонный банки и канцелярія министерства финансовъ по кредитной части. Завѣдуя же, какъ министръ финансовъ, всѣми отраслями государственнаго хозяйства, до учрежденія при немъ уже особаго министерства государственныхъ имуществъ, — Канкринъ заботился о приготовленіи знающихъ людей для службы по разнымъ спеціальнымъ частямъ своего управленія. Въ этихъ видахъ открыты имъ институты: лѣсной и технологическій, заведена Горыгорѣцкая земледѣльческая школа и земледѣльческій институтъ въ С.-Петербургѣ, усиленъ курсъ горнаго института и развились учебныя заведенія чисто коммерческія. Канкринъ любилъ строиться и считалъ себя знатокомъ по части сооруженій всякаго рода, а не однихъ инженерныхъ или гидравлическихъ. Подъ его ближайшимъ наблюденіемъ построены зданія таможни и биржи, съ устройствомъ сквера на Васильевскомъ острову; соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Смольномъ монасты-

рѣ; зданіе министерства финансовъ и тріумфальныя ворота у Московскаго и Рижскаго въѣздовъ въ столицу.

Въ неутомимыхъ двадцатилѣтнихъ занятіяхъ дѣлами обширнаго министерства, имъ во всякомъ случаѣ высоко поднятаго передъ прежнимъ, въ Россіи—Канкринъ, возведенный въ графское достоинство, въ 1829 году—умеръ, истощивъ совершенно свои силы и ненайдя на минеральныхъ водахъ облегченія смертельному недугу, 21 сент. 1845 года, 71 почти года отъ рожденія.

В. В. Шереметевъ.

«Посольскій дворъ, въ XVII вѣкѣ, въ Москвѣ».

На весенней выставкѣ 1874 г., почти единственной исторической картиной было произведеніе, нами теперь помѣщаемое въ вѣрномъ снимкѣ съ фотографіи, обязательно присланной въ редакцію «Всем. Иллюстраціи» самимъ многоуважаемымъ художникомъ.

Г. Шереметевъ изобразилъ не одну, но нѣсколько сценъ посольскаго пріема, по московскому старинному чину. На картинѣ видна внутренность двора, гдѣ выстроены конные стрѣльцы. Передній планъ картины занятъ шествіемъ съ подарками. У главнаго крыльца виденъ иностранный посолъ, къ которому обратился съ рѣчью московскій сановникъ, явившись по приказу государеву спросить о здоровьѣ. Привѣтствіе обыч-

ное выговариваетъ онъ послу, уже шествующему, чтобы сѣсть на параднаго коня и ѣхать въ Кремль. Въ лѣвомъ углѣ картины видны и верховыя лошади, держимыя стремянными. Слѣва же, на второмъ планѣ виденъ открытый экипажъ, еще съ сидящимъ иностранцемъ. Экипажъ этотъ окруженъ конною свитою и прислугою конюшенною, по чину.

Чтобы лучше понять намъ содержаніе картины г. Шереметева, приведемъ въѣздъ въ Москву при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, со словъ самого Олеарія, бывшаго, въ качествѣ математика, при голштинскомъ послѣ Крузіусѣ, въ 1636 году.

По словамъ знаменитаго путешественника описывателя, церемонія *явки голштинскаго посла государю* происходила 3 апрѣля, съ обычными обрядами.

Вѣрющую грамоту везъ передъ посломъ дьякъ, завернутою въ красную тафту. Стрѣльцы выстроены были на всемъ пути торжественнаго шествія, отъ посольскаго двора до дворца и передъ посольскою палатою. Когда шествіе достигло до дворца, встрѣтили посла два сановника и спросили о здоровьѣ. Передъ дверями палаты была вторая встрѣча и во входѣ третья. Сановникъ, встрѣтившій въ дверяхъ палаты, подвелъ посла къ государю и когда посолъ подалъ

грамоту, произнеся привѣтствіе, государь поцѣловалъ грамоту и потомъ сѣлъ.

Въ дворцовыхъ разрядахъ сохранилась записка объ аудіенціи Крузіуса, дѣйствительно 3 апрѣля. Царь Михаилъ принималъ посла въ золотой подписной палатѣ, которая, какъ извѣстно, окнами обращена была на Москву рѣку, на мѣстѣ нынѣшняго большаго кремлевскаго дворца. Записка говоритъ, что «Государь былъ въ своемъ царскомъ платьѣ и въ діадимѣ со скифетромъ, бояре и окольничіе, и дворяне, и стольники были въ золотѣ (т. е. въ парчевыхъ платьяхъ). Стоянецъ съ яблокомъ стоялъ съ правой стороны государева мѣста, а рынды въ бѣломъ платьѣ». Рындами назывались камеръ-пажи царя московскаго, на аудіенціяхъ стоявшіе по сторонамъ государева мѣста въ бѣлыхъ атласныхъ терликахъ съ золотыми цѣпями, крестъ на крестъ на груди, и съ серебряными сѣкирами въ рукахъ. На этотъ разъ рындами были два брата Очины-Плещеевы и два брата Леонтьевы. Встрѣчали пословъ въ сѣняхъ князь Иванъ Васильевичъ Хилковъ, да разрядный дьякъ Григорій Ларіоновъ; подводилъ же къ государю (являлъ) посла окольничій (по нынѣшн. камергеръ) князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій.

Когда встрѣчали датскаго королевича Вольдемара,—за котораго царь Михаилъ

Өедоровичъ хотѣлъ выдать дочь Татьяну Михаиловну, что, какъ извѣстно, не состоялось и непріятность эта сократила дни впечатлительнаго государя, умершаго почти внезапно,—то встрѣча гостю была передъ Тверскими воротами (21 янв. 1644 г). «На встрѣчѣ были стольники и стряпчіе, и дворяне, и жильцы, всѣ по сотнямъ, а у сотень были головы». Головы сотенные стояли впереди своихъ сотень, какъ мы видимъ и на картинѣ, передъ выстроенными всадниками внутри двора посольскаго. Въ торжественные дни подобныхъ встрѣчь и аудіенцій, назначенныхъ для церемоніи одѣвали въ дворцовыя пышныя платья, хранимыя въ кладовыхъ приказа большаго дворца. Этимъ и объясняется великолѣпіе одежды встрѣчавшихъ пословъ, своими средствами, разумѣется, немогшихъ такъ пышно разукраситься въ дорого стоившія матеріи и золото. Послѣ аудіенціи, а для королевича и при самомъ вступленіи его въ городъ, являлись обыкновенно придворные сановники угощать посла дворцовыми блюдами и питьями. Количествомъ встрѣчь чествуемой особы, опредѣлялась степень значенія прибывшаго въ глазахъ московскаго двора. Имѣя въ виду этотъ обычай, мы готовы, пожалуй, признать и въ изображенной сценѣ не обыкновенную посольскую встрѣчу, а именно случай, подобный пріѣзду королеви-

ча Вольдемара, когда къ нему были наряжены одни чины, а къ посламъ, съ нимъ вмѣстѣ прiѣхавшимъ—другiе, меньшiе чиномъ. Пускался въ путь раньше, конечно, старшiй по сану и достоинству,—что опять говоритъ въ пользу нашего предположенiя, потому что молодой господинъ готовится сѣсть на коня, а въ экипажѣ сидящiй долженъ поджидать его отъѣзда.

Когда везли на аудiенцiю королевича, то за нимъ явился на посольское подворье окольничiй князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскiй, а къ посламъ датскимъ—стольникъ, князь Василiй Ив. Хилковъ. Первую встрѣчу королевичу дѣлали въ Кремлѣ передъ крыльцомъ, у саней, изъ которыхъ его и вынули встрѣчавшiе. На Красномъ крыльцѣ была уже другая встрѣча—бояриномъ Ив. Петровичемъ Шереметевымъ, со стольникомъ и дьякомъ. Передъ дверьми Грановитой палаты—третья встрѣча, большая (почетная) и, наконецъ, посреди Грановитой, сойдя съ престола, принялъ прибывшаго королевича самъ царь въ свои объятiя.

Съ послами такихъ почетовъ не бывало. Они, проговоря обыкновенно рѣчь и подавъ грамоту, увозились къ себѣ, рѣдко въ этотъ день удостоиваясь обѣдать съ боярами; а за царскiй столъ ожидая приглашенiя въ другой день, послѣ совѣщанiй съ боярами, и то въ Золотой палатѣ. Королевича

самъ царь пригласилъ къ своему столу, тутъ же, и выходилъ только перемѣнить одежду.

Впрочемъ, и за указанными резонами мы не беремся рѣшить, думалъ ли художникъ изобразить обычный пріемъ пословъ или экстраординарный случай? Большое спасибо г. Шереметеву за трудъ его воскресить передъ нами страницу былой жизни московскаго царства, съ его обрядностью, не лишенною часто серьезнаго значенія. Самая жизнь старинной Москвы была на самомъ дѣлѣ далеко не на столько безъинтересною, чтобы воспоминаніе о ней, навѣваемое воспроизведеніемъ кисти артиста, не могло внушить никакой идеи, не тронуть ни одного человѣчнаго чувства. Только незнаніе нами прошлаго маскируется мнимымъ игнорированіемъ исчезнувшаго быта, теперь, конечно, невозможнаго, но въ свое время имѣвшаго многія хорошія стороны и до извѣстной степени практическую выгодность. Почаще бы являлись передъ нами мотивы прошлаго и мы бы, бесѣдуя по поводу появленія ихъ, могли натолкнуться не на одну свѣжую идею, безъ того не являющуюся. Нѣтъ дѣйствія безъ причины.

ЕКАТЕРИНА II.

(Характеристика къ портрету).

Екатерина II всегда являлась своимъ подданнымъ въ образѣ царственнаго милосердія, простирая доступность къ своей особѣ дальше всѣхъ своихъ предшественницъ. Какъ мать народа, она свободно выслушивала просителей и просительницъ, и хотя злоупотребленіе снисходительностью монархини довело ея величество до запрета личной подачи просьбъ въ собственныя руки, но запретъ въ пріемной подавать прошенія, при явленіи государыни въ публику, нисколько не исключалъ возможности изложить ходатайство, подойдя къ Екатеринѣ II во время прогулки ея. Уже одно то обстоятельство, что писатели и народная память, служившая основою позднѣйшаго творчества, — случаи личнаго обращенія къ чадолюбивой

матери подданныхъ относятъ къ утренней прогулкѣ ея въ Царскосельскомъ саду, указываетъ, что способъ видѣть ее здѣсь и свободно изложить свою надобность былъ дѣйствительно самый надежный и всѣмъ извѣстный. Пушкинъ въ «капитанской дочкѣ» заставляетъ здѣсь Марью Ивановну, по совѣту хозяйки, подождать въ саду появленія дамы среднихъ лѣтъ, въ домашнемъ неглиже съ собачкою, что это—«государыня». Анекдотъ съ сенатскимъ протоколистомъ, разорвавшимъ нечаянно указъ Высочайше конфирмованный, тоже пріурочивается къ прогулкѣ Екатерины II въ Царскосельскомъ саду. Убѣдившись въ бѣдѣ, грозившей Сибирью, несчастный—никому ничего не сказавъ, ѣдетъ въ Царское село—это было лѣто—прячется въ саду въ кусты и при появленіи монархини бросается на колѣни и признается въ винѣ своей. Кто писалъ указъ этотъ?—Я, Ваше Величество, — отвѣчаетъ несчастный. «Такъ перепишите, я подпишу!» Выговоръ за оплошность самый снисходительный и въ заключеніе запретъ не говорить генералъ-прокурору, вотъ что придумало любвеобильное сердце матери въ наказаніе оплошности, осчастлививъ виноватаго.

Черта эта, пересказываемая съ варіантами, уже ставитъ насъ въ полное пониманіе основнаго положенія характера Екатерины

II—Ея снисходительности ко всѣмъ и во всемъ. И эта особенность ея рѣзко бросалась въ глаза, даже послѣ царственной дочери Петра I, всѣми русскими прозванной «*Кроткой Елизаветой*». Супруга ея племянника, какъ и она, разумѣется, съ окружающими ее женщинами обращалась короче, чѣмъ съ другою прислугой, но такого случая съ Елизаветою не было, какъ съ Екатериною II. Камеръ-юнгферы Елизаветы, какъ ни близки были къ ея величеству, но обязанности свои твердо понимали и, цѣлые часы ожидая призыва къ своей госпожѣ, на звонокъ ея летѣли стрѣлою, не ожидая повторенія; являясь всѣ, даже не въ очередь. У пунктуальной Екатерины II, съ дѣтства пріученной къ порядку, вставанье утромъ въ одно время — *въ шесть часовъ*, — только за два, за три года до смерти замедлялось нѣсколькими секундами дремоты. И что же дѣлаетъ при этомъ нерадивая камчадалка Катерина Ивановна, несшая, замѣтимъ, одну обязанность - приготовлять ледъ и подавать государынѣ при умываньи: Ея величество терла льдомъ лицо и тѣло. Катерина Ивановна иногда совсѣмъ не являлась къ своей обязанности, не приготовляя льда; такъ что государыня, однажды раздосадованная такимъ неряшествомъ, велѣла позвать къ себѣ виноватую и только сказала ей: «Вѣдь ты думаешь же, Катерина Ивановна, выдти ког-

да-нибудь замужъ? Ну, какъ ты тогда отучишься отъ своей безпечности? Вѣдь мужъ, не я... Подумай, какъ тебѣ дурно будетъ!» Тѣмъ все и кончалось; а лѣнивица, продолжая быть неисправною, все-таки оставалась до смерти своей при снисходительной монархинѣ.

Если примѣръ великодушія Петра I,—выслушавшаго князя Якова Долгорукаго и отложившаго гнѣвъ на дерзкаго, публично разорвавшаго указъ, имъ подписанный, но заключавшій вредное распоряженіе для государства,—выставляется въ исторіи единственнымъ, то что сказать о подобной снисходительности къ служанкѣ, явно виновной и не заслуживавшей никакой пощады! Между тѣмъ, это не единственный случай въ жизни Екатерины II, а скорѣе обыденный. Нужно ли говорить, что при подобномъ взглядѣ на людей ей приходилось выносить безъ гнѣва своего рода дерзости, когда она увѣрена была, что забвеніе обязанности подданнаго происходило безъ намѣренія съ его стороны, а по простотѣ; а въ основѣ было сознаніе справедливости. Вотъ былъ какой случай съ камердинеромъ Екатерины II, Алексѣемъ Семеновичемъ Поповымъ, смотрѣвшимъ за кабинетомъ государыни. Она, ища въ своемъ бюро какую-то бумагу и не находя ея, но при этомъ слыша ропотъ и оправданія Попова, выслала

его отъ себя въ переднюю. Оставшись же одна, вспомила, что бумага у ней въ ящикѣ; тамъ нашла ее и велѣла позвать Попова. Тотъ не шелъ, повторяя: «зачѣмъ я къ ней пойду, когда она меня выгнала»! Сказали государынѣ и она сама изволила выйти въ переднюю и обратиться къ Попову со словами: «Прости меня Алексѣй Семенычъ, я передъ тобою виновата!» Вмѣсто довольства и благодарности за такую милость, Поповъ счелъ за благо на это отвѣтить: «Да вѣдь это не въ первый разъ; вы часто отъ торопливости своей на другихъ нападаете. Богъ съ вами; я на васъ не сержусь!» Екатерина II только улыбнулась. Улыбки этой не поняли окружающіе, всего меньше понялъ самъ Поповъ, но намъ понятенъ источникъ этой улыбки—безпримѣрная снисходительность самодержавной государыни, которая для окружающихъ и знавшихъ ее казалась въ ней такою естественною.

Панинъ со своею близорукой политикой довелъ дѣло до неожиданной войны съ турками въ 1768 году и, разумѣется, утратилъ уже свое вліяніе и первую роль въ вопросахъ государственныхъ. Дальнѣйшее его поведеніе и интриги еще болѣе усилили антипатію къ ограниченному министру геніальной монархини, взглядовъ которой онъ не могъ разумѣть по невозможности понять

ихъ, не только усвоить. Первое бракосочетаніе Павла Петровича было рѣшительнымъ шагомъ для удаленія Панина отъ двора и всѣ знали, что онъ въ опалѣ. Онъ уже не являлся къ докладу, представляя государынѣ доклады черезъ вице-президента иностранной коллегіи, князя А. М. Голицына, котораго прочили ему въ преемники. Въ 1774 году, т. е. спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ опалы Панина, при посредствѣ Потемкина, англійскому послу сэру Гаррисъ удалось устроить дѣло о союзѣ Россіи съ Англіею, на такихъ, однако, условіяхъ, гдѣ выгоды намъ было меньше, чѣмъ союзнику. Панинъ, узнавъ во-время объ этомъ, написалъ рѣзкое возраженіе, выставивъ аргументы довольно вѣскіе противъ такого союза и отослалъ императрицѣ прямо. Враги Панина, смотря своими глазами, въ его поступкахъ видѣли непростительную опрометчивость съ его стороны, которая могла, по ихъ мнѣнію, погубить окончательно непрошеннаго совѣтодавца. Екатерина же, прочитавъ наединѣ рѣзкое посланіе, увидѣла если не полную справедливость всего, въ немъ высказаннаго, зато представленіе дѣла въ другомъ свѣтѣ. Еще разъ прочитала и— велѣла подать себѣ экипажъ. Пріѣхавъ въ домъ Панина, прошла къ нему и, подавая дружески руку, сказала опальному: «Графъ, ты на меня сердился, я сама была тобой

недовольна, но теперь вижу преданность твою государственной пользѣ и пріѣхала тебя благодарить. Будемъ по прежнему друзьями!»

Проницательность геніальная великой государыни, впрочемъ, въ такомъ случаѣ, какъ привели мы о Панинѣ, вызывала въ ней подобное же быстрое превращеніе въ мнѣніи и о лицахъ, несравненно ниже поставленныхъ, но исполняющихъ свою обязанность добросовѣстно; причемъ исполненіе незаконнаго рѣшенія, разумѣется, мѣста не имѣетъ, и у честнаго человѣка не можетъ не вызвать отпора, если это онъ твердо знаетъ. И былъ случай, что с.-петербургскій губернскій прокуроръ подалъ протестъ на именной указъ. Государынѣ доложили это. Она призываетъ прокурора и говоритъ ему: «Знаете ли вы важность своего поступка?» — «Знаю, государыня, но извѣстно мнѣ также, что вы любите справедливость».—«Сядьте и объяснитесь!» Прокуроръ растолковалъ и доказалъ всю необходимость протеста, когда указъ дѣлалъ праваго виноватымъ. И дѣльцу скромному, но смѣлому, императрица подала дружески руку, похваливъ его за твердость.

Такія-то черты, собранныя вмѣстѣ и съ разныхъ сторонъ рисующія императрицу Екатерину II, выдѣляя основныя качества ея великаго характера: любовь къ человѣ-

честву, справедливость непреложную ни на что, кромѣ снисхожденія и помилованія, да геніальную проницательность, которой одинаково доступны и высокая государственная цѣль, и единичная второстепенная мѣра, — дѣлаютъ эту государыню второю въ качествѣ преемницы преобразователя, *но первою* и *единственною* въ качествѣ ангела доброты и кроткой матери подданныхъ. Она о себѣ сама выразилась—любя высказывать свои правила и свой образъ мыслей—«мой вѣкъ напрасно меня боялся, я никогда не хотѣла никого пугать, а *желала быть любимой,* если того стою... Я всегда думала, что всѣ клеветы на меня происходятъ отъ того, что меня не понимаютъ». Дѣйствительно, клеветъ на память великой, — къ чести нашей, впрочемъ, должно сказать, что клеветы эти пущены въ ходъ одними иностранцами и державами, завистницами ея славы,—много существуетъ въ печати, служа источникомъ новыхъ сплетеній, гдѣ исчезаетъ уже всякая вѣроподобность. Кромѣ горькаго чувства разсчета на жалкое легковѣріе, пасквили на Екатерину II въ насъ русскихъ пробуждаютъ, однако, и отрадное сознаніе, что источника клеветъ этихъ слѣдуетъ намъ искать въ геніальности Екатерины, коловшей глаза современникамъ и соперникамъ, терпѣвшимъ пораженія, ею наносимыя съ аатаенною, хотя и безсильною

злобою. Поэтому, глядя на портретъ несравненной нашей сѣверной Минервы, мы невольно повторяемъ за Державинымъ:

«Россія! се — Екатерина,
Владычица твоя и мать.
Ея, вселенной половина,
Души не возмогла вмѣщать!
Се—та, что духъ вложила славы,
Героевъ сотворить могла
Жестокіе смягчила нравы,
И ангелъ во плоти была!
Се—та, что сгибъ сердецъ всѣхъ знала.
Плѣняла маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европы судъ и перевѣсъ!
Се—та, что скипетръ самовластья
Щедротой знала позлащать
Свободу въ жизни, сладость счастья,
Всѣмъ состояньямъ проливать.
Се—та, что и въ врагахъ почтенье
Къ себѣ умѣла возбудить,
Въ друзьяхъ любовь и обоженье,
А вообще: весь міръ дивить!

Но, дивя міръ и блистая на престолѣ величіемъ, Екатерина оставляла во всѣхъ, имѣвшихъ случай къ ней приблизиться, безграничную преданность—за ласку и простоту обращенія. Выше разсказанные анекдоты достаточно выставили Великую монархиню со стороны, менѣе всего замѣт-

ной современникамъ, но зато рѣзче всего выступающей, по разсказамъ ихъ, въ глазахъ потомства. И если мы теперь имѣемъ, что есть, то достигли до этого путемъ цивилизацiи послѣ суроваго Петра, никѣмъ до Екатерины II не преслѣдуемой, а ею привитой всѣмъ состоянiямъ. Народное образованiе и привитiе оспы — пораженiе разомъ двухъ бичей народныхъ. За ними же слѣдуютъ: «Наказъ» безсмертной монархини и присоединенiе Крыма—два самыя характерныя отличiя царствованiя нашей просвѣтительницы, заявленныя Россiи въ декабрѣ мѣсяцѣ. Напоминая эти обѣ заслуги ея передъ современниками и потомствомъ, мы даемъ въ декабрѣ же черты лица Екатерины, всѣмъ извѣстныя.